

Константин Жуков

ИСТОРИЯ Невского края

«ИСКУССТВО-СПБ»

Константин Жуков

ИСТОРИЯ Невского края

(с древнейших времен
до конца XVIII века)

Книга для учителя

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»
2010

УДК 908
ББК 26.891
Ж86

**Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга**

Рецензенты:

заведующий сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук *О. М. Иоаннисян*;
старший научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук *Ю. М. Лесман*

Художник *Д. М. Плаксин*

На переплете:

Невская битва. Миниатюра из Жития Александра Невского.
Лицевой летописный свод XVI века

ISBN 978-5-210-01565-5

© Издательство «Искусство—СПБ», 2010
© Жуков К. С., текст, иллюстрации, 2010
© Плаксин Д. М., оформление, 2010

ОТ АВТОРА

Название этой книги, особенно при сопоставлении с традиционной «Историей Санкт-Петербурга», кажется непривычным. Действительно, земли, расположенные по берегам Невы, восточной части Финского залива и западной части Ладожского озера, давно уже воспринимаются как более или менее близкие окрестности огромного города, находящегося в центре этих территорий, и история перечисленных земель представляется как бы производной от истории Санкт-Петербурга.

Допетровская же история Невского края зачастую предстает не более чем предысторией столицы Российской империи, своего рода оправданием того, что город был построен именно здесь.

К примеру, Александр Невский, изгнавший шведский отряд, который высадился в устье Ижоры, нередко представляется историками в качестве «предшественника Петра I», а произошедшее при этом вооруженное столкновение, называемое Невской битвой, используется как доказательство принадлежности берегов Невы к «исконно российским землям». При этом забывается, что во время этого новгородско-шведского конфликта не существовало не только России, но и предшествовавшего ей Московского княжества и что невские земли, населенные финноугорскими народами, входили на правах вассалов в состав Новгородской вечевой республики, которая впоследствии была завоевана Московским государством.

Тенденциозная интерпретация исторических фактов, свойственная академическим трудам многих историков, также присуща и учебной литературе. Причина в том, что сложившаяся историческая традиция базируется на признании абсолютной и безусловной ценности государства.

Хотя в прошлом, как в древние, так и в более близкие к нам времена, государства могли видоизменяться: их границы сдвигались, несколько государств объединялись в одно, другие распались (такова, к слову, судьба всех империй), третьи исчезали без следа. При этом могло случиться так, что одна и та же территория переходила от одного государства к другому, но при этом оставалась собой, сохраняя характерный для населения тип культуры, менталитет, традиции и т. п. Поэтому наряду с исто-

риографией¹ государств в последние десятилетия стала развиваться историография территорий: именно региональный подход к истории интересен и отвечает запросам сегодняшнего дня.

Для российских историков такой подход еще очень нов. Традиция, идущая от Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, является у нас по-прежнему преобладающей, однако ее недостатки становятся все более очевидными. Попыткой откорректировать некоторые представления об истории Невского края, сложившиеся в рамках имперской исторической парадигмы, и является эта книга. Автор исходил из того, что возведение Санкт-Петербурга в дельте Невы хотя и придало этому месту несвойственную ему прежде функцию имперской столичности, все же явилось закономерным этапом в историческом развитии Невского края. Город появился не «из тьмы лесов, из топи блат», а на веками обживавшейся земле, и поэтому совершенно неправильно начинать историю Санкт-Петербурга с 16 мая 1703 года, как это обычно делается. Санкт-Петербург как торговый и транспортный узел, точка напряженного культурного обмена между западноевропейскими и восточными государствами существовал (под другими, конечно, названиями) на этом месте задолго до появления здесь Петра I.

В силу сказанного автор в своей работе не мог опираться на концепции, считающиеся общепринятыми. Зачастую предлагаемые трактовки являются лишь первыми подступами к научному освоению той или иной темы в региональном аспекте и, несомненно, в дальнейшем они будут развиты и уточнены. Это относится и к определению точных границ самого Невского края в разные исторические периоды. Автор надеется, что его труд даст читателям материал для собственных размышлений.

Книга адресована, прежде всего, преподавателям истории Санкт-Петербурга и старшеклассникам, а также всем интересующимся историей.

Автор выражает глубокую благодарность кандидату исторических наук Д. А. Коцюбинскому, который был инициатором написания книги, участвовал в разработке ее концепции, а также А. Ю. Разоренову, оказавшему автору большую помощь при написании книги. Консультации, советы и дружескую поддержку автор получал от Г. А. Богуславского, А. К. Ермолаевой, О. В. Иванова, В. А. Красикова, Б. В. Кричевского, Т. И. Пашковой, А. Е. Трапера — всем им большая благодарность.

---

¹ Наука, изучающая развитие исторических знаний, а также (как в данном случае) исторические сочинения вообще.

НЕВСКИЙ КРАЙ: ПРИРОДА И ЛЮДИ

Географическое положение Невского края

Природные и географические условия обитания оказывают огромное влияние на жизнь человеческого общества. Этот факт считается среди ученых общепризнанным. Спорят, правда, о степени воздействия природных факторов на историческую судьбу того или иного народа. Все же самые разные авторы сходятся на том, что на нашей планете существуют такие отчетливо выделяемые участки обитания, которые под влиянием специфических природных условий — географического и геополитического положения территории — стали «точками роста» цивилизации. То есть человеческие сообщества на этих территориях развились практически «с нуля», с самого начала отличаясь по важнейшим характеристикам от обществ, возникших в иных природных условиях. В конечном счете локальные¹ истории этих территорий, подобно отдельным кирпичикам, сложились и продолжают складываться в величественное здание глобальной истории человечества.

---

¹ То есть местные (от лат. *localis*), ограниченные пределами определенной территории.

История Санкт-Петербурга — один из самых ярких примеров такой локальной истории, насыщенной величайшими событиями и феноменами культуры. Истории, без которой была бы немыслима не только история народов, государств и целых цивилизаций, но и всемирная история как таковая.

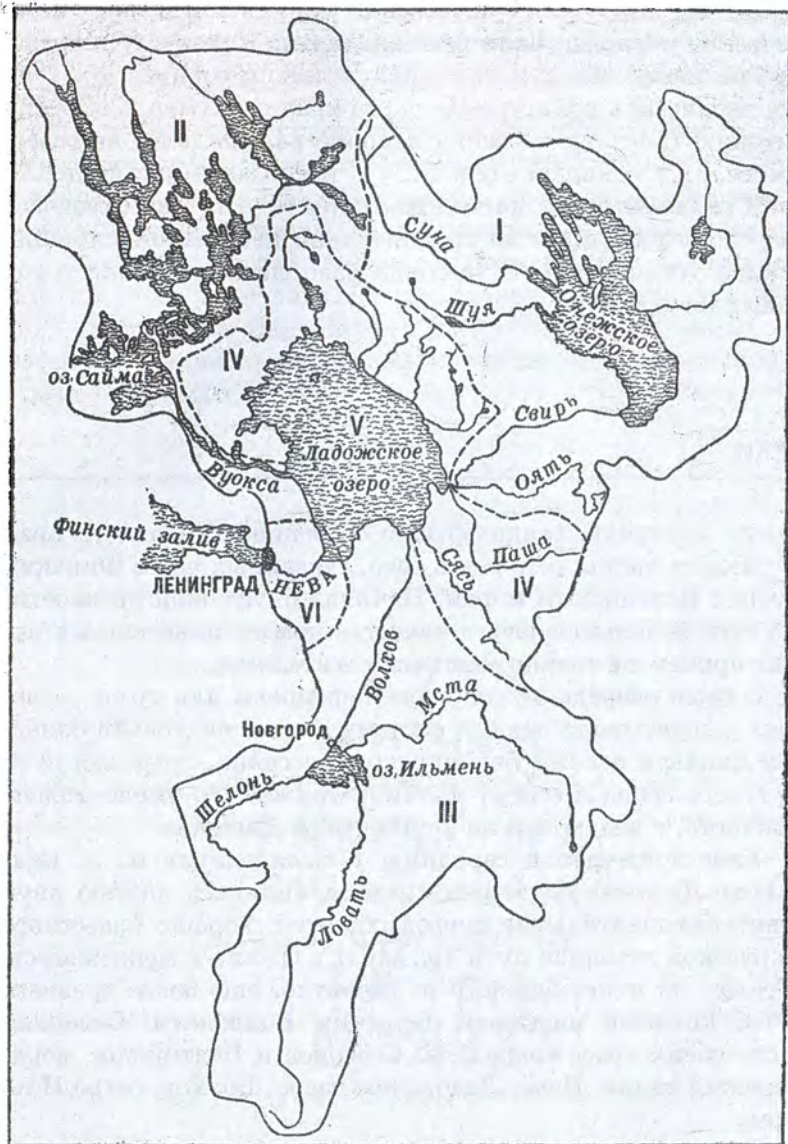
Тот участок земной поверхности, на котором развивалось сообщество, именуемое сегодня Санкт-Петербургом, все-сторонне изучался и описывался историками, археологами, этнографами, фольклористами, географами. И все они называли его по-разному: Балтийско-Ладожский регион, Водская земля, Ижорская земля, Ингерманландия, Петербургская историко-культурная зона, Озерный край и др. Не исключая возможности оперировать любым из этих терминов, в качестве основного мы будем использовать «Невский край» — применение его менее всего ограничено временными рамками.

С географической точки зрения Невский край представляет собой центральную часть бассейна реки Невы (см. карту, составленную гидрологом Р. А. Нежиховским). Нева является как бы стволом огромного дерева, крону которого составляют отдающие ей свою воду реки и озера. Естественным продолжением Невы стала узкая часть Финского залива (то есть Невская губа), лежащая к востоку от линии Выборг — Усть-Нарва. Это водное пространство также имеет свой бассейн, состоящий из впадающих в него рек, среди которых есть и довольно крупная Луга, и более мелкие, такие как Сестра, и множество малых речек и ручьев. Продолжая сравнение с деревом, эти реки можно назвать боковыми побегами, растущими из корня.

Бассейн Невы вместе с бассейном восточной части Финского залива представляют собой не только географическое, но и историческое единство: еще в середине XIX века крупнейший русский историк С. М. Соловьев писал, что «границы речных систем Ильменя, Ладожского озера и других близлежащих озер» являлись естественными границами древнего Новгородского княжества.

Именно на этой «земноводной» территории в течение многих веков развивалась культура, обладающая целым рядом специфических черт. Впрочем, ареал распространения этой культуры не всегда имел четко очерченные границы,

Бассейн реки Невы. Карта составлена гидрологом Р. А. Нежиховским. 1955 г.

Составные части бассейна реки Невы: I – Онежско-Свирский бассейн,

II – Сайма-Вуоксинский бассейн, III – Ильмень-Волховский бассейн,

IV – бассейны средних и малых притоков Ладожского озера,

V – Ладожское озеро, VI – частный бассейн реки Невы между истоком и устьем

к тому же они очень существенно менялись в разные исторические периоды. Если применительно к раннему и зрелому Средневековью действительно можно говорить о том, что специфическая культура Невского края охватывала всю территорию Невского бассейна и простиралась далее на север, восток и, в меньшей степени, юг, то позднее под воздействием различных исторических обстоятельств она оказалась сосредоточена лишь на сравнительно небольшой площади вблизи устья Невы — там, где располагается ныне город Санкт-Петербург.

Реки

Самую заметную ландшафтную особенность Невского края составляет частая сеть рек и озер, связанных через Финский залив с Балтийским морем. Начиная с глубокой древности, эта сеть использовалась в качестве коммуникационных путей, причем не только местными жителями.

В свою очередь, сухопутные переправы для судов — волоки — связывали речную систему Невы с верховьем Западной Двины и реками Беломорского бассейна, открывая пути на северо-запад и северо-восток, а также, что имело особую важность, с ведущими на юг Волгой и Днестром.

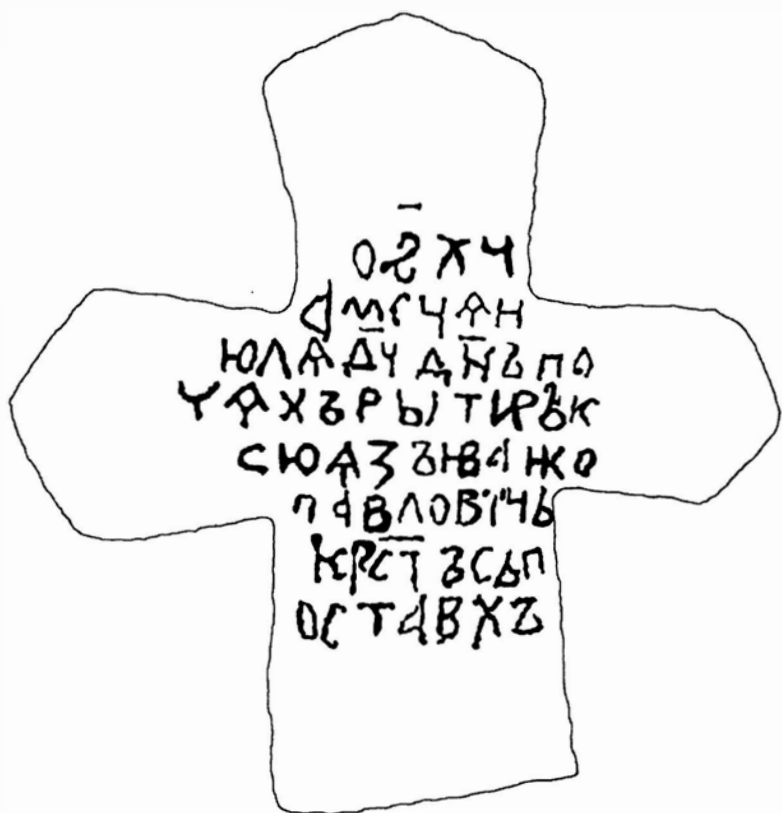
Уже примерно с середины I тысячелетия н. э. Балтийско-Ладожская речная система являлась частью двух трансконтинентальных торговых путей: хорошо известного по русской летописи пути «из варяг в греки» и менее известного, но не менее важного и, вероятно, еще более древнего пути, который называют Великим Волжским. Северная часть обеих трасс совпадала: Северное и Балтийское моря, Финский залив, Нева, Ладожское озеро, Волхов, озеро Ильмень.

Далее, если кораблям надо было добраться до столицы Византии, они шли по реке Ловать, из которой волоком доставлялись в соединенные друг с другом Усвяцкие озера. Оттуда по притокам Западной Двины — Усвяче и Каспле — через еще один волок суда попадали в мелкие притоки Днепра и по нему достигали Черного моря и Константинополя.

В Волгу наиболее короткий и удобный путь из Ильменя вел по рекам Поле и Явони через озеро Селигер и реку Селижаровку. Возможен был также путь по рекам: Мсте, Цне и Тверце.

Здесь надо специально оговориться, что глубина и полноводность рек Невского бассейна существенно уменьшились за последние несколько веков. Обмеление рек отчасти связано с хозяйственной деятельностью человека — вырубкой лесов, распашкой земель, осушением болот, постройкой плотин, отчасти с локальными геологическими процессами — поднятием Балтийского кристаллического щита, отчасти с явлениями планетарного масштаба — понижением уровня мирового океана.

Стерженский крест. Прорисовка. Надпись гласит: «В лето 6641 (1133 н. э.) месяца июля 14 день почах рыти реку сю аз Иванко Павловиц крест се поставих»

Ладожский канал. Карта работы И. Гриммеля. 1741—1742 гг.

К этому времени канал доведен лишь до устья Волхова.

Дается изображение канала в поперечном разрезе

До нас дошли сведения об очень древних попытках усовершенствования водных путей, проходивших через Неву и Волхов. В краеведческом музее Твери хранится массивный каменный крест, найденный неподалеку от истока Волги, на берегу озера Стерж. Надпись на кресте сообщает, что он был установлен в память о том, что 11 июля 6641 года (1133 года по современному исчислению) некий Иванко Павлович начал *«рыти реку»*. По мнению ученых, это свидетельство попытки новгородцев соединить каналом Волгу с впадающей в Ильмень рекой Полой. В период существования Новгородской вечевой республики подобного рода проекты затевались, по-видимому, неоднократно, но возможности осуществить эти замыслы в ту пору не было.

Гидротехническое строительство в бассейне Невы и вокруг него приобрело невиданный размах лишь в начале XVIII столетия, когда в устье Невы возникла столица огромной Российской империи. Петр I вынашивал планы проторить речной путь до самой Индии. По его приказу была создана Вышневолоцкая водная система, состоящая из мно-

Волго-Балтийские водные системы. В советское время Мариинская система называлась Волго-Балтийский водный путь

жества каналов, плотин, дамб, шлюзов и заменившая собой древние волоки, связывавшие Балтику с Волгой. При Петре же было начато строительство Ладожского канала, соединившего Неву с реками Волхов и Свирь в обход бурной и небезопасной для мореплавания Ладоги (см. документ № 1).

Позднее к Вышневолоцкой системе прибавились Мариинская и Тихвинская, более совершенные; углублялись и спрямлялись русла рек, появлялись новые каналы, водохранилища. Сеть искусственных водных путей Невского бассейна расширялась вплоть до XX века, когда был проложен знаменитый Беломорско-Балтийский канал.

Прохождение через Невский край столь важных транспортных путей, использовавшихся с глубокой древности, оказало очень сильное влияние на культурно-бытовые традиции местного населения, издревле пристрастившегося к транзитной и заморской торговле, а также широким международным контактам.

Торговые отношения, которые развивались благодаря этим двум великим путям, охватывали огромную террито-

рию от Британии и Голландии до Ирана и Ирака. На этом колоссальном пространстве проживали сотни народностей с разными обычаями и жизненными укладами, говорившие на разных языках и исповедовавшие разные религии. Невский край, находившийся посередине пути, был одним из самых сложных участков маршрута — путешественникам приходилось пересекать мелководье Невской губы с достаточно узкими и коварными фарватерами, обходить невские и волховские пороги, быть готовыми к внезапным шквалам на Ладоге; далее их ожидало продвижение по узким и неглубоким речкам, наконец, сухопутные волоки. Для того чтобы успешно преодолеть все эти трудности, требовалось контактировать с местными жителями, которые в конечном счете втягивались в торговые сделки, находили удобные способы сбыта собственной продукции, приобретали навигационные навыки, осваивали новые технологии. Так, с глубиной древности географические факторы способствовали формированию у населения Невского края таких черт, как открытость, межэтническая терпимость, предприимчивость.

Транспортное значение рек в бассейне Невы существенно менялось на протяжении веков. В период Средневековья оно очень зависело от кочевников в прикаспийской и причерноморской зонах, угрожавших безопасности купеческих караванов, а то и вовсе наглухо перекрывавших торговые пути. Позднее, утратив значение общеевропейских транспортных магистралей, реки Невского бассейна использовали как местные коммуникации для доставки товаров в Балтику.

В имперский и в советский периоды «идейно-смысловая» нагрузка этих трансконтинентальных трасс вновь выросла. Однако теперь смысл был совсем иным. Древние пути, некогда соединявшие разные народы и государства, воспринимались не как лучи, уходящие в международную бесконечность, но как прочные нити, стягивающие воедино саму Империю. Именно поэтому верховные российские правители, начиная с Петра I и кончая Сталиным, придавали столь большое, едва ли не символическое значение усовершенствованию именно водных путей. Своеобразным символом такого восприятия пути «из варяг в греки» и Великого Волжского пути являются изваяния у ростральных колонн, расположенных в самом центре Петербурга. Считается, что эти статуи аллегорически изображают главные трассы древних

водных магистралей: Неву, Волхов, Днепр и Волгу. Впрочем, утратив при большевиках статус столицы империи, город — вопреки географической логике — перестал восприниматься и главным узлом всей системы водных трасс страны; эта функция перешла к Москве, которая, несмотря на свой резко континентальный географический статус, была в итоге провозглашена «портом пяти морей».

Итак, роль Невы и рек Невского бассейна, особенно Волхова, в истории и культуре народов, населявших их берега, была необычайно велика. Во многом ее роль можно сравнить с влиянием Нила на цивилизацию Древнего Египта, Тигра и Евфрата — на Месопотамию, Инда и Ганга — на Индию, Хуанхэ и Янцзы — на Китай. Однако есть и существенные отличия. Могучие реки, вокруг которых формировались древнейшие культуры, способствовали развитию сельского хозяйства: их влагой орошались поля, а оседающий во время ежегодных разливов ил во много раз увеличивал плодородность почвы. В Неве же ила вообще почти нет, весенних половодий не бывает, зато (как и на других крупных реках Невского бассейна) часты внезапные подъемы воды, что не позволяет использовать поймы для посевов — обычно на них только косили траву на корм скоту. Земля же на прилегающих к этим рекам территориях всегда содержала в себе такое количество влаги, что требовала не столько орошения, сколько отвода излишней воды, вызывавшей заболаченность, неустойчивость грунта, плавуну и т. п.

Таким образом, водный режим Невского края, как, впрочем, и другие его геофизические и климатические условия, не способствовал развитию здесь полноценной земледельческой культуры. Но при этом реки, озера и морское побережье служили необычайно богатой не только торговой, но также промысловой средой. Здесь всегда процветало рыболовство, охота на водного зверя и птицу.

Археологические раскопки свидетельствуют: главной промысловой ценностью в средневековый период для жителей Невского края был атлантический осетр. Ныне это почти исчезнувший вид, однако в I тысячелетии н. э. эта рыба, достигающая трехметровой длины, ловилась во всех крупных европейских реках. Еще 200 лет назад в Ладожском озере осетр нередко бывал добычей рыболовов (см. документ № 1). Кроме осетра-гиганта, в водоемах Невского бассейна

добывались лосось, стерлядь, судак, щука, сом, сиг и многие другие ценные породы рыб. По-видимому, не чурались наши предки и хорошо известной всем петербуржцам корюшки. Археолог И. И. Тарасов, исследовавший рыболовные снасти, найденные при раскопках Старой Ладogi и других древних поселений на Волхове, пришел к выводу, что их жители занимались рыболовством круглый год, пользуясь при этом весьма разнообразными орудиями и приспособлениями. Вероятно, для многих из них ловля рыбы была главным источником существования. О том, что в занятиях жителей ладожских берегов промыслы существенно преобладали над сельским хозяйством, писал еще в конце XVIII века академик Н. Я. Озерецковский (см. документ № 1).

Все это имеет большое значение для понимания характера Невского края. Хозяйственный уклад, основу которого составляли промысловые занятия, являлся обычно более динамичным и значительно менее замкнутым, чем аграрный (особенно если речь шла о территории, находящейся на пересечении торговых путей); он в меньшей степени был способен обеспечить человека всем необходимым для жизнедеятельности и поэтому стимулировал развитие товарных отношений, в том числе и с партнерами из весьма отдаленных мест.

Балтийское море

Другим географическим фактором, определявшим в течение многих веков и экономику Невского края, и мироощущение его жителей, была близость моря. «На протяжении по меньшей мере тысячелетия здесь сменяли друг друга разноразличные народы, которые походили друг на друга в одном, — все они были прирожденными мореходами, купцами и воинами, для них Балтика была родиной, домом, „нашим морем“ — *mare nostrum*», — пишет современный философ и публицист Д. А. Ланин.

Для племен, обживавших после эпохи Великого переселения народов балтийские берега, море представляло собой не «стену», отделяющую их от ближних и дальних соседей, а наоборот, являлось универсальным «мостом», позволяю-

щим поддерживать с ними непрерывные контакты. По мнению немецкого историка и этнолога Йохима Херрманна, роль Балтийского моря для европейской цивилизации раннего Средневековья была очень сходна с ролью Средиземного моря в период античности. Племена, населявшие земли вокруг Балтики, составляли во второй половине I тысячелетия н. э. своего рода транснациональную общность, получившую в работах историка Г. С. Лебедева и его коллег название Балтийской цивилизации раннего Средневековья.

Навыки в корабельном деле и в навигации свеев, данов, готов, балтов, финноугров, северных славянских племен помогали им осуществлять далекие путешествия по воде, осваивать острова и прежде незаселенные прибрежные земли, прокладывать новые торговые маршруты, а также осуществлять грабительские набеги. Сильно изрезанная береговая линия с большим количеством заливов и бухт, множество островов и впадающих в море рек — все эти свойства Балтийского моря способствовали активному и развитому мореплаванию.

При этом необходимо отметить, что условия навигации в восточной части Балтики были специфическими и порой вставали преградой на пути дальнейшего развития мореходства. Так, небольшая глубина Невской губы (в среднем она составляет 4 м) до поры до времени была вполне достаточной для свободного прохода судов, но уже в XVIII веке высокое дно вблизи устья Невы представляло проблему для недавно созданного российского военного флота: некоторые построенные в петербургском Адмиралтействе суда доставляли к причалам Кронштадта только с помощью специальных понтонов, уменьшавших осадку корабля. В XIX веке мелководность Финского залива стала катастрофически мешать Петербургу выполнять функцию транспортного узла. Для решения этой проблемы в 1874—1885 годах стараниями Н. И. Путилова, выдающегося инженера и организатора, по дну Невской губы был проложен Морской канал длиной 30 км, шириной 80—100 м и глубиной до 12 м, который активно используется до сих пор¹. В конце XIX — начале XX века Петербург являлся самым крупным портом Российской импе-

---

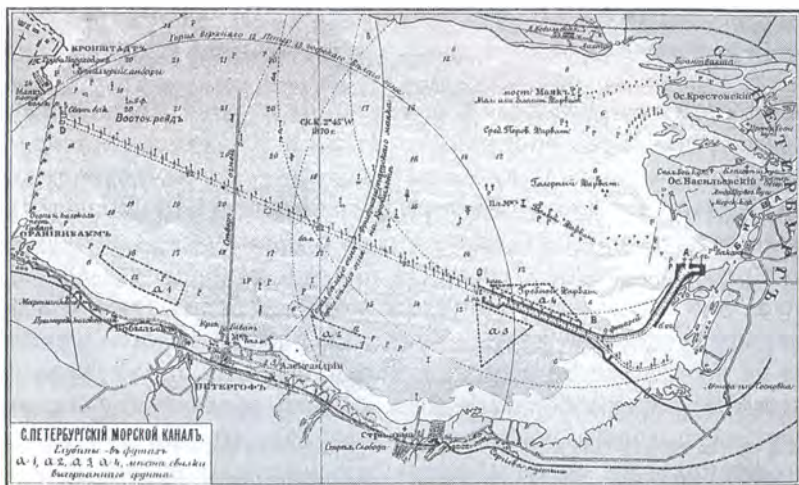
¹ Пропускная способность Морского канала не вполне отвечает современным требованиям; специалисты говорят о необходимости его углубления и расширения.

рии: в 1888—1897 годах в среднем за год в него заходило 1744 заграничных судна и 1804 каботажных (то есть совершавших рейсы внутри страны); из Петербурга следовало в иностранные порты 1691 судно в год, в российские — 2038.

Еще одной особенностью восточной части Финского залива, влияющей на мореплавание, является его пресноводность. Древесина, из которой в старину строили корабли, оказывалась здесь лишенной консервирующего воздействия соленой морской воды. Для древних небольших судов, которые легко вытаскивались на берег для просушки и ремонта, это не представляло большой опасности, но тяжелые корабли XVIII—XIX веков, постоянно находясь в пресной воде, сгнивали очень быстро. Так, знаменитый петровский флот уже через несколько лет после смерти своего создателя пришел в полную негодность. И только переход к строительству кораблей из металла позволил России держать морской флот вблизи Петербурга.

Обратим внимание на то, что отмеченные нами факторы — мелководность Финского залива и низкое содержание соли в воде — стали препятствовать развитию судостроения и мореплавания только в достаточно позднее время, в XVIII—XIX веках, то есть в петровский и послепетровский периоды, когда строительство кораблей воспринималось как государственная задача и полностью находилось под контролем государства. Это обстоятельство и приводило к тому, что строившиеся с такими колоссальными затратами корабли быстро выходили из строя, а Петербург, задуманный как город-порт, не мог принимать у своих причалов крупные суда.

Можно предположить, что если бы мореходство и кораблестроительство в Невском крае продолжали бы оставаться в частных руках, как это было до основания Петербурга, их развитие отмечалось бы меньшим количеством технических неудач. Традиционно в Невском крае испытывали приверженность к небольшим парусно-гребным судам — соймам, имевшим малую осадку и приспособленным для плавания и по мелководным порожистым рекам, а также по озерам, с их короткой и крутой волной, и по морю. Но Петр (не пренебрегая, правда, и строительством сойм и гребных галер средиземноморского типа) более всего стремился к созданию крупных военных кораблей и руководствовался при этом

Санкт-Петербургский морской канал. Карта из энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. 1900 г.

прежде всего голландским опытом. К тому же внедрялся этот опыт среди людей, согнанных в невскую дельту со всех концов России, обладавших абсолютно сухопутным сознанием и посаженных на корабли против их воли. Титанические усилия основателя Российской империи, направленные на то, чтобы сделать ее великой морской державой, в сущности, пропали даром; хозяйкой ни на Балтике, ни на других морях Россия так никогда и не стала...

Жизнь обитателей Невского края на протяжении всей его многовековой истории вплоть до начала XVIII века была тесно связана с морской средой. Однако петровское завоевание Невского края привело фактически к демографической революции, то есть почти полному обновлению населения. Новые жители, несмотря на яростное стремление царя привить им любовь к водной стихии, продолжали воспринимать ее как чуждую и опасную. Опасения их усугублялись частыми и значительными колебаниями уровня воды в Неве и Финском заливе. То, что для местных жителей было привычным и что они, несомненно, учитывали при выборе мест для своих построек, у новых переселенцев вызывало панический ужас, на основе которого сформировалось живое по сей день представление о катастрофической губительности петербургских наводнений.

Механизм возникновения наводнений в устье Невы долгое время оставался непонятным. Лишь в XX веке, благодаря анализу многолетних статистических данных об уровне воды на всем пространстве Балтийского моря, о направлении и силе ветров, а также использованию космических наблюдений, дано научное объяснение причин наводнений. Оказалось, что виной всему циклоны, которые периодически возникают в северной части Атлантики и продвигаются с запада на восток над Балтийским морем. Эти циклоны собирают к своему центру большие массы воды, образующие на поверхности моря возвышение высотой 30—40 см и площадью до нескольких сотен квадратных километров, названное «длинной волной». Вместе с циклоном длинная волна прокатывается вдоль всего моря. Когда она оказывается стиснутой берегами узкого Финского залива, ее высота увеличивается, а при достижении мелководной Невской губы возрастает во много раз. К воздействию длинной волны добавляются другие факторы: сильный и устойчивый западный ветер, наложение друг на друга нескольких волн разного происхождения. В результате огромные водные массы заполняют устье Невы и разливаются по ближайшим низменностям.

Обитателям Невского края было хорошо известно о том, что дельта Невы время от времени оказывается почти полностью под водой. В летописях и старинных документах есть упоминания о наводнениях, случавшихся в этих местах задолго до основания Петербурга. Так, переписная книга Водской пятины сообщает, что в 1541 году на берегах Невы *«все дворы и земли море взяло и песком засыпало»*. В 1691 году была затоплена шведская крепость Ниеншанц, находившаяся в месте слияния реки Охты с Невой (по-видимому, это был очень высокий подъем воды, поскольку даже во время самых сильных петербургских наводнений берега Охты не заливались). И тем не менее люди из века в век охотно селились вблизи невыхских берегов.

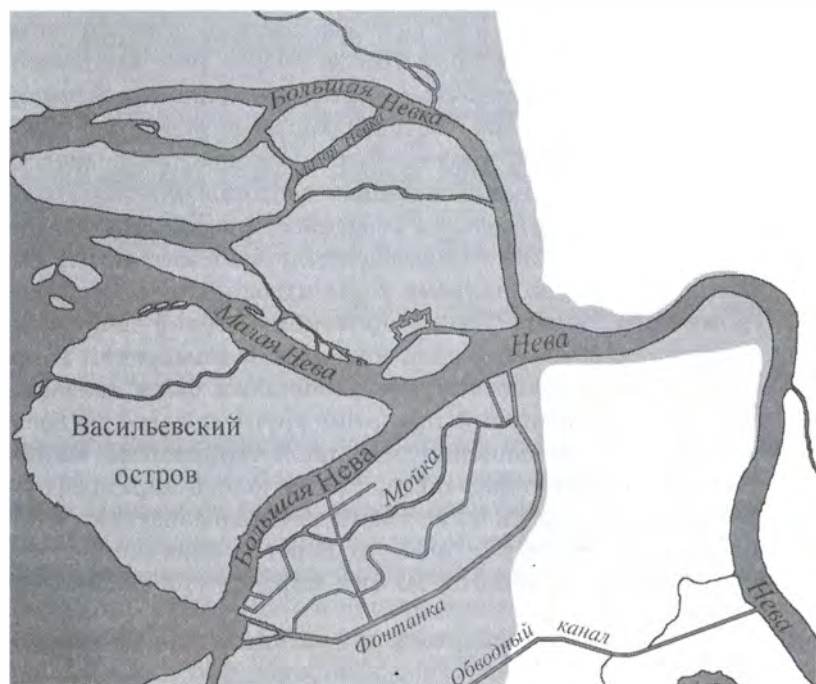
Никакого парадокса в этом нет. Пожалуй, нет ни одной крупной реки на нашей планете, которая не затопляла бы с большей или меньшей периодичностью окрестные территории. Выгоды от удобного и дешевого средства коммуника-

ции всегда настолько превышали ущерб, наносимый капризами водной стихии, что люди все же заселяли берега рек и морей, но принимали меры, чтобы обезопасить себя.

Распространено мнение о том, что невиская дельта от природы не пригодна для обитания и только жестокость Петра I смогла заставить людей поселиться в этом «болотном» крае и жить здесь в постоянном ожидании неизбежного потопа. Это суждение не соответствует действительности хотя бы потому, что и в допетровское время эти места были достаточно обжиты.

Такие катастрофические наводнения, как в 1824 и в 1924 годах, приносили, конечно, страшные беды местным жителям, но никогда (если не считать первой половины XVIII века, когда Петербург заселялся насильственно) угроза наводнений не заставляла покидать свой город и перебираться на жительство в другие места. Более того, берега Невы продолжали привлекать переселенцев даже после самых раз-

План наводнения 7 ноября 1824 года.
Территория, находившаяся под водой, выделена на плане другим цветом

рушительных потоков. Так, разрушительнейшее наводнение 1924 года (второе по силе из известных нам петербургских наводнений) никак не сказалось на темпах роста сильно сократившегося за годы революции и Гражданской войны населения города. Если в 1920 году население города составляло примерно 722 тысячи человек, то по данным переписи 1926 года в нем проживало уже 1 миллион 619 тысяч жителей.

Естественно, что жители невских берегов всегда стремились найти способ защиты от буйства водной стихии или хотя бы уменьшить причиняемый ею вред.

Древнейшим и простейшим средством является строительство домов на столбах такой высоты, чтобы вода, разливаясь, не достигала пола. Однако во время невских наводнений опасность представляет не только подъем воды, но и мощнейшее разрушительное воздействие волн, поэтому строительство на сваях здесь, вероятно, никогда не применялось. Дома и другие постройки вблизи устья Невы ставились на возвышенных местах, что не всегда спасало их при высоком подъеме воды¹. Когда же при Петре I город стал строиться не только на возвышенностях, но и на затопляемых низинах (например, Заячий остров, на котором была сооружена Петропавловская крепость, прежде часто полностью оказывался под водой), специальными царскими распоряжениями предписывалось строить и дома, и в особенности пороховые погреба и склады на высоких фундаментах, полы в них делать на полфута выше уровня подъема воды наводнения 1706 года.

Кроме того, берега Невы, протоков невской дельты и других рек стали искусственно поднимать. Намерения Петра рассечь весь строящийся город каналами были связаны еще и с тем, что вынутый при этом грунт предполагалось использовать для повышения остальной территории. Каналов было прорыто не так много, как хотелось царю-реформатору, к тому же часть из них пришлось впоследствии снова закопать, но подсыпка невских берегов неизменно продолжалась и продолжается до сих пор. За три сотни лет

---

¹ В 2004 году во время археологических раскопок внутри кронверка Петропавловской крепости обнаружили подполье деревянного дома допетровского времени, который, по предположению археологов, был разрушен или поврежден наводнением.

Карта насыпного грунта в центральной части Ленинграда
(по состоянию на 1974 г.)

некоторые петербургские улицы и набережные поднялись более чем на 4 м. Наглядно это можно увидеть у Меншиковского дворца на Васильевском острове, где при реставрации была обнажена первоначальная мостовая.

В результате теперь наводнения причиняют значительно меньший ущерб, чем в первые годы существования Петербурга. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить последствия двух одинаковых подъемов воды (на 262 см выше ординара), разделенных почти трехсотлетним интервалом. После первого из них, произошедшего 9 (20) сентября

1706 года, Петр I писал Меншикову: *«Третьего дня ветром вест-сюд-вестом такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверх полу 21 дюйм, по городу и на другой стороне по улице свободно ездили в лодках, однакож, недолго держалось, меньшеи 3-х часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и деревьям, будто во время потопа, сидели, не токма мужики, но и бабы»*. Во время наводнения такой же силы, случившегося в ночь с 29 на 30 ноября 1999 года, были затоплены многие подвалы в центральной части города, покрылись водой несколько улиц, на несколько часов пришлось закрыть четыре станции метро, было повалено большое количество деревьев. Тем не менее спастись от воды на крышах и деревьях и плавать по улицам в лодках не пришлось никому, а большинство петербуржцев узнало о наводнении только из телевизионных новостей.

Поскольку долгое время считалось, что невские наводнения возникают из-за того, что ветры препятствуют свободному течению воды в Финский залив, делались попытки уменьшить опасность наводнений созданием дополнительных протоков для воды (такая роль, в частности, отводилась Екатерининскому и Обводному каналам). Однако эти попытки не дали никакого результата.

Наконец, наиболее действенным способом защиты от наводнений является строительство мощных гидротехнических сооружений — дамб. Оградить подверженные затоплениям зоны Петербурга земляными валами предлагал еще в 1727 году фельдмаршал Б. Х. Миних. Проект каменной плотины от Ораниенбаума через западную часть острова Котлин к Лисьему Носу разрабатывался в 1824—1834 годах П. Базеном, профессором Института инженеров путей сообщения. В самом конце XIX века этот проект в усовершенствованном виде был внесен на рассмотрение городской управы инженером В. Ф. Пруссакон. Однако государственное распоряжение о создании защитных сооружений в Финском заливе было дано лишь в 1970-е годы. Начатое в 1979 году строительство через несколько лет прервалось по различным политическим и экономическим причинам. В частности, со строительством дамбы в общественном сознании связывалось увеличение загрязненности Невы и Финского залива. В дальнейшем стало ясно, что, хотя гидротехнические рабо-

Проект защиты Петербурга от наводнений Б. Х. Миниха. 1727 г.

ты в заливе и нарушили картину естественных течений, главный ущерб экологии наносят не они, а промышленные и бытовые сбросы в водоемы всего Невского бассейна. И потому яростный общественный протест против строительства дамбы конца 1980-х — начала 1990-х годов был во многом не оправдан, особенно с учетом заключений гидрометеорологов, прогнозирующих в ближайшее время увеличение опасности наводнений в связи с глобальными климатическими процессами.

Окончание строительства дамбы позволило бы не только устранить наводнения, но и решить некоторые другие проблемы, в том числе и экологические. Так, пока дамба перекрывает лишь часть залива, в пространство, остающееся свободным, устремляется весь поток воды; в законченном виде плотина даст возможность с помощью водопропускных ворот регулировать течения и хотя бы отчасти восстановить их баланс. В случае разлива нефти в акватории Невы таким же образом можно будет воспрепятствовать продвижению нефтяного пятна в Балтику, локализовать его и облегчить устранение. Наконец, проходящий по дамбе участок кольцевой автодороги уменьшил бы поток транспорта, идущий через город, что улучшило бы состояние окружающей среды.

Несомненным, однако, является и то, что строительство плотины должно сопровождаться разнообразной и тщательной работой по компенсации негативного воздействия этого

сооружения на природу. В первую очередь, требуется надежная очистка всех поступающих в Неву и в Невскую губу сточных вод. Без успешного разрешения экологических проблем и Санкт-Петербург, и весь Невский край ожидает печальное будущее.

Другие природные условия Невского края

Итак, обилие разнообразных водоемов явилось именно той особенностью ландшафта Невского края, которая более всего определяла характер развивавшейся здесь локальной культуры. Впрочем, сыграли немалую роль и другие географические факторы: рельеф местности, тип почвы, климат, наличие полезных ископаемых, а также флора и фауна.

Рельеф земной поверхности на территории Невского края очень разнообразен по происхождению и возрасту; образующие его породы различаются плотностью, структурой, толщиной слоя и насыщенностью влагой. Отсутствие высоких гор вовсе не означает, что местность здесь сугубо равнинная, — Ижорская и Лемболовская возвышенности, Балтийско-Ладожский уступ (глинт), террасы, отмечающие берег древнего Литоринового моря, гранитные скалы, особенно частые к северу, где на поверхность выступает Балтийский кристаллический щит, отдельные высоты (Дудергофские и Пулковские высоты, Поклонная гора и др.), группы холмов и обрывистые берега рек создают сложную картину рельефа.

Есть в окрестностях Петербурга и свои геологические достопримечательности: песчаные дюны на берегах Финского залива, каньон с водопадом при впадении реки Саблилки в Тосну, каньон реки Лопухинки (Рудицы) с радоновыми источниками в Ломоносовском районе, шхеры вблизи Выборга, многочисленные каменные россыпи и отдельные огромные валуны, принесенные ледником (многие из них имеют даже собственные имена, например «Старик» вблизи Петергофа или «Черепаха» в Ораниенбаумском парке).

Необычайному богатству рельефа соответствует и разнообразие растительных комплексов, частично сохранившихся до наших дней изначальный (как говорят специалисты:

«коренной») характер, и это несмотря на сильное воздействие хозяйственной деятельности человека. Вперемежку здесь встречаются участки, относящиеся к разным типам тайги, широколиственные и смешанные леса, болота, приморские и пойменные луга, песчаные пляжи. На сравнительно небольшой площади на Карельском перешейке могут соседствовать заболоченная низина с ельником, сухой сосновый лес на песчаных холмах и заросшие лишайниками скалы на берегу озера.

Столь же пестрым был и животный мир Невского края (ныне многие из примечательных представителей местной фауны находятся на грани исчезновения). К примеру, у берегов Финского залива пересекались ареалы распространения как типичных обитателей европейских широколиственных лесов — благородного оленя, европейской косули, садовой сони, так и населяющих дебри северной тайги — лося, бурого медведя, белки-летяги.

Все эти особенности делают ландшафт Невского края весьма отличным и от нескончаемого таежного пространства, и от монотонной бескрайности равнин Волго-Днепровского междуречья с медленными реками и березовыми рощами¹, которые превратились в элемент великорусской этнической идентичности (вспомним условно-поэтические образы: «русское поле», «русские березки»).

Конечно, говорить о существовании прямой зависимости между теми или иными характеристиками ландшафта и коллективно-психологическими чертами освоившего его человеческого сообщества следует очень осторожно. Тем не менее не вызывает сомнений, что возникновение и развитие социальной модели азиатской деспотии, которую философ В. С. Соловьев называл «царством бесчеловечного бога», связано почти исключительно со степным пространством, находясь в котором человек чувствовал себя песчинкой, ничтожной величиной, затерянной в бесконечности. На фоне непостижимого степного простора значимыми выглядели только тысячи и миллионы человеческих особей, но никак не отдельная личность.

---

¹ Березовый лес не относится к числу коренных ландшафтов Невского края; существующие здесь в настоящее время березняки либо были посажены людьми, либо выросли на местах вырубок.

Если в таком аспекте рассматривать сжатое, сконцентрированное ландшафтное пространство Невского края, то можно предположить, что оно должно было породить совсем иной тип мировосприятия. Мозаичность, разделенность на достаточно мелкие ландшафтные участки, которые без труда мог обойти или объехать на лошади в течение дня один человек, создавали значительно больший комфорт для самоощущения личности. Каждый отдельный человек в таком пространстве воспринимал себя пропорциональным масштабу окружающей среды. С этим, вероятно, был связан и способ расселения обитателей Невского края в допетербургский период: поселения в основном представляли собой небольшие, в несколько дворов, деревни, располагавшиеся неподалеку друг от друга; нередко были и отдельно стоящие хутора или усадьбы. У людей не было необходимости жить большими сообществами для противостояния агрессивному воздействию окружающего пространства.

Многое в психологическом облике жителей Невского края определили и существовавшие здесь условия ведения хозяйства. Мы уже заметили, что обилие грунтовых и поверхностных вод, свойственное многим районам Невского края, было препятствием для развития земледелия (исключение составляли лишь некоторые места, например Ордовикское плато¹, сложенное из известковых пород, хорошо впитывающих влагу и пропускающих ее до глубинных водоносных слоев; по этой причине здесь и сейчас достаточно мало болот по сравнению с соседними территориями, слабее развита речная сеть). Не благоприятствовали полевым работам и влажный, переменчивый климат Невского края, и его подзолистые, глинистые и песчаные почвы (Ордовикское плато выделяется и в этом отношении: сформировавшиеся тут дерново-карбонатные почвы при умелом их использовании способны давать неплохие урожаи). Таким образом, Невский край в основном являлся зоной рискованного

---

¹ Ордовикское плато — возвышенная местность, расположенная к югу от восточной части Финского залива, Невы и юго-западной части Ладожского озера. Северной границей Ордовикского плато является Глинт, или Балтийско-Ладожский уступ. Западная часть Ордовикского плато называется Ижорской возвышенностью, восточная — Путиловским плато.

земледелия, иными словами, здесь часто бывают неурожаи. Во все исторические периоды местные жители нуждались в привозном продовольствии, что, естественно, стимулировало торговлю и производство ремесленных и промысловых товаров на продажу.

Напротив, для лесных промыслов Невский край представлял широкие возможности. Здесь издревле охотились на соболя, куницу, бобра, лису, медведя и других пушных животных, выделывали меха и кожи. Кроме охоты, было распространено бортничество — собирание воска и меда лесных пчел. Добыча охотников и бортников пользовалась большим спросом в европейских странах, где уже к VI—VII веку н. э. большая часть исконных лесов была изведена под сельскохозяйственные угодья, а охота почти везде превратилась в дорогостоящую забаву высшего дворянства. Благодаря этому Новгородское государство, в состав которого Невский край входил в Средние века, играло важнейшую роль в экономике всей Европы. Охотничий промысел для многих жителей Невского края являлся основным занятием вплоть до XX века (см. документ № 1).

Полезные ископаемые — горючие сланцы, фосфориты, бокситы, — которые сейчас добываются на территории Невского края, в древности не имели такой ценности, как теперь. Из содержимого земных недр наши предки использовали: некоторые виды песка в качестве сырья для производства стекла; так называемую болотную руду, из которой выплавляли железо невысокого качества; глину для изготовления керамических изделий и кирпича. Кузнечное дело и другие ремесла, связанные с обработкой металла, существовали здесь в основном за счет привозного сырья. При строительстве Петербурга использовались гранит, мрамор и известняк, добывавшиеся в северном Приладожье, на Карельском перешейке и на Ордовикском плато.

Итак, некоторые фундаментальные особенности локальной культуры Невского края: центральная роль мореплавания, открытость межэтническим контактам, преобладание торговли и промысла над земледелием, склонность к индивидуальным, а не коллективным формам ведения хозяйства и организации жизни — во многом были обусловлены уже самими природными обстоятельствами ее развития и существования.

Рассматривая географию Невского края, мы уже несколько раз употребляли слова «Европа», «Азия», «европейский», «азиатский», подразумевая не просто западную и восточную части евразийского континента или принадлежность к этим частям, а исторические мегасообщества, называемые цивилизациями. Цивилизации различаются между собой по ряду существенных признаков: господствующей религии, распространению некоторых форм социальной организации и государственного устройства, этническому, языковому и культурному родству. На материке Евразия отчетливо выделяются два цивилизационных комплекса: европейский и азиатский. Между ними расположено огромное сообщество — Россия, — цивилизационная природа которого вызывает многочисленные споры. Существует ли Россия вообще, как отдельное и единое цивилизационное образование? Принадлежит она европейской или азиатской цивилизации? Или же представляет собой нечто принципиально отличное и от Европы, и от Азии? Дать ответ на эти вопросы очень непросто, и мы не будем пытаться. Нас интересует, в каких отношениях с Европой, Азией и Россией находится локальная культура Невского края.

В ранний период своей истории Невский край, безусловно, относился к европейской цивилизации, точнее, к существовавшей внутри нее Балтийской цивилизации раннего Средневековья. Древний Новгород, которому приневские земли принадлежали вплоть до его падения, не просто имел многочисленные связи с западноевропейскими странами, но по своему государственному устройству, общественной и политической культуре был вариантом типичного для Европы города-государства.

После захвата новгородских земель Москвой существовавшая в Новгороде европейская по своей природе культура не была полностью вытеснена культурой завоевателей, а продолжила свое независимое, хотя и угнетенное, сущест-

---

¹ Геополитикой принято называть науку, изучающую влияние географических факторов на политические процессы.

Н. Я. Озерецковский.
Литография М. Мошарского
по рис. М. Кашенцова.
1830-е гг.

ование. В период шведского владычества европеизм вновь стал господствовать на невых берегах.

Именно стремление приобщиться к европейскому культурному пространству привело сюда Петра I и заставило поставить здесь новую столицу России. Его расчет на то, что Санкт-Петербург станет исполнять роль посредника в передаче европейских культурных ценностей вглубь России был абсолютно оправдан. Тем не менее сам город, его культура уже не принадлежали полностью европейской цивилизации, а были результатом сложного взаимодействия европейского и «московского» начал, в последнем из которых нетрудно найти специфические азиатские черты. С годами европейские и азиатские черты в петербургской культуре все более перемешивались, все дальше отдалялась она от генетически родственной ей культуры европейских городов. Некоторый ясно различимый оттенок европеизма, однако, присутствует в ней до сих пор.

Таким образом, Невский край, с одной стороны, представляя собой самую восточную часть Балтии, был географически включен в единую цепь европейских приморских государств, а с другой — открываясь в глубину континента, к Восточно-Европейской равнине, оказался местом, где не-

обычайно глубоко и остро взаимодействовали западная и восточная цивилизации. История этого взаимодействия и составляет основное содержание истории Невского края.

Документ № 1

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ОЗЕРАМ, ЛАДОЖСКОМУ И ОНЕЖСКОМУ, НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА <...> НИКОЛАЯ ОЗЕРЕЦКОВСКОГО¹

(отрывки из описания путешествия
по Ладожскому озеру)

Приступая к описанию Ладожского озера, которое в прошлом лете 1785 года кругом объехал я водою, в коротких словах упомяну наперед о Неве реке и скажу только, что ею поднялся я на судне от С.-Петербурга до Шлиссельбурга, видел возвышенные, лесистые, то глинистые, то песчаные ее берега, которые по краям уставлены пригожими домами, целыми селениями и кирпичными заводами, видел пороги, лежащие на Неве выше устья реки Тосны, которые состоят из раскиданных камней, простирающихся от берегов реки к ее середине, которая однако ж чиста, глубока и свободный дает проход самым большим и грузным судам, выключая одно сие неудобство, что стремление воды очень там быстро, и поднимающиеся вверх суда во время тишины или противного ветра в проезде через пороги сильное от воды претерпевают сопротивление, когда тянутся бечевою, для которой вообще оба берега Невы нимало не приготовлены².

В третий день по выезде моем из С.-Петербурга добрался я до Шлиссельбургской крепости, которая лежит на острове в самой вершине Невы реки. Она окружностью своею весь остров со всех сторон занимает и делает вход в Неву из Ладожского озера себе подвластным. <...> Шлис-

---

¹ Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827) — ученый-путешественник, академик Петербургской АН (1782), воспитатель графа А. Г. Бобринского, сына Екатерины II и Г. Орлова. Описание его путешествия по Ладожскому и Онежскому озерам было напечатано в Петербурге в 1792 г.

² В 1975—1978 гг. русло Невы на Ивановских порогах было расчищено и углублено, в результате чего течение в этом месте ослабло и проход судов стал более свободным.

Титульный лист книги
Н. Я. Озерецковского
«Путешествие по озерам
Ладожскому, Онежскому
и вокруг Ильмена»

ПУТЕШЕСТВІЕ
Академика Н. Озерецковскаго
ПО ОЗЕРАМЪ
ЛАДОЖСКОМУ, ОНЕЖСКОМУ
и вокругъ
И Л Ъ М Е Н Я.
съ 15 таблицами.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,
печатано при Императорской Академіи
Наукъ 1812 года.

сельбургский посад¹, который собственно называется городом, лежит на левом берегу Невы, в полуденной стороне от крепости. Он разделен на две части Ладожским каналом², который входит там в Неву тремя отверстиями, из коих два уложены по сторонам плитою. В сих отверстиях канала сделаны шлюзы, которые для прохода судов открываются³. Число домов во всем городе простирается до 406, а жителей разного звания считается в нем 1955 мужского и 1168 женского полу. Весь рынок в городе состоит из

¹ В 1944—1992 гг. город Шлиссельбург назывался Петрокрепость.

² Ко времени посещения Озерецковским Шлиссельбурга канал существовал лишь от устья Волхова до Невы. Он был продолжен до реки Сясь к 1802 г., а от Сяси до Свири — к 1810-му. Во второй половине XIX в. вдоль этого устаревшего канала был прорыт новый.

³ Шлюзы поддерживали в канале более высокий, чем в Ладоге и Неве, уровень воды, что было необходимо для прохода кораблей.

16 лавок, которые как видом, так и товарами очень бедны, так что ни ценовки¹, ни парусины, ни клеенки не можно там достать среди самого лета, когда вещи сии для судов, ходящих по Ладожскому озеру, весьма часто бывают нужны. Главный промысел жителей составляет рыбная ловля на озере и на Неве, а некоторые из них содержат большие и малые суда, на которых возят в С.-Петербург и в Кронштат разную клажу и проезжих. <...>

Поелику для объезда озер Ладожского и Онежского потребно было долгое время или больше нежели целое лето, в осеннюю пору разъезжать около берегов сих озер небезопасно, особливо на малом судне, на котором бы можно было часто приставать к берегу, то для возвратного пути в Шлиссельбург, большую представлял безопасность восточный Ладожского озера берег, возле которого находится славный Ладожский канал от города Новой Ладоги или почти от устья реки Волхова до Шлиссельбурга и до самой Невы, чрез 104 версты² простирающийся. Сим каналом и в самую бурную осень проезд безопасен, потому, оставя восточную сторону Ладожского озера на обратный путь, отправился я из Шлиссельбурга по западному берегу, который обыкновенно называют Выборгским берегом, к городам Кексгольму и Сердоболу³. <...>

На правом берегу реки Морьи, неподалеку от устья, <...> лежит <...> деревня Морья⁴, состоящая из девяти дворов, которой жители не столько кормятся хлебопашеством, сколько рыболовными и лесными промыслами, а хлеба, то есть ячменя и ржи, сеют они очень мало за неимением способных для пашни земель, ибо отовсюду окружены топкими болотами, камнем и темным лесом, хлебопашество же для того больше имеют, чтоб не пропадал понапрасну на дворах их навоз. Скотоводство у них нарочито хорошо, и при достатке молока, масла, рыбы и мяса все жители сей деревни весьма гостеприимны, ласковы и учтивы. <...>

Прежде нежели оставлю я деревню Морью, за нужное почитаю упомянуть о диких зверях, какие в густых лесах,

---

¹ Ценовка, иначе циновка; здесь: грубая ткань, сделанная из мочала.

² То есть 111 км.

³ Ныне, соответственно, Приозерск и Сортавала.

⁴ Эта деревня сохранила свое название в ином варианте — Морье.

от вершины Невы по берегу Ладожского озера растущих, обыкновенно водятся, чтоб в случае надобности не искать за пятьсот верст того, что в 50 от С.-Петербурга получить можно. Нет нужды упоминать о медведях, волках, лисицах, белках и зайцах, о которых всяк знает, что они в здешнем краю нередки, но не всякому может быть известно, что в таком близком расстоянии от столичного российского города попадают также лоси, барсуки и куницы. Барсуков находят в норах летним временем, куницы добываются зимою, а лосей промышляют морьинские жители в великий пост, когда наст, поднимая человека, способствует ему преследовать и нагонять лося, которого наст сдержать не может по причине его тяжести, и он, бегучи, часто прорывается, вязнет в снегу и чрез то дает промышленникам время настигать его на лыжах. Их наиболее бьют здесь из ружей. <...>

В осьми верстах от устья реки Влоги¹ по берегу озера следует полutorная тоня², потому так названная, что чистого в озере места, где неводом рыбу ловить можно, стает только на полтора невода, а два вдруг уместиться не могут <...>. На полutorной тоне ловля производится обыкновенно одним неводом. Ее отправляют чухонцы³, которых в бытность мою было там шестеро и с ними один русский мужик, который между ими был главным. Люди сии во все лето живут на берегу в построенной для них избе, при которой есть погреб, поварня и баня. Содержание в пище и рыболовную снасть имеют они от графа, своего господина⁴. Изловленную рыбу прямо из невода счетом отдают прасолу⁵, который все лето против тони стоит на водовике⁶ и во время вытаскивания из воды невода подъезжает к рыбакам на лодке для приема от них живых сига, лососей

---

¹ Современное название реки — Авлога.

² Тоня — место в водоеме, удобное для ловли рыбы сетью.

³ Обиходное, обычное для XVIII в. наименование финнов в Петербургской, Новгородской, Псковской губерниях.

⁴ Описываемая Озерецковским местность принадлежала тогда графу И. А. Остерману (1725—1804), сыну известного государственного деятеля первой половины XVIII в. А. И. Остермана.

⁵ Прасол — оптовый скупщик рыбы, мяса и других продуктов.

⁶ Водовик — небольшое судно, на котором имелись емкости для воды. Их можно было использовать для содержания живой рыбы.

и осетров. Обыкновенно прасол имеет два водовика, из которых один безотлучно бывает при тоне, между тем как другой с накопившеюся рыбою ездит в С.-Петербург. На обоих водовиках людей не больше бывает, как только три человека, из которых двое отвозят наловленную рыбу, а один на другом водовике остается против тони. Во время стоянки уснувшая на водовике рыба идет в соленье. Не считая ряпушки, рипуксы¹ и других мелких рыб, которых прасолы от рыбаков не принимают, наибольшие попадают в озере сизи, кои величиною в три четверти аршина² случаются. Мелкий сиз прасолами отбрасывается, а в счет идет только такой, который длиною не меньше четверти, мераж их берется от глаз до хвоста. Всегдашнее обращение с рыбою сделало, что они никогда ее не меряют, а с виду узнают, приходит ли сиз в уреченную меру, или нет. Лососи несравненно чаще здесь ловятся, нежели осетры, которые и очень редки и весом едва ли больше трех пудов³ бывают. При мне на полуторной тоне изловлено было их три, из коих два около трех пудов тянули, а третий был поменьше. Маленькие осетры попадают величиною в поларшина и немного больше четверти. Вообще примечено, что прибивные ветры с озера к берегу нагоняют с собою и рыбу, но очень сильный ветер препятствует закидывать невода и ловлю совсем останавливает. Весною и осенью бывают на Ладожском озере толь жестокие бури, что с водою выметывают иногда на берег лососей и осетриков. Постоянная тишина начинается по большей части с Троицына дня⁴, до которого нередко и льды по озеру носятся. По причине сих льдов в 1785 году рыбная ловля началась не ранее как за два или за три дни до упомянутого праздника.

(Текст печатается по изданию: Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.)

---

¹ Рипукса, иначе рипус — более крупная разновидность ряпушки.

² $\frac{3}{4}$ аршина составляет 53 см.

³ 3 пуда — почти 50 кг.

⁴ Троицын день празднуется на пятидесятый день после Пасхи, обычно в конце весны или начале лета.

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ НЕВСКОГО КРАЯ

Ранние археологические памятники

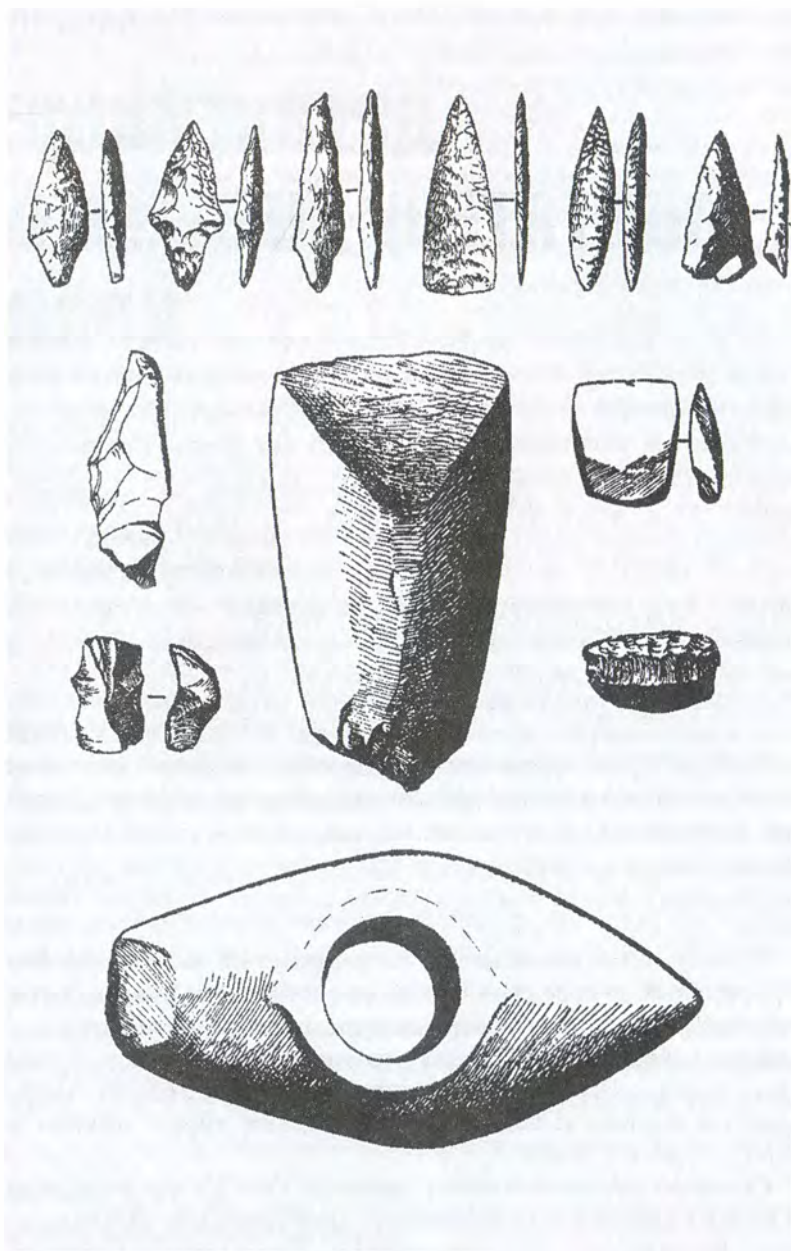

Главным источником сведений о том, какие народы населяли наши земли в древности, откуда и когда эти народы появились здесь, является археология. Данные, полученные в результате раскопок, дополняются анализом языковых фактов и свидетельствами письменных источников: исторических и географических сочинений античных, европейских и восточных авторов, а также русских летописей.

Практически повсеместно на территории нынешней Ленинградской и соседних с ней областей обнаруживаются многочисленные археологические памятники — остатки поселений, оборонительных сооружений, могильники, культовые камни. Все это следы нескольких древних культур, соседствовавших и взаимодействовавших друг с другом в течение многих веков.

Стоянки неолитического периода (V—III тысячелетие до н. э.) найдены в Выборгском, Приозерском, Всеволожском, Волховском, Бокситогорском, Тихвинском районах. В пределах современной городской черты Петербурга, в Лакте, в 1922 году обнаружили стоянку первобытного чело-

Каменные орудия, найденные на раскопках стоянки первобытного человека в Лахте. Рис. Б. Ф. Землякова. 1923 г.

века примерно первой половины — середины II тысячелетия до н. э. Там были найдены каменные орудия труда, обломки керамических изделий и куски железных шлаков, образующихся при выплавке металла.

Отдельно следует сказать об этническом облике древнейших обитателей Невского края.

С глубокой древности на всем обширном пространстве Северо-Восточной Европы от Рижского залива до Среднего Поволжья обитали финноугорские племена. По свидетельству археологов, их культура отмечена своеобразной, так называемой текстильной керамикой, с орнаментом, напоминающим отпечатки грубой ткани. О широком расселении финноугров свидетельствуют и данные топонимики¹: огромное количество географических объектов, в первую очередь рек, на всей этой территории имеют названия, восходящие к финноугорским корням.

На землях, примыкающих к Финскому заливу и Ладожскому озеру, также имеются признаки очень давнего пребывания финноугорских племен. Правда, археологические данные об этом немногочисленны: финноугры не отмечали свои захоронения курганами приблизительно до рубежа I—II тысячелетий н. э. Затем они переняли этот обычай у своих соседей — славянских и скандинавских племен. Прежде останки умерших сжигались ими на погребальных кострах, а пепел после кремации оставлялся на поверхности земли и лишь обкладывался камнями. Поэтому древнейшие финноугорские могильники почти всегда обнаруживаются случайно, во время каких-либо земляных работ. Большое число их, по-видимому, уничтожено при распашке полей.

О выделении из общего финноугорского массива отдельных этнических образований судить по археологическим находкам невозможно. Однако к тому времени, когда финноугорские племена начинают фигурировать в русских летописях и других письменных документах, это были уже, очевидно, сложившиеся народности.

---

¹ То есть науки о географических названиях.

На южном берегу Финского залива обитала водь (другое название упоминается в «Повести временных лет» — нарова или нерева, происхождение которого связывают с названием реки Наровы и Неревского конца в Великом Новгороде). Первоначально областью расселения води была территория от устья Наровы до Ладожского озера, а на юге — до среднего течения Луги. Однако с продвижением славянских племен эта область несколько уменьшилась и стала ограничиваться Ижорской возвышенностью.

Начиная с середины XII века, а возможно и раньше, водь попадает в зону влияния Новгорода, платит ему дань, водские рати участвуют в военных походах новгородцев, а к XIII веку водские земли уже входят в состав Новгородского государства. Одновременно водское население втягивается в систему внешних торгово-экономических связей: через посредство новгородских купцов сюда поступают изделия из цветных металлов, украшения, оружие и орудия труда из Византии и стран Востока, включая далекую Индию. Активно идет торговля и со скандинавами.

Постепенно на водские земли, обладавшие сравнительно неплохими условиями для земледелия, перемещается много славянских поселенцев. Водские и славянские археологические памятники этого времени встречаются на Ижорском плато попеременно. От славян водь перенимает ремесленные технологии, связанные с обработкой металла. Также происходят заимствования и в сфере культурно-бытовых традиций — в курганных погребениях, в некоторых деталях национального костюма. Но при этом нельзя сказать, что происходило полное стирание культурных различий. Водские курганы, скажем, резко выделяются среди славянских специфической чертой — ритуалом захоронения умерших в сидячем положении. Тем не менее ассимиляция води все же происходила, и численность этого племени уменьшалась.

Сильно сократилось водское население в начале XIII века, в голодные годы, из которых самым тяжелым был 1215 год, когда, согласно летописи, «*вожане помроша, а останъке разидеся*» (то есть вожане перемерли, а оставшиеся рассеялись). В дальнейшем часть водского народа

Нашествие немцев и чуди на восток.

Миниатюра Лицевого летописного свода (XVI в.).

Изображены события 1240 г.: князь Александр Невский в Новгороде (правый верхний угол); нападение немцев (слева); вожаны, изменившие Новгороду, встречают завоевателей (в центре)

была насильственно переселена ливонскими рыцарями в Курляндию, другая часть была ассимилирована русскими, ижорой и корелами. А. И. Гиппинг¹ в середине XIX века писал: «Еще и в настоящее время в одном уголку Ингерманландии обитают остатки народа, известного у русских под именем чудьи, которые, по некоторым свидетельствам не далее как в конце прошлого столетия <то есть XVIII века> заметно отличались еще и языком, и обычаем от всех своих соседей. Они справляли особые торжества в честь коня и какого-то морского чуда, вроде тритона, воздавая их изображениям божеские почести; питали также глубокое уважение к колдунам, прибегая к их советам во всех важных случаях; женщины их, вступая в замужество, брили свои головы и отличались от всех особого покроя головным убором и одеждою. Ныне эти так называемые чудья, которые на своем языке называют себя „wadjalaiset“ <то есть „водь“>, живут в окрестностях Ямбурга <ныне Кингисепп>, преимущественно в селениях Каттила, Бабино, Мукова, Великие Извозы и Мармовка».

По данным всероссийской переписи населения в 2002 году, в Ленинградской области и Санкт-Петербурге проживало 24 человека водской национальности (всего в России — 73 человека).

Корела

Карельский перешеек и северо-западное побережье Ладожского озера населялось издревле крупным племенем, или точнее сообществом племен, называвшимся корела². Древнейшие археологические памятники, относимые учеными

---

¹ Гиппинг Андрей Иоганн (1788—1862) — финский пастор, историк, автор первого крупного научного труда по допетербургской истории Невского края — «Нева и Ниеншанц», изданного на шведском языке в 1836 г., на русском — в 1909-м (переиздан в 2003 г.).

² В тех случаях, когда речь пойдет о древнем периоде истории этого племени, мы будем называть его «корела», как это делалось в русских летописях. Современный вариант этого этнонима — «карелы».

к культуре корелы, датируются VI—VIII веками н. э. Уникальным культурным феноменом является корельский эпос, созданный в условиях первобытно-общинного строя и распространившийся затем среди соседних финноугорских народов. Этот эпос известен сейчас в виде собрания древних рун «Калевала», записанных и обработанных в XIX веке финским фольклористом и поэтом Элиасом Лённротом.

Среди занятий, характерных для древней корелы, следует назвать земледелие (первоначально в подсечно-огневой форме, а позднее — в пашенной), охоту и бортничество, которые с глубокой древности обеспечивали местное население товарами для обмена или торговли (меха, кость, воск), а также рыболовство. Производство железа было освоено корелой во второй половине I тысячелетия, хотя и впоследствии в большом ходу были орудия из кости и камня. В XI—XII веках в кузнечном искусстве корелы достигли высокого уровня. Торговые отношения связывали корелу со Скандинавией и Новгородом, а через него — с Востоком. Большая роль отводилась пути на север по Вуоксе, бывшей до XVII века вполне судоходной. Этот путь связывал Приладожье с Финляндией и Лапландией, а также имел выход в Балтику в районе нынешнего Выборга.

Регулярно корела начинает упоминаться в новгородских летописях с 1140-х годов в описаниях военных походов новгородцев и союзных с ними племен. До начала XIV века корельские территории не являются полноправной собственностью Новгородской земли. Подчинение Новгороду выражалось, по-видимому, только в выплате дани. (Напомним, что сам Новгород в это время являлся данником монгольских ханов, но при этом, конечно, не входил в состав Золотой Орды.) Нет сведений и о том, что у корел были какие-либо административные органы, состоящие из новгородцев, или присланные из Новгорода эмиссары. Такой свободный характер отношений между «метрополией» и формально подчиненной ей «колонией» способствовал развитию местной культуры, которая в XI—XIII веках переживает период расцвета. Это особенно ощутимо в сопоставлении с более северными корельскими территориями, находившимися под господством шведов и сильно отстававшими в развитии. Правда, известно несколько случаев, когда, преследуя свои цели, новгородские князья подобно шведам осуществляли грубое

давление на корелу, применяя и военную силу. Так было в 1227 году, когда князь Ярослав Всеволодович, противодействуя шведскому влиянию, принудительно крестил в православие основную часть корельского населения. Однако лишь в конце XIII века, видимо в результате каких-то осложнений между Новгородом и местной племенной знатью, корельская земля стала административной частью Новгородского государства, а в ее центре, городке Кореле (ныне Приозерск), были посажены «на кормление» князь и воевода с дружиной.

Находясь под властью Господина Великого Новгорода, а затем Московского государства, Швеции и России, корелы смогли сохранить свои этнические особенности и в результате сложных процессов взаимодействия с соседними народами образовали современный карельский народ.

Ижора

Племя инкери, в славянском произношении ижора, — более молодое, чем водь и корела, этнообразование. Основываясь на языковых данных, исследователи считают ижору группой, отделившейся от корелы в конце I тысячелетия н. э. и обосновавшейся на берегах Невы и южнее. Это подтверждается и тем, что часть ижоры до сих пор называет себя карелами, несмотря на значительные отличия ижорского языка от современного карельского. В отличие от водских земель территория ижоры из-за своей аграрной непривлекательности долгое время не подвергалась колонизации со стороны новгородцев, хотя контакты со славянами, судя по всему, были тесными. Ижора, подобно води и кореле, платила Новгороду дань, выставляла ратников в новгородское войско и несла сторожевую службу на невском рубеже Новгородской земли. «Житие Александра Невского» сообщает об ижорском старейшине по имени Пелугий или Пелгусий: *«Ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу»*. Таким образом,

Видение Пелгусия. Миниатюра из Жития Александра Невского. Лицевой летописный свод (XVI в.). Пелгусию представились св. Борис и Глеб, плывущие на помощь Александру в насаде (плоскодонном судне)

хотя основная часть ижоры оставалась язычниками, вожди ее принимали православие, желая, возможно, сблизиться с влиятельными новгородцами.

Несмотря на то, что в ижорской среде выделилась своя племенная знать, какие-либо устойчивые структуры самоуправления здесь не сформировались: вероятно, сказывалось давление Новгородского государства, постоянно боровшегося со шведами за господство на невских землях. Шведы стали называть Ижорскую землю и соседние территории Ингерманландией (от соединения финских слов *Ingerin maa* — Ижорская земля и шведского *land* — земля, провинция).

Согласно данным всероссийской переписи населения 2002 года, в нашей стране проживало 327 человек, считавших себя ижорами.

Завершая краткое рассмотрение финноугорских народов, населявших Невский край в древности, заметим, что в древнерусских летописях для обозначения этих народов и некоторых родственных им в совокупности применялось наименование «чудь» (см. документ № 2), кроме того, так называли эстов — предков современных эстонцев.

К окружающим Неву землям выходит ареал еще двух древних культур, получивших названия по их наиболее характерным памятникам: культуры псковских длинных курганов и культуры сопок. Обе эти культуры наравне с культурой финноугорских племен легли в основание Невского края.

Культура длинных курганов

Культура, которую принято называть культурой длинных курганов, существовала примерно в V—X веках н. э. Ареал ее распространения широкой дугой охватывает восточную часть современной Псковской области, юг Ленинградской (район верхнего течения реки Луги) и часть Новгородской области, к югу и востоку от озера Ильмень. Длинные курганы — это погребения в виде протяженных земляных насыпей, имеющих высоту более 1 м и длиной от 10—12 до

100 м. Встречаются и круглые курганы, несомненно принадлежащие той же культуре. Останки умерших сжигались на погребальном костре и затем уже в виде пепла помещались в курган. Некоторые захоронения совершали в ямках, а затем курган насыпался над этой могилой. Тем не менее большинство погребений было устроено в разных местах уже готовых насыпей. Каждый курган может включать несколько, иногда более десятка захоронений. По большей части они не содержат ни погребальных урн, ни погребального инвентаря. Среди не сгоревших на костре останков обнаруживаются спекшиеся бусины, фрагменты металлических украшений, пряжки, ножи и т. п.

Следы поселений, относящихся к культуре длинных курганов, располагаются обычно недалеко от могильников. Они представляют собой селища — небольшие, неукрепленные поселения, состоящие из нескольких наземных срубных построек с печами-каменками. Помимо селищ, известно и несколько городищ — укрепленных пунктов, возникновение которых относится к концу периода существования культуры длинных курганов.

Носители культуры длинных курганов занимались подсечно-огневым земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, а также ремеслами: обработкой бронзы и железа, ювелирным и гончарным делом. Большое количество находок иноземного происхождения в культурном слое поселений говорит о высоком уровне торговых связей.

Этническая принадлежность носителей культуры длинных курганов долгое время вызывала дискуссии. Не вызывает сомнения, что эта культура имеет местное происхождение. Однако зародилась она в среде славянских переселенцев, которых, по мнению ученых, следует отождествить с северной ветвью известных по летописным источникам кривичей, мигрировавших в эпоху Великого переселения народов из междуречья Вислы и Эльбы и воспринявших многие черты как местного финноугорского населения, так и соседних балтских племен. Так, площадка, предназначенная для сооружения кургана, предварительно выжигалась — «очищалась огнем». Как пишет авторитетный ученый-археолог В. В. Седов, «этот ритуал не свойствен другим регионам славянского мира начала Средневековья и находит параллели в погребальных памятниках ряда при-

балтийско-финских племен и, очевидно, был воспринят населением, расселившимся в Новгородско-Псковском крае в условиях взаимодействия с аборигенами». Местным финским влиянием объясняются и некоторые формы керамических изделий, свойственные культуре длинных курганов. В свою очередь, как мы уже видели, славяне оказывали влияние на культуру финноугорских племен, в частности води.

В VIII веке кривичи распространили зону своего обитания на юг и населили территории будущих Смоленского и Полоцкого княжеств, где также получили распространение длинные курганы в варианте, несколько отличном от псковско-новгородского.

Культура сопок

Погребальные сооружения, называемые сопками, распространены почти на той же территории, что и длинные курганы, но особенно их много в районах, примыкающих к озеру Ильмень и реке Волхов. Они представляют собой круглые в плане холмы с крутыми склонами и плоской или выпуклой вершиной. Размеры их различны: от 2—2,5 м в высоту при диаметре 10—14 м до 10 м в высоту и 40 м в диаметре. Во многих случаях сопки насыпались в два, три или четыре приема, причем захоронения совершались на каждом этапе. Подобно тому, как это делалось при сооружении длинных курганов, место для будущей сопки выжигалось. Основание насыпи почти всегда окружено кольцом из валунов, нередко в два или три яруса. Каменные выкладки встречаются не только в основании, но и внутри сопок на разной высоте.

Как и в длинных курганах, в сопках захоранивали только после сожжений на погребальных кострах. Нередко вместе с человеческими костями в погребениях обнаруживаются и кости животных, чаще всего конские, а также коровьи, собачьи, бараньи, заячьи, птичьи. Ритуальное захоронение костей животных вместе с останками людей, как и выжигание места под курган, является финноугорской чертой.

Обилие таких свойств в культуре сопок позволяет говорить не только о влиянии со стороны финноугорских племен, но и о включении местного финского населения в состав носителей культуры сопок. Форма каменных выкладок внутри нескольких сопок на Волхове, вблизи Ладожского побережья, говорит и о проникновении сюда скандинавских культурных элементов.

Поселения, относящиеся к культуре сопок, исследованы еще недостаточно. На самом раннем этапе существования данной культуры это были селища сравнительно небольшого размера, с наземными срубными постройками. Однако затем наступает период активного строительства более крупных и укрепленных поселений, в которых носители культуры сопок жили бок о бок с финноуграми и скандинавами.

К занятиям носителей культуры сопок, по мнению археологов, относятся охота, рыболовство, ремесла, торговля, скотоводство и земледелие, которое в этой культуре постепенно приобретало более совершенные формы: вместо подсечно-огневой системы обработки земли использовались пахота и перелог.

Возникновение культуры сопок причисляют к несколько более позднему времени, чем культуры длинных курганов, — примерно к началу VIII века. На землях к югу и востоку от Ильменя эти две культуры некоторое время сосуществовали, но постепенно «длинные курганы» были вытеснены отсюда «сопками». Археологические данные свидетельствуют, что носители культуры сопок, которых с достаточной уверенностью можно обозначить известным по летописям названием ильменские словене, были пришельцами на этой земле. Прародиной словен долгое время безосновательно считались берега Днепра, но уже в XIX веке, когда учеными было обнаружено сходство этнографических материалов (обычаев, верований, преданий), собранных от потомков ильменских словен, с одной стороны, и жителей польского побережья Балтики, с другой, — было выдвинуто предположение об их генетическом родстве. Впоследствии догадки о том, что ильменские словене (так же, как и близкие им в культурно-этнографическом отношении псковские кривичи) имели глубокие генетические связи со славянами низовьев Вислы и Эльбы, — по-

лучили надежные подтверждения. Было замечено большое сходство конструкций жилых домов и оборонительных сооружений древнего населения польского поморья и ильменской земли. Таким же сходством отмечены многие предметы керамики, металлические, костяные и деревянные изделия. Особенности строения черепов из могильников поморских и полабских славян, а также из новгородских сопок говорят о том, что их владельцы принадлежали к одному антропологическому типу, отличному как от других славянских типов, так и от финского и литовского. Анализ языка новгородских берестяных грамот позволил выявить существование новгородско-псковского диалекта древнерусского языка, который более чем по двадцати существенным признакам отличался от южнорусского и представлял собой самостоятельное ответвление от общеславянского праязыка. Вообще, господствовавшее в исторической науке в течение многих лет представление об изначальной этнической однородности восточных славян должно быть подвергнуто коренному пересмотру. Все большее число ученых склоняется к тому, чтобы относить ильменских словен и псковских кривичей, с одной стороны, полян, древлян, радимичей и пр., с другой, к разным этногенетическим ветвям.

Пришедшие с запада к восточному побережью Балтики и Ладожскому озеру славянские племена вошли в глубокое культурное взаимодействие с аборигенами. Ученые говорят об образовании на северо-востоке Европы славяно-финского культурного симбиоза¹, ставшего следующей ступенью в развитии здесь локальной цивилизации.

Немаловажную роль в ее формировании сыграло и присутствие в этих землях скандинавов-викингов.

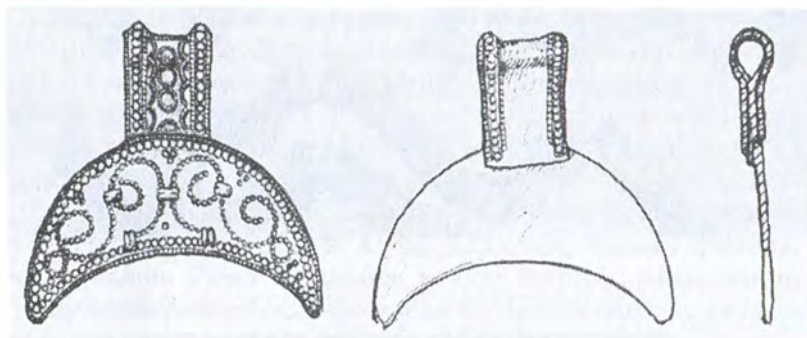
---

¹ Симбиоз — биологический термин, обозначающий взаимовыгодное сосуществование двух биологических видов. В данном случае подразумевается сосуществование двух этносов.

Северогерманские племена, населявшие Скандинавский полуостров, а также полуостров Ютландия и острова Балтийского моря, отличались в VIII — XI веках необычайной активностью. Их набеги на прибрежные территории Британии и материковой Европы держали местное население в течение нескольких веков в постоянном страхе. Себя эти воины называли «викингами», подвергавшиеся нападениям европейцы называли их «норманнами». Проникли викинги и в восточноевропейские земли, где стали известны под именем «варягов».

Тема скандинавского влияния на развитие цивилизации в Восточной Европе была начиная с середины XVIII века предметом ожесточенных споров между сторонниками и противниками так называемой норманской теории. В этой полемике интерпретация научных фактов приобретала идеологическое звучание, а зачастую и сами факты искажались в угоду идеологии. Если же взглянуть на проблему дискуссии непредвзято, суть ее сводится к утверждению или отрицанию, во-первых, присутствия скандинавских пришельцев в Восточной Европе, во-вторых, их активного участия в формировании культуры и государственности восточных славян.

Что касается присутствия викингов на восточноевропейских землях, населенных финноугорскими и славянскими

Серебряная позолоченная подвеска-лунница из скандинавского захоронения в урочище Плакун, Старая Ладога

Финноугорские бронзовые подвески из кургана № 6,
д. Заозерье, Южное Приладожье. Крепились цепочками к скандинавским
овальным фибулам

племенами, то оно с абсолютной убедительностью доказывается материалами археологических раскопок. Вдоль всех крупных рек Восточно-Европейской равнины обнаруживаются курганы с характерными скандинавскими захоронениями. Предметы скандинавского происхождения находят при раскопках древних поселений на пространстве от Балтики до Черного моря. Однако наиболее глубокий след викинги оставили в культуре ладожского региона. Здесь среди археологических находок встречаются предметы, в которых отчетливо заметно сочетание местных и скандинавских черт. Например, вблизи деревни Заозерье в южном Приладожье были найдены характерные для финноугров бронзовые шумящие подвески, прикрепленные к овальным фибулам¹ скандинавского типа, а обнаруженная в одном из курганов урочища Плакун в Старой Ладогере серебряная позолоченная подвеска обладает формой, характерной для славянских изделий, но украшена скандинавским растительным орнаментом из зерни.

Обменные контакты между северогерманским населением Швеции и племенами, жившими на побережье Финского залива, отмечены археологами еще применительно к V—VI векам. В последующий период контакты эти существенно возрастают, а их зона расширяется и начинает включать места расселения кривичей и ильменских словен. Многие из находок, относящихся к культурам длинных курганов и сопок, имеют скандинавское происхождение или демонстрируют заимствование технологий и традиций от заморских соседей.

Приблизительно в середине VIII века было основано поселение в Старой Ладогере. Находки археологов в нижних слоях старолadoжского городища свидетельствуют об этнической разнородности его жителей. Как пишет известный археолог А. Н. Кирпичников, «город в низовьях Волхова являлся новым для раннего Средневековья городом-космополитом, где произошла историческая встреча разных племен и народов Европы и Азии, включая славян, финнов, скандинавов. Сюда стекались воины, купцы, ремесленники, путешественники, переселенцы. Пришельцы из разных

---

¹ Фибула — металлическая застежка для одежды.

стран находили здесь приют, жили своими общинами, имели свои кладбища и мольбища, и все вместе образовывали своеобразный разноязыкий Вавилон. Разноэтничные коллективы, обосновавшиеся в Ладоге, отличались предпринимательской совместимостью и межобщинной уживаемостью».

Ладога IX — начала X века представляла собой типичное торгово-ремесленное поселение (протогород), подобное скандинавским викам (от древнегерманского *wik* — порт, гавань, бухта; слово «викинг», вероятно, произошло от того же корня). К числу наиболее известных вигов относят Хедбю в Дании, Скирингсаль в Южной Норвегии, Бирку на озере Меларен в Швеции, Колобжег на южном побережье Балтики и др. Тот же тип поселений представляют Рюриково городище под Новгородом, Гнёздово возле Смоленска, Сарское городище у Ростова и другие археологические объекты. В пестром населении этих протогородов викингги составляли значительную часть; они, по всей видимости, представляли собой силу, которая обеспечивала оборону торгово-ремесленных поселений от внешнего врага и поддерживала в них внутренний порядок и самоуправление. Основными занятиями жителей протогородов считались торговля (зачастую весьма дальняя), ремесла и производства, обслуживающие мореплавание, вооружение, торговлю. Получили распространение грабительские походы, которые на Руси приняли форму регулярных поборов — дани. Принципиальное значение для существования торгово-ремесленных поселений имели трансевропейские торговые трассы — путь «из варяг в греки» и Великий Волжский путь.

Нужно подчеркнуть отличие торгово-ремесленных протогородов от других древнейших восточнославянских крупных населенных пунктов. Последние были прежде всего племенными центрами и в дальнейшем, превратившись в собственно города, исполняли главным образом административную функцию — служили резиденцией князя и его дружины, пунктом сбора дани и местом народных собраний. Ладога и подобные ей полиэтнические образования являлись преимущественно центрами ремесла и торговли и в меньшей степени играли официальную политико-административную роль, при этом притягивая к себе наиболее подвижные и энергичные элементы любой этнической группы.

Открытость в сочетании с национальной, культурной и религиозной терпимостью, гостеприимство — вот черты, свойственные социуму ранней Ладоги, которые в конечном счете обуславливались геополитическим положением Балтийско-Ладожского региона. Эти же черты в дальнейшем будут характеризовать социально-культурную среду Невско-го края на протяжении всей его истории. Не случайно многие современные историки и культурологи видят в Ладоге прямую предшественницу Санкт-Петербурга.

С Ладогой связано и древнейшее письменное свидетельство о славянско-скандинавском взаимодействии. Это знаменитое летописное сказание о призвании варягов, содержащееся в «Повести временных лет» (см. документ № 2). При всей легендарности и возможной неточности содержащихся в этом тексте сведений, он тем не менее является еще одним подтверждением выводов, сделанных учеными при анализе археологических и лингвистических данных: во-первых, славянские (словене, кривичи) и финноугорские (чудь, меря, весь) племена составляли в раннее Средневековье некую общность и выступали заодно; во-вторых, несмотря на конфликты со скандинавскими пришельцами, порою переходившие в вооруженные столкновения (*«изгнали варягов за море»*), местные жители умели договариваться со скандинавами и понимали свои выгоды от их присутствия здесь. В целом исследователи сходятся во мнении, что проникновение викингов в Восточную Европу носило значительно более мирный характер, чем их экспансия в Британии, Франции или Италии.

Призвание варягов традиционно считается вехой, обозначающей рождение нового государственного образования — Киевской Руси. Однако труды современных историков доказывают, что и в более раннее время на территории Новгородской республики существовала некая своеобразная «держава» — Верхняя Русь. Следует иметь в виду, что слово «русь» в тот период не являлось наименованием славянского племени или группы племен, а скорее всего, и вовсе не было этнонимом. Аргументы, наиболее подробно рассмотренные лингвистом Е. А. Мельниковой и историком В. Я. Петрухиным в работе, специально посвященной происхождению названия Русь, позволяют говорить о том, что первоначально «русью» назывались скандинавские дружины, приходившие

на судах в восточноевропейские земли и сыгравшие здесь ключевую роль в образовании властных структур. Затем слово «русь» стало использоваться для обозначения территории, властители которой опирались на военную силу скандинавов, и лишь в значительно более поздние времена оно стало названием народа. Верхняя Русь, безусловно, являлась полиэтническим государственным образованием, включающим в себя несколько разнородных племен и племенных союзов, и, в свою очередь, была важнейшим звеном крупного транснационального единства, возникшего вокруг Балтийского моря во второй половине I тысячелетия н. э., — Балтийской цивилизации раннего Средневековья. В этом сообществе Верхняя Русь играла очень значительную роль, с одной стороны, контролируя важнейшие водные пути по Неве и Волхову, а с другой, предоставляя доступ к ресурсам важнейших для того времени сырьевых товаров — пушнины, воска и моржового клыка. Сбывая эти продукты в обмен на восточные товары, в первую очередь на арабское серебро, Верхняя Русь обеспечивала в период с конца VIII до середины X века весь балтийский регион средствами денежного обращения. Эта система экономических связей отчетливо прослеживается, в частности, по результатам находок раннесредневековых кладов на территории Северной Европы, от Дании до Волхова. Один из них, состоящий из арабских дирхемов и динариев IX века, был обнаружен в конце XVIII века на Васильевском острове в районе Галерной гавани; другой, относящийся к самому началу IX века, нашли в 1941 году в Петергофе.

Ладога была важнейшим, но, безусловно, не единственным торгово-ремесленным протогородом Верхней Руси. Упомянутый в «Сказании о призвании варягов» Новгород (см. документ № 2) был на самом деле основан несколько позже (древнейший новгородский культурный слой относится примерно к третьей четверти X века). Однако в непосредственной близости от Новгорода находится городище середины IX века, отождествляемое историками с Холмгардом (или по-славянски Холмгородом), известным по скандинавским сагам. Вероятно, это укрепленное поселение и было тем «городом над Волховом», который «срубил», то есть построил Рюрик. За последние несколько десятилетий археологами было обнаружено и частично исследовано

Призвание варягов. Миниатюры Радзивилловской летописи (конец XV в.).

Вверху: посольство к варягам и отъезд их на восток.

Внизу: Рюрик на престоле в Ладоге (слева), Синеус — в Белоозере (в центре), Трувор — в Изборске (справа)

более тридцати поселений, как укрепленных, так и открытых (не имевших оборонительных сооружений), относящихся к VIII—X векам н. э. и расположенных на всем протяжении Волхова, вокруг озера Ильмень, на реках Мсте, Ловати, Луге, Оредеже и в районе Чудского озера. Это доказывает, что наименование «гарды» (*gardar* — города, вероятно, от древнерусского «грады»), которое дали викинги землям Северо-Восточной Европы, точно соответствовало действительности.

Итак, финноугры, славяне, викинги — эти разнородные этнические группы, взаимодействуя, создали в конце I тысячелетия на Балтийско-Ладожских землях особое государственное образование — Верхнюю Русь, являвшееся важнейшим элементом Балтийской цивилизации раннего Средневековья и обладавшее рядом специфических черт: высоким уровнем развития протогородов, хозяйственно-экономической ориентацией на торговлю, многокультурностью и полиэтничностью.

Документ № 2

СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ

(отрывок из «Повести временных лет»
по Ипатьевскому списку¹)

В лето 859. Взимали дань варяги, приходившие из заморья, с чуди, и со словен, и с мери², и с веси³, <и с> кривичей. <...>

В лето 862. Изгнали варягов за море и не дали им дани. И начали сами собой владеть, и не было у них правды⁴.

---

¹ Первая русская летопись, составленная около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, дошла до нас в нескольких рукописях (списках). Текст «Сказания о призвании варягов» в списке Ипатьевской летописи (20-е гг. XV в.) считается наиболее близким к исходной редакции.

² Меря — народ финноугорской группы, населявший в древности земли вокруг озер Неро и Плещеево (в будущем — земли Рostова Великого и Переславля-Залесского).

³ Веси — финноугорский народ, обитавший вблизи Белого озера и в восточном Приладожье, современное название «вепсы».

⁴ То есть не было закона.

И встал род на род, и были у них усобицы, и стали сами с собой воевать. И сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и управлял по ряду¹, по праву». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги звались «русь», как другие зовутся свеи², другие урмань³, англы и еще готы, так и эти. Говорили руси чудь, словени, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались три брата со своими родами и взяли с собой всю русь. И сперва пришли к словенам и срубили город Ладогу. И сел старший в Ладоге Рюрик⁴, а другой, Синеус, на Белоозере, а третий, Трувор, в Изборске⁵. И от тех варягов прозвалась русская земля. Через два года умер Синеус и брат его Трувор и принял Рюрик всю власть один, и пришел к Ильменю, и срубил город над Волховом, и прозвали его Новгород, и сел тут княжить <...>

(Текст печатается в переводе на современный русский язык по изданию: Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. В примечаниях использована статья А. Н. Кирпичникова «Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность».)

---

¹ То есть по договору.

² Свеи — то есть шведы.

³ Урмань или мурманы, то есть норвежцы; этимологически родственно слову «норманн».

⁴ Рюрик — согласно мнению наиболее авторитетных современных специалистов, имеется в виду датский викинг Рёрик из рода Скиольдунгов, известный по европейским источникам.

⁵ Ни в Изборске, ни в Белоозере не найдено археологических подтверждений присутствия там скандинавов во второй половине IX в. Существует достаточно правдоподобное предположение, что имена Синеус и Трувор появились в этом тексте в результате неправильного понимания летописцем некоего документа или устного произведения на старосведском языке, в котором «sune hus» и «thru varing» означали «с родом своим и верной дружиной».

В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Новгород и Киевская Русь

Во времена преемника Рюрика — Олега Вещего — произошло слияние Верхней Руси с более южными славянскими землями; населявшие их племена группировались вокруг полян, занимавших территорию среднего течения Днепра. Центром нового союза Олег сделал главный город полян — Киев.

Киевская Русь являлась государством «облегченного типа», судьба которого всецело зависела от внешней, прежде всего военно-торговой, конъюнктуры. Границы такого государства не были зафиксированы, оно не составляло единого культурного, правового и экономического пространства. «Основные функции Древнерусского государства, — считает историк И. Н. Данилевский, — судя по всему, могут быть сведены, в первую очередь, к защите внешних границ племен, вошедших в „суперсоюз“ (союз племенных княжений), наведению „порядка“ внутри государственного объединения (то есть выполнению налогово-полицейских функций) и, наконец, к контролю над международными торговыми путями, проходившими через восточнославянские земли (прежде всего над путем „из варяг в греки“)».

Своего рода геополитической квинтэссенцией Киевской Руси в эпоху первых князей стали крупные грабительские набеги на Византию, в которых активно участвовали не только сами варяги (собственно русь), но и их данники — славяне. Эти отряды выступали не от лица единой киевской державы, а как представители, по сути, суверенных племен, вступивших в союз. Это видно, например, из содержания мирного договора Олега с Константинополем, изложенного в «Повести временных лет»: побежденные греки должны были выплачивать дань отдельно каждому из городов, участвовавших в походе.

Таким образом, Киевская Русь была не столько единым государством, сколько «полудобровольным» союзом племен (силовой фактор варяжской власти хотя и не следует абсолютизировать, но нельзя вовсе сбрасывать со счетов). Внутри каждого племени происходило формирование элементов собственного регионального государственного устройства. Наиболее развитой в этом отношении, как мы уже знаем, была Верхняя Русь, которая в X веке приобрела новый мощный центр — Новгород, ставший на долгие годы оппонентом Киева.

Для характеристики становления новгородской государственности стоит рассмотреть некоторые события, относящиеся ко времени княжения в Новгороде правнука Рюрика, будущего крестителя Руси — Владимира и его сына Ярослава.

Летопись сообщает, что в 970 году к великому князю Святославу в Киев прибыли новгородские послы с просьбой прислать им князя: *«Если никто от вас не пойдет к нам княжить, мы сами найдем себе князя»*. Как нетрудно заметить, речь шла именно о добровольном, то есть основанном на договоре, приглашении князя с дружиной на службу, а отнюдь не о стремлении новгородцев «подтвердить свою зависимость» от киевского князя.

Старшие сыновья Святослава — Ярополк и Олег — отказались идти в Новгород и предпочли княжить на юге. Тогда новгородцы выбрали себе в князья Владимира — малолетнего сына Святослава от рабыни Малуши. После гибели отца Ярополк, сидевший в Киеве, захватил княжество своего брата Олега и убил его. Узнав об этом, Владимир испугался, что его ждет та же участь, и бежал за море к ва-

Построение Новгорода. Миниатюра Радзивилловской летописи (XV в.).

Иллюстрирует текст: «Словене же сѣдоша около озера Ильменя, и прозвашася своим именем, и соделаша город, и нарекоша Новгород»

рягам. Ярополк же прислал в Новгород своих посадников¹ и стал, сообщает летопись, единолично править на Руси. Однако замена «своего» князя наместником, присланным из Киева, была новгородцам не по душе. Неудивительно, что, когда Владимир вернулся в Новгород через три года с варяжской дружиной, он тут же получил поддержку со стороны горожан, что позволило ему отослать посадников назад к Ярополку и пойти на него войной, и в результате самому занять киевский престол.

В основе княжеских усобиц лежала не только внутри-клановая борьба за власть, но и очевидное стремление различных регионов Киевской Руси к политической самостоятельности. Усиление этого стремления неизбежно должно было привести к распаду державы Рюриковичей на отдельные княжества. Одной из мер, призванной остановить этот процесс, было дважды предпринятое Владимиром введение общегосударственной религии. В 987 году он утвердил единый для всех подвластных Киеву земель языческий панте-

¹ В данном случае «посадник» обозначает «наместник, представитель киевского великого князя». Позднее посадником стали называть человека, занимающего высшую выборную должность в средневековом Новгороде.

он, а год спустя — принял христианство. Дядя Владимира по матери, воевода Добрыня, отправился в «крестовый поход» на Новгород, чтобы силой утвердить избранную князем веру. Это, однако, не обуздаło сепаратистских устремлений Новгорода. Сын Владимира Ярослав, правивший в Новгороде и прозванный впоследствии Мудрым, отказался платить дань Киеву. Это произошло в 1014 году, о чем сообщает Новгородская 1-я летопись младшего извода. Владимир собрался было в военный поход, чтобы наказать непослушного отпрыска, однако скоропостижно умер. В это время между Ярославом с варяжской дружиной и новгородцами произошёл конфликт, приведший к кровавому побоищу внутри города. Но когда пришло известие о смерти Владимира, великого князя киевского, Ярослав заявил о намерении идти войной на Киев. Тотчас все раздоры были забыты и горожане простили своему князю обиду ради обретения независимости, и более того, выставили ему многочисленную рать, благодаря чему он в итоге утвердился на великокняжеском престоле. Таким же образом новгородцы в дальнейшем неоднократно помогали Ярославу в усобицах, что и было учтено: выплата дани Киеву, которую сам Ярослав, ещё будучи новгородским князем, отказался исполнять, вероятно, так и не была восстановлена. Кроме того, новгородцы получили от Ярослава грамоты, гарантировавшие им некие права. Историки усматривают в этом документе самый ранний вариант «Русской правды». В летописях есть указания, что на протяжении последующих столетий князья присягали новгородцам на грамотах Ярослава.

Фактически при Ярославе в значительной степени восстанавливается самостоятельность Верхней Руси, лишь формально входящей в состав Киевской державы.

Окончательно независимость от Киева Новгород обрел в 1136 году, когда при участии посланцев из двух крупнейших, зависимых от Новгорода городов — Пскова и Ладоги — новгородцы свергли княжившего у них внука Владимира Мономаха — Всеволода Мстиславича, предъявив ему претензии, в числе которых было и втягивание горожан в княжеские усобицы. Вместо отстраненного и затем изгнанного князя был приглашен из Чернигова представитель противоборствующей с Мономашичами ветви Рюриковичей — Святослав Ольгович. Новый князь задержался в Новгороде

всего лишь на два года, его поменяли на Ростислава Юрьевича Ростовского. Историки предполагают, что примерно с этого времени новгородцы начали письменно заключать с приглашаемыми князьями договоры, в которых определялись взаимные обязательства сторон. В истории средневекового Новгорода наступил период расцвета: город представлял собой мощное государство с эффективной системой управления, военной организацией, отлаженной экономикой, развитыми международными связями и обширными территориальными владениями.

Государственное устройство Новгородской республики

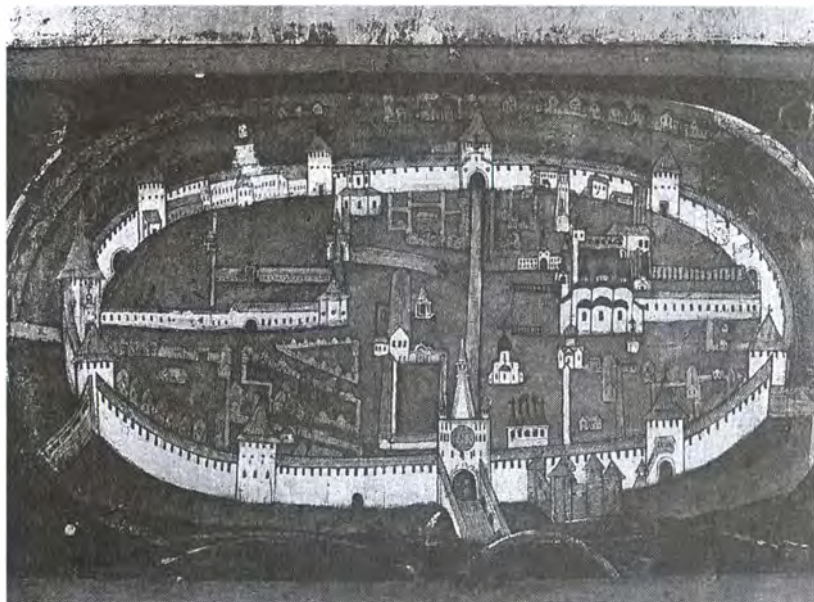

Сложившийся в Новгороде порядок правления значительно отличался от системы власти других средневековых восточнославянских государств и во многом напоминал те административные формы, которые существовали в западноевропейских городах-государствах, например в североитальянских республиках — Венеции и Генуе. Народное собрание — вече, изначально существовавшее во многих древнерусских городах, лишь в Новгороде и в близком ему Пскове сохранило функции высшего органа власти, в полномочия которого входило: заключение и расторжение договора с князем, а также избрание и смещение высших административных чиновников — посадника, тысяцкого, архиепископа и архимандрита¹. Вече контролировало деятельность назначенных должностных лиц, принимало решение об объявлении войны и заключении мира, утверждало законы и устанавливало налоги, торговые правила, льготы и т. д.

Собиралось вече специальным колоколом, находившимся на башне Ярославова дворища, и считалось правомочным

---

¹ Структура власти в Новгороде со временем видоизменялась: появлялись новые должности, изменялось их количество. Так, с середины XIV в. избирали несколько посадников, один из которых на определенный срок становился главным — степенным посадником.

Вид Новгородского кремля. Фрагмент иконы (конец XVI в.)

лишь в случае присутствия на нем посадника и тысяцкого, а также представителей всех пяти новгородских концов (то есть районов города) и представителей всех социальных групп, начиная от бояр и кончая «черными людьми»¹. При решении вопросов общегосударственного значения на вече приглашались делегации новгородских пригородов: крупных городов, входивших в состав Новгородской земли, — Пскова, Ладоги, Русы (ныне Старая Русса), а также представители Новгородских земель, населенных иноязычными народами, в первую очередь корелой, ижорой и водью. Новго-

---

¹ Ведущий современный специалист по Древнему Новгороду, академик В. Л. Янин выдвинул гипотезу о том, что вече являлось органом власти исключительно бояр, то есть крупных землевладельцев, и аргументировал ее данными археологии. Однако такое понимание социальной роли вече противоречит многим письменным свидетельствам, например формуле, которой в древних актах утверждалась легитимность принятого на вече решения: «...от бояр, от житейх людей, от купцов, от черных людей, от всего Новгорода». Структура новгородского народоправства еще не до конца прояснена историками.

Новгородец звонит в вечевой колокол.
Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода (XVI в.)

родская система самоуправления была всеобъемлющей: помимо общегородского веча, существовали веча в каждом конце города и даже на отдельных улицах, а также в каждом из пригородов.

Приглашенный князь, вступая в должность, «целовал крест» и подписывал с новгородцами «ряд» — договор. Древнейший из таких документов, дошедший до нас, относится к 1264 году, однако в его тексте есть указание на то, что подобные соглашения между князем и новгородцами заключались и раньше. В договорах детально оговаривались источники дохода князя и вообще его финансовые и имущественные отношения с Новгородом. В общих чертах их можно свести к следующему. Во-первых, князю, членам его семьи и приближенным запрещалось владеть землями на подвластных Новгороду территориях; им выделялись только луга для выпаса лошадей, угодья для охоты, рыбной ловли и т. п. Во-вторых, князь и его люди не имели права собирать на Новгородских землях государственные подати; их взимали специальные должностные лица, после чего из собранного выделялась часть для князя в виде жалованья. Таким образом, князь в Новгороде фактически являлся наемным лицом, исполнявшим функции военачальника, дипломатического представителя и еще некоторые другие обязанности, но он не становился безраздельным хозяином подвластной ему страны, как это было в других русских княжествах и сохранилось в Московской Руси, а затем и в России.

Еще одной важнейшей особенностью внутреннего устройства Великого Новгорода было наличие независимого и равного суда. Новгородская судная грамота дошла до нас частично и в позднем варианте 1471 года, но, по мнению исследователей, она воспроизводит более ранние юридические акты. Эта грамота так описывает обязанности судьи-архиепископа: *«а судить ему всех ровно, как боярина, так и житего, так и молодчего человека»¹*.

Не следует, конечно, идеализировать государственный строй Новгородской республики: способ принятия решений

---

¹ Житья люди — состоятельные горожане, владевшие землей. В социальной иерархии стояли ниже бояр, но выше купцов. Молодые — наименее состоятельный слой свободных людей.

на вече, судя по всему, допускал манипулирование общественным мнением со стороны отдельных бояр или других заинтересованных лиц, а случалось, вечевые собрания вообще завершались кровавыми драками между сторонниками и противниками какого-либо решения. Однако последовательное развитие новгородской государственности вполне могло привести к возникновению здесь парламентаризма одновременно с появлением его в западноевропейских странах.

Новгородская земля

Новгородская земля была самым крупным восточнославянским государством Средневековья. Ее территория простиралась от Баренцева моря до Северного Поволжья и от Чудского озера до Урала и даже за Урал. Изначальная область расселения ильменских словен составляла лишь малую ее часть; остальные территории, включая и земли вокруг устья Невы, представляли собой колонии, присоединенные новгородцами к своим изначальным владениям.

Необходимо отметить принципиальную разницу между территориальными приобретениями новгородцев и завоеваниями, скажем, Владимиро-Суздальского княжества или позднее — Московского, для которых захват новых земель имел главной целью увеличение дани, собираемой князем с подвластных ему территорий. Осуществлялась эта экспансия, естественно, самим князем и его войском. Новгородцев же, в первую очередь, интересовали контроль над торговыми путями и освоение экспортно-промысловых ресурсов. Конечно, попавшее под власть Новгорода население облагалось также и данью, но значительная часть новгородских колоний была столь малонаселенной, что размер дани оказывался весьма невелик. Освоение новгородцами берегов Онежского озера, Белого моря, бассейнов Северной Двины и Печоры, Северного Урала осуществлялось не княжескими дружинами, а отрядами (ватагами) авантюристов, напомиравших викингов. Их суда, того же типа, что и скандинавские дракары, назывались ушкуями, а сами они — ушкунниками. Продвигаясь на восток и северо-восток, они осно-

вывали там поселения, собирали дань с покоренных племен, оказывавших им, по-видимому, довольно слабое сопротивление, устраивали лесные и охотничьи промыслы. Местные жители: весь, чудь заволочская, лопь, пермяки, зыряне, югра — не подвергались насильственной христианизации и сохраняли племенные обычаи и управление. Эти земли стали для новгородцев неисчерпаемым источником пушнины, кости, кожи, воска, меда, дегтя.

Во второй половине XIV века ушкуйники совершили несколько набегов на Поволжье, чем осложнили отношения русских с Золотой Ордой. Новгород был вынужден заплатить за «мир» большую сумму денег, и с того времени ушкуйничество стало постепенно сходить на нет. Ушкуйничество допустимо рассматривать как архаическую форму проявления частной самоорганизации, признавая все его отрицательные качества: незаконность, бесконтрольность, провокационность. Походы ушкуйников никогда не инициировались государственными должностными лицами.

Земли, лежащие к западу от Ладожского озера, значили для новгородцев еще больше, чем северо-восточные: они открывали дорогу в Балтику и далее в Европу. Здесь отношения между новгородской метрополией и подвластными ей территориями были значительно сложнее и во многом драматичнее. Так, Псков (наряду с Ладогой, Новгородом и Изборском) — один из древнейших славянских городов Балтийско-Ладожского региона обладал при первых Рюриковичах полной независимостью, а позднее оказался по отношению к Новгороду в положении «младшего брата» (так это обозначалось в документах того времени) и на протяжении нескольких веков бился с волховской столицей за восстановление своего суверенитета.

Приневские территории, населенные водью, ижорой и корелой, тоже не без сопротивления вошли в состав Новгородской земли. Новгородская 1-я летопись сообщает, что в 1069 году вожане принимали участие в набеге полоцкого князя Всеслава на Новгород (это, кстати, самое древнее письменное упоминание об этом народе). Вполне возможно, что таким образом вожане ответили на прежние агрессивные действия новгородцев.

Восемьдесят лет спустя (согласно той же летописи) водские земли подверглись нападению финского племени емь,

для противодействия которому новгородцы выставили войско. Это, по мнению историков, может означать, что к данному времени водь уже находилась в вассальной зависимости от Новгорода. Эта зависимость, насколько можно судить по достаточно скудным дошедшим до нас сведениям, заключалась лишь в уплате Новгороду дани — в остальном водь сохраняла и свое племенное управление, и жизненный уклад, и языческие верования. Тем не менее нельзя утверждать, что вожане полностью смирились со своим подчиненным положением и не предпринимали попыток избавиться от уплаты дани своему могущественному соседу. Однако такие попытки были, по-видимому, немногочисленны. Одна из них относится ко времени новгородско-ливонской войны 1240—1242 годов, и о ней мы расскажем чуть позже.

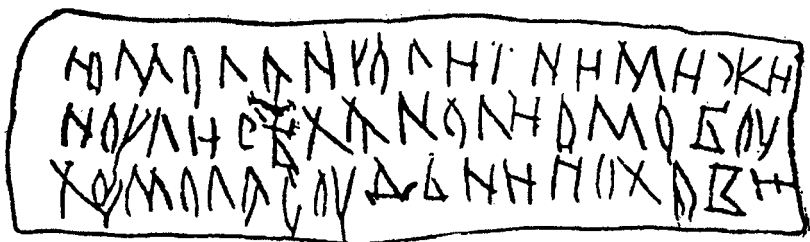
К середине XII века новгородцы покорили, вероятно, и корелу. По крайней мере, с этого времени новгородские летописи начинают фиксировать походы корелы на емь. Если бы корела не находилась под властью Новгорода, такого рода упоминаний не существовало бы. Да к тому же в этих походах (например, в 1191 году) принимали участие и сами новгородцы.

Корела в ряду покоренных Новгородом племен была наиболее сильным и организованным, а потому наименее послушным в отношениях с сюзереном этносом. Летописи содержат сведения о многочисленных восстаниях корел, в ходе которых те зачастую искали поддержки у шведов, к этому времени распространивших свое влияние на Финляндию и часть корельских земель. Так, в летописной записи за 1314 год говорится, что восставшие корелы перебили русских горожан в недавно построенном Корельском городке¹ и ввели к себе немцев (так в летописях нередко назывались шведы). Когда же к городу приблизились новгородцы во главе с наместником Федором, многие корелы переметнулись на их сторону, в результате чего прежний порядок был восстановлен, а находившиеся в городе шведы и упорствовавшие в своей непокорности корелы — убиты.

Ижора впервые упоминается в Новгородской летописи в записи за 1228 год, когда этот народ выступил союзником

---

¹ Современное название — Приозерск.

Берестяная грамота, написанная на карельском языке. 1240—1260 гг.

Прорисовка. Текст, вероятно, является заговором от молнии

новгородцев и ладожан при отражении набега финского племени емь на ладожское побережье.

Постепенное распространение среди коренных жителей Невского края православия способствовало их сближению с новгородцами. Вообще, водь, ижора и корела постоянно фигурируют в летописях рядом с новгородцами, ладожанами, псковичами не только в качестве участников военных походов, но и в качестве сил, решающих важные общегосударственные вопросы. Например, описывая конфликт новгородцев с князем Ярославом Ярославичем в 1270 году, летопись сообщает: *«и собралась в Новгород вся волость новгородская: псковичи, ладожане, корела, ижора, вожане»*. По данным археологии, в самом Новгороде постоянно жило довольно много финноязычных жителей, в частности корелов. Найдена даже берестяная грамота XIII века, написанная кириллицей на корельском языке. Из сохранившихся документов известно, что некоторые высокие должности в Новгородском государстве занимали представители финноугорских народов (нужно учесть, что, как правило, они носили православные имена, и поэтому отличить их от славян без специальных на то указаний в источниках невозможно).

Сравнительно мягкая политика, которую Новгород осуществлял по отношению к завоеванным народам Невского края, была вызвана, как можно предположить, стремлением «замирить» их, создать комфортные условия существования внутри Новгородского государства, с тем чтобы сохранить контроль над невским торговым путем и прилегающими к нему территориями, не допустив сюда иноземных колонизаторов. Но кроме того, у этой политики была одна

весьма важная и, на первый взгляд, странная особенность: вплоть до самого конца XIII века новгородцы не строили на покоренных землях крепостей даже в тех случаях, когда такое строительство казалось бы крайне необходимо. Более того, отвоевывая крепости, сооруженные иноземными захватчиками на принадлежащих Новгороду землях, новгородцы предпочитали не приспособливать их для своих оборонительных нужд, а разрушать до основания. Так случилось с построенной немцами в 1240 году в Водской земле крепостью Копорье¹, со шведскими крепостями Кексгольм² (основана в 1295) и Ландскрона (1300).

Показательна история Копорья. Через год после постройки эта немецкая крепость была отбита войском Александра Невского и разрушена. А еще через 38 лет сын Александра Дмитрий воздвиг на том же месте для себя (но с разрешения Новгорода) укрепленную княжескую резиденцию, сначала деревянную, потом из камня. Два года спустя новгородцы Дмитрию *«путь показаша»* (то есть сместили его с княжеского престола), и Копорье ими вновь было разрушено. И лишь в 1297 году, когда проводимая Новгородом политика отказа от строительства пограничных крепостей стала частично корректироваться, Копорье вновь отстроили в камне.

Подобным образом, через некоторое время после разрушения новгородцы отстроили и шведский Кексгольм (под названием Корела).

Вероятно, столь долгое и упорное нежелание новгородцев создавать на своих оборонительных рубежах крепости можно объяснить тем, что вечевая республика не имела возможности держать на этих форпостах постоянные воинские гарнизоны и при этом не могла поручить их защиту местным жителям из опасения, что крепости станут опорой в борьбе против самого Новгорода, причем не только вооруженной, но и экономической.

---

¹ Существующие ныне каменные стены крепости Копорье были возведены в XVI в.

² Шведы называли крепость Кекесхольм или Кексгольм, от корельского названия острова Кякисалми (то есть «Кукушкин пролив»), на котором она стояла. Новгородцы свою крепость на том же месте именовали Корелой или Корельским городком.

Возведение немцами крепости Копорье. Миниатюра из Жития
Александра Невского. Лицевой летописный свод (XVI в.)

Разрушение Александром Невским Копорья. Миниатюра из Жития Александра Невского. Лицевой летописный свод (XVI в.)

Дело в том, что постройка крепости вблизи оживленного торгового пути неизбежно влекла за собой образование под ее стенами торгово-ремесленного поселения — посада. Именно таким образом возле оборонительных крепостей возникли крупнейшие средневековые города восточной Прибалтики — Нарва и Выборг. У Новгорода был опыт создания такого оборонительного рубежа. Предположительно еще в X веке новгородцы поставили в верховьях Волги, на южной границе своих владений, городок, совместивший функцию военного укрепления и торгового поселения. Городок этот назывался Новый Торг (позднее Торжок). Через него из южнорусских земель на север проходил поток товаров, прежде всего зерна. И стоило только новоторжцам в неурожайный год перекрыть канал поступления продовольствия в Новгород, как там начинался настоящий голод и гордая новгородская власть была готова идти (и шла) на любые уступки. Путь по Неве на европейский запад был для экономики Новгорода не менее важен, чем волжская трасса, и городок, скажем, в невском устье, осознав выгоду своего географического положения, вполне мог подобно Новому Торгу принести Новгороду больше вреда, чем пользы.

Также нельзя исключать того обстоятельства, что новгородцы умышленно избегали появления на невском торговом пути города-конкурента в торговле с Европой. Ведь вблизи невского устья сходились не только водные трассы, но и сухопутные дороги, и нетрудно предположить, что если бы здесь стоял город, потоки пушнины и других товаров из Приладожья, Карельского перешейка и южного берега Финского залива направлялись бы сюда, минуя Волхов.

Нужно еще учитывать и то, что входящие в Новгородское государство земли, очевидно, не обладали одинаковым статусом: были территории, являвшиеся исконно новгородскими (вокруг озера Ильмень и по берегам Волхова); были земли, принадлежавшие новгородским пригородам; были, наконец, области, завоеванные Новгородом и выплачивающие ему дань. Именно к последним начиная с XII века относились земли, прилегающие к Неве и Финскому заливу (постепенно, к XIV—XV векам, по мере того как здешние угодья переходили в руки новгородских бояр, их статус менялся). Пользуясь невским торговым путем и заботясь о его безопасности, новгородцы долгое время, как представляет-

ся, все-таки воспринимали его как недавно завоеванную чужую территорию и не считали берега Невы такой же частью своего отечества, как берега Волхова, и потому не создавали здесь капитального пограничного оборонительного рубежа, а лишь выставляли «*стражу морскую*» из местных жителей (в 1240 году ее возглавлял, как мы помним, ижорский старейшина Пелгусий). Вполне возможно, что во второй половине XIII века новгородцы устроили в устье Невы постоянную заставу. В летописи за 1284 год сообщается, что новгородцы и ладожане под предводительством посадника Смена, желая изгнать из своих пределов немецкий (по-видимому, шведский) отряд, ходивший на судах через Неву и Ладожское озеро против корелы, дожидались его именно в устье Невы. А первое основательное новгородское укрепление вблизи Невы — крепость Ореховец (Орешек) — появилось в 1323 году отнюдь не в ее устье, где оно защищало бы все протяжение реки от военных посягательств с запада, а с противоположной стороны, у истока. И это также является свидетельством того, что новгородцы даже в XIV веке еще не считали Неву своей безоговорочной собственностью.

Итак, начиная с конца XIII века новгородцы меняют свое отношение к приграничным территориям и начинают создавать на них крепости. В 1297 году, как мы уже знаем, было заново отстроено Копорье, за ним последовали Корела (1310), Тиверский городок¹ (по археологическим данным, конец XIII — начало XIV века), Ореховец (1323), Яма² (1384). Мы не имеем сведений о том, из кого состоял гарнизон этих крепостей; понятно, что сам Новгород не обладал достаточными возможностями для того, чтобы постоянно держать на своих северо-западных границах несколько довольно крупных военных отрядов, тем более что не меньшего внимания требовали южные границы, которым угрожала возрастающая мощь Московского государства.

Проблему недостатка военной силы для защиты от соседней Швеции Новгород попытался решить, привлекая для этого военные ресурсы другого соседа. Как раз в это время

---

¹ Находился на острове на реке Вуокса, примерно в 14 км к югу от современного поселка Мельниково.

² В петровское время крепость стала называться Ямбург; ныне это город Кингисепп.

правлящий в Литве князь Гедимин (княжил в 1316—1341) превратил ее в могущественную державу, на союз с которой новгородцы и решили сделать ставку. В 1333 году они передали во владение Наримонта, сына Гедимины, Ладогу, Ореховец, Корелу и всю Корельскую землю¹, а также половину Копорья. Возможно, на решение пригласить литовского князя новгородцев натолкнуло воспоминание о недавнем и весьма успешном правлении во Пскове князя Довмонта (княжил в 1266—1299), происходившего из Литвы. Расчет Новгорода заключался в том, что литовский князь не только сможет защитить подаренные ему города и земли, но при необходимости окажет новгородцам помощь и на южных рубежах.

Однако деятельность нового правителя вызвала негативную реакцию у населения, по крайней мере в одной из врученных ему областей — Корельской земле. Причем недовольство оказалось направленным не на самого Наримонта или его приближенных, а на новгородцев, навязавших корелям литовского князя. В 1337 году корелы, как сообщает Новгородская 1-я летопись, обратившись за помощью к шведам, подняли восстание и поубивали новгородских и ладожских купцов на своей земле. По сообщению Софийской летописи, Корельский город (то есть крепость Корела) на некоторое время даже перешел в руки шведов. Новгородцы крепость отбили, а восставшие бежали в Выборг, где также произошли столкновения между ними и новгородскими купцами.

Впрочем, деятельностью Наримонта были недовольны не только корелы, но и сами новгородцы. В следующем, 1338 году, шведы опустошили Обонежье, осадили Ладогу и сожгли ладожский посад, затем вторглись в Водскую землю и разорили деревни по берегам речки Толдоги. Новгородцы совершили ответный поход к Выборгу. Наримонт же все это

---

¹ Историкам известно всего лишь об одном более раннем случае отдачи Корельской земли «в кормление»; в одном из документов 1308 г. говорится: «*Бориса Константиновича кормил Новгород корелю, а он корелу всю истерял и за немцев загнал <...>*». Очевидно, речь идет о том, что присланный к корелям князь обложил их такими поборами, что они стали перебегать к шведам. В результате князь был изгнан из Новгородской волости.

Города и крепости Невского края. XIV—XV вв.

Условные обозначения:

— границы земель, подчинённых Новгороду;

Ладога

— крупные города Новгородской земли;

Копорье

— столицы племён — вассалов Новгорода;

Тверск

— крепости

время находился в Литве, и несмотря на то, что его неоднократно призывали возглавить сопротивление шведам, отказался приехать. Более того, своего сына Александра он также вывез из Ореховца в Литву, оставив вместо себя наместника, в результате чего окончательно потерял доверие новгородцев.

Неудачное приглашение Наримонта не заставило новгородцев отказаться от самой идеи искать поддержки у литовских князей. Следующим из литовских «варягов» на новгородской земле стал сын Наримонта Патрикий, которому были даны (на этот раз не подарены, а отданы «в кормление»): *«Орехов город, Корельский город, и пол Копорьи города и Лужское село¹»*. Произошло это в 1383 году. И опять местное население выразило протест против деятельности приглашенного князя, правда, на этот раз в форме жалобы, направленной в Новгород. После горячего обсуждения на вече (столь горячего, что оно чуть было не закончилось кровопролитием) князю были отведены два города — Руса и Ладога, а Водская, Ижорская и Корельская земли освобождены от приглашенного правителя. Этот и другие эпизоды позволяют говорить о том, что коренные жители некогда завоеванных Новгородом земель не были послушными исполнителями воли своего сюзерена, а добивались права самостоятельно решать жизненно важные для себя вопросы.

В последующие годы, вплоть до времени распада вечевой республики, Корела, Копорье, Ореховец и другие города Новгородской земли отдавались в кормление иноземцам — в основном литовцам, но иногда и русским удельным князьям, по каким-либо причинам лишившимся своих вотчин. Летописи не сообщают прямо об участии населения этих городов и земель в выборе для себя князя, однако можно предположить, что такое было возможно. Во-первых, жалоба на Патрикия Наримонтовича подавалась, конечно, в расчете на то, что она может быть удовлетворена, и, стало быть, новгородские власти были склонны считаться с позицией своих данников в таких вопросах; во-вторых, как мы помним, представители води, ижоры и корелы еще в 1270 году были среди тех, кто принимал решение изгнать новгородского

---

¹ То есть Лужское село, теперь город Луга.

князя Ярослава Ярославича, а раз их мнение учитывалось при выборе князя для всего Новгорода в целом, логично считать, что и кандидатура местного князя по крайней мере согласовывалась с племенной знатью.

Таким образом, благодаря постройке в Водской, Ижорской и Корельской землях крепостей (соответственно Копорье, Ореховец и Корела), эти области получили что-то вроде собственных столиц, в которых, как положено, был свой княжеский престол. Оборонительная и административная функции, а также роль символического племенного центра стали очень органично сочетаться у этих городов с функцией торгового узла — все три города располагались вблизи оживленных торговых путей. В этих городах начал формироваться и набирать силу класс свободных горожан, носителей специфической городской культуры. Поэтому Копорье, Ореховец и Корела (наряду с разрушенными новгородцами Ландскроной и существовавшим на ее месте Невским городком) должны рассматриваться как прямые предшественники Санкт-Петербурга, источники городской культуры Невского края.

Судьба этих городов сложилась не самым благополучным образом. Подчинение Новгороду не могло не сказаться негативно на их развитии. Возможно, свободу местного торгового сословия также сковывали поборы, которыми приглашенные князья отягощали свои временные владения. И хотя в документах новгородского времени и даже последующего периода то и дело фигурируют купцы из этих городов или направляющиеся к ним торговые суда, тем не менее ни Копорье, ни Ореховец, ни Корела не заняли в системе общеевропейской торговли такого значительного места, как их соседи Нарва и Выборг.

В еще большей степени все сказанное можно отнести к судьбе того места, которое многие годы спустя станет обозначаться на картах: Санкт-Петербург. Устье Невы являлось важнейшим узловым пунктом, границей между морем и речной частью торгового пути. В невиской дельте, с ее многочисленными островами и протоками, а также на острове Котлин происходила перегрузка товаров с крупных морских судов на более легкие речные, с успехом преодолевавшие мели и пороги; тут нанимались лоцманы, проводившие корабли по сложным участкам пути; тут устраивались оптовые

торги; тут, наконец, стояли и ремонтировались суда¹. Казалось бы, все вело к тому, чтобы в нижнем течении Невы или на взморье был поставлен новгородцами укрепленный пункт вроде фактории, вокруг которого, безусловно, вырос бы обширный посад, бурлящий жизнью. Однако этого не происходило. Здесь строились пристани, склады, селились корабельщики, лоцманы, торговцы, но настоящего города с характерной городской общественной структурой за весь новгородский период истории Невского края на этом месте так и не появилось.

Впрочем, до этого оставался всего один шаг: транзитный путь по Неве стараниями новгородцев продолжал активно функционировать, местное население вовлекалось в торговую и ремесленную деятельность, вступало в контакты с европейцами. Логика экономического развития Невского края неизбежно вела к появлению здесь крупного торгового города.

Особенности экономики и социального строя Великого Новгорода

В экономическом отношении Новгородское государство так же сильно отличалось от других восточнославянских княжеств, как и в политическом. Непогодородность почв и суровость северного климата не позволяли успешно заниматься земледелием; Новгород нередко не мог обеспечить себя хлебом и был вынужден ввозить его из-за границы. Поэтому особую ценность представляли промысловые угодья — места охоты, рыболовства, бортничества. Для очень многих крестьян, проживавших вблизи Невы и Котлина озера², важнейшим подспорьем была добыча рыбы. Но кро-

---

¹ О значении устья Невы и острова Котлин (в немецком варианте — Кетлингген) для всей балтийской торговли мы можем судить, в частности, по договорам Новгорода с немецкими городами, где эти места упоминаются неоднократно.

² Так называли Финский залив новгородцы.

ме крестьян, занимавшихся и промыслами, и земледелием, существовало довольно много профессиональных рыбаков и охотников, для которых это занятие было единственным источником существования. Рыбачьи места (тони) и охотничьи угодья (ловища), как и сельскохозяйственные земли, могли находиться в собственности или сдаваться в аренду. Распространение промыслов способствовало развитию обменно-денежных отношений. Кроме того, рыболовство как в море, так и на Ладоге было делом опасным, требовавшим коллективных усилий, что приводило к образованию промысловых артелей. Назывались они, как ушкуйные команды, «ватагами». Эти артели становились ячейками социальной организации и в этом качестве отстаивали интересы своих членов во всех спорных ситуациях.

Социальный строй Великого Новгорода отличало высокое развитие отношений собственности, в частности на землю. По подсчетам академика В. Л. Янина, ко времени падения Новгородской республики не менее 90% ее земель находилось в частном («вотчинном») владении. Эти подсчеты справедливы и к окрестностям устья Невы. Изучая старинные документы, историки выяснили, что в XV веке земли *«на реке Неве у моря»* и *«деревни на усть Охты»* принадлежали древним новгородским боярским родам Грузовых и Офонасовых, а в более раннее время, возможно, ими владел общий предок этих семей — посадник Федор Тимофеевич. На Васильеве острове (нынешнем Васильевском) находилась в конце XV века вотчина боярина Александра Самсонова, включавшая в себя довольно большую деревню из 13 дворов, население которой занималось земледелием и рыболовством. Рядом с этими крупными владениями располагалось большое количество более мелких земельных хозяйств.

Женщины в Новгороде обладали теми же правами на собственность, что и мужчины: знаменитая Марфа Борецкая, возглавлявшая антимосковскую партию во второй половине XV века, владела огромными земельными богатствами, что делало ее исключительно независимой. Особенностью крупного новгородского землевладения следует считать его теснейшую связь с торговлей: оброк, поступавший в виде продуктов, шел почти полностью на продажу.

Кроме крупных землевладельцев — бояр и житейх людей — в Новгороде существовал уникальный для русских

земель эпохи Средневековья класс свободных крестьян-землевладельцев — своеземцы или просто земцы. Когда такие хозяева объединялись для взаимопомощи и совместного отстаивания своих интересов, то их называли сябры, то есть соседи.

Крепостных крестьян в Новгороде было немного, основные земельные угодья обрабатывали свободные арендаторы, которые отдавали владельцам земли оговоренную долю урожая либо выплачивали фиксированный натуральный или денежный оброк.

Огромный размах торговли характеризовал экономическую и социальную жизнь Новгородской республики, также выделяя ее среди восточнославянских государств, живших в большей степени натуральным хозяйством. Торговля была, по словам В. О. Ключевского, «жизненным нервом города». После того как кочевники-тюрки перекрыли торговые пути в Азию и на Ближний Восток, новгородцы сосредоточились на поставках своих товаров в страны Северной Европы. Очень рано коммерческие отношения с ними стали оформляться в виде письменных соглашений, включающих взаимные обязательства сторон, гарантии безопасности, установление фиксированных пошлин, льгот и т. д. Сохранился текст торгового договора Новгорода с Готландом и *«немецкими сынами»*, относящийся примерно к 1191 году и являющийся подтверждением *«старого мира»*, то есть более раннего соглашения. Вообще, активность товарно-денежных отношений была сильнейшим катализатором развития системы правовых норм.

Оживленные контакты с «иноземными гостями» требовали организации торговых представительств и контор. Торговый двор готландских купцов с церковью Святого Олава существовал в Новгороде уже на рубеже XI—XII веков, немецкий двор с церковью Святого Петра — с 1192 года. Соответственно, и новгородские торговые представительства существовали в древней шведской столице Сигтуне (разрушенной новгородцами же в 1187 году; развалины тамошней православной церкви сохранились по сей день), в Висбю (остров Готланд), в Любеке и других европейских городах. В 1188 году германский император Фридрих I Барбаросса пожаловал Любеку грамоту, предоставлявшую новгородским купцам право беспошлинной торговли в этом городе

и гарантировавшую их личную безопасность и свободу передвижения по всей Вестфалии. Когда в середине XIV века северогерманские города объединились в торговый Ганзейский союз, Новгород стал его важнейшим партнером, и, по мнению некоторых историков, именно прекращение торговли с Новгородом было главной причиной упадка Ганзы.

Купечество в Новгороде было весьма влиятельной политической силой. Так, изгоняя в 1270 году князя Ярослава Ярославича, в качестве одной из причин новгородцы указали на то, что он *«выводит от нас иностранцев, которые у нас живут»*. Выдвинули это обвинение, конечно, купцы, заинтересованные в надежных связях с иноземцами. Активно отстаивая свои интересы, новгородское торговое сословие добивалось от веча и городских властей таких важных для себя привилегий, как освобождение купцов от уплаты «дикий виры» (то есть коллективного штрафа при не найденном преступнике), от повозной повинности и т. п. Обращает внимание тот факт, что писанные и неписанные законы, распоряжения властей исполнялись неукоснительно. Уважение к органам власти своего государства и доверие к ним Д. Л. Спивак, филолог и историк, считает одной из доминант культурно-психологического облика новгородского купца и вообще любого гражданина вечевого республиканства.

Подобно своим западноевропейским коллегам, новгородские купцы объединялись в корпорации, бывшие важнейшим звеном социальной организации города. Особенно влиятельным было «Иванское сто» — купеческое объединение при церкви Иоанна Предтечи на Опоках, созданное еще в первой половине XII века. «Иванское сто» хранило и монопольно использовало важнейшие для торговли эталоны: «вес воцаной» — для взвешивания воска, «локоть иванский» — для измерения сукна, «гривну рублевую» — для взвешивания драгоценного металла. Кроме того, «Иванское сто» занималось сбором некоторых пошлин и взимало взносы от записывающихся в купечество. При церкви Иоанна на Опоках существовал особый купеческий суд. В его состав входили три старосты от бояр и два от купцов. Возглавлял суд тысяцкий.

О существовании в Новгороде ремесленных корпораций, подобных западноевропейским цехам, можно говорить лишь

предположительно, но если они и были, то, несомненно, пользовались намного меньшим влиянием, чем купеческие.

Дошедшие до нас новгородские грамоты поражают необычайно высоким для средневекового государства уровнем развития правовых отношений, в частности связанные с собственностью на землю. Купля-продажа, дарение, завещание земли были распространены в Новгороде, чего нельзя сказать о других русских княжествах, исключая разве что входившие в состав Литвы, а затем Речи Посполитой. О том, насколько представления о собственности в Новгороде опережали соответствующие воззрения в других русских землях, свидетельствует следующее. В России традиционно бытует до сих пор мнение, что деревья в лесу никому не принадлежат, а значит, любой может пойти и нарубить деревьев на дрова или для других нужд. В то же время в договоре 1270 года Новгорода с Готландом и немецкими городами была специальная статья, позволяющая иностранным купцам в случае необходимости рубить деревья по берегам Невы для ремонта своих судов. Стало быть, в Новгороде уже в XIII веке относились к лесу как к собственности, в данном случае государственной!

Нужно подчеркнуть связь частной собственности с процессом становления демократического строя: бояре-землевладельцы, купцы (хозяева своих товаров, лавок, складов, транспортных средств) или городские ремесленники (владеющие мастерскими, инструментами, сырьем и готовой продукцией) — все они представляли собой свободных людей, имеющих и потребность, и возможность свою свободу отстаивать и самоорганизующихся с этой целью. В условиях же, когда не только вся земля и все материальные ценности, но и любой человек с его личным имуществом составляют собственность государя, появление даже зачатков демократического гражданского сознания невозможно.

Успехи горожан в создании и укреплении демократических властных институтов, а также в развитии самоуправления определили высокий уровень бытовой культуры в Новгороде. Дороги, например, содержались в идеальном состоянии благодаря составленному в 1265—1267 годах «Уставу о мостех», в котором указывались должностные лица и сообщества, ответственные за мощение определенных участков города. Активная общественная жизнь требовала

Дощечка для писания по воску с вырезанным алфавитом (оборотная сторона).
Учебное пособие древних новгородцев. XIII в.

от горожан знания грамоты, поэтому был налажен процесс обучения — археологи находят много пособий для обучения чтению и письму. По мнению исследователей, население Новгорода было поголовно грамотным.

Следует упомянуть еще об одной необычайно важной особенности новгородского социума — веротерпимости. Кроме того что здесь никогда не считалось зазорным иметь какие-либо контакты с людьми другой веры, новгородская православная церковь достаточно лояльно относилась к языческим традициям и суевериям, распространенным среди собственных прихожан, в особенности не славян. Даже через полвека после утраты Новгородом независимости языческие обычаи среди православного населения Новгородской земли были столь сильны, что назначенный Москвой архиепископ Макарий развернул целую кампанию по их искоренению. Прослышав, что в Водской, Ижорской и Корельской землях многие христиане поклоняются священным деревьям и камням, обращаются за помощью к арбуям, то есть колдунам и шаманам, *«мертвых своих кладут в селлах по курганам»*, а не на церковных кладбищах, прежде чем крестить младенца в церкви, нарекают его *«своиским именем»* и еще много в чем отступают от православных правил, — владыка направил в эти места соборного священника Илию и боярских детей Васюка Палицина да Ивашка Ошманаева с приказом: *«те скверныя молбища разоряти и истребляти, огнем жеши, а христиан тех мест велел есми священнику Илии наказывати и поучати на истинную православную Христову веру»*.

И еще одна отличительная черта новгородского социума: обширные новгородские владения не противопоставлялись самому городу, как это было во многих североевропейских княжествах, где феодалам-землевладельцам порой запрещалось жить в городах, а бюргерские законы и традиции не распространялись на сельское население. Носителями новгородской культурной модели были все жители государства: во-первых, столичные граждане; во-вторых, жители новгородских пригородов; в-третьих, население всех новгородских земель, в том числе неславянское, в частности население Водской, Ижорской и Корельской земель, остававшихся в составе Новгородского государства, несмотря на активные претензии на владение ими со стороны Швеции и Ливонии.

Как мы помним, первоначальное проникновение скандинавов на восточно-балтийские земли носило более или менее мирный характер. Викинги в качестве наемного войска многократно использовались новгородскими князьями.

Согласно древнеисландской «Саге об Олаве Святом», Ярослав Мудрый передал своей жене Ингигерде, дочери шведского конунга Олава Шётконунга, в качестве свадебного дара город Ладогу с прилегающими землями, образовав таким образом своеобразное варяжское княжество — Ладожское ярлство, управление которым было доверено родичу Ингигерды ярлу Рёгнвальду. По предположению историка XVIII века В. Н. Татищева, Нева и окружающие ее земли входили в пределы Ладожского ярлства и финское название этой местности — *Ingerin maa*, а затем и народа ее населяющего — *ingeri* (в русском произношении «ижора») происходят от имени Ингигерды. Сведения, сообщаемые «Сагой об Олаве Святом», нельзя считать абсолютно достоверными, но даже если признать, что Ладожское ярлство действительно существовало, его век был недолгим. После смерти Ингигерды эти территории должны были вернуться Ярославу, что, впрочем, не означало изгнания скандинавов с ладожских земель. Присутствие большого числа шведских викингов в этом регионе вплоть до начала XII века достоверно подтверждается археологическими исследованиями.

По мере укрепления в Новгороде славянских боярских родов и ослабления связи Рюриковичей со своей прародиной отношения Новгорода со Швецией все более приобретали характер силового соперничества. В середине XII века шведы подчинили себе часть Финляндии, которая до этого относилась к зоне влияния Новгорода. Кроме того, в 1142, 1149, 1164 и 1229 годах крупные отряды шведов нападали на Ладогу, встречая каждый раз яростный отпор. Новгородцы и подвластные им племена не оставались в долгу и совершали ответные походы. Во время одного из них, принятого в 1187 году согласно шведской стихотворной «Хронике Эрика» отрядом новгородской корелы, была разорена шведская столица Сигтуна, которая больше уже не вос-

становилась. По легенде, которая, как полагают исследователи, не отражает реальных событий, в качестве военного трофея в Новгород были привезены и установлены в Софийском соборе медные ворота.

Самым знаменитым из новгородско-шведских столкновений является Невская битва 1240 года. Победа двадцатилетнего князя Александра Ярославича над шведской военной экспедицией описана в Новгородской 1-й летописи, однако достоверность этого описания вызывает у специалистов сомнения. «Некоторые <...> сведения в рассказе Новгородской 1-й летописи старшего извода при более детальном исследовании оказываются ошибочными, например, упоминание об участии в походе „мурман“, то есть норвежцев¹. Маловероятно и то, что в шведском войске могли быть тавасты (емь), незадолго перед тем поднявшие восстание против шведов. Странно выглядит имя шведского воеводы „Спиридон“, не встречавшееся у шведов», — отмечает историк Е. Л. Назарова. Вызывает сомнение и то, что шведский отряд мог возглавлять сам король, как сообщает летопись.

Другим ранним памятником, в котором рассказывается о Невской битве, является «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра», написанная, как считают историки, одним из монахов Рождественского монастыря во Владимире². Однако пользоваться этим источником следует еще с большей осторожностью, чем летописью, поскольку житие святого по своей жанровой специфике не предполагает адекватного отражения реальных событий и стремится к максимальному возвеличиванию своего героя. К этому следует добавить, что ни в шведских, ни в каких-либо других западноевропейских источниках нет

---

¹ Норвегия в 1240 г. была во враждебных отношениях со Швецией.

² Не новгородское, а «низовское» (то есть Ростово-Суздальское) происхождение «Повести...» отчетливо отразилось в ней. Многие ее фразы принципиально не могли быть написаны новгородцем. Например, используемое в «Повести...» обозначение Новгородской земли как «земли Александровой» в новгородском памятнике совершенно невозможно по причине того, что новгородец в отличие от владимирича не воспринимал свое государство как княжеское владение.

Фрагмент украшения бронзовых дверей Софийского собора, изготовленных в Магдебурге (XII в.) и дополненных новгородским мастером Авраамом.
По легенде, эти двери были доставлены из шведской Сигтуны

даже упоминаний о сражении на Неве. Не дали существенных результатов и археологические исследования, проводившиеся вблизи устья Ижоры. Все это вынуждает говорить об отсутствии полных и достоверных сведений об этом событии.

Сопоставление Невской битвы с другими более или менее близкими по времени походами шведов на земли восточной Прибалтики, а также анализ действий Александра Ярославовича позволяют думать, что шведский отряд был относительно невелик и состоял примерно из 15—20 судов, на которых находилось (по оценкам видного российского археолога, специалиста по новгородским древностям А. Н. Кирпичникова) несколько сотен вооруженных воинов.

На основании летописного свидетельства историки нередко приписывают шведам намерение захватить Ладогу, создать плацдарм для дальнейшей экспансии и в конечном счете оккупировать всю Новгородскую землю. Однако таких далеко идущих планов шведы, по-видимому, не строили. Судя по всему высадка в устье Ижоры была ими сделана не для короткого отдыха перед дальнейшим продвижением к Ладоге, а являлась главной целью их похода за море. По мнению историка В. А. Кучкина, упоминание в послании Пелгусия к князю Александру (в варианте Лаврентьевской летописи) шведских *«станов и обрытий»* свидетельствует о том, что пришельцы начали строить на месте своей высадки крепость. Это тем более вероятно, что шведы в отличие от новгородцев, захватывая новые территории, всегда старались закрепить на них, сооружая крепости или замки.

Таким образом, шведский десант 1240 года на невский берег ничем существенным не отличался от десятков других локальных операций, которыми наследники викингов тревожили западные окраины Новгородской земли. Однако культовое почитание князя Александра Ярославича, начавшееся во Владимиро-Суздальском княжестве вскоре после его смерти (в 1263 году) и распространившееся позднее по другим древнерусским землям, привело к тому, что рядовое военное столкновение (современные историки, в частности И. Н. Данилевский, не считают возможным применять к этому эпизоду слово «битва») приобрело символическое значение акта священной борьбы за национальную самобытность и независимость русского народа. При этом именно с «Повести о житии... князя Александра» начинается в общественном сознании миф *«об изначальной принадлежности»* русским Невского края, о том, что эта земля была вручена им *«божественной волей»*. Собираясь в поход против шведов, Александр, как повествует его житие, молился в храме святой Софии: *«Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже пречечный, сотворивший небо и землю и установивший границы народам, ты повелел жить, не вторгаясь в чужой удел»*. То есть шведы вступили в пределы, самым высшим отведенные новгородцам, в которых автор жития видит представителей единого славянского народа. При этом забывается, что берега Невы

были населены племенами, отнюдь не относящимися к славянам и к тому же покоренными Новгородом по историческим меркам недавно.

И шведы продолжали претендовать на невские берега. Стремясь закрепиться в восточной Прибалтике, они в 1256 году строят укрепления в устье реки Наровы, в течение

Морской поход шведов на новгородские земли.

Миниатюра из Жития Александра Невского. Лицевой летописный свод (XVI в.)

Невская битва. Миниатюра из Жития Александра Невского.
Лицевой летописный свод (XVI в.). Вверху: эпизод из Ветхого Завета —
ангел истребляет ассирийскую рать под стенами Иерусалима.
Внизу: ангелы поражают шведское войско

второй половины XIII века покоряют все новые земли в Финляндии и западной Карелии, в 1293 году основывают в землях корелы Выборгский замок, спустя два года продвигаются еще дальше к Ладожскому озеру и строят укрепление на островке Какисалми на Вуоксе, которое, как мы уже знаем, было вскоре разрушено новгородцами и впоследствии восстановлено ими как Корела. Карельский перешеек и Ижорская земля становятся во второй половине XIII века местом напряженной борьбы между Новгородом и Швецией за контроль над этими территориями.

В 1300 году сильное шведское войско под предводительством марскалка (маршала) Торгильса Кнутссона совершило поход к устью Невы, в результате чего в месте слияния Охты и Невы, то есть непосредственно на территории нынешнего Санкт-Петербурга, была основана крепость Ландскрона (или Ландскруна, буквально «венец земли»). Новгородская летопись сообщает: *«В тот же год <1300> пришли из заморья свеи с великой силой в Неву, привели мастеров из своей земли, из великого Рима от папы привели искусного мастера, поставили город над Невою в устье Охты-реки, и укрепили твердостью несказанною, поставили в нем пороки <метательные машины>, похваляясь, окаянные, назвали его Венец земли, ибо был с ними королевский наместник по имени Маскалко <то есть марскалк; титул ошибочно принят за имя. — К. Ж.>, который посадил в нем достойных мужей с воеводою Стенем и отбыл».*

Место для крепости было выбрано чрезвычайно удачно: Нева распадается на рукава ниже по течению, зато все ее притоки впадают в нее выше, чем Охта. Таким образом, по какому бы из ответвлений невского пути ни плыл корабль, он неизбежно должен был проплыть мимо Ландскроны. Крепость поставили на остром мысу, образованном правым берегом Невы и левым берегом Охты, что обеспечивало ей естественную защиту с запада, севера и востока и позволяло, создав соответствующие укрепления, надежно оборонить южную сторону. Особо следует отметить, что шведы выбрали для строительства крепости место, которому не угрожали периодические затопления во время невских наводнений.

Новгородцы, как мы уже отмечали, настойчиво избегали строительства крепости в устье Невы. Шведы же, возво-

для Ландскрону, обеспечивали возможность формирования вокруг нее поселения городского типа. И триста лет спустя именно благодаря тому, что шведы все-таки поставят на месте Ландскроны крепость Ниеншанц, поселение вблизи устья Невы превратится в город. А наличие здесь крепости и города, в свою очередь, явится предпосылкой для того, чтобы русский царь Петр Алексеевич воздвиг фактически на том же самом месте в пику шведам новую крепость и новый город — под названием Санкт-Петербург. Таким образом, у современного шведского ученого Бенгта Янгфельда имеется достаточно оснований для того, чтобы считать «воеводу Стена», упомянутого кроме летописи и в «Хронике Эрика» (см. документ № 3), «первым известным по имени жителем Петербурга».

История Ландскроны была недолгой. Подробности ее известны из «Хроники Эрика». Чтобы выиграть время для постройки крепости, Кнутссон послал вверх по Неве отряд рыцарей навстречу новгородскому войску. Сразу новгородцев они не встретили, зато попали на Ладоге в бурю, которая заставила их высадиться на берег, где они сожгли несколько корельских деревень и поубивали их жителей, а затем остановились дозорным лагерем на Ореховом острове. Оттуда шведы увидели движущиеся к Неве новгородские ладьи и, покинув лагерь, ушли вниз по реке.

Первая попытка новгородцев штурмовать Ландскрону оказалась неудачной. Убедившись в недостаточности своих сил, нападавшие отступили, послав во Владимир за князем Андреем Городецким, сыном Александра Невского.

Дождавшись князя с «полками низовскими»¹, новгородцы тем не менее начали не с военных действий, а с дипломатических: в Любек, возглавлявший сообщество немецких торговых городов, от имени новгородского князя, епископа, посадника и старост всех пяти городских концов была направлена грамота, в которой подтверждался мир с немецкими городами и выражалось недовольство действиями шведов, поставивших на Неве крепость и, таким образом, полу-

---

¹ Низовской землей новгородцы называли территорию, расположенную к юго-востоку от Новгородской земли, в бассейне верхнего течения Волги. На этой территории располагалось Ростово-Суздальское княжество.

чивших возможность препятствовать свободному проходу торговых кораблей. Посылая это письмо, новгородцы явно рассчитывали если не на поддержку Любека, то хотя бы на признание справедливости нападения на шведскую крепость. Расчет был тем более верен, что немецкие торговые города и раньше пытались через посредство германского императора Альбрехта воздействовать на шведов, нападавших на купеческие суда в Балтийском море. Правда, в письме новгородцев была, как представляется, некоторая натяжка: шведы, строя Ландскрону, вряд ли намеревались перекрыть торговый путь по Неве — им самим это было невыгодно. Вот если бы шведам удалось удержать Ландскрону в своих руках, безусловно, Новгород выпустил бы из-под контроля какую-то часть товаров, которые шли по Неве на запад. Этого-то новгородцы, конечно, и не хотели допустить.

В мае 1301 года возглавляемое Андреем Александровичем войско новгородцев и суздальцев (а согласно «Хронике Эрика» еще корелы и «язычники», под которыми могли подразумеваться ижоры и вожане) штурмовало Ландскрону. Затем были сожжены и срыты укрепления, а оставшихся в живых защитников крепости увели в плен. Разрушение Ландскроны явилось, безусловно, событием, на многие годы предопределившим судьбу Невского края и задержавшим развитие здесь городской цивилизации на 300 лет.

Поражение на некоторое время остановило крупные военные мероприятия шведов на невыхских берегах, однако мелкие стычки их то с местным населением, то с проплывавшими мимо купцами продолжались. Не отставали и новгородцы: они периодически совершали морские и сухопутные походы в Финляндию, несколько раз (правда, безуспешно) осаждали Выборг, в 1318 году взяли замок Або (нынешний Турку). Постоянные военные столкновения со шведами и были, по-видимому, той причиной, которая заставила новгородцев, вопреки сложившемуся у них обыкновению, создать цепь крепостей в Корельской, Водской и Ижорской землях.

Ореховецкий мирный договор

Военные действия наносили огромный ущерб торговле, которая в экономике всех прибалтийских стран занимала важнейшее место. Ни Швеция, ни Новгород были не в силах каким-либо решительным образом изменить сложившееся положение в свою пользу. Таким образом, прекращение конфронтации и юридическая фиксация сложившихся границ становились самым удачным решением для обеих сторон. И это было сделано: 12 августа 1323 года в только что построенной крепости Ореховец был заключен мирный договор между Новгородом, который представляли великий князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам, и королевством Швеции и Норвегии, которое от имени короля Магнуса IV Эриксона представляли послы Эрик Турессон Бьёлке, Хемминг Эдгислассон, фогт¹ Выборга Петер Юнссон и священник Вемундер, в присутствии свидетелей — готландских купцов Людвика и Федора. В соответствии с договоренностью:

1. Новгород «по любви» отдавал Швеции три погоста² в Финляндии — Саволакс, Яскис и Эурепя, которые уже 30 лет как были захвачены и управлялись шведами.

2. Новгородско-шведская граница делила Карельский перешеек вдоль, с юга на север, проходя по реке Сестре и далее по болотам, рекам и озерам, вплоть до места впадения реки Пюхайоки в Ботнический залив.

3. За новгородцами оставлялось право охоты и рыбной ловли на отходящих к Швеции угодьях (ловищах): шестью

---

¹ Фогт — административная должность в средневековой Европе.

² Погост — старинная административно-территориальная единица, включавшая населенные пункты, относящиеся к одному церковному приходу. Название погоста часто включало в себя название приходского храма, например, Ореховский уезд включал в себя погосты: Спасский Городенский, Иванский Куйвошский, Воздвиженский Корбосельский, Ильинский Келтушский, Егорьевский Лопский, Введенский Дудоровский, Никольский Ижорский, Никольский Ярвосольский.

1323 2.57

[illegible]

Ореховецкий договор. 1323 г. Описывается граница между Новгородом и Швецией: «От реки Сестры мох <т. е. болото>. Посреди мха гора.

Оттуда река Сая. От Саи Солнечный камень.

От Солнечного камня на Красную Шель.

От Красной Щели на озеро Лембо. Оттуда на мох Пехкей. Оттуда на озеро Кангасярви. Оттуда на Пурноярви. Оттуда... Янтоярви. Оттуда Торжеярви. Оттуда Сергилакси. Оттуда Самосало. Оттуда Жити. Оттуда Кореломошки. Оттуда Колемакошки. Оттуда Патсоки. Оттуда Каяно море..."

Граница между Новгородом и Швецией по Ореховецкому договору. 1323 г.

Условные обозначения:

- – территория Новгородской республики;
- – территория Швеции;
- – территория трех погостов, добровольно переданных Новгородом Швеции;
- – граница, утверждённая Ореховецким договором;
- – место подписания Ореховецкого договора

из них шведы и новгородцы могли пользоваться поровну, а еще на двух угодьях новгородцам принадлежала одна шестая часть.

4. Для всех купцов устанавливался беспрепятственный проезд к Новгороду водою по Неве или сушею.

5. Запрещалось строительство крепостей вблизи границы обеим сторонам (этот пункт является, возможно, последним выражением той политики отказа от строительства приграничных крепостей, которую на протяжении предшествовавшего периода вел Новгород).

6. Стороны обязывались выдавать друг другу перебежчиков: должников, беглых холопов и уголовных преступников.

7. Запрещалась покупка шведами земель и угодий на приграничных новгородских территориях.

8. В случае нападения на Новгородскую землю третьих сил, из-за Нарвы, шведам запрещалось оказывать им военную помощь.

9. При возникновении взаимных обид предусматривалось их решение мирными средствами.

Ореховецкий договор явился первым официальным мирным договором между Новгородом и Швецией, первой действенной попыткой решать межгосударственные проблемы не силовыми методами, а взаимными договоренностями. Писаное право с этого времени становится важнейшей составной частью внешнеполитических связей Новгородского государства. (Так, спустя три года был подписан еще один договор, на этот раз с Норвегией в лице все того же короля Магнуса Эриксона. Документ касался границ на западе Кольского полуострова.) Уникальность Ореховецкого договора станет более понятной, если учесть, что ни одно русское княжество, а впоследствии Московское государство еще около трех веков не заключало подобных договоров. Вообще, как отметил историк И. П. Шаскольский, Новгород был единственным из русских государственных образований, «проводившим с XII до конца XV в. собственную внешнюю политику и имевшим сложившуюся систему международных отношений с соседними странами».

Юридически Ореховецкий договор был отменен через 272 года Тявзинским договором 1595 года.

Другим западным соседом Новгорода, сыгравшим важную роль в истории Невского края, был Ливонский орден.

Территория, занимаемая современными Латвией и Эстонией, была населена языческими племенами эстов, ливов, латгалов, куршей, земгалов и др. Примерно в середине XII века сюда стали проникать купцы из северо-западных германских городов и земель: Любека, Бремена, Вестфалии. Они называли эту землю Ливонией и довольно быстро здесь освоились. Вслед за купцами пришли монахи-миссионеры. Стали возникать надежно укрепленные замки и новые города — в 1201 году в устье Даугавы была основана Рига. Образовалась сеть католических епархий, возглавлявшихся епископами, эти епархии контролировали довольно большие территории. В 1202 году рижским епископом Альбертом был создан из католических миссионеров монашеско-рыцарский Орден меченосцев, который стал главной силой немецких колоний в Ливонии. Впрочем, сила эта была не велика, и порой рыцарям изрядно доставалось от аборигенов. Так, в 1236 году в битве при Сауле (Шауляе) орден потерпел столь сокрушительное поражение от литовцев, что сохраниться ему помогло лишь слияние с Тевтонским орденом. В результате этого Орден меченосцев превратился в Ливонское отделение Тевтонского ордена и часто назывался Ливонским орденом. Военные поражения, конфликты между руководителями ордена и местными епископами, сопротивление коренного населения, в частности мощное восстание эстов в 1236—1241 годах на острове Сааремаа (по-немецки — Эзель), привели к тому, что, как пишут историки С. В. Белецкий и Д. Н. Сатырева, «во втором и третьем десятилетиях XIII века орден не представлял сколь-нибудь серьезной угрозы для русских княжеств, граничивших с землями эсто-ливских племен».

Несмотря на то что деятельность братьев-рыцарей, подчинявших себе прибалтийские племена, затрагивала интересы Новгорода, данниками которого прежде были эсты и латгалы, его отношения с орденом нельзя назвать только враждебными. В соперничестве с другими сильными восточноевропейскими государствами, такими как Литва, Полоцк

или Суздаль, новгородцы отнюдь не исключали возможности альянса с немцами, тем более что многие германские города были давними торговыми партнерами волховской метрополии. Некоторые историки не исключают того, что новгородцы участвовали на стороне меченосцев в походах против Литвы.

Но особенно тесно контактировал с Ливонией находившийся совсем близко от нее Псков. Дочь псковского князя Владимира Мстиславича была выдана замуж за Теодориха, брата епископа Альберта. Псковичи неоднократно помогали рыцарям военной силой, а в 1228 году в ходе очередного обострения отношений с Новгородом они заключили с Ригой союзнический договор, согласно которому, как сообщает Новгородская 1-я летопись, немцы должны были выступить на стороне Пскова в случае нападения Новгорода. Таким образом, в поисках защиты от политического диктата «старшего брата» Псков пытался опереться на поддержку соседей-крестоносцев. Кульминацией псково-новгородского конфликта стали события 1240—1242 годов¹.

В первой половине сентября 1240 года объединенное войско дерптского епископа Германа (другого брата уже известного нам Альберта), Ливонского ордена и датских рыцарей (Дания владела северной частью Эстонии) вступило на псковские земли и захватило ближайший к Пскову город Изборск. Возглавлял это войско князь Ярослав, сын уже упомянутого Владимира Мстиславича и близкий родственник нескольких влиятельных ливонцев. В 1232 году Ярослав бежал в Ливонию вместе с лидерами псковской пронемецкой боярской группировки, которую летопись называет «Борисова чадь». Год спустя он попытался вернуть себе псковский княжеский стол и осаждал с немецким войском и собственной дружиной Изборск, однако потерпел поражение, попал в плен и провел около двух лет в заточении в Переяславле. И вот, в 1240 году князь во главе немецкого войска наконец оказался в Изборске. Правда, с этого момента имя Ярослава исчезает из летописного повествования:

---

¹ Сведения об этих событиях, содержащиеся в новгородских и псковских летописях и немецких хрониках, в общих чертах совпадают, поэтому они могут быть восстановлены с большой степенью точности.

по-видимому, князь вынужден был спешно уехать. Как предполагает Е. Л. Назарова, занимающаяся историей Пскова, это связано с чрезвычайными событиями его семейной жизни: жену Ярослава убил пасынок — сын князя от первого брака. Но важно отметить, что хотя об участии Ярослава Владимировича в нападении немцев на Изборск было хорошо известно в Новгороде, он, оказавшись впоследствии в новгородских пределах, наказан не был, а получил от Александра Невского княжение в Торжке и Бежицке. По-видимому, его приход на псковские земли с немцами был признан в Новгороде легитимной попыткой вернуть себе законное княжение.

Узнав о захвате Изборска, псковичи выступили против рыцарей, но потерпели поражение. Немцы осадили Псков.

Недельная осада не принесла атакующим успеха, и крестоносцы уже было отправились восвояси. Но в самом Пскове в это время, вероятно, возобладали пронемецкие настроения, и оборона города была прекращена, а крепостные ворота открыты. Новгородская летопись обвиняет в этом некоего Твердилу Иванковича, очевидно псковского боярина. Тщательно проанализировавший все сведения, связанные со сдачей города, петербургский историк А. В. Валеров пришел к выводу, что «появление немцев во Пскове произошло с согласия значительной части псковской общины. Возможно, Твердила Иванкович действовал как раз с ее санкции. <...> В условиях крайне нестабильной внешнеполитической ситуации, при постоянной угрозе потерять собственную независимость, псковичи предпочли в 1240 г. установление власти немцев возможному поглощению суверенной Псковской земли Новгородской волостью».

Впрочем, говорить об установлении в Пскове «немецкой власти» тоже следует весьма осторожно. Ливонская «Рифмованная хроника» сообщает, что немцы в Пскове оставили лишь двух рыцарей-фогтов и с ними несколько слуг (кнехтов). Следовательно, город практически сохранил независимое самоуправление, а применявшийся в исторических трудах термин «оккупация» по отношению к этому периоду в истории Пскова никак не отражает реального положения дел. Правильнее охарактеризовать произошедшее как добровольный переход Псковской вечевой республики под покровительство Ливонского ордена и создание между этими дву-

мя государствами тесного политического альянса. И кстати, у историков есть основания полагать, что в дальнейшем в военных столкновениях на новгородских землях ряды противников Новгорода могли пополнять и псковские воины.

Первым объектом военных действий ордена стала Водская земля. Свою миссионерскую энергию крестоносцы направляли на вожан-язычников, которые, по-видимому, не оказали им серьезного сопротивления. Более того, водские старейшины поддержали католических «конкистадоров» в надежде на то, что те помогут им освободиться от уплаты дани Новгороду. Об этом прямо или косвенно свидетельствуют некоторые документы того времени. Так, в своем послании, написанном в апреле 1241 года, эзельский епископ выражает готовность взять под свою юрисдикцию *«земли между Эстонией, уже крещенной, и Рутией»* (то есть Новгородской Русью. — К. Ж.), а именно: *земли Ватланд* (Водская земля. — К. Ж.), *Нуова* (вероятно, дельта и нижнее течение Невы. — К. Ж.), *Ингрия и Карела, которые, как ожидается, примут веру Христову и которые уже заняты братьями и <ими> построен замок с согласия многих в этих землях»*. Замок, «построенный с согласия многих» (то есть, надо полагать, местной племенной знати), — это крепость Копорье, чрезвычайно быстро возведенная крестоносцами на земле води в конце 1240 — начале 1241 года.

Закрепившись в западной части Водской земли, немцы стали совершать рейды вглубь новгородской территории, захватили город Тёсов (ныне поселок Ям-Тесово Лужского района) и, по летописным источникам, нападали на купцов в 30 верстах от Новгорода.

Расчет псковичей и водских старейшин на союз с немцами против Новгорода в итоге не оправдался. Рассорившийся с новгородцами, князь Александр уехал, однако летом или осенью 1241 года он внял неоднократным просьбам вернуться и возглавить объединенное ополчение из новгородцев, ладожан, корелы и ижоры. По возвращении первым делом он отвоевал Копорье и взял в плен защитников: часть немцев отпустил с миром, часть — доставил в Новгород, а вожан и чудцу¹, которых летопись называет «переветни-

---

¹ Чудцой, по мнению историков, летописи называли эстов, живших по правому берегу реки Наровы.

Нападение немцев на Тёсово. Миниатюра Лицевого летописного свода (XVI в.).
 Четырежды повторяется сцена нападения немецких всадников на безоружных стариков и детей, что передает масштабы вражеского вторжения. Вверху справа: Новгород, к которому движется неприятель

Александр Невский казнит изменников. Миниатюра из Жития Александра Невского. Лицевой летописный свод (XVI в.). Вверху: Александр возвращается на родину: «в Переславль, иже на Клецине озере» (ныне Плесеево озеро)

ками», то есть изменниками, — казнил. Сама же немецкая крепость, как мы уже знаем, была разрушена до основания.

Следующий 1242 год был ознаменован походом новгородцев на Псков (вместе с суздальским полком, приведенным братом Александра Андреем), изгнанием оттуда немцев (без боя) и набегом на эстонские земли, где князь, как сказано в летописи, *«пустил полк в зажития»*, то есть занялся заурядным грабежом местных жителей. Один из передовых отрядов Александра напоролся на немцев и был разбит, после чего князь решил отступать по еще не растаявшему льду пограничного Чудского озера, где его армия и была настигнута рыцарями. Тут-то и состоялось сражение, вошедшее в историю под названием Ледового побоища.

Согласно «Рифмованной хронике» дорпатский (дерптский) епископ, во владения которого вторглись полки Ярославичей, не успел собрать для отпора им большого войска (известно, что значительная часть сил ордена была в это время занята борьбой с куршами и литовцами), а потому *«каждого немца атаковало, пожалуй, шестьдесят человек»*. А. Н. Кирпичников считает, что «общая численность немецко-чудского воинства, принимавшего участие в сражении 1242 г., вряд ли превосходила три-четыре сотни человек, а скорее всего, была даже меньшей». Следует учесть также, что большую часть ливонского отряда составляли ландскнехты-чудь. Потери противников новгородско-суздальской рати, указанные в Новгородской 1-й летописи (400 убитых немцев, 50 *«взятых руками»* и *«чуди без числа»*), следует признать явно преувеличенными. Ближе к истине, вероятно, цифры «Рифмованной хроники» — 20 погибших рыцарей и 6 взятых в плен, что хоть и было для ордена весьма ощутимым ущербом, все-таки, безусловно, не являлось для него сокрушительным поражением. И уже упоминавшееся сражение под Саулом (Шауляем) 1236 года, и Раковорская битва 1268 года, и многие другие военные столкновения с ливонскими немцами превосходили Ледовое побоище и по размерам потерь, и по своим реальным историческим последствиям.

Завершились события 1240—1242 годов возвратом Водской земли, Пскова и земель вдоль реки Луга под власть Новгорода, что, как сообщает летопись, было подтверждено немецкими послами. Кроме того, был осуществлен обмен пленными.

Ледовое побоище. Миниатюра из Жития Александра Невского. Лицевой летописный свод (XVI в.). Вверху изображены небесные помощники Александра: мученики Борис и Глеб, молящиеся у иконы св. Софии (слева), и ангельское воинство, скачущее по облакам подобно Александру, скачущему по льду озера

Впоследствии Ливонский орден неоднократно предпринимал попытки присоединить лежащие за Наровой земли к своим территориям. Наиболее масштабная из таких попыток состоялась в 1444—1448 годах, когда ливонским немцам удалось в течение довольно долгого времени удерживать Водскую землю. Уходя, они для заселения пустующих земель перевели несколько сотен водских семей на противоположный край своих владений, к границе с Литвой.

Новгородско-ливонская война 1240—1242 годов, завершившаяся сражением на Чудском озере, явилась одним из эпизодов борьбы за колонизацию восточной Прибалтики, в том числе Водской земли, точно так же, как Невская битва и события вокруг Ландскроны определяли стремление Новгорода и Швеции владеть берегами Невы. В результате Невский край остался в составе Новгородского государства и обеспечил для новгородцев относительную безопасность неевского торгового пути, что, в свою очередь, делало приневские земли неотъемлемой частью всего североевропейского культурного пространства и стимулировало их социально-экономическое развитие (хотя в то же время искусственно задерживало процесс их урбанизации, потенциально невыгодный Новгороду). С середины XIV века уже непосредственно в дельте Невы и по ее берегам выше по течению появляются села и деревни со смешанным славяно-финским населением. Росту населения здесь, по-видимому, способствовал поток православных беженцев из погостов Саволак, Яскис и Эурепя, отошедших по Ореховецкому договору к Швеции, которая стала насаждать там католичество. О том, что многие из этих мигрантов осели на берегах Невы, свидетельствуют, по мнению финского исследователя С. Кепсу, часто встречающиеся совпадения в названиях деревень западной Карелии и невских поселений того времени.

По подсчетам петербургского специалиста по истории градостроительства С. В. Семенцова, на территории современного Петербурга в XV веке располагалось уже примерно 250 населенных пунктов! Эти данные получены в результате анализа писцовых книг конца XV — начала XVI века, в которые вносились сведения о землях, их владельцах и населении. Остатки таких поселений обнаружены археологами: в частности, найдены следы деревни, которая располагалась на месте разрушенной Ландскроны, а возможно, и пред-

шествовала ей. Согласно писцовым книгам, часть жителей приневских земель владела земельными угодьями и занималась земледелием и скотоводством; другая часть промышляла ловлей рыбы и торговлей; некоторые содержали постоянные дворы и трактиры, располагавшиеся вдоль сухопутных дорог в Выборг, Корелу, Орешек, Новгород, Нарву.

Новгород и восточнославянские государства

В течение почти всего Средневековья десятки княжеств, некогда составлявших Киевскую Русь, являлись самостоятельными государствами. Однако существует традиция воспринимать все восточнославянские государства как некое единство с общими географическими границами и единой исторической судьбой, раздробленность которого произошла лишь в силу случайных обстоятельств. Рассмотрим, насколько все это справедливо в отношении Новгорода.

1. Этническое и языковое родство. Важно отметить, что это было именно родство, а не тождество, причем, как показывают современные лингвистические исследования, родство не самое близкое. «Расширение знаний о древненовгородском диалекте привело к отказу от традиционного представления о монолитном единстве правосточнославянского языка, — пишет исследователь языка берестяных грамот академик А. А. Зализняк. — Стало понятно, что внутри восточнославянской зоны имелось очень древнее противопоставление по крайней мере двух диалектов — прановгородско-псковского и южного (или юго-восточного)». Ученые считают, что если бы Новгород не был завоеван Москвой, древненовгородский диалект развился бы в самостоятельный язык.

Что же касается этнического самоопределения новгородцев, то в письменных документах вплоть до XIII века они нередко употребляли применительно к себе понятие «словене», отделяясь таким образом от «русичей».

2. Религиозно-конфессиональная общность. Хотя со времен князя Владимира большая часть граждан Новгорода исповедовала христианство в греческом (православном)

варианте, язычество, как мы уже знаем, еще очень долго сохранялось на его землях, и не только среди финноугров, но и среди славян. Кроме того, тесное сотрудничество с католическим Западом привело к заимствованию православными новгородцами некоторых иноверческих обычаев. Например, новгородские монахи по примеру своих западных «коллег» некоторое время выбривали на голове особый кружок — тонзуру. И не случайно именно Новгород в XIV—XV веках стал рассадником ересей (стригольники, жидовствующие), в чем историки видят сходство с западноевропейскими религиозными течениями, с которыми патриаршая церковь впоследствии немилосердно боролась. В прочих православных землях к новгородцам относились с недоверием, обвиняя их то в идолопоклонстве, то в склонности к католицизму. *«Неверные, — пишет автор московской повести о походе Ивана III на Новгород, — искони не знают Бога; эти же новгородцы так долго были в христианстве, а под конец начали отступать к латинству; великий князь Иван пошел на них не как на христиан, а как на иноплеменников и вероотступников».*

В период раздробленности единственным социальным институтом, общим для всех восточнославянских земель, была православная церковь¹. И внутри ее жестко централизованной структуры выделялась лишь одна епархия — новгородская, — в которой, в отличие от остальных, епископ не назначался митрополитом, а избирался на вече по особой системе.

3. Географическая близость. Восточно-Европейская равнина покрыта достаточно частой сетью судоходных рек, которые в Средневековье были главными путями сообщения. Тем не менее товарный обмен с южными соседями, в силу разных причин, занимал довольно скромное место в общем объеме новгородской торговли. С юга сюда везли в основном сельскохозяйственные продукты, а также некоторые виды сырья и ремесленных изделий. Доставка продовольствия в Новгород от его южных соседей нередко служила почвой не для объединения, а наоборот, для конфликтов: соседние

---

¹ В середине XV в. единство православной церкви на восточнославянских землях было нарушено образованием Киевской митрополии на территории Великого княжества Литовского.

князя пользовались потребностью Новгорода в привозном продовольствии и, перекрывая каналы его доставки, добились от несговорчивых новгородцев каких-либо уступок.

4. Историческая общность. Память о единстве восточнославянских земель в период Киевской Руси заключалась, в первую очередь, в существовании титула великого князя. Обладавший им являлся формально главой всех остальных князей. Первоначально великокняжеский престол находился в Киеве, при Андрее Боголюбском он переместился во Владимир, а при Иване Калите — в Москву¹. Попыткам насильственного перевода Новгорода под непосредственную власть великого князя новгородцы оказывали яростное сопротивление и долгие годы хранили память о событиях, с этим связанных. Самой почитаемой в Новгороде иконой была «Богоматерь Знамение», заступничество которой, по преданию, помогло горожанам в 1170 году отразить нападение войск Мстислава, сына Андрея Боголюбского, и сохранить таким образом свою вольность.

С установлением монголо-татарского ига великий князь стал назначаться в Сарае и превратился фактически в представителя хана, ответственного за соблюдение его интересов, в первую очередь за сбор дани. Борьба за получение великокняжеского ярлыка стала главной заботой русских князей и, соответственно, причиной усиления вражды между ними. В этой борьбе Новгород принимал участие только в качестве силы, поддерживающей одну из сторон. Стремления стать резиденцией великого князя и верховенствовать среди русских княжеств у Новгорода никогда не было, да и не могло быть по причине принятой тут системы выборности князя. Роль насильственного «собирателя русских земель» исторически была отведена другому городу.

5. Наличие общего врага — Золотой Орды. Новгород не подвергся разорению полчищами Батыя, однако данником монголов он стал. Это произошло по воле уже получившего к этому времени великокняжеский ярлык Александра Невского. Добиваясь расположения хана, Александр во время своего визита в Сарай в 1257 году дал согласие на выплату

---

¹ Титулом великого князя обладали также и некоторые другие князья, во владениях которых находились еще более мелкие самостоятельные уделы.

Чудо от иконы Знамение (Битва новгородцев с суздальцами).

Икона. Поздний XV в. Изображены события 1170 г.

Вверху: вынос иконы «Знамение» из храма Спаса на Ильине улице
и перенос ее по мосту через Волхов в Кремль.

В средней части: суздальцы осаждают Новгород и попадают стрелой в икону.

Внизу: победа новгородцев

Орде дани наравне с порабощенными княжествами. Князь сам сопровождал монголо-татарских численников, переписывавших все население Новгорода, и жестоко подавлял сопротивление им. Некоторым особо сопротивлявшимся боярам по приказу Александра отрезали носы и выкололи глаза. Историки позднего времени объясняют эти действия победителя немецких и шведских отрядов тем, что, по мнению Александра, «не пришло еще время сбросить иго», но, очевидно, причина куда проще: рьяное угодничество перед ханом Золотой Орды сулило князю максимальную власть. Наследник и потомок Александра Ярославича, его внук Иван Калита, продолжил эту политику в отношении Новгорода и с успехом выжимал из него дань для Золотой Орды. Это способствовало укоренению глубокой неприязни новгородцев к московским князьям. К слову, в Куликовской битве, ставшей стараниями многочисленных историков и публицистов символом русского единства, новгородцы участия не принимали¹.

Итак, ни один из факторов не работал на то, чтобы Новгород естественным путем соединился с «низовской» (Владимиرو-Суздальской, позднее Московской) Русью. Исторический путь Новгорода явно не совпадал с тем, которым шла северо-восточная часть русских княжеств и который в наиболее успешном виде был реализован Москвой, подчинившей себе в конце концов и северную вечевую республику.

Покорение Новгорода

Поводом для военного похода Ивана III на Новгород стало, во-первых, приглашение на княжение в Новгород литовского князя Михаила Олельковича и, во-вторых, подпи-

---

¹ В 1911 г. был найден синодик (поминальный список) новгородской церкви Святых Бориса и Глеба, в который включены имена новгородцев, «на Дону избивенных при великом князе Димитрии». Однако в силу своей единственности и довольно позднего происхождения этот документ не может считаться доказательством участия новгородцев в Куликовской битве.

сание с польским королем Казимиром IV договора о признании Новгородом вассальной зависимости от Польши и Литвы. В 1471 году в Шелонской битве новгородская рать потерпела от московского войска сокрушительное поражение, с которым завершилась независимость Великого Новгорода. Новгородцы были вынуждены отказаться от союза с Литвой, признать Новгород «отчиной» великого князя московского и выплатить контрибуцию в размере около 16 тысяч рублей. Однако формальные символы самоуправления были в городе еще оставлены.

Зимой 1477 года Москвой был предпринят новый поход на Новгород, в результате которого горожан заставили принести присягу Ивану III, а все новгородские вольности: вече, выборность руководителей, их подотчетность и подсудность народному собранию — были упразднены. Вечевой колокол — символ новгородской независимости — и богатейшую сокровищницу Софийского собора вывезли в Москву. Туда же были отправлены под арестом восемь виднейших новгородских бояр, в том числе и Марфа Борецкая. Вскоре после этого началось искоренение экономической основы новгородских свободомыслия и самоуправления — частного землевладения. По подсчетам специалистов по аграрной истории России, более 87% новгородцев, владевших землей (от богатейших боярских семей до горожан, сдававших в аренду небольшой пахотный удел), лишились своей собственности. Те, кто вызывал наибольшие опасения у новых властей, были казнены. Около двух тысяч бояр, житых и торговых людей были переселены в Москву, Владимир, Муром, Ростов и другие города. Их земли частью отписали в казну, частью превратили в поместья¹ и роздали московским служилым людям. Наконец, в 1494 году была закрыта новгородская контора Ганзы, находившиеся в ней товары изъяты, а 49 купцов из 18 немецких городов арестованы. Великий Новгород как суверенное государство прекратил существование.

Итак, до конца XV века невские земли входили в состав Новгородской вечевой республики. В силу разных причин

---

¹ Ненаследуемое земельное владение, предоставлявшееся как плата за государственную службу.

Иван III, великий князь.
Гравюра. Из книги: А. Теве.
Космография. Париж, 1575

новгородцы долгое время избегали строительства крепости вблизи невского устья, которая могла бы стать ядром крупного торгового города. Крепость Ландскрона, в 1300 году поставленная шведами при впадении Охты в Неву, была новгородцами разрушена, и поселение с городским укладом так на этом месте и не образовалось. Воздвигнутые на рубеже XIII—XIV веков крепости Копорье, Корела и Ореховец стали городами и административными центрами Водской, Корельской и Ижорской земель.

Нева на протяжении всего периода существования Новгородского государства сохраняла роль крупнейшей транспортной артерии, связывающей Новгород и подвластные ему земли со странами Северной Европы. В этот период на берегах Невы увеличивается количество поселений. Смешанное славяно-финское население принадлежит к новгородскому культурно-психологическому типу, чертами которого являются трезвое сознание собственных интересов и умение их отстаивать, способность к самоорганизации, уважение и доверие к выборным органам власти, развитое правовое сознание, в частности в вопросах собственности, открытость, конфессиональная и этническая терпимость.

Отправление вечевого колокола из Новгорода в Москву.
Миниатюра Лицевого летописного свода (XVI в.)

Подчинение Новгорода Ивану III не сразу поставило крест на существовании этих черт; их носители продолжали жить на новгородских землях, в том числе и на берегах Невы, в течение следующего исторического периода, находясь в составе Московского государства.

Документ № 3
ХРОНИКА ЭРИКА¹
(отрывки)

*За Троицей сразу, на следующий год²
марскалк³ Торгильс Кнутссон собрался в поход
от имени конунга. В ледунг⁴ вошли
лучшие лодки и корабли.
Язычников⁵ конунг хотел проучить
и город Ландскруна велел заложить.
Воинов одиннадцать сотен собрали.
Поплыли из Швеции в дальние дали.
Думаю я, по Неве никогда
не плавали раньше такие суда.
Прекрасную гавань скоро нашли,
по штевням⁶ сровняли свои корабли.
А сверху мостки к судам привязали,
чтоб волны и ветер их не угнали.
Между Невою и Черной рекою⁷
крепости быть с высокой стеною.
На мысе, где рек тех сливались пути.*

---

¹ «Хроника Эрика» — шведская стихотворная летопись, написанная неизвестным автором в 1320-е гг. Она довольно точно рассказывает о событиях второй половины XIII — первой четверти XIV в., хотя, конечно, в ней имеются художественные преувеличения и искажения.

² Имеется в виду следующий год после свадьбы конунга Биргера, состоявшейся в 1298 г. В «Хронике» дается неточная дата начала похода на Неву; должно быть: «через год».

³ Марскалк (марск) — маршал, высшая военная должность.

⁴ Ледунг — морское ополчение.

⁵ Автор умышленно называет здесь православных новгородцев язычниками, это, по его мнению, придает шведским притязаниям ореол праведности.

⁶ Штевень — наклонный брус, составляющий носовую или кормовую оконечность судна.

⁷ Черной рекой в «Хронике» называют Охту.

Лучшего места им не найти.
С юга в залив Нева протекала,
а с севера Черная речка впадала.
Едва о намереньях шведов узнали,
Русские¹ войско большое собрали.
По морю и суше отправилась рать.
Стали момента удобного ждать.

<Шведы высылают навстречу русским на кораблях отряд из восьмисот воинов, который попадает в бурю и не встречает противника. После бури шведские воины разоряют несколько прибрежных корельских деревень, но, увидев плывущие к Неве многочисленные русские ладьи, отступают к Ландскруне. Русские пытаются поджечь шведские корабли, пустив по течению горящий плот, — их затея не удастся. Перед крепостью происходит стычка, но русским не удастся прорваться за укрепления. Они окружают крепость. Рыцарь Матс Кеттильмундссон² вызывает на бой любого из русских воинов, но ответа не получает. На другой день русские снимают осаду и уходят.>

Крепость достроили и укрепили.
Надолго запасами воинов снабдили.
Пора благородному войску домой.
Оставлен известный отвагой большой
начальником рыцарь по имени Стен.
Затем корабли отплыли от стен.
Триста душ оставили там,
взрослых и юных, уйдя по волнам.
Двести, чтоб крепость могли охранять,
и сто, что работы должны выполнять³:
солод варить, готовить и печь,
а по ночам ворота стеречь.

<Возвращаясь в Швецию, рыцари попадают у самой невской дельты в штиль и «от скуки» разоряют земли води и ижоры.>

---

¹ Скорее всего, ладожане, составившие этот отряд, не называли себя «русскими», но для шведов они были, конечно, русскими.

² Реальное лицо, позднее занимал высокие должности в Шведском государстве.

³ Численность гарнизона (двести воинов и сто работников), по-видимому, завышена.

То войско, что в Ландскруне осталось,
сильно в то время во многом нуждалось.
Съестные припасы испортило лето,
затвердела мука. Оттого было это,
что в новых домах она нагревалась.
Вскоре хорошей еды не осталось.
Солод слежался и даже горел.
От порчи продуктов всяк, кто их ел,
начал сильно страдать из-за десен —
цинга никому добра не приносит.
Случалось, когда за столами сидели,
пили настои на травах и ели,
их зубы со стуком на стол выпадали.
Живыми остаться смогли бы едва ли.

<Русские вновь собирают войско и приближаются к Ландскруне. У самого устья Невы они забивают в дно сваи, чтобы преградить путь шведским кораблям. Отряд шведов, вышедший из Ландскруны, не успевает им воспрепятствовать, а на обратном пути попадает в засаду и с боем прорывается к крепости. Рыцарь Стен ранен.>

Русские войско потом снарядили,
в крепости шведский отряд осадили.
Русским удачу осада сулила:
в раз шестнадцать их больше было.
Они штурмовали и день и ночь.
Сражений мне всех перечислить не смочь.
Христиан уже мало в ту пору осталось.
Язычников войско часто сменялось —
отряд за отрядом лезли они.
Так продолжалось ночи и дни.
Христиане устали крепость держать.
Все это, пожалуй, легко вам понять.
Трудились они день и ночь напролет.
Нельзя удивляться, что слабнет народ.
Нету уж мочи врага одолеть,
и люди не в силах больше терпеть.
Вот уж пожары внутри запылали,
и быстро в крепость враги проникали.
Христиане бежали от них бросив вал,
Спрятались быстро в огромный подвал.
Воины все же у вала остались,
с жизнью своей там герои расстались.
Тот погибал, кого находили,
многих больных, ослабевших убили.

В этот момент и сказал русским Стен:
«Разве людей не берете вы в плен?!
Мы бы сложили оружие тогда.
Знайте, что жизнь для нас дорога.
Мы бы работать смогли как рабы,
не прося ничего за свои труды».
Ему Торкель Андерссон стал возражать:
«Как же ты смог такое сказать!»
Русский воин с ног его сбил,
Копьем насквозь его тело пронзил.
Укрылись защитники после в подвале.
В кровавую бойню там люди попали.
Карл Хаак смелый герой —
смерть на копье принес ему бой.
Он с русского воина одежду сорвал.
В ней он проник к осажденным в подвал.
Но там был убит — в темноте не признали.
За что небеса эти беды послали?
За что Бог обрушил горе такое?
За что он навек смельчаков успокоил?
В подвале сражались все они так,
что русским не взять их было никак.
Враги поклялись — и поверили шведы, —
что жизнь сохранят им, и кончатся беды.
Русские в плен их с собой уведут.
Сдавших оружие они не убьют.
Вышли они, воеводу послушав.
Господи, дай же покой бедным душам
тех, кто принял смерть на валу!
Тебе они все возносили хвалу.
Не ведали войны, что вскоре придут
язычников толпы и всех их убьют.
Русские пленных распределили
Между собою, добро разделили.
Крепость сожгли и поехали к дому,
пленных ведя по дороге знакомой.
Долго пожары внутри догорали.
Так вот ту крепость русские взяли.

(Текст печатается в переводе А. Ю. Желтухина по изданию: Хроника Эрика. Выборг, 1994. Примечания сделаны на основе комментариев А. Ю. Желтухина и А. А. Сванидзе.)

ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Невские земли после падения Новгородской республики

Депортация, которой Иван III подверг несколько тысяч новгородских семей, не миновала и владельцев приневских земель. Имена Грузовых и Офонасовых были конфискованы, а их владельцы изгнаны. Волость «*на реке Неве у моря*», принадлежавшая Тимофею Грузову, была пожалована некому «*Одинцу с товарищи*»¹, две «*деревни на усть Охты*» отняты у Олферия Офонасова и переданы в поместное владение родовитому, но обедневшему князю Андрею Александровичу Ростовскому-Хохолкову. Ему же досталась вотчина боярина Александра Самсонова на Васильеве острове. По подсчетам В. О. Ключевского, в Ореховском уезде (включающем земли по берегам Невы), а также в соседнем Ладожском было посажено 106 московских помещиков.

---

¹ Писцовая книга 1539 г. сообщает об одной из деревень на берегу Невы, что она «*за Давыдкою за Одинцовыми детьми Шамшева*». С. Кеппу определил, что деревня Одинцово с боярской усадьбой находилась на месте нынешней Арсенальной набережной, к востоку от Финляндского вокзала.

Подобно тому как полтора века назад захват Швецией западных корельских погостов привел к массовому оттоку населения на новгородские земли, так и падение вечевой республики и появление в Новгороде московской администрации вызвало поток беженцев в обратном направлении: в Выборгский лен¹ устремились переселенцы из приграничных новгородских земель. Тем не менее по Неве привычным маршрутом продолжали двигаться торговые суда, на ее берегах по инерции продолжалась активная жизнь. Разыскания историка и археолога П. Е. Сорокина и его коллег доказывают, что в начале XVI века на месте Ландскроны из слияния нескольких деревень образовалось достаточно крупное поселение, фигурировавшее в некоторых документах под названиями Невский городок или Невское устье и имевшее торговые связи с Выборгом и другими шведскими и немецкими городами. Крупные по тем временам села и деревни располагались также на Васильевском острове, на Фомине острове (ныне Петроградская сторона), в Лахте, на левом берегу Невы вблизи устья Фонтанки и в других местах в пределах современного Петербурга. Однако со временем оживление здесь стало сменяться упадком и запустением.

Причина этого заключалась в том, что с вхождением в состав Московского царства внутригосударственное положение Невской земли радикально изменилось. Для Новгорода торговый путь по Неве был жизненно важным элементом экономики и вообще всего государственного уклада. Новгородская республика была в высшей степени озабочена тем, чтобы Нева оставалась под ее полным контролем и чтобы движению судов и сухопутного транспорта по берегам Невы ничто не препятствовало, чтобы приезжие купцы чувствовали себя комфортно и находили все необходимое для своего дела. Выстраивая отношения с соседними государствами, прежде всего со Швецией, Новгород имел в виду именно эти задачи.

Для Московии невольский путь представлял значительно меньшую ценность, поскольку ни внешняя торговля, ни мореплавание в ту пору не занимали заметное место в ее хозяйственной деятельности, как это было в Новгороде. Высшей ценностью для Москвы являлась земля как тако-

---

¹ Лен — в данном случае — административно-территориальная единица в Швеции.

вая — территория, облагаемая податями. Именно поэтому все земли, находившиеся в частном владении у новгородцев, были конфискованы Иваном III и превращены в государеву собственность (поместья, пожалованные за службу, формально принадлежали великому князю, который в любой момент мог отнять их у помещика).

Кроме конфискаций, Иваном III было проведено еще несколько мероприятий, связанных с изменением принадлежности земли: для удобства централизованного управления и сбора податей было утверждено административное деление Новгородской земли на пять частей — пятин (невские земли вошли в Водскую пятину), а для определения размера доходов, поступающих в казну, составлены реестры всех земель. Так появились переписные книги, перечислявшие *«пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни великого князя и за бояры и за детми боярскими и за служилыми людьми за помещицыки и своеземцовы и купецкие деревни и владычни и монастырские деревни и сохи¹ по новгородскому»* (см. документ № 4). Затем на конфискованных землях была введена новая система взимания оброка. Если раньше размер и форма выплаты оброка определялись возможностями плательщиков и никогда не превышали их, поскольку владелец вотчины был самым непосредственным образом заинтересован в ее хозяйственном благополучии, то с переходом земель в собственность московского государя сборы стали назначаться механически, исходя из данных писцовых книг. Оброк отныне взимался только зерном и деньгами, вне зависимости от того, каким родом деятельности — земледелием, скотоводством или промыслами — занимаются жители, а в случае неурожая, когда хлебный оброк недобирали, недостачу следовало компенсировать деньгами. Кроме того, теперь «налогоплательщикам» вменялось в обязанность содержание представителей великого князя на местах — волостелей, тиунов и доводчиков. Со временем, когда потребности государя по разным причинам стали возрастать, величина оброка также увеличилась. Особенно резкий скачок произошел при Иване IV, внуке Ивана III. Обыскные книги второй половины XVI века в качестве пре-

---

¹ Соха — московская мера пахотной земли, имевшая хождение в то время и равная трем новгородским обжам.

обладающей причины запустения земель на берегах Невы так прямо и будут указывать: «от государевых податей».

Что касается земель, ставших поместьями, то на них в большинстве случаев оброк также возрос сразу же после смены владельца. Дошедшая до нас «Писцовая книга Водской пятины 7008 (1500) года» сообщает, что жители деревни Коирово Дудеровского погоста¹, состоявшей из четырех дворов, прежде платили за год 5 денег и четверть урожая; после 1500 года к этому прибавились 2 гривны 7 денег (гривна составляла 14 денег), а к этому еще один баран (по ценам того времени — 4 деньги), полоть (полтуши) мяса (6 денег), полторы бочки пива (21 деньга), коробья² овса (5 денег), воз сена (6 денег), две сажени дров (4 деньги) и пяток³ с горстью льну (6 денег), то есть в пересчете на деньги оброк возрос на 87 денег! «Вообще видно, — констатировал А. И. Гиппинг, — что по платежу повинностей положение земледельцев на невских побережьях сделалось под московским владычеством гораздо тяжелее, чем прежде».

Внешняя политика Москвы была подчинена присоединению новых территорий. Василий III, сын Ивана III, в 1510 году завоевывает Псков, в 1514 году — Смоленск. Продвижение Московского государства на запад вовсе не способствовало увеличению мирных контактов с западными странами. Правда, любекским купцам все же удалось добиться восстановления Ганзейского торгового двора в Новгороде (в 1514 году был заключен соответствующий договор), но на практике торговля с немцами велась очень вяло.

В период царствования Ивана IV Грозного Москва попыталась наладить более активные торговые связи с европейскими странами. Англичане, проложившие морской путь вокруг Норвегии в Белое море, получили в Москве грамоту, дававшую им льготы и гарантии безопасности в торговле с Россией. Однако контакты с ближайшими западными

---

¹ Вероятно, ныне это деревня Финское Койрово, расположенная у самой черты Петербурга, западнее Пулковы.

² Коробья — новгородская мера зерна или пахотной земли (по количеству высеянного зерна). Вес коробыи ржи примерно 114 кг, овса — 76,5 кг, ячменя или жита — 100 кг.

³ Пяток — единица счета выделанного льна или конопли, то есть связка, содержавшая пятьдесят горстей.

Иван IV Грозный, царь. Гравюра.
Из книги: *Одербон П. Жизнь Иоанна
Васильевича, великого князя
Московии*. Виттенберг, 1585

соседями — Швецией и Ливонией — определялись иными факторами.

Причиной ухудшения отношений со Швецией стала убежденность русского царя в неполноценности шведской королевской династии Ваза. Иван IV запрещал допускать к себе шведских послов, видя в общении с ними унижение для себя, он презрительно называл Швецию «землями за Выборгом», а выборного шведского короля Густава Вазу не признавал за настоящего монарха, говоря, что он «мужицкого роду». На этой почве между двумя странами возникла в начале дипломатическая война, перешедшая затем в открытые боевые действия в 1554—1557 годах. Одним из эпизодов этой войны, не слишком активно ведшейся обеими сторонами, была безуспешная осада шведскими войсками Орешка. Отступая, шведская флотилия из-за встречного ветра вынуждена была простоять четыре дня в устье Охты, где к тому времени, вероятно, уже располагался городок, из которого русские войска продолжали атаковать стоящие на Неве неприятельские корабли. В ответ на действия шведов против Орешка русские осадили Выборг, но также не имели успеха и смогли лишь опустошить окрестности замка.

Война не привела ни к чему, только в мирном соглашении была официально закреплена сложившаяся практика вести переговоры русского царя со шведами через посредство новгородского наместника. Этот договор не изменил униженного для Швеции положения в отношениях с Россией. Межгосударственная напряженность приводила к арестам и интернированию послов, новым военным столкновениям и продолжалась еще долгие годы. Все это, конечно, крайне негативно сказывалось на русской внешней торговле.

Ливонская война

Рассуждая о причинах Ливонской войны, историки нередко утверждают, что Россия в этой войне боролась за приобретение выхода в Балтийское море. При этом цитируется К. Маркс: «Сознательной целью Ивана Грозного было — дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой». На самом же деле и вся Нева, и южная и восточная части Карельского перешейка, и южное побережье Финского залива вплоть до реки Наровы, на которой Иваном III была поставлена крепость Ивангород, находились в ту пору во владении Московского государства. Но эта территория, имеющая выход к морским берегам, практически не использовалась. Россия не имела ни флота, ни инфраструктуры для приема иностранных кораблей. Правда, перед самой войной в устье Наровы был построен *«город для бусного <корабельного> приходу заморским людем»*, однако немецкие купцы все равно предпочитали вести дела на другой стороне реки в ливонской Нарве. Так что расценивать Ливонскую войну как «борьбу России за выход в Балтийское море» совершенно невозможно.

Причиной, побудившей Ивана IV двинуть войска на Нарову, было все то же стремление к территориальным приобретениям, которое ранее привело к захвату Москвой Новгорода, Пскова и других государств. А то, что на ливонской земле располагались богатые торговые города: Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, — еще более увеличивало ее привлекательность. Сам царь мотивировал претензии на владение прибал-

тийскими землями тем, что *«тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил, и на всех ливонских людей дани наложил»* (из письма Ивана Грозного датскому королю Фредерику II, к которому жители Ревеля (или Таллина, или Колывани) обратились с просьбой оказать им помощь в отражении московской агрессии).

Ливония к тому времени представляла собой весьма удобного для России противника: ослабленная внутренними межнациональными и межконфессиональными противоречиями, она не могла оказать московскому войску, только что одержавшему убедительные победы над Казанским и Астраханским ханствами, достойного сопротивления. Однако по прошествии некоторого времени русским пришлось столкнуться в Ливонии со значительно более сильным, чем предполагалось, неприятелем.

Формальным поводом к войне была многолетняя невыплата Москве дани, которую дерптский епископ обязан был выплачивать по договору 1503 года. Начало военных действий принесло русским большие успехи. Были взяты Нарва и Дерпт, разгромлено рыцарское войско под Эрмесом, заняты крепость Мариенбург и резиденция магистра Ливонского ордена — замок Феллин (Вильянди). Магистр Фюрстенберг попал в плен и отправлен в Москву, где в знак царской милости получил в кормление городок Любим под Костромой, в котором на покое и жил до самой смерти. Почти вся Ливония была захвачена русскими, и орден прекратил свое существование. Однако на его территорию стали сразу претендовать и Литва, и Швеция, и Дания. Тем не менее в течение двух десятков лет русские войска были в большей или меньшей степени хозяевами положения в Ливонии. И лишь в 1578—1579 годах Стефан Баторий, избранный королем единого литовско-польского государства — Речи Посполитой, и шведский полководец Понтус Делагарди¹ отобрали у России все ливонские приобретения. Кроме того, шведы заняли

---

¹ Род Делагарди происходил из южной Франции (менее распространенный, но более правильный вариант написания этой фамилии — де ла Гарди).

Невский край в Ливонской войне

Условные обозначения:

- — границы Московского государства до начала Ливонской войны;
- — границы территорий, захваченных шведами в ходе Ливонской войны;
- — крепости Невского края, осаждавшиеся шведами во время Ливонской войны;
- — территории, оставшиеся в руках шведов, после заключения Плюсского перемирия

Ивангород, Ям, Копорье и Корелу, таким образом вплотную приблизившись к невоской дельте, имевшей важное стратегическое значение. Как сообщает шведский историк Б. Янгфельд, «король <Юхан III> желал — и об этом свидетельствуют несколько писем, направленных им в 1583 году своим военачальникам, — перенести русско-шведскую границу от реки Сестры к Неве». 1 июня 1583 года трем шведским высшим офицерам было поручено *«незамедлительно отправиться с несколькими тысячами хорошо обученных солдат к острову, где прежде, говорят, стояла крепость <имеется в виду Ландскрона>, и там опять поставить новое укрепление из дерева и земли, а также усилить его шанцами и рвами, дабы благодаря этому мы могли получить себе то, что расположено на этой стороне Ниена <то есть Невы>»*.

Крепость, по-видимому, так и не была построена, поскольку к исходу Ливонской войны обоими берегами Невы и примыкающей к ней частью залива владели русские.

Формальным завершением Ливонской войны стало перемирие между Россией и Швецией сроком на три года, которое было заключено в августе 1583 года на мызе при впадении реки Плюссы в Нарову. В результате у России остался лишь небольшой участок балтийского побережья протяженностью в 31 км: от реки Стрелки (в районе нынешней Стрельны) до реки Сестры, включающий и устье Невы. И хотя Москва не признавала претензий шведской короны на земли южного берега Финского залива и западного Приладожья, фактически они находились в руках Стокгольма.

Ливонская война самым негативным образом сказалась на жизни обитателей Невского края. В течение всей второй половины XVI века восточно-балтийское побережье постоянно находилось в зоне боевых действий, по полям и лугам передвигались войска, у мирных жителей для нужд армий отбирали подводы, лошадей, фураж и провиант. Торговля сворачивалась, сельское хозяйство бедствовало.

Ко всему этому прибавилась еще одна страшная беда, обрушившаяся на Новгородскую землю.

Расправа над Новгородом

Одним из жестоких и кровавых событий царствования Ивана Грозного был опричный разгром Новгорода, учиненный зимой 1570 года.

Поводом для похода на Новгород стали выдвинутые царем обвинения в измене, которую якобы готовили горожане, вступив в союз с польским королем. Пришедшее из Москвы в начале января опричное войско стало лагерем на Городище, в нескольких верстах от Новгорода, и окружило город заставами. Прибывший через несколько дней царь отказался принять благословение архиепископа Пимена, встречавшего его на мосту через Волхов, и направился на воскресную службу в Софийский собор. После обедни в покоях архиепископа начался пир, во время которого Иван IV, *«возопив*

гласом великим с яростию», повелел опричникам схватить хозяина и разграбить его палаты. Разорению подверглись и Софийский собор, и весь Новгородский кремль. В городе хватили бояр, именитых людей, купцов и приказных подьячих. Их подвергали пыткам и истязаниям — жгли на огне, обливали на морозе водой, связывали и бросали в реку, а потом с лодок рогатинами добивали тех, кто тонул не сразу. Погром в городе длился несколько недель, после этого возглавляемая царем опричная дружина отправилась в расположенные вокруг Новгорода монастыри, где продолжила грабежи и убийства. Последним пострадал новгородский посад. Были убиты сотни людей, сожжены и уничтожены запасы товаров, разрушены лавки, склады и жилые дома.

Расправившись с Новгородом, царь с войском отправился в Псков, где новгородские события повторились, но погром длился не так долго. По легенде, своим спасением псковичи были обязаны юродивому, который, встретив царя, будто бы предсказал ему отмщение за злодеяния.

Опричному разорению подверглись не только Новгород и Псков, но и земли к северу, в том числе берега Невы. *«К Нарве и к шведской границе — к Ладожскому озеру — он <царь> отправил начальных и воинских людей и приказал забирать у русских и уничтожать все их имущество, и многое было брошено в воду, а многое сожжено. В эту пору было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси», — писал в своих «Записках о Московии» немецкий авантюрист Генрих Штаден, служивший в ту пору в опричном войске. В «Обыскной книге Спасского Городенского погоста 7081 (1573) года» засвидетельствовано, что владения боярина Ивана Хорошева в устье Охты запустели в 1570 году «от опричного правеху Темеша Бастанова».*

Следует иметь в виду, что все это происходило в то время, когда Швеция уже вступила в Ливонскую войну против России, и опричное воинство, разорив села и деревни по берегам Невы, благополучно отбыло в Москву, предоставив шведам беспрепятственно хозяйничать на этих территориях. Летом того же года шведская армия совершила рейд в Невское устье, разграбив все то, что еще оставалось у местных жителей.

Бедствия Новгородской земли не закончились с уходом царского войска и шведов. Сюда из Москвы прибыла оприч-

ная администрация, которая насаждала новые и увеличивала старые подати, вводила различные полицейские запрещения. Особым вниманием пользовалась наиболее процветающая прежде отрасль новгородской экономики — торговля. Опричные дьяки обложили купцов повышенными сборами, ввели систему строжайших наказаний за нарушение правил торговли, установили новые таможенные правила. Сущствующее мнение, что при Иване Грозном активно поощрялась международная торговля, справедливо только отчасти. Так, к английским купцам царь действительно благоволил (возможно, это было связано с тем, что в случае своего свержения он рассчитывал найти укрытие у английской королевы). Новгородская торговля, традиционно ориентированная на страны балтийского региона, Иваном IV последовательно и систематически уничтожалась. Однако сказать, что ее искоренили до конца, все-таки нельзя. Стоило миру хоть ненадолго воцариться над невскими, ладожскими, волховскими берегами, как снова привычным маршрутом сюда плыли купеческие корабли, восстанавливались разрушенные пристани и склады, отстраивались дома и постоянные дворы.

Не исчезал и тот культурно-психологический тип новгородца, который сформировался веками независимости: несмотря на все страшные испытания, доставшиеся новгородцам, на этой земле продолжали жить люди, которые, по словам историка Р. Г. Скрынникова, «оставались живыми носителями демократических традиций новгородской старины».

От Плюсского перемирия до Столбовского мира

Плюсское перемирие по истечении трехлетнего срока было продлено уже от имени царя Федора Ивановича еще на четыре года. Решение территориальных вопросов, возникших во время Ливонской войны, таким образом было отложено на семь лет, но фактически захваченная в ходе военных действий территория все это время находилась в руках Швеции.

В 1590 году, когда военные действия возобновились, русские войска отвоевали земли Водской пятины, что было закреплено русско-шведским мирным договором, подписанным в мае 1595 года в селе Тявзин на реке Нарове (ныне деревня Извоз), к северу от Ивангорода. По тявзинскому миру России возвращались Ивангород, Ям, Копорье и Корела (Кексгольм), а Эстляндия, включая Нарву, доставалась Швеции. Кроме того, в соглашении оговаривались условия торговли между двумя странами. Россия вынуждена была согласиться с некоторыми мерами, направленными на ограничение ее торговли с другими странами в пользу Швеции. Например, Тявзинский договор запрещал всем иностранцам, кроме подданных шведской короны, торговать в российских портах — Ниене¹ и Луге. Таким образом, текст договора содержит свидетельство того, что в конце XVI века в устье Невы была пристань для крупных кораблей. Это подтверждает и другой источник: недавно обнаруженный и опубликованный историком и археологом А. А. Селиным документ 1599—1601 годов под названием «Обыск губного старосты Б. Вельяшева поместья Б. Хорошева в Спасском Городенском погосте²» содержит прямое указание на то, что в устье Невы расположены «*государев гостиный двор*» и корабельная пристань.

Тявзинский договор установил мир между Россией и Швецией, благодаря чему жизнь в приграничных землях стала постепенно налаживаться. В период правления Бориса Годунова (1598—1605) отношения Москвы и Стокгольма строятся на союзничестве против Польши. Карлу IX Шведскому, право которого на стокгольмский престол оспаривал его племянник, польский король Сигизмунд III, царь предложил помощь в притязании на корону в обмен на передачу России Нарвы и получил на словах согласие. Правда, договоренность с Карлом в итоге не была реализована. Но зато позже, уже после смерти царя Бориса, шведский король в свою очередь выступил с «зеркальным» предложением, пообещав новому царю Василию Шуйскому военную помощь

---

¹ Ниен (Нюен) — под этим названием в шведских источниках начиная с 1521 г. фигурирует Невский городок.

² К Спасскому Городенскому погосту Ореховского уезда относились земли по обоим берегам Невы на всем ее протяжении, в том числе и часть территории современного Санкт-Петербурга.

Якоб Делагарди.
Гравюра Й. Фалька. 1652 г.

для отпора Лжедмитрию при условии, что Швеции отойдет город Корела. Предложение было принято, и в феврале 1609 года в Выборге был заключен русско-шведский договор. Швеция предоставляла в распоряжение Василия Шуйского пятитысячную наемную армию (2000 всадников и 3000 пехотинцев; позже по просьбе царя это число было увеличено почти в два раза), которой русская сторона обязывалась выплачивать жалованье. Секретное приложение к договору удостоверяло согласие царя на передачу Швеции «в вечное владение российского города Корелы с уездом» в обмен на военную помощь.

Шведский «экспедиционный корпус», набранный из профессиональных солдат и офицеров разных европейских стран, возглавил выдающийся шведский военачальник Якоб Делагарди, сын П. Делагарди. Оставив свои главные силы в Тёсове, Делагарди встретился в Новгороде с воеводой Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, с которым у него впоследствии сложились доверительные отношения. Шведская армия стала действовать совместно с собранными Скопиным дружинами северных русских земель, и поначалу эти действия были весьма успешны: обращены в бегство полки под командованием Кернозицкого, взято несколько

городов и, наконец, снята осада Москвы. Однако уже во время похода на Москву наемным солдатам перестали выплачивать жалованье, что, разумеется, вызвало у них недовольство, которое усугубилось внезапной и загадочной смертью Скопина-Шуйского (он, вероятно, был отравлен) — через него иностранцы получали денежное довольствие. В битве под Клушином, состоявшейся в июне 1610 года, большая часть наемников, выйдя из-под командования Делагарди, перешла на сторону поляков. Победив в этой битве, поляки стали хозяевами положения и через полтора месяца заключили с боярским правительством в Москве договор о признании польского королевича Владислава русским царем вместо свергнутого Василия. Москва, находящаяся под контролем Польши — главного на тот момент врага Швеции, — категорически не устраивала Стокгольм. Делагарди еще до избрания Владислава предлагал московским и новгородским боярам в качестве кандидата на русский престол одного из сыновей шведского короля. Сам же Карл IX, по-видимому, таких планов не строил, а стремился лишь овладеть как можно большими территориями в восточной Прибалтике.

Судя по всему, он с самого начала планировал не ограничиться одной только Корелой (Кексгольмом), обещанной Швеции по Выборгскому соглашению. Об этом свидетельствует то, что осенью 1609 года, когда объединенная шведско-русская армия еще только готовилась освободить Москву, король посылает некоего Арвида Тенессона на берега Невы для поиска места, пригодного под строительство крепости, которая бы позволила шведам укрепиться здесь. Выбранное место оказалось тем самым, где за три с лишним столетия до этого уже стояла шведская Ландскрона. И возможно, к тому времени, когда Делагарди вновь вернулся на север, какие-то укрепления уже были сооружены, поскольку он, как сообщает «История десятилетней шведско-московитской войны» королевского историографа Юхана Видекинда, становится здесь лагерем и арестовывает на Неве два судна, груженных солью, а также захватывает на складах Невского устья (Видекинд отмечает: «в городе») большой запас того же товара с намерением отправить его на продажу, а выручкой расплатиться с войском. Что касается укреплений на месте Ландскроны, то Делагарди послал королю *«тщательное топографическое описание и чертеж*

М. В. Скопин-Шуйский.
Парсуна.
Первая половина XVII в.

всего Ладожского озера с гаванями и заливами по окружности; при этом указывал, как важно было бы построить крепость у реки Невы в 6 милях выше <ошибка Видекина: должно быть „ниже“> Нотебурга <Орешка; расстояние от него до Ниена действительно составляет 6 шведских миль>, и послал в Стокгольм предполагаемого строителя крепости изложить некоторые подробности». Ответ короля, по-видимому, последовал незамедлительно, потому что в следующем, 1611 году шанец, то есть форт, рассчитанный на гарнизон в 500 человек (это, вероятно, преувеличение), был уже построен. Таким образом, возникло первое укрепление известного впоследствии Ниеншанца. Руководил его возведением полковник Линдвед Классон Хестеско.

Несмотря на эпизод с конфискацией соли, пребывание шведского войска на берегах Невы, по-видимому, не воспринималось коммерсантами как препятствие для их деятельности: таможенная книга, в которой фиксировался сбор пошлин в Новгороде, сообщает, что 20 марта 7119 (1611) года два купца из Вязьмы Иван Костянтинов и Ондрей Юрьев сын Шпилькин, торговавшие пушниной и не нашедшие покупателя в Новгороде, заплатив необходимую пошлину, направились со своим товаром в Невское устье.

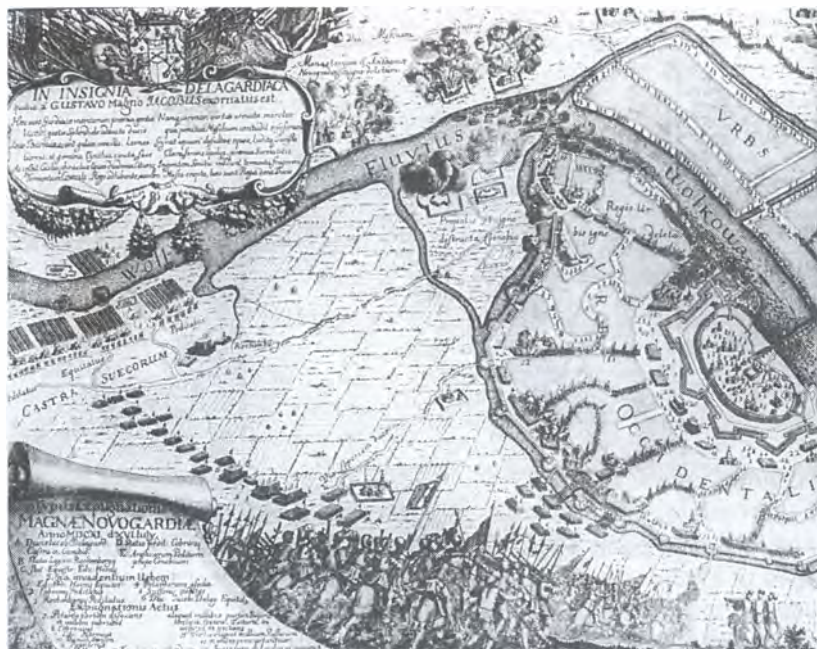
Делагарди тем временем осадил и взял Корелу (Кексгольм), которая по договору уже должна была отойти Швеции, но местные жители упорно этому сопротивлялись. Затем Делагарди вступил в переговоры с новгородцами, расположив свои войска в окрестностях города, и предложил им перед лицом нарастающей польской угрозы продолжить военное сотрудничество и вообще перейти под покровительство шведской короны. Вновь появилась мысль о призвании на российский престол одного из шведских принцев. Эта идея встретила поддержку москвичей, в частности князя Дмитрия Пожарского и руководителя первого ополчения Прокопия Ляпунова, который прислал в Новгород для переговоров воеводу Василия Бутурлина. Кроме того, лидеры московского ополчения выражали согласие уступить Швеции Ладогу и Орешек, то есть, по сути, речь шла о передаче шведам контроля над невским торговым путем. В самом же Новгороде еще с начала Смуты ожили надежды обрести независимость от Москвы. С одной стороны, лишаться Орешка и Ладоги новгородцы, безусловно, не желали, но при этом осознавали, что купленная таким способом шведская помощь может быть для них единственной опорой в борьбе за свободу. Однако существовала и партия противников союза с иноверцами, считавшая, что *«Новугороду мимо Московского государства ни под кем не бывать»*. В общем, переговоры между представителями Новгорода, Москвы и Швеции оказались необычайно запутанными. Закончились они тем, что Делагарди взял штурмом Новгород, подавив в нем отдельные очаги ожесточенного сопротивления. Отряд Бутурлина при этом разграбил новгородский посад под предлогом того, чтобы имущество не досталось шведам.

Однако соглашение, предложенное Делагарди после захвата Новгорода, отнюдь не было похоже на условия капитуляции. Согласно договору, подписанному митрополитом Исидором и воеводой князем Иваном Никитичем Одоевским от имени *«всех под властью княжества Новгородского состоящих»*, Новгород получал покровительство шведского короля, новгородским правителем становился один из сыновей короля, а до его прибытия — Я. Делагарди. От имени Делагарди специально оговаривалось, что *«замки и области, как относящиеся к новгородскому владению, так и другие, после того, как добровольно согласятся принять покро-*

вительство моего короля и государем сына его, не будут присоединены к Короне Шведской или ей инкорпорируемы <то есть внедрены, встроены в Шведское государство>, а останутся под московитским <имеется в виду русским; к этому времени новгородцы для шведов были уже москвитами> правительством на праве независимости в пределах установленных и утвержденных при царе Федоре Ивановиче <то есть по Плюсскому договору>; за исключением, однако, Кексгольма, его области и пределов <...>». Таким образом, этот договор восстанавливал суверенное Новгородское государство, правда, под протекторатом Швеции. В договоре предусматривался также «далекоидущий» вариант, по которому Москва и Владимир добровольно присоединятся к Новгороду и признают над собой власть шведского царя. Границы этого ненадолго воскресшего Новгородского государства практически совпадали с теми, что были до 1477 года.

Шведы первое время (в течение приблизительно двух лет) ощущали себя в Новгороде не захватчиками, а представителями шведского короля, чью власть местные жители приняли по доброй воле. Делаярди, или Яков Понтусов, как его называли на славянский манер, управлял оказавшейся под его властью территорией совместно со старой местной администрацией. Воевода Одоевский сохранил свою должность; государственные документы скреплялись двумя печатями — печатью Великого Новгорода и печатью королевского наместника Я. Делаярди. Сохранялись и действовали все прежние законы, традиции общественной жизни. Большая часть делопроизводства велась на русском языке, чеканились монеты московского образца. Возродилась частная собственность на землю: крупные имения получили видные представители новгородского дворянства.

Король Швеции (им стал 17-летний Густав Адольф в октябре 1611 года), однако, не торопился делать своего десятилетнего брата Карла Филиппа новгородским князем. Пока у короля сохранялась перспектива занять разом и новгородский, и московский престолы, кронпринц номинально оставался правителем Новгорода. Но после избрания на царство в Москве Михаила Романова Стокгольм потерял к Новгороду былой интерес, и прибывший в Выборг в июне 1613 года Карл Филипп отправился обратно в столицу, так и не ступив на Новгородскую землю. С этого времени шве-

Шведское войско, штурмующее Новгород.
Гравюра Д. Падтбрюгге. 1671 г. Фрагмент

ды на оказавшихся под их контролем землях стали вести себя как оккупанты: ужесточили налоговый и дисциплинарный режим, добивались от горожан присяги на верность шведской короне. Одновременно в Новгороде усиливались промосковские настроения, чему способствовали отсутствие поставок продовольствия с юга и вызванный этим голод, бесчинства, творимые находившимися на шведской службе наемниками, чеканка администрацией Делагарди «облегченных» денег и другие факторы. Активизировались и военные действия: московская рать под командованием Дмитрия Трубецкого безуспешно попыталась приблизиться к Новгороду, зато под Псковом шведские отряды, возглавляемые самим королем Густавом II Адольфом, потерпели поражение, причем фельдмаршал Эверт Горн был убит, а сам король ранен.

Все это заставило шведскую администрацию согласиться на предложение новгородского дворянина Якова Боборыкина направить посольство в Москву для дипломатического урегулирования отношений между Россией и Швецией и

Густав II Адольф и Карл Филипп, сыновья Карла IX.
Рисунок. Начало XVII в.

установления статуса Новгорода. В результате длительных переговоров при участии английских и голландских посредников в феврале 1617 года был заключен мирный договор между Россией и Швецией. Подписание его состоялось в деревне Столбово на реке Сясь, близ Тихвина.

Согласно Столбовскому миру новгородские земли разделялись между двумя государствами: России возвращались Новгород, Старая Руса, Порхов, Ладога, Гдов с уездами, а также Сумерская волость (район озера Самро, ныне Сланцевский район Ленинградской области) и все захваченное шведами на этой территории казенное и церковное имущество; Швеции отходила Ижорская земля¹, а именно Ивангород, Ям, Копорье, а также вся Нева и Орешек с уездом. Россия, таким образом, на этот раз действительно теряла выход в Балтийское море.

В течение шести лет существования Новгородского государства под протекторатом Швеции жизнь в устье Невы заметно активизировалась. Необходимое Новгороду продовольствие перестало поступать из России, охваченной Смутой, и Нева стала для него практически единственным каналом получения продуктов питания. Возведение Ниеншанца и постоянное пребывание вблизи устья Невы шведского гарнизона, по-видимому, обеспечивало безопасность совершавшихся торговых операций, количество которых столь возросло, что

---

¹ К XVII в. так стали называть не только территории, расположенные по берегам Невы, но и область южного берега Финского залива, прежде называвшуюся Водской землей.

Невский край в начале XVII в.

Условные обозначения:

- — — — — граница Московского государства по Тявзинскому договору;
- ..... граница территорий, оккупированных шведами;
- - - - - граница территорий, отошедших к Швеции по Столбовскому договору;
- ▨ территории, отошедшие к Швеции по Столбовскому договору;
- ⬠ место подписания Столбовского договора

это побудило шведскую администрацию устроить здесь весной 1615 года таможню для сбора пошлины *«с торговых с немецких и с русских людей, которые ездили с Невского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые немецкия и руския торговля люди стоя торговали на Невском устье»*. Заметим, кстати, что, хотя таможенная пошлина собиралась *«по наказу боярина и болшова ратного воеводы Якова Пундосовича Делегарда»*, осуществляли сбор русские подьячие и записи в таможенных книгах велись на русском языке. Опубликованные недавно записи из этих книг содержат

чрезвычайно ценные сведения о проходивших по Неве кораблях. Так, за навигацию 1615 года через Невское устье прошло 14 кораблей из Голландии, Стокгольма, Норчёпинга, Выборга, Ревеля, Нарвы, Ивангорода и других городов. Их грузом в основном был провиант: мясо, рыба, масло, хлеб, мука, соль, мед, сыр, фрукты, напитки. В следующем году таможенный сбор в Невском устье был взят уже с 32 кораблей: из них 20 кораблей везли из Балтийского моря через Неву зерно, напитки, соль, мясо, сельдь, фрукты, сахар; из 12 шедших в обратном направлении только два были порожними, груз остальных составляли металл (медь, железо, олово), пряжа, ткани и одежда, мыло, сало, мед.

Столбовский мир изменил статус Ижорской земли. Впервые в своей истории она оказалась с Новгородом по разные стороны границы. В составе шведского королевства появилась новая провинция, которая получила название Ингерманландия.

Документ № 4

ПИСЦОВАЯ КНИГА ПО НОВУГОРОДУ ВОТЬСКОЙ ПЯТИНЫ 7008 ГОДА¹

(фрагмент, описывающий владения наместника
в Спасско-Городенском погосте Ореховского уезда)

Великого князя² волость Лахта, что живет за наместники³, за Ореховскими из старины.

Село Лахта⁴, дв.⁵ Куземка да Максимка Исаковы⁶ <...>⁷ да Степанко Олексеевы, дв. Калинка Осташов, дв. Бориско Тимохин, дв. Ивашко да Ондрейко Даниловы, дв. Степанко Ивашков, дв. Бориско Харитонов, дв. Гаврилко да Якуш Ивашковы, дв. Микулка, Якушов сын, десяткой⁸, дети его:

---

¹ По новому исчислению соответствует 1500 г.

² После реформы Ивана III вся земля стала считаться принадлежащей великому князю.

³ То есть те земли и волости, подати с которых шли в пользу Ореховского наместника.

⁴ Лахта ныне входит в черту Санкт-Петербурга.

⁵ Сокращенное написание слова «двор».

⁶ В писцовых книгах учитывались только женатые мужчины.

⁷ Пропущено одно имя.

⁸ Десятский — выборная должность, староста.

Тараско да Ивашко, да Игнат Пантелеев сын, дв. Омоско Васильев, дв. Семенко Микитин, Минька Палкин, братанич его Федот Овсегов; сеют ржи двенадцать коробей¹, а сена косят двесте и сорок копен, восьм обеж², два наслега³.

Село на Фомине Острову⁴ на Неве у моря, дв. Федко Микулин <следует перечисление 32 дворов⁵ с 34 „людьми“>; сеют ржи шестьдесят коробей, а сена косят триста копен, двадцать и шесть обеж; а наслегов у них пол пята наслега⁶, и на два наслега им дана лгота на три года лета седьм тысяч осьмого, а отсидят лготу, и им тянути со всех с полупята наслега сполна. А непашенных⁷ крестьян в том селе: дв. Михейко, захребетник⁸ Тереха Дмитрова, дв. Федко Игандуев, дв. Ивашко Васьков, дв. Игола Еремин, да двор тиунь на приезд без пашни⁹, а ставят тот двор всюю волостью Городенского погоста и Корбосельского¹⁰.

Деревня Тетеркино у Тосной, дв. Тимохно Ивашков, дв. Федко Ивашков; сеют ржи четыре коробьи, а сена косят тридцать копен, обжа, пол наслега.

Деревня Дубок на Неве¹¹, дв. Олекса Ондрейков да Кондратик Грихнов, дв. Михал да Якуш Филиксовы, дв. Васько

---

¹ Двенадцать коробей — очень немного, этим зерном жителям села было не прокормиться. Очевидно, лахтинцы жили не земледелием, а за счет рыболовства и других занятий. То же можно сказать и о жителях описанных ниже сел и деревень.

² Обжа — новгородская мера площади пахотной земли; обжу крестьянин вспахивал на одной лошади за один день.

³ Наслег, то есть «ночлег». Главной повинностью наместничьих крестьян было содержание наместника и его людей во время их наездов. Измерялась эта повинность в «ночлегах», в содержании наместника в течение суток.

⁴ Фомин остров — ныне Петроградский остров.

⁵ Очень крупное по тем временам поселение. Среднее число дворов в населенных пунктах Водской пятины было 3,21, а в других пятинах еще меньше.

⁶ То есть 4,5 ночлега.

⁷ То есть вообще не занимающихся земледелием.

⁸ Захребетник — в данном случае батрак.

⁹ Дом, предназначенный специально для пребывания наместника во время его визитов.

¹⁰ Корбосельский погост находился к северу от Спасского Городенского.

¹¹ Находилась на правом берегу Невы в промежутке между современными Финляндским и Володарским мостами.

Сипа, сын его Куземка; сеют ржи семь коробей, а сена косят шестьдесят копен, две обжа, полнаслега.

И по старому письму¹ деревни четыре, а дворов в них сорок и семь, а людей в них шестьдесят и два человека, а обжа сорок и семь, а сох шестнадцать без трети сохи. И при старом письме убыло десять обжа, а прибыло шесть дворов, четыре человеки². А по новому письму два села и две деревни, а дворов в них пятьдесят и три с непашенными четырмя двора, а людей в них шестьдесят и шесть человек и с непашенными четырма человеки, а обжа тридцать и семь, а сох двенадцать с третью сохи. А наслегов у них и со льготными двумя наслегу пол осьма наслега³.

А угодей у той волости под деревнею под Дубком тоня Хутря, тоня Пучаха, по половинам со князем с Иваном с Темкою, да тоня на Пукуеву ручью, Дубковским крестьянам три жеребы, а Темке четверть; тоня одних Дубковцом под двором на Неве ж, а те тони ловят крестьяне Дубковцы на себя⁴.

А наместничих тонь под деревнею под Валитовою⁵ тоня, а дают ее наместники в наймы, а емлют с нее на год найму по десяти денег, а иногда по гривне⁶.

(Текст печатается по книге: Михайлов Н. В. Лахта. Пять веков истории. 1500—2000. М.; СПб., 2001.)

---

¹ Имеется в виду недошедшая до нас прежняя писцовая книга, составленная, как считают исследователи, на 15—20 лет раньше этой.

² То есть со времени последней переписи площадь пашни уменьшилась более чем на $\frac{1}{5}$, а население при этом немного возросло; стало быть, иные виды деятельности оказывались для крестьян более выгодными, чем обработка земли.

³ Семь с половиной «ночлегов».

⁴ То есть рыболовные места, тони, крестьяне Дубка делили с местным помещиком князем Иваном Темкой Ростовским: двумя тонями они пользовались наполовину, одной — на три четверти, и еще одной — целиком.

⁵ Историк В. Н. Бернадский предполагал, что название этой и еще нескольких одноименных деревень на берегах Невы произошло от имени новгородского боярина XIV в., тысяцкого, а позднее посадника — Ивана Федоровича Валита, по происхождению корела.

⁶ Гривна равнялась 14 новгородским деньгам.

НЕВСКИЙ КРАЙ В СОСТАВЕ ШВЕДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Под властью шведской короны

После заключения Столбовского договора отношения между Швецией и Россией в течение почти сорока лет носили мирный характер. Москва, конечно, не могла смириться с потерей прибалтийских территорий, но тягаться с могучим скандинавским королевством ей было не под силу. Швеция же продолжала укреплять свои внешнеполитические позиции: победив в войне 1643—1645 годов Данию — свою главную соперницу, она стала одной из сильнейших держав Европы.

Обустройство новой провинции не было для Стокгольма делом первостепенной важности; значительно большего внимания требовали взаимоотношения с Данией или Польшей, однако и Ингерманландия не оказалась забытой. По мнению шведских властей, лучшим средством для объединения всех земель, составлявших тогда Швецию, являлось распространение на все эти территории одних и тех же законов, единой административной и судебной системы. А шведское законодательство в ту пору было одним из самых прогрессивных и эффективных в мире.

Свои заморские приобретения король поспешил раздать в качестве феодальных поместий — ленов — шведским и

немецким дворянам. Русским дворянам, не уехавшим в Россию, предоставлялись те же права, что и шведским. Поместья, прежде формально принадлежавшие московскому государю, теперь становились наследственной и неотторгаемой собственностью. Немецкий ученый и дипломат Адам Олеарий, направляясь в составе голштинского посольства в Москву, посетил в 1634 году «двор русского боярина, именем *Н<икита> Васильевич*», находившийся в семи милях от Копорья, к югу от нынешнего Ломоносова. Гостеприимный хозяин, перенявший, как показалось Олеарию, некоторые немецкие обычаи, чрезвычайно гордился своей службой у шведского короля и участием в битве под Лейпцигом в 1631 году.

На землях, примыкающих к невиской дельте, было несколько крупных поместий. Через год после заключения Столбовского мира Нотебургский и Кексгольмский лены (бывшие Ореховский и Корельский уезды) взял в аренду на шесть, а затем еще на четыре года Я. Делагарди. Другим весьма заметным здесь землевладельцем был сводный брат короля Густава Адольфа — первый генерал-губернатор Ингерманландии барон Карл Карлсон Юлленгельм, получивший в 1623 году обширные владения в Ижорском и Спаском погостах, между реками Ижора и Славянка. Здесь им были устроены усадьбы Гудилов и Риббингехольм, а также «резиденция» Карлберг, превратившаяся значительно позднее в имение Царская (Графская) Славянка¹. После смерти Юлленгельма в 1650 году его владения перешли к семье его жены, дочери государственного казначея Швеции Севеда Риббинга.

Большие владения по обоим берегам Невы вблизи Ниеншанца принадлежали с 1638 года видному стокгольмскому сановнику генералу-риксшульцу Бернхарду Стену фон Стенхусену. Ему, кстати, были даны и некоторые административные поручения, он должен был наблюдать за работой почты, организованной в Ингерманландии в 1636 году. Фон Стенхусен построил в своих имениях две усадьбы: Бьёркен-

---

¹ Екатерина I подарила это имение своему брату Карлу Скавронскому, потомки которого владели им до 1847 г., когда оно было приобретено Николаем I и с тех пор стало принадлежать императорской семье.

хольм (на Березовом острове, около того места, где сейчас находится Нахимовское училище), принадлежавшую после смерти хозяина его вдове, и Усадисса хоф (на ее месте сейчас расположен Летний сад), перешедшую к его дочери Марии Элизабет и ее мужу Иохиму фон Коноу, а впоследствии — к их сыну Эрику Берндту фон Коноу, владевшему ею вплоть до прихода русских. Другая дочь фон Стенхусена была замужем за ротмистром Урбаном Акерфельтом, усадьба которого Первускина хоф находилась примерно там, где сейчас стоит Инженерный замок.

В 1629 году генерал-губернатором Лифляндии¹, Ингерманландии и Карелии стал видный шведский сановник и ученый, в прошлом наставник принца Густава Адольфа — Юхан Шютте. Ему, считавшемуся, как пишет Б. Янгфельдт, «одним из наиболее образованных шведов того времени», было поручено обратить особое внимание на правовые вопросы и образование. Его стараниями в подчиненных провинциях был учрежден гофгерихт (надворный суд, верховная судебная инстанция) и Густавианская академия (ныне Тартуский университет). Ю. Шютте принадлежали обширные поместья — Дудергоф и Стрельнагоф (современные названия: Можайское и Стрельна).

Кроме названных нами крупных землевладельцев, здесь появилось довольно и мелких. Впрочем, стремясь поправить пошатнувшееся финансовое положение своей державы, шведские монархи начиная с 1650-х годов стали изымать земли из частного владения, в результате к концу XVII века основная часть угодий в Ингерманландии, как и по всей стране, стала принадлежать непосредственно шведской короне.

Ингерманландия не была уравнена в правах с другими шведскими провинциями, поскольку считалась завоеванной в отличие от Эстляндии, перешедшей под власть короля добровольно. Но по своему экономическому развитию Ингерманландия, безусловно, не являлась отстающей и была чрезвычайно выгодным для Швеции приобретением. В своей речи на риксдаге в Стокгольме 26 августа 1617 года

---

¹ В 1582 г. поле падения Ливонского ордена его территория разделилась на три герцогства — Курляндию, Лифляндию и Эстляндию.

Шведский рукописный план Ниена и прилегающих к нему земель.

Между 1638 и 1649 гг. На месте крепости Ниеншанц обозначен двухэтажный дом королевского наместника, церковь и мелкие постройки.

Подробно изображены улицы Ниена. На левом берегу Невы отмечено село Спасское с православной церковью.

Указаны земли, принадлежащие частным владельцам.

Густав Адольф так характеризовал ее: «Области, теперь уступленные шведам, отличаются плодородием; в них много рек, богатых рыбою, много лесов с изобилием дичи и пушных зверей, меха и шкуры которых высоко ценятся. Вся эта богатая русская торговля теперь должна проходить через наши руки, так что при новой таможенной организации доходы Швеции в значительной степени увеличатся».

В сущности, для Швеции Ижорская земля в XVII веке была такой же колонией, как и для Московии веком раньше. Разница лишь в том, что Иван III для встраивания приобретенных земель в свое государство применял насилие, шведы же действовали в основном правовыми методами,

законодательным путем создавая условия для выгодной эксплуатации этих территорий.

Сложившаяся в этой части Европы экономическая конъюнктура способствовала, говоря словами короля Густава Адольфа, *«культивированию богатой коммерции»* — восстановлению торгового пути по Неве, имевшего столь большое значение для европейской экономики в целом.

Невский торговый путь в период шведского владычества

Россия в XVII веке не имела выхода к морю, то есть в буквальном смысле ее границы не примыкали непосредственно к балтийским берегам, но водный путь из Ладожского озера через Неву в Балтику был по-прежнему открыт для русских судов. Согласно Столбовскому договору, русским купцам было запрещено ездить на запад, за пределы шведских владений, однако разрешалось торговать в Стокгольме, Ревеле, Нарве, Выборге и прочих городах, находившихся под властью шведской короны, и иметь там свои собственные дворы. Аналогичные права предоставлялись шведским подданным в России. Жалованной грамотой от 1618 года шведским купцам разрешалось торговать в Москве, Новгороде и Пскове, но без права транзита на восток, в частности в Персию. Тем не менее шведские негоцианты уже не чувствовали себя в Новгороде столь же комфортно, как полтора столетия назад; в 1629 году они жаловались через посредство королевских послов в Москве, что в Новгороде их оскорбляют и обманывают, дерут огромные пошлины, а охраняющие шведский гостинный двор стрельцы не пускают к ним русских купцов. Такая ситуация способствовала тому, что часть торговых сделок стала совершаться не в Новгороде, а в Нотебурге и Ниеншанце, где шведы теперь были хозяевами. По сведениям историка И. П. Шаскольского, в течение XVII века шведские купцы предпочитали не ездить в Россию, а предоставляли возможность русским самим доставлять товары в шведские порты.

В результате того, что Швеция, покровительствуя своей торговле, препятствовала прямым коммерческим контактам русских с голландцами, датчанами, англичанами, чрезвычайно возросло торговое значение Архангельска, через который русские товары шли в западноевропейские страны. Однако путь этот был неблизким и мог действовать лишь 4—5 месяцев в году, в течение которых воды Белого моря не покрывал лед. Путь же через Неву был значительно удобней, к тому же сама Швеция представляла перспективного торгового партнера: с начала XVII века она переживала промышленный подъем, особенно в области производства металла, что сделало ее крупнейшим экспортером меди и железа в Европе. При этом нужно учитывать, что Швеция в это время занимает не только часть Скандинавского полуострова, но и обширнейшие территории от Финляндии и до северогерманских земель.

Известно, что некоторые московские купцы через посредство бургомистра Выборга Антония Брейера, мнение которого имело вес в Стокгольме, обращались к шведскому правительству с предложениями о переносе своей торговли из Архангельска в Ниен. Вероятно, эти переговоры имели успех. Торговля на Неве, сильно сократившаяся за период войн и Смуты, вновь оживилась. К моменту дарования Ниену статуса города торговля в нем уже шла полным ходом, а через некоторое время приобрела такой размах, что выборгские коммерсанты стали принимать меры для того, чтобы ограничить активность своих конкурентов в невском устье. Под давлением выборжан в мае 1638 года от имени малолетней королевы Кристины был издан указ о запрете иностранцам торговать в Ниене. Однако шведскому государству это решение в целом было невыгодно, и через четыре месяца новый королевский указ отменил его и даровал молодому городу новые преимущества (см. документ № 5). В дальнейшем торговые привилегии Ниена не раз подтверждались и расширялись. Завершением этого процесса стало принятие в 1648 году Таможенного устава шведского королевства, действовавшего в Ниене до начала XVIII века. По этому уставу все товары, привозимые из России сухим или водным путем в Нарву, Ревель и Ниен, освобождались от ввозной пошлины, также устанавливалась уменьшенная вывозная пошлина в размере 2%, иностранным купцам

предоставлялось право заключения в этих городах прямых торговых сделок между собой без участия местных посредников (за исключением продажи соли, сельди и зерна), русским купцам разрешалось ведение не только оптовой, но и розничной торговли большей частью товаров. По мнению И. П. Шаскольского, много лет занимавшегося исследованием русско-шведских экономических отношений, «в своей торговле со Швецией в XVII веке русские купцы имели активный торговый баланс, торговля была более выгодна для русской, чем для шведской стороны». Устоявшееся представление, что Швеция, владея восточной Прибалтикой, препятствовала русской торговле и России для нормального экономического развития был необходим выход в Балтийское море, — является мифом.

Хотя Ниен и не сравнялся по размеру и населению с такими городами, как Выборг или Нарва, тем не менее его вполне можно назвать одним из самых процветающих торговых городов Северной Европы XVII века. Сюда устремлялись корабли из Голландии, Дании, немецких городов и, конечно, из России. С востока на запад везли древесину и пеньку, меха и кожи, льняные ткани, ремесленные изделия, мыло, продукты пчеловодства и сельского хозяйства (в особенности рожь); в обратном направлении — медь и другие металлы, шерсть, стекло, вина, оливковое масло, предметы роскоши. По имеющимся данным в 1638—1645 годах порт Ниен ежегодно принимал от 92 до 112 кораблей, и примерно половина из них были русскими. Сохранившиеся в Государственном архиве Финляндии копии таможенных книг Ниена сообщают, что здесь в 1687—1696 годах пошлину ежегодно платили от 83 до 141 корабля (в это число не входят суда, по каким-либо причинам пошлиной не облагавшиеся, а таких было немало). Самим горожанам, по сведениям П. Н. Петрова, к концу XVII века принадлежало около сотни торговых кораблей. С. Кепсу насчитал в шведских документах 1680—1690-х годов упоминания о профессиях и занятиях приблизительно двухсот жителей Ниена; безусловное большинство из них составляли торговцы.

В отличие от Петра I, который несколькими десятилетиями позже предпочитал переименовывать захваченные им крепости и города, шведы обычно делали перевод иноязычного названия: Орешек был для них Нотебургом, а Невский городок — Ньюеном (Нюен — по-шведски Нева). Шведское название крепости Ньюенсканс (Невское укрепление) имело немецкий вариант: Ниеншанц, который впоследствии получил наибольшее распространение и нередко переносился и на город в целом. Русские называли и крепость, и город сокращенным шведским названием — Канцы или Канец.

Первоначально крепость представляла собой неправильный четырехугольник с бастиянами по углам — такой она изображена на карте 1643 года работы Эрика Нилссона Аспегрена. Проект, разработанный в 1644 году инженером Георгом Швенгеллом, предлагал сделать крепость пятиугольной, с несколькими дополнительными внешними укреплениями. К реализации проекта приступили только после войны 1657—1658 годов, когда несовершенство старого укрепления стало очевидным. Сооружение мощной крепости требовало больших ресурсов, на эти работы стали принудительно привлекать крестьян со всей Ингерманландии. После постройки пятиугольной цитадели для ее защиты со стороны суши были возведены обширные внешние земляные укрепления, по площади превосходившие саму крепость. Однако их строительство так и не было доведено до конца.

Зато город был построен на удивление быстро. Основой его стало русское поселение Невское устье, жители которого, по мнению И. П. Шаскольского, влились в число первых жителей Ниена. В июне 1632 года, за четыре месяца до своей гибели, Густав Адольф подписал указ об основании города на Неве, предоставлении ему городских привилегий и освобождении его жителей от всех податей и повинностей на шесть лет. Для тех же, кто заявлял о желании строить в городе каменные дома, этот срок увеличивался в два раза. Вслед за этим документом последовали другие, подобной же направленности: городские права и привилегии Ниена подтверждались и продлевались, а это привлекало в город все новых и новых переселенцев, в том числе и из достаточно

отдаленных мест, например из Германии. Сохранившийся подушный список населения города в 1641 году состоял из 384 жителей (при этом из 176 мужчин и 208 женщин): финнов, шведов, немцев и русских, причем жители предместий горожанами не считались. В последующие годы население города увеличивалось за счет занимавшихся торговлей немцев из прибалтийских провинций, а также нескольких гол-

Невская дельта. Карта Э. Н. Асплегрена. 1643 г.
Верх карты ориентирован на юго-восток

План города Ниена и крепости Ниеншанц. Проект Г. Швенгелла. 1644 г.
На плане отмечены Торговая площадь, Соборная площадь и собор, школа,
дома пасторов

ландцев и англичан, нашедших в Ниене благодатные условия для коммерческих предприятий. На карте Аспегрена видно, что уже в 1643 году это был достаточно крупный по тем временам город, примерно с сотней домов, большой церковью и рыночной площадью. В 1642 году статус Ниена как полноправного города был окончательно утвержден, появились органы местного самоуправления в виде выборного магистрата с бургомистром во главе и штатом городских чиновников. Ниену был дарован герб: шведский лев на задних лапах в короне и с мечем на фоне двух диагональных полос, обозначавших Неву и Охту.

Основываясь на картах и планах Ниеншанца, на немногочисленных его описаниях, а также служебных и официальных документах того времени, можно представить, как выглядел город, каковы были занятия и образ жизни его обитателей.

Широкие прямые улицы Ниена были образованы стоящими вплотную друг к другу домами. Три главные улицы: Королевская (Konungsgatan), Средняя (Mellangatan) и Вы-

Рисунок гербовой
печати города
Ниена

боргская (Wiborgska Gatan) — начинались от набережной Охты и тянулись в северном направлении. Другие улицы пересекали их под прямым углом, деля город на правильные четырехугольные кварталы. У впадения в Охту небольшой речки Чернавки, в наше время не существующей, находилась просторная рыночная площадь со зданиями ратуши, госпиталя и немецкой церкви. От площади через Охту к крепости был перекинут мост. На другом берегу Чернавки среди таких же прямоугольных кварталов находились шведско-финская церковь, дом пастора и школьные здания.

Население Ниеншанца занималось главным образом торговлей и ремеслами. Наряду с кузнецами, сапожниками, мастерами по обработке кожи, портными, булочниками, мясниками здесь были, согласно изысканиям С. Кепсу, представители таких специфических профессий, как перчаточник, шляпник, мастер по изготовлению люстр, пистолетный мастер, настройщик органов. Значительная часть жителей была связана с мореплаванием — шкиперы, боцманы, матросы, корабельные мастера, портовые рабочие, лоцманы.

Свой штат имели местная школа, ратуша и городской суд, а также государственные учреждения, такие как налоговая палата, таможня, почта.

Этнический состав жителей был чрезвычайно пестрым: шведы, финны, немцы, корелы, ижора, русские; постоянно действовали шведский, финский, немецкий и православный приходы (православная церковь еще с дошведских времен находилась на противоположном берегу Невы). В качестве языков официального делопроизводства использовались шведский и немецкий. По воспоминаниям выдающегося шведского естествоиспытателя и медика Урбана Эрне, родившегося в деревне Сквориц Копорского лена (ныне село Скворицы, недалеко от Гатчины) и проводшего детские и юношеские годы в Ниене, «в те времена в ходу были четыре разных языка, а именно шведский, немецкий, финский и русский», и будущий ученый, благодаря живому общению со сверстниками, владел всеми в совершенстве.

В истории известны ситуации, когда несколько национальных общин живут попеременно на ограниченной территории и при этом являются абсолютно изолированными друг от друга. В Ниене и его окрестностях картина была совершенно иной: живущие вместе представители разных народов, сохраняя свой родной язык, религию и культурные особенности, составляли некое социальное единство, осознающее себя как целое, понимающее собственные цели и перспективы своего развития. Такие сообщества социологи называют мультикультуральными. Мультикультуральность была определяющей чертой социума и древней Ладоги, и Невского устья, предшествовавшего Ниену, а впоследствии и Санкт-Петербургу. Отметим кстати, что немецкая община, занимающая значительное место в демографическом облике Петербурга XVIII—XIX веков, появилась впервые на невых берегах именно в период шведского владычества.

К сожалению, сведения о количестве жителей Ниена являются очень неполными и приблизительными. Воевода П. И. Потемкин, занявший город в ходе русско-шведской войны 1656—1658 годов, насчитывал в нем 500 дворов, что соответствует, по мнению историков, 2—2,5 тысячам жителей. Такое количество горожан сохранялось в Ниене до начала Северной войны.

Другие населенные пункты на территории современного Санкт-Петербурга

Ниен был самым крупным, но далеко не единственным населенным пунктом, находившимся в шведские времена в дельте Невы. В большинстве сел и деревень, основанных здесь еще в новгородскую эпоху, продолжалась жизнь. К ним прибавились усадьбы шведских и немецких помещиков, новые поселения и отдельные постройки. Назовем наиболее заметные из них, пользуясь исследованиями современных ученых.

Самым западным из крупных поселений, располагавшихся в черте современного Петербурга, была Лахта — село, название которого сохранилось до наших дней с XV века, основанное и населенное ижорой (в финноугорских языках лахти обозначает «залив»). Старинным является и название Коломяги; на месте этого района петербургских новостроек стояла ижорская деревня. В нынешней Старой Деревне, расположенной на берегу Большой Невки напротив западной оконечности Елагина острова, была деревня Укконова, в которой шведами был поставлен «дом для посетителей» — пункт проверки кораблей, выдававший разрешения на их проход к Ниеншанцу. Двигаясь дальше на восток и юго-восток по нынешней Выборгской стороне, миновав несколько мелких деревень, мы нашли бы на том месте, где сейчас перекинут Гренадерский мост, еще одно очень старое поселение, называвшееся Корабленица, возможно, в новгородское время здесь строили или ремонтировали корабли. Дальше к югу, примерно на месте Военно-медицинской академии, располагалась также основанная еще в XV веке деревня Кулза. По соседству с ней ниже по течению Невы находилась деревня Одинцово или Усадище Одинцово, сохранявшая имя помещика Одинца, ставшего хозяином этой деревни после присоединения Новгорода к Московскому царству. Впрочем, другое бытовавшее название этой деревни — Офанасово — возможно, восходило к роду новгородских вотчинников Офанасовых, владевших этой землей еще раньше. На восточном конце этой деревни шведами был построен кирпичный завод, разрушенный во

Гидрографическая карта невской дельты.

Выполнена штурманом К. Элдбергом летом 1701 г.

На карте обозначены город Ниен, крепость, госпиталь, кирпичный завод, многочисленные деревни и усадьбы

время войны 1656—1658 годов. Завод, по-видимому, обеспечивал нужды строящегося Ниеншанца. Далее, ближе к Охте, стояла старинная деревня, фигурирующая на картах и в документах под разными названиями: Хорошова, Богданова, Горбова, Рямся. Эти названия отражают имена землевладельцев новгородского периода: Фадия и Богдана Хорошевых и Кости Горбова; последнее же название возникло уже в шведские времена. За этой деревней, уже в самом предместье Ниена, в конце XVII века было поставлено большое здание военного госпиталя, учрежденного королем Карлом XI. Есть предположение, что минеральная вода из Полюстровских источников уже тогда использовалась в лечебных целях, поэтому госпиталь был построен именно здесь. По берегам Охты и впадающей в нее реки Лубьи было разбросано еще несколько деревень: Чернецкое устье

(здесь в дошведское время жили монахи-чернецы), Лукино, Минкино или Поссола (в этой деревне в 1640-е годы губернатором Ингерманландии К. Мёрнером была построена усадьба Мёрнерхольм), Борисово, Верховье или Залубье, Ханносилта. Выше Ниеншанца по обоим берегам Невы деревни шли почти сплошной чередой, вплоть до Нотебурга (Орешка). Несколько десятков из них располагались в пределах нынешней городской черты Санкт-Петербурга. Отметим еще один кирпичный завод, построенный в 1630-е годы бургомистром Выборга А. Брёйером на территории Малой Охты. После завоевания этой местности русскими работа завода была возобновлена, с тем чтобы обеспечивать кирпичом строящийся Санкт-Петербург.

Вернувшись по левому берегу Невы к Ниеншанцу, прямо напротив него, на том месте, где сейчас стоит комплекс зданий Смольного монастыря и Института благородных девиц, мы обнаружили бы большое село Спасское (более позднее финское название Вуоронпуоли) с русской Спасо-Преображенской церковью. Село соединялось с Ниеном паромной переправой, сюда же подходила дорога из Нарвы, активно использовавшаяся для перевозки грузов посуху. В 1701—1702 годах из-за начала Северной войны на этом месте было построено укрепление в форме короны, прикрывавшее подступы к Ниеншанцу с противоположного берега Невы. По некоторым сведениям, при его сооружении православный храм был уничтожен.

Далее к западу по берегу Невы до истока Фонтанки находились деревни Ненила, Сабрино, Враловщина (последнее, по мнению П. Н. Петрова, искаженное Фроловщина) и Кондуя, а также помещичьи усадьбы Сабрина хоф и Вралофсина хоф. За Фонтанкой на месте Летнего сада располагалась большая усадьба с садом, принадлежавшая в дошведские времена московскому боярскому роду Супановых, а с 1640-х годов — Иохиму фон Коноу и его наследникам. К усадьбе примыкала деревня под названием Усадица; этим же словом (Усадисса) на шведских картах обозначен и весь остров, отделенный Мойкой от Большой Невы. Южнее него стояли усадьба У. Акерфельта и деревня Первушино, искаженным названием которой — Перузина — в шведские времена называли всю территорию между Фонтанкой и Мойкой. Несколько деревень было разбросано по берегам Фонтанки:

Обуховщина, Новинка, Медина, Кагрино, Гринкино, Алипя или Нижняя, Романова, и наконец, Калганица, название которой у финнов превратилось в Кальюла, а русскими, вновь поселившимися здесь в XVIII веке, было переделано в Калинкину и сохранилось до наших дней в названии Калинкина моста.

Территории нынешних Кировского, Московского и Фрунзенского районов также были заселены достаточно плотно. Из множества деревень и сел, стоявших здесь, назовем лишь те, названия которых в том или ином виде существуют и сегодня. Это большое село Аухтуа (современное Автово), деревни Телтеница (современная Тентелевка), Волково (по-фински — Сутела), Купсила (Купчино).

Несколько поселений, в том числе и довольно крупных, находилось в шведские времена на Васильевском острове (в русских писцовых книгах: Васильев остров, по-фински: Хирвисаари, Лосиный остров) и на Петроградском острове (Фомин остров или Койвусаари, Березовый остров). Вблизи стрелки Васильевского острова на нескольких картах обозначен охотничий домик Я. Делагарди. Примерно в том месте, где нынешняя улица Куйбышева выходит к Сампсониевскому мосту, стояла усадьба Б. С. фон Стенхусена Бьёркенхольм. Небольшие деревни располагались на Аптекарском острове (Корписаари, от фин. *korpi* — хвойный лес; отсюда название реки Карповки), на Крестовском (по-фински: Ристисаари), Каменном (Кивисаари) и Елагине (Мистуласаари, от названия деревни Мистула).

Разумеется, все названные нами поселения, располагавшиеся в дельте Невы и вокруг нее, были соединены многочисленными дорогами и тропами. Большие дороги вели в Нарву, Нотебург, Кексгольм, Выборг. Некоторые из этих дорог стали впоследствии первыми улицами петровского Петербурга и сохранили свое направление до сих пор.

Русско-шведская война 1656—1658 годов.

Кардисский мир

Первое время после Столбовского мира отношения между заключившими его державами были весьма дружественными. Россия видела в скандинавском соседе союзника в борьбе с Польшей. В Москве открылось шведское дипломатическое представительство, и королевским эмиссарам даже предоставили право делать беспошлинные закупки хлеба в Архангельске. Надежды России на то, что Швеция примет участие в разгроме Польши, вполне оправдались. Военные операции царя Алексея Михайловича 1654—1655 годов, целью которых было возвращение Смоленска и завоевание еще 33 городов Восточной Белоруссии, во многом оказались успешными благодаря тому, что Швеция со своей стороны напала на Польшу и очень быстро захватила большую часть ее территории, включая Варшаву. Как только исход в российско-польском противоборстве стал ясен, русские заключили с Речью Посполитой перемирие и немедленно повернули войска в сторону Прибалтики.

Шведы, не ожидавшие нападения, не сразу оказали серьезное сопротивление. В мае 1656 года отряд под командованием воеводы Петра Потемкина быстро вышел к Финскому заливу и вскоре захватил Ниеншанц. Часть этого отряда составляли донские казаки, которых патриарх Никон благословил на поход до самого Стокгольма. Вероятно, во время штурма укрепления Ниеншанца получили серьезные повреждения, поэтому впоследствии шведы не стали восстанавливать стены цитадели, а разобрав их, начали строить новую крепость. Кроме того, русские осадили Нотебург, однако взять его так и не смогли.

Отряд олонецкого воеводы Петра Пушкина с северной стороны Ладожского озера двинулся в Карелию и, захватив несколько укрепленных пунктов, подошел к Кексгольму (Кореле), но через некоторое время вынужден был отступить.

Одновременно основная часть русской армии под командованием царя Алексея Михайловича нанесла удар по шведским крепостям в Лифляндии и южной Эстляндии и блоки-

П. И. Потемкин. Портрет Г. Неллера. 1682 г.
Английский художник написал портрет Потемкина во время пребывания
его в Лондоне в качестве посла царя Алексея Михайловича

ровала Ригу. Однако успех первого натиска русским закрепить не удалось. В ходе ответных операций 1657 года шведские войска полностью разгромили царскую армию в Лифляндии, и в мае 1658 года боевые действия были прекращены, а уцелевшие русские полки выведены из Прибалтики.

Итог войне был подведен заключением перемирия, а затем в 1661 году — «вечного мира», согласно которому восстанавливались прежние границы между Россией и Швецией. Подписание договора состоялось на мызе Кардис в северной Эстонии, отчего он стал называться Кардисским миром. В числе прочего договор устанавливал свободу взаимной торговли и предоставлял право шведским купцам организовывать торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Переславле-Залесском, а русским — в Стокгольме, Риге, Ревеле и Нарве.

Война не принесла Московскому государству победы, она оказалась своего рода пробой сил в борьбе за берега Балтики, которую с большим успехом продолжит сорок лет спустя царь Петр. Для жителей же Невского края война явилась напоминанием о том, что их жизнь и судьба напрямую зависят от того, какая из держав в конечном счете одолеет другую. Для одних — дворян, купцов, горожан — более благоприятным было существование под шведской короной, другие — в основном крестьяне — стремились под власть русского царя.

Из Швеции в Россию

Согласно Столбовскому договору, всем боярам и дворянам, купцам, монахам и горожанам, желающим выехать в Россию из отошедших к Швеции районов, отводилось для этого две недели. Приходские священники и крестьяне обязаны были остаться. Далеко не все представители высших сословий воспользовались предоставленной им возможностью. А. И. Гиппинг называет не менее десяти русских дворян, перешедших на службу шведской короне и достигших значительных успехов. Добровольно остались и продолжали заниматься своим делом многие торговые люди.

Что касается крестьян, то поначалу они, как и было им предписано, не покидали свои земли, но с середины 1620-х годов понемногу, а позднее и мощным потоком устремились на российскую сторону. Необходимо заметить, что, согласно подсчетам С. Кепсу, среди жителей устья Невы процент ушедших в Россию был наименьшим во всей Ингерманлан-

дии. Это, очевидно, связано с тем, что бежали в Россию почти исключительно крестьяне, а как мы знаем, значительная часть населения на невских берегах занималась торговлей.

Сельскохозяйственные земли в новых шведских провинциях вскоре настолько обезлюдели, что это стало сильно заботить власти. По настойчивым требованиям Стокгольма часть перебежчиков была выловлена и возвращена, а в 1649 году Россия выплатила Швеции в качестве компенсации 190 тысяч рублей (частично товарами) за 20 тысяч человек, покинувших Ингерманландию и Карелию в период 1617—1647 годов. Главной причиной, побуждавшей крестьян бежать в Россию, историки считают нещадную эксплуатацию со стороны шведских помещиков.

Как мы уже сказали, землю в своих новых провинциях король раздал в качестве феодальных поместий шведским и немецким дворянам. Вместе с землей они получили и особые привилегии, которые ставили проживавших тут крестьян в кабальную зависимость от помещика. Крестьяне не становились крепостными (в Швеции не было крепостного права), но гнет взваленных на них податей был чрезвычайно велик. Что же касается России, то после изнурительных войн, опричнины и Смуты в России оставалось множество пустующих деревень и пашен. Желая привлечь на них земледельцев, и царь, и помещики, и монастыри (обладавшие крупными земельными владениями) избавляли переселенцев на несколько лет от податей и даже давали им ссуды на обустройство хозяйства. С. М. Соловьев приводит выдержку из грамоты царя Михаила Федоровича новгородскому воеводе по поводу перебежчиков: *«А которые люди объявились по вашему сыску в нашей стороне, а в шведских росписях¹ имен их нет, то вы этих людей сажайте за нами в дворцовых селах², в волостях, которые от рубежей подальше, подмогу им и льготу давайте, как пригоже, смотря по ним и по пашне, а близ рубежей жить им не велеть для того, чтоб про них в шведских городах не ведали и к вам не писали; сажайте их за нами волю и к нашей милости при-*

---

¹ То есть в списках убежавших, представленных шведами с требованием о выдаче.

² Имеются в виду земли, доход с которых шел непосредственно в царскую казну.

учайте ласкою, подмогою и льготою, чтоб им за нами на пашнях садиться было охотно; а если их сажать в неволю, то они станут бегать назад и сказывать в шведских городах про других своих товарищей, пойдет ссора и утаить перебежчиков будет уже нельзя». Таким образом, не имея возможности отвоевать земли, царь вел со шведами скрытную борьбу за населявших эти земли людей, благо русские просторы давали возможность их расселить. В этой тяжбе Россия, безусловно, одерживала верх, особенно после войны 1656—1658 годов, когда действия по переманиванию крестьян стали вестись уже почти открыто.

Разбираясь в причинах этой миграции, следует учесть, что бежали в Россию беднейшие крестьяне, которым терять на старом месте было нечего. Те же, кто обладал имуществом — добротными домами, скотом, сельскохозяйственными и ремесленными орудиями — расставаться с этим не спешили. Воевода Пушкин во время войны доносил царю о корелях-переселенцах: *«которые, государь, кореляне небогатые люди, и те в твою государеву сторону идут беспрестанно, а которые, государь, кореляне богатые люди и заводные домами своими, и те в твою государеву сторону итти не хотят».*

Были, впрочем, и бежавшие в обратном направлении. Как пишет историк Е. В. Анисимов, «беглые крестьяне и холопы из Новгородского, Тверского и других уездов семьями и поодиночке переходили границу и селились „под шведом“ — здесь было жить все-таки привольнее».

Все это говорит, что миграционные процессы этого времени имели очень сложную природу и отражали различия в социально-экономическом развитии территорий по обе стороны границы. В Швеции в этот момент традиционный помещный способ хозяйствования переживал глубокий кризис. Неэффективный труд крестьян не мог обеспечить землевладельцу дохода, сопоставимого с доходом, скажем, от участия в коммерческих предприятиях. Роль помещного землевладения в экономике стремительно сокращалась. Как утверждает известный специалист по истории Северной Европы Х. А. Пийримяэ, «важным фактором экономического развития скандинавских стран в XVII веке стал процесс накопления капиталов. Основным его источником оставалась торговля на Балтийском море».

В России же, наоборот, основу экономики составляло сельское хозяйство. Завершался процесс закрепощения крестьян, основной формой богатства был не капитал, а земля и населяющие ее крестьяне. Этим и объясняется стремление царя привлечь новых холопов на свои угодья, создавая для переселенцев поначалу сравнительно льготные условия существования. Достижению этой цели способствовал и еще один фактор — религиозный.

Православие и лютеранство

Столбовский договор оговаривал свободу вероисповедания на отошедших к Швеции землях, и, соблюдая его, король призывал своих епископов не предпринимать насильственных действий для обращения иноверцев в протестантство. Более того, шведское правительство, вероятно опасаясь увеличения числа перебежчиков, направило в Москву в 1618 году ходатайство о том, чтобы из России присылались игумены, священники и диаконы в Ингрию и Карелию, а новгородский митрополит посещал бы эти земли для освящения церквей и тому подобных нужд. В течение всего XVII века появилось несколько королевских указов, подтверждающих свободу вероисповедания на вновь приобретенных шведских землях. Вообще, в отличие от других европейских стран, внутри которых в это время еще продолжалась начавшаяся с Реформацией ожесточенная межконфессиональная борьба, для Швеции было характерно лояльное отношение к иноверцам, в том числе и к проживавшим на присоединенных землях.

И тем не менее нельзя сказать, что православная и лютеранская конфессии на территории Невского края в период шведского владычества сосуществовали в мире и согласии. Их соперничество, которое порой принимало острые формы, было одним из проявлений глубинных социальных процессов, затрагивавших в той или иной степени все народы Европы.

Протестантизм, как отмечал знаменитый немецкий социолог Макс Вебер, явился этическим основанием зарождающегося буржуазного общества. А как мы помним, специфические природно-географические условия Невского

края способствовали развитию здесь именно городской, то есть бюргерской, буржуазной культуры. Это (в соединении с сохранявшейся еще с новгородских времен традицией религиозной толерантности) привело к тому, что лютеранство не было встречено враждебно на берегах Невы. Некоторые местные жители приняли лютеранство, в их числе были дворяне, поступившие на королевскую службу. Другие, а таких было большинство, не изменяя вере своих предков, вполне лояльно отнеслись к тому, что стали проживать в лютеранской стране. Но с точки зрения московской церкви и московской власти эти люди являлись в значительной степени отпавшими от православия.

Дело в том, что после захвата турками Константинополя в 1453 году Византийская империя прекратила свое существование, и Московское государство выступило ее духовным наследником и заявило о своей претензии быть единственным хранителем подлинной христианской веры. Стало быть, истинный православный мог быть подданным только московского государя. И поэтому русских православных купцов, оставшихся на шведских землях и приезжавших по торговым делам в Новгород, даже тех, про которых было доподлинно известно, что *«они в православной вере тверды»*, царь Михаил Федорович велел *«пускать к церквам, которые на посаде, а в Каменный город в соборную церковь <св. Софии> их не пускать»*. То есть предполагалось, что живущие по своей воле под шведами — не подлинные православные и, прикасаясь к великим православным святыням, они причинят им *«поруганье»*.

И кстати, опасения, что живущие в шведских пределах *«могут в православной вере пошатнуться»*, были не беспочвенны. В православных общинах Невского края возникали явления, совершенно не свойственные патриаршей церкви¹ в целом и по сути аналогичные европейскому реформаторству. Известно, что Сидор Сизов, священник православной церкви села Спасского, в некоторых случаях совершал церковные службы на ижорском языке, поскольку

---

¹ Нужно заметить, что и московское православие в XVII в. испытывало значительное внешнее влияние, правда, не лютеранское, а католическое — из Польши, обычно через посредство украинских и белорусских книжников.

многие из его прихожан-ижор не понимали по-славянски (вспомним, что одной из ключевых идей европейской реформации был перевод церковных служб с латыни на разговорные языки). В некоторых королевских указах, касающихся проблем вероисповедания на Ижорской и Карельской землях, говорилось о том, что православные могут сами избирать себе священников; неизвестно, пользовались ли жители Ингрии этим правом, распространенным в протестантских странах и совершенно не свойственным православию, но даже сама возможность такого выбора священника должна была произвести сильное впечатление на местных верующих.

Таким образом, на уровне отдельных священнослужителей и их прихожан православие в Ингерманландии некоторыми чертами сближалось с протестантизмом. Однако, разумеется, это сближение не представляло ценности для шведских миссионеров, стремившихся формально обратить своих новых сограждан в лоно лютеранства.

Для соседней Финляндии принятие лютеранства стало важнейшим фактором в развитии национальной культуры: Микаэль Агрикола, ученик Лютера, создал первый финский букварь и перевел на финский язык Евангелие. Стараниями лютеранской церкви грамотность быстро распространилась среди финнов. Подобные же религиозно-просветительские цели преследовались и протестантскими миссионерами в Ингерманландии. В 1625 году в Стокгольме под руководством опытного печатника Петера фон Целова была создана типография для печатания кириллицей лютеранских книг на финском и русском языках. В переводах здесь были напечатаны несколько десятков изданий, в том числе и «Малый катехизис» М. Лютера. Среди выпущенных типографией книг были не только религиозные, но и светские, например шведско-русский словарь.

Но постепенно, особенно после русско-шведской войны 1656—1658 годов, побуждение к принятию лютеранства стало приобретать все более силовой характер и, соответственно, стало встречать все большее сопротивление. Шведские власти начали давать перекрещенцам налоговые послабления и, наоборот, увеличивали поборы с тех, кто сохранял свою веру.

Тем не менее православные церкви продолжали действовать на Ижорской земле в течение всего периода шведского

КАТЕХИЗМЪ

ЭЛН СЕ

ХРИСТИАНЕНЬ

ОПЫН МЕНДЕНЪ ДСКОМЪ ПАЕ

КАПЛАЛЕГНСТА НДОРЕЛЪ ГА

УЗНИКЕРТАНСЕКАНСАЛЪ

САНГЕНЪ ТАРПЕ-

ЛИНЕНЪ.

ПРЕИТЕТЪ СЮМЕНКЕЛЕНЪ.

СТДКОЛМНСЪ.

ПЕТЕРЪ ФАНЬСЕЛАВДА.

А. Х. М. Д. ВУОНА, ФЛКЕНЪ

ХРИСТЪЗЕНЪ СУНДИМЕНЪ.

Катехизис, составленный на финском языке (напечатан кириллицей).
Стокгольм, 1644 г.

правления. Особенно тяжелым стало положение приверженцев греческой веры в начале 1680-х годов, когда суперинтендант¹ Нарвы Иоганн Гезелий-младший выдвинул идею о том, что православие является противоестественным для финноугорских народов, не понимающих церковно-славянского языка, а свет божественного евангельского учения может дойти до них только с помощью лютеранской религии, в которой богослужения ведутся на родном для прихожан языке. Руководствуясь этой идеей, Гезелий при поддержке генерал-губернатора Ингерманландии графа Йёрана Сперлинга вынудил представителей местного православного духовенства подписать документ, согласно которому не говорящие по-русски жители переставали считаться прихожанами православных храмов и переходили под начало лютеранской церкви. Уже известный нам священник Сизов демонстративно отказался подписать этот документ и стал призывать своих прихожан не подчиняться давлению, но был арестован как смутьян. Отстаивая свое право на свободу вероисповедания, жители Ингерманландии подавали жалобы местному начальству и даже добивались с ними до Стокгольма. Непосредственный результат этих жалоб всегда был отрицательным: их признавали необоснованными, жалобщиков штрафовали, арестовывали и наказывали шпицрутенами. Но в итоге правительство все же вынуждено было принять меры для ослабления притеснений. Специальными королевскими указами было подтверждено равенство между православными и лютеранскими священнослужителями в отношении сбора церковной десятины, на которую существовали приходы, а лютеранская миссионерская деятельность стала проводиться более мягко.

Гонения на православие были, несомненно, одной из главных причин, побуждавших жителей Ингерманландии бежать в Россию. При этом беженцы, не желавшие жить под «еретической» властью, почти без исключения относились к крестьянству и духовенству. Представители же других социальных слоев: купцы, ремесленники, служивое дворянство — в большинстве предпочитали остаться в шведских пределах, нередко отстаивая свое право на свободу веро-

---

¹ То есть начальник церковного округа.

исповедания. Эти противоположные друг другу позиции во многом отражали разницу между патриархальным средневековым жизненным укладом, свойственным крестьянской среде, и буржуазным (бюргерским) духом, составлявшим в этот период основу культурно-психологического типа жителя Невского края.

Культурно-психологический тип жителя Невского края

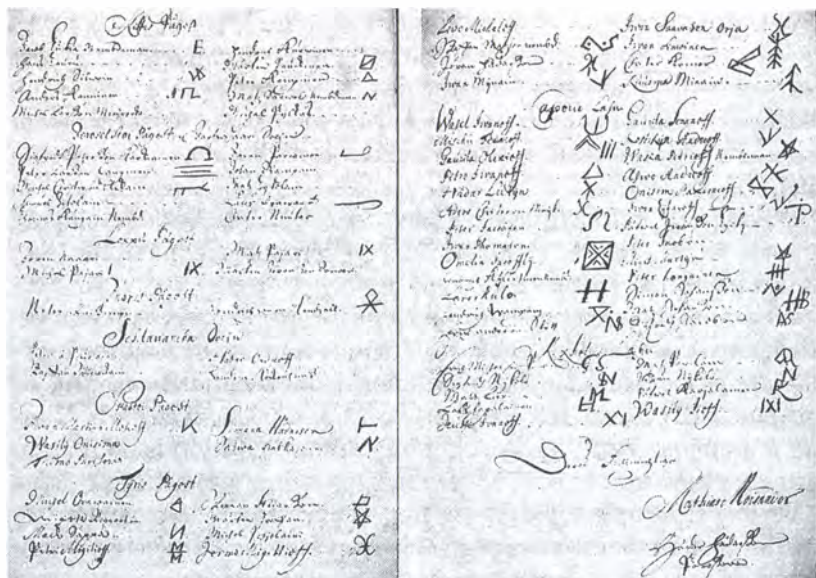
Резкое сокращение численности населения Ингрии, вызванное переселением в Россию, заставило Стокгольм озаботиться исправлением ситуации. Еще в 1617 году Густав Адольф призвал шведских дворян перебираться за море, обещая свое покровительство, а также избавление от налогов и податей на несколько лет. Через пять лет своим указом король даровал те же привилегии немецким переселенцам, которые должны были привозить с собой и крестьян. Привлекались на жительство в Ингерманландию и голландцы. Такая политика принесла некоторый успех: немецкие колонисты, большей частью из Мекленбурга, появились в Ингерманландии, однако многие из них, столкнувшись с трудностями освоения чуждого им жизненного пространства, вернулись на родину. Другим, более надежным источником восполнения человеческих ресурсов стала соседняя Финляндия: по подсчетам этнографов, переселенцы из Финляндии в 1656 году составляли 41,1% от общего населения Ингерманландии, в 1671 году — 56,9%, а в 1695 — 73,8%. Потомки этих переселенцев, говоривших по-фински и исповедовавших (в отличие от ижоры и води) лютеранство, составили самостоятельную этническую группу, которая так и стала называться ингерманландцы или ингерманландские финны и была в течение нескольких столетий важнейшим элементом в пестрой картине народов, населявших Ижорскую землю.

Таким образом, к концу XVII века процент коренных жителей Ингрии, несколькими поколениями предков связанных с этой землей, стремительно уменьшался. И надо

сказать, подобная ситуация складывалась здесь далеко не первый и, увы, не последний раз. Волны репрессий и вынужденных миграций, прокатывавшиеся по Балтийско-Ладожскому краю в течение всей его переменчивой истории, приводили порой к почти стопроцентной смене населения (вспомним осевших здесь беженцев из западной Карелии после Ореховецкого мира, «выводы» новгородцев и переселение на их земли московских помещиков при Иване III, опричный разгром Ивана IV). Вместе с прежними жителями должны были исчезнуть и их жизненный уклад, традиции, принципы общественной и политической жизни, устойчивые представления и духовные ориентиры. Все это, конечно, пропадало, но, как потом выяснялось, ненадолго. Логика места брала свое: то, что казалось навсегда уничтоженным и забытым, возрождалось в новых поколениях. Территория, по своей природе предназначенная быть местом встречи цивилизаций, местом взаимопроникновения, обмена культурными ценностями, воспроизводила в населявших ее людях необходимый для выполнения этих функций культурно-психологический тип. Так произошло и в XVII веке: в жителях Ингерманландии периода шведского правления отчетливо проглядывают типологические черты, которые были свойственны обитателям этого края и в новгородское время.

Так, для обитателей Ингрии характерно, что в борьбе со своими угнетателями — помещиками, приказчиками или богатыми арендаторами — они прибегали не к бунтам и мятежам, а предпочитали апеллировать к закону и суду. Более того, среди подписавших сохранившиеся до наших дней жалобы были как православные — ижоры и русские, так и финны-лютеране. Несмотря на то, что суды и властные инстанции благоволили господам, а не жалобщикам, им все-таки во многих случаях удавалось отстоять свои права. Главным достижением местного населения стало установление в 1690-е годы стабильных, утвержденных законом податей.

Таким образом, мы вновь находим у жителей Невского края и высокий уровень правового сознания, и доверие к власти вместе с нежеланием слепо ей подчиняться, и способность к самоорганизации, и конфессиональную и этническую терпимость. Эти качества в значительной мере были присущи обитателям разноразноязычного Ниеншанца, сходного многими чертами с древним Новгородом и особенно с Ладогой. Подоб-

Жалоба жителей Ингерманландии и Кексгольмской губернии.
Подписи лютеран и православных встречаются попеременно

но новгородским или ганзейским купцам, представители местного торгового сословия вполне могли ради важных политических или общественных целей поступиться своей сиюминутной выгодой. Так, ниенские купцы помогали финансами правительству во время Северной войны и даже снаряжали на собственный счет корабли для перевоза войск.

В культурно-психологическом отношении жители Ниеншанца представляли «бюргерский» тип, сформировавшийся на протяжении Средневековья в европейских торгово-ремесленных городах — наследниках тех самых вигов, о которых мы говорили в связи с древней Ладогой. Города в Европе X—XV веков являлись независимыми самоуправляющимися комуннами с собственным законодательством (Магдебургское право), судом и т. д. Справедливо замечает историк Р. Пайпс: «О хартиях, добытых средневековыми городами у властителей земель, где они находились, можно сказать, что они заложили основу современных гражданских прав». В XV—XVII веках, в эпоху абсолютизма, большинство европейских городов, подобно близкому к ним Великому Новгороду, утратило свои былые вольности, однако созданная ими

культурная модель, которую мы можем назвать «бюргерской», и порожденные ею феномены — от этической традиции до учреждений городского самоуправления — продолжали существовать и во многом дожили до наших дней в виде политических и административных институтов современной Европы.

Есть все основания говорить о преемственности между ингерманландским сообществом и предшествовавшим ему новгородским. Заметим, что даже в течение тех 140 лет, когда невские земли формально находились в составе российского государства, власть Москвы над ними в значительной мере ослаблялась постоянными претензиями на них со стороны Швеции, так что для сохранения в течение XVI века специфической новгородской социально-культурной традиции ситуация здесь была более благоприятной, чем даже в самом Новгороде, который под давлением московской деспотии фактически прекратил свое существование. А в условиях более лояльного шведского режима новгородская традиция неизбежно должна была вновь войти в силу.

Продолжилась ли она или исчезла после нового завоевания Невского края, мы увидим, рассматривая историю города, сменившего на берегах Невы шведский Ниеншанц.

Документ № 5

УКАЗ КОРОЛЕВЫ КРИСТИНЫ¹
ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1638 ГОДА
ОБ ОТМЕНЕ ЗАПРЕЩЕНИЯ ИНОСТРАНЦАМ
ТОРГОВАТЬ В НИЕНЕ
И О ДАРОВАНИИ ЕГО ЖИТЕЛЯМ НОВЫХ
ПРЕИМУЩЕСТВ

Мы, Кристина, и проч., и проч., сим объявляем, что, как Его Королевское Величество блаженной памяти Государь, достославный Родитель Наш² повелел во славу великого

---

¹ Королеве Швеции Кристине в это время было всего лишь 11 лет, от ее имени правил регентский совет, возглавлявшийся канцлером Акселем Оксеншерной.

² Король Густав II Адольф, государственный деятель и полководец, погиб в 1632 г. в битве при Лютцене.

Бога, к созиданию христианской церкви, особенно в пользу, украшение и к довольству Нашей провинции Ингерманландии, основать и устроить новый город при Неве, где озеро Ладога имеет свой исход в море, <...> но <...> начатое основание не могло дойти до замечательной степени развития хорошего города, а напротив, как мы слышали, многих устрашала неизвестность, в которой они жили, и не было никакого положительного удостоверения касательно Нашего намерения об основании города, то мы нашли нужным не ограничиваться тем, что уже сделано, но продолжать дело сие согласно с воспринятым прежде намерением, о чем Мы и объявляем всенародно в этой Нашей открытой грамоте и публикуем, предоставляя каждому, туземцу и иностранцу, у кого к тому есть желание и возможность, право селиться в сказанном Ниене, сообразно с указанными и уделенными местами, строиться и жить; а до тех пор, пока народ не будет впредь обеспечен новыми привилегиями, пользоваться ему шведским городовым правом, общими привилегиями и преимуществами городов, равно и свободным плаванием между городами Нашими: Выборгом и Нарвою, и другими местами, как внутри государства, так и в чужих землях¹, отменяя сим, provisionaliter², Наше бывшее по сему делу запрещение. Предоставляем городскому сословию в сказанном Ниене от нижеписанного числа двенадцатилетнюю свободу от малой пошлины³, печных денег⁴, взиманий с пивоварения и винокурения, со всего, что в сказанном городе и в узаконенных пределах⁵ его варится

---

¹ То есть Ниену давалось так называемое стапельное право, по которому позволяется вести торговлю с иностранными купцами у себя и отправлять свои корабли в любые страны.

² Предусмотрительно (лат.).

³ Малая пошлина, или порторий, платилась за товары, ввозимые или вывозимые из города в отличие от большой пошлины (лицента), платившейся при продаже товаров в самом городе.

⁴ То есть налога, взимавшегося с дома в зависимости от количества в нем печей.

⁵ Достаточно обширные земли, лежащие в окрестностях Ниена, считались принадлежащими городу. Например, дарственной грамотой королевы Кристины от 31 октября 1648 г. Ниену были пожалованы выменянные правительством у наследников Б. С. фон Стенхусена несколько деревень на северном берегу залива и вблизи устья Большой Невки.

и курится, равно и свободу от всех обыкновенных гражданских повинностей. С своей стороны должен каждый, поселяющийся там и желающий заниматься каким-либо промыслом, приобрести гражданское право и предоставить поручительство в удостоверение того, что по истечении льготных лет будет, сколько того требует закон, сохранять гражданские права и обязанности¹. Сим повелеваем Нашему генерал-губернатору распорядиться, чтоб всем, желающим селиться и строиться там, указано было определенное место и земля, приказываем защищать и руководствовать поселенцев согласно с ныне данными Нами привилегиями и преимуществами и с теми, которые в будущем могут быть даны. В то же время запрещаем всем причинять им препятствия, вред или ущерб каким бы то ни было образом. Для большего удостоверения сия грамота скреплена Нашею тайною и шведского государства опекунов и правительства подписью.

Стокгольм, 28 сентября 1638 года.

(Текст печатается по изданию: Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 2. С. 48—50.)

---

¹ Шведское городское право требовало, чтобы освобожденные от уплаты какого-либо налога горожане после окончания срока льготы еще определенный срок (обычно шесть лет) жили на прежнем месте и уплачивали тот налог, от которого прежде были освобождены.

НЕВСКИЙ КРАЙ И СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Цели Северной войны

Приближение нового XVIII столетия не принесло жителям Ингерманландии каких-нибудь радостных перспектив. Конец 1690-х годов был отмечен здесь, как и во многих других местностях Северной Европы, сильнейшими неурожаями, вызвавшими страшный голод. Протокольные книги городского суда Ниена, исследованные С. Кепсу, содержат сведения о немалом числе расследований, связанных с кражами продуктов питания и смертями от истощения. Но не успели эти бедствия пойти на убыль, как к ним прибавились новые: молодой российский царь Петр I объявил войну Швеции, что самым чувствительным образом сказалось на судьбе жителей Невского края.

Формальным поводом к расторжению неоднократно подтверждавшегося «вечного» Кардисского мира стал инцидент, произошедший в Риге 1 апреля 1697 года, когда караульные, угрожая оружием, запретили Петру, находившемуся инкогнито в составе русского посольства, рассматривать в подзорную трубу крепостные укрепления. Однако настоящая цель войны ни для кого не составляла секрета: Россия стремилась отвоевать земли, утраченные ею в начале XVII века.

Петр I, император. Портрет на титульном листе книги «Символы и эмблемата» (Амстердам, 1705). Образцом послужил портрет молодого царя, выполненный Г. Неллером в 1698 г.

Во всех исторических трудах (за очень редкими исключениями), касающихся причин Северной войны, главной из них всегда называется необходимость для России иметь выход к морю. Это суждение нуждается в некоторых уточнениях.

Говоря о наличии у государства выхода к морю, историки обычно имеют в виду несколько экономических и политических аспектов. Это, во-первых, свободное использование морских торговых путей, во-вторых, возможность строить и иметь морской флот, развивать мореплавание и, в-третьих, соответствие международному статусу морской державы.

Что касается русской торговли в балтийском регионе, то она, как мы уже убедились, в пору шведского владычества велась активно. Историк Е. В. Анисимов пишет: «Русские купцы в ниенской торговле занимали не последнее место, благо пошлины и налоги в Ингрии были невысоки. Для русских купцов отсюда начиналась прямая водная дорога в Стокгольм и другие порты Балтики, чем они и пользовались постоянно и беспрепятственно — не в интересах шведов было полностью перекрывать выгодную для них русскую торговлю». В одном только Стокгольме к началу войны, согласно сообщению российского дипломатического агента князя А. Я. Хилкова, находилось русских торговых людей около 300 человек. При появлении слухов о начале войны, пишет Хилков далее, 16 русских кораблей примерно со 150 человеками и товарами на 200 тысяч рублей отплыли из шведской столицы, но осталось еще *«товаров ныне в Стекхольме тысяч на 100, да человек с 150»* (после официального начала войны все они, включая и резидента князя Хилкова, были взяты под стражу, а товары конфискованы).

Главным стимулом к развитию мореплавания в европейских странах в ту пору являлось наличие у них обширных заморских колоний. Использование морского флота как средства транспортной связи с колониями не только окупало затраты на строительство и содержание кораблей, но и приносило очень высокий доход. Российские же колонии — Урал, Сибирь, Дальний Восток — не отделялись от метрополии морскими пространствами, и, хотя их освоение привело к открытию новых водных маршрутов, например вокруг Камчатки, все же основные дороги туда лежали по

суше или по рекам. И. Г. Фоккеродт¹, анализируя целесообразность строительства флота в России, пришел к аргументированному и весьма категоричному выводу: «...*русский флот для обороны государства лишний, при нападении соседей неудобен и не поддерживает никакой торговли, ни мореплавания*». (Впрочем, исключение, по мнению автора этого рассуждения, составлял галерный флот, в допетровское время не применявшийся на Балтике и в некотором отношении оказавшийся весьма удобным.) Конечно, начатое при Петре овладение русскими навигационным и кораблестроительным делом принесло впоследствии плоды в самых разных областях общественной и государственной жизни, но оно не способствовало общему экономическому росту страны, а наоборот, требовало больших и долговременных казенных вложений (на нужды флота в петровское время уходило примерно 30% годового бюджета страны). И в этом отношении выход к морю и создание морского флота не были для русского государства жизненной необходимостью.

Остается, наконец, только одна причина, по которой России был необходим выход к морю — соображения международного престижа. Претендовать на роль мировой державы, не имея собственного морского флота, в то время было невозможно. Продемонстрировать миру свою силу, победив умелого соперника, вернув себе прежние владения, явившись неожиданно на море со своим флотом, — вот что имел в виду Петр, выступая против Карла XII.

Прибалтийские земли привлекали Петра еще и своей очевидной принадлежностью к европейскому культурному ареалу. Формула итальянского путешественника Франческо Альгаротти, вошедшая в обиход благодаря А. С. Пушкину, — «окно в Европу» — очень точно отражает роль, которая отводилась Невскому краю в представлении Петра. Это была роль канала, которым азиатская по сути страна присоединялась к европейскому культурному пространству; канала, через который европейская культура должна была

---

¹ Иоганн Готгильф Фоккеродт — секретарь и переводчик прусской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге, прожил в России 25 лет, с 1712 по 1737 г. Его работа «Россия при Петре Великом» отличается точностью содержащихся в ней сведений, обстоятельностью и глубиной анализа.

распространиться по всей России. Ижорская земля интересовала Петра как функция, как инструмент преобразования всей страны. И этой функции она была абсолютно адекватна.

Нужно сказать, что подданные Петра неоднозначно отнеслись к присоединению новых земель, к необходимости оборонять их, обживать и обустраивать. Кто-то, вероятно, разделял удовлетворение царя от новых территориальных приобретений и понимал, какие выгоды может принести обладание невским торговым путем и побережьем Балтики. Но, как показала исследовательница О. Г. Агеева, большинству русских, видевших ценность земли прежде всего в ее плодородии, эти мало пригодные для сельского хозяйства территории вовсе не казались привлекательными. Многим представлялось, что за свои завоевания царь возьмет большой выкуп и отдаст их шведам обратно¹.

Это во многом предопределило и характер поведения русской армии на завоеванных территориях. Несмотря на царские запреты *«разорение чинить»* на занимаемых землях и даже показательную казнь *«неких калмыцких татар², которые противно указу чинили»* (см. документ № 6), жители Ливонии, Ингерманландии, Карелии³ подвергались жестокому насилию со стороны завоевателей. Мирные обыватели тысячами захватывались «в плен», отправлялись в Россию, где затем продавались в холопы; хутора и деревни грабились и сжигались. Фельдмаршал Б. П. Шереметев, командовавший основными силами российской армии в первый период войны, сообщал царю в начале 1702 года:

---

¹ Сам царь также долгое время не рассчитывал на столь успешное для России завершение Северной войны и предполагал вернуть Швеции многое из захваченного, а оказавшись в момент неудачного Прутского похода 1711 г. в катастрофическом положении, был готов, как свидетельствует его инструкция отправленному для переговоров П. П. Шафирову, отказаться от всех завоеваний, кроме Ингрии с уже строящимся Петербургом, и намеревался предложить Швеции Псков и другие провинции взамен.

² Значительную часть петровской армии составляли нерегулярные конницы запорожских казаков, татар, башкир и т. д.

³ Согласно предварительной договоренности с союзниками, после победы над Швецией Карелия и Ингерманландия должны были достаться Петру I, а Ливония — Августу II. Поэтому в наибольшей степени пострадала от бесчинств русской армии именно Ливония.

«Посылал я во все стороны пленить и жечь; не осталось цела ничего, все разорено и пожжено, и взяли твои государи ратные люди в полон мужеска и женска полу и робят несколько тысяч, также и работных лошадей, а скота с 20 000 или больше, кроме того, что ели всеми полками, и чего не могли поднять, покололи и порубили; а я чаю, что вдвое больше будет». Поэтому, как пишет историк Е. В. Анисимов, «было бы неверно думать, что местное население (в том числе и русское) единодушно и радостно приветствовало приход армии Петра». Многие жители поспешили покинуть свои дома и удалиться в Финляндию, те же, кто остался, прятались в лесах, и по мере своих возможностей оказывали русским сопротивление. Анисимов приводит выдержку из письма фельдмаршала Б. П. Шереметева Петру о настроениях местного населения: *«Чухна не смирны, чинят некия пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно, и русские мужики к нам неприятны: многое число беглых из Новгорода и с Валдая, и ото Пскова, и добры они <более> к шведам, нежели к нам».*

Таким образом, Северная война явилась очередным этапом борьбы двух могущественных держав — России и Швеции — за обладание Невским краем, население которого стало первой и безвинной жертвой этой кровопролитной борьбы.

Поражение под Нарвой. Завоевание Ингрии

Первой операцией русских войск была попытка овладеть ключевым для всей Восточной Прибалтики пунктом — Нарвой. Войска главного союзника Петра Августа II, польского короля и курфюрста Саксонского, начавшие военные действия на полгода раньше, осаждали в это время Ригу.

Под Нарвой неподготовленные русские войска потерпели крупное поражение. Высадившаяся в ноябре 1700 года в Перноу (Пярну) шведская армия стремительным маршем пересекла с запада на восток всю Эстляндию и, подойдя к Нарве, атаковала значительно превосходящее по численно-

сти русское войско, осаждавшее крепость. Итог сражения был для русских неутешительным: около 20 тысяч убитых, утонувших и пленных, потеря всей артиллерии, в плену оказались почти все генералы.

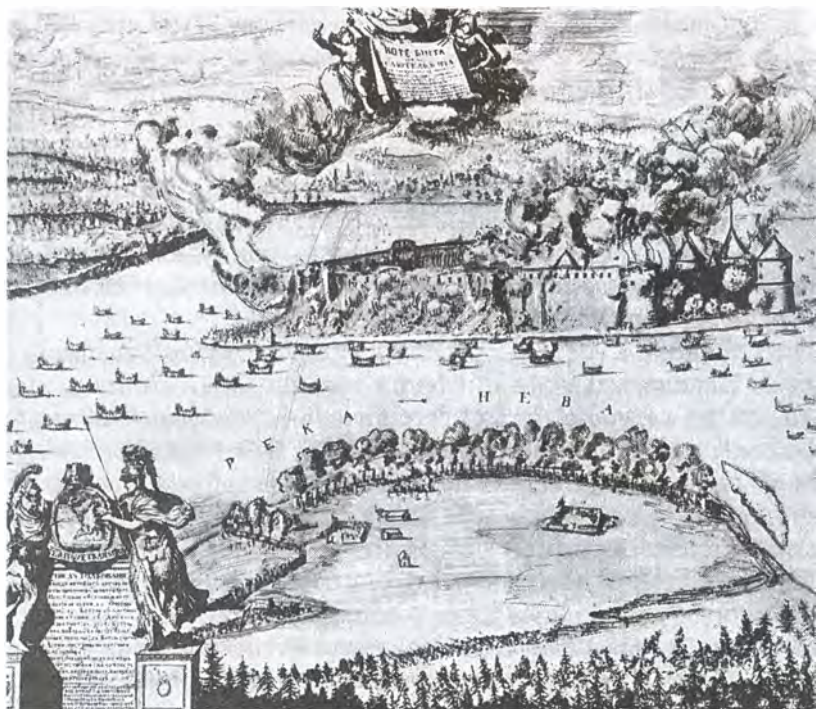
Сокрушительное поражение под Нарвой не заставило Петра сложить оружие, тем более что Карл XII предпочел направить свои главные силы на запад, против Августа II, оставив часть армии в Ливонии под командованием В. А. фон Шлиппенбаха и в Ингерманландии под командованием А. Кронхьёрда.

В течение 1701 года русским силам, сгруппировавшимся во Пскове, удавалось, избегая столкновений со шведскими войсками, совершать опустошительные рейды по приграничным территориям Ингерманландии и Эстляндии. В конце года были осуществлены и более масштабные операции: атакованы небольшие шведские гарнизоны, располагавшиеся в Эстляндии. В сражении у деревни Эрестфер под Дерптом шведы вынуждены были отступить перед превосходящими примерно в пять раз силами русских, наконец, в начале лета 1702 года двадцатипятитысячная армия Б. П. Шереметева разбила семитысячный корпус Шлиппенбаха при Гуммельсгофе, а затем разграбила несколько сотен ливонских городков и деревень, угнав в неволю, по официальным данным, 12 тысяч человек.

В августе 1702 года против П. М. Апраксина, двинувшегося из Ладogi по направлению к Финскому заливу, выступил из Ниеншанца Кронхьёрд. Столкновение произошло где-то между реками Ижорой и Славянкой. По не подтвержденным документами сведениям шведы потерпели поражение и, отступая, пытались закрепиться в стратегически удобном месте при впадении ручья Тызва в Славянку; остатки якобы насыпанных ими валов сохранились до сих пор возле крепости Бип в Павловске. Однако военный историк В. А. Красиков считает, что на самом деле скандинавы у Ижоры одержали победу, поскольку после сражения Апраксин вынужден был отвести свое войско назад, в сторону российской границы.

Отряд Апраксина присоединился к основным силам русских, сосредоточившимся к сентябрю 1702 года на берегу Ладожского озера вблизи устья реки Назия, примерно в 17 верстах от Нотебурга. Дальнейшим действиям русских

Штурм Нотебурга. Гравюра А. Шхонебека. 1703 г.

благоприятствовало то, что шведская эскадра вице-адмирала Гедена фон Нумерса покинула Ладожское озеро и ушла через Неву и Финский залив на зимовку в Выборг.

К концу сентября, проделав беспрецедентный марш от Белого моря до Онежского озера по знаменитой «Осударевой дороге» и таща по суше два фрегата и большое количество пушек, к Ладожскому озеру прибыли гвардейские Преображенский и Семеновский полки, возглавляемые самим царем. Не желая упускать удобный для штурма Нотебурга момент, Петр на следующий же день двинул войска к истоку Невы.

Крепость нужно было блокировать, по крайней мере, с суши. На левом берегу Невы установили батареи. За пределами досягаемости шведских ядер прорубили трехверстную просеку от Ладожского озера до Невы и по ней волоком перетаскивали 50 больших лодок; на них переправили на правый берег солдат и артиллерию. Началась бомбардировка

Транспарант
для фейерверка
в Москве
в ознаменование
взятия Нотебурга.
1703 г.

крепости, длившаяся 10 дней. Сгорели почти все деревянные постройки внутри крепости. Наконец, 11 октября на остров высадился десант, который в продолжение 13 часов штурмовал крепостные стены. Такому натиску шведы не смогли больше сопротивляться и 12 октября капитулировали.

Взятие Нотебурга, который сразу был переименован в Шлиссельбург — «ключ-город», открывало русским путь к Ниеншанцу, ставшему в соответствии с придуманным Петром эмблематическим рядом замком на дверях Балтийского моря. Для новогоднего фейерверка в Москве, на котором отмечались главные события уходящего года, был сделан такой транспарант: фигура двуликого Януса, римского божества дверей и ворот, входа и выхода и всякого начала, держащая в руке, протянутой в сторону прошлого, ключ, а в протянутой в сторону будущего — замок. Над ключом надпись: «Богу за сие благодарение», над замком — «О сем прошение».

Шведский рукописный план осады Ниеншанца русской армией. Апрель 1703 г.

Падение Нотебурга вызвало панику в Ниене: было ясно, что значительно менее укрепленный Ниеншанц не устоит перед огромными силами русских. Население в спешке покидало город и направлялось кто внутрь крепости, кто в леса, кто в Выборг или Нарву (см. документ № 6). 20 октября 1702 года комендант крепости И. Аполлов отдал приказ сжечь город, чтобы не дать возможности противнику скрытно подойти к укреплениям. Осторожный Кронхьёрд понял, что его небольшому отряду не совладать с армией Петра, и отступил в Финляндию. Гарнизон Ниеншанца составлял около 600 человек, на бастионах и рavelинах стояло не более 80 артиллерийских орудий. Царь, однако, решил не торопиться со штурмом и отложил его до весны, а сам отправился в Москву праздновать нотебургскую победу.

Оставшиеся зимовать в Шлиссельбурге и около него войска не сидели сложа руки, а совершали набеги на ближайшие шведские территории, забираясь все далее на север.

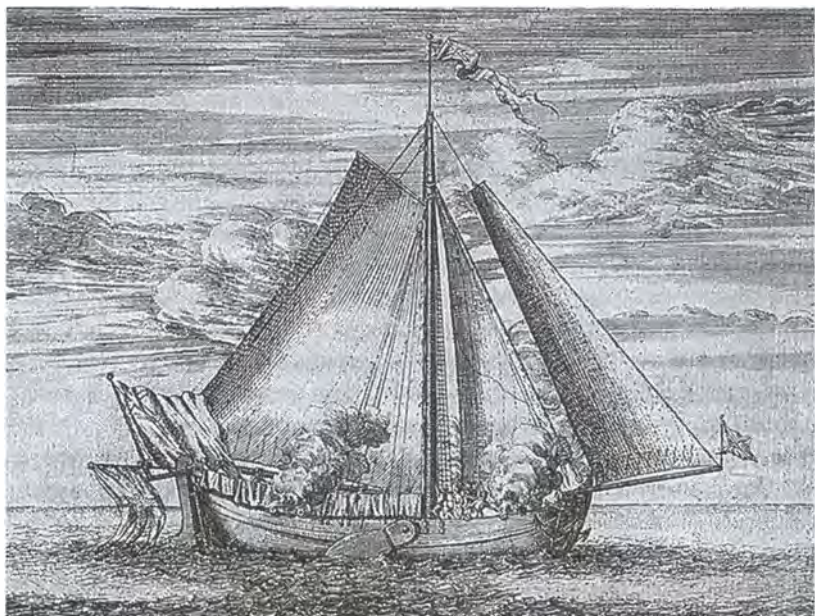
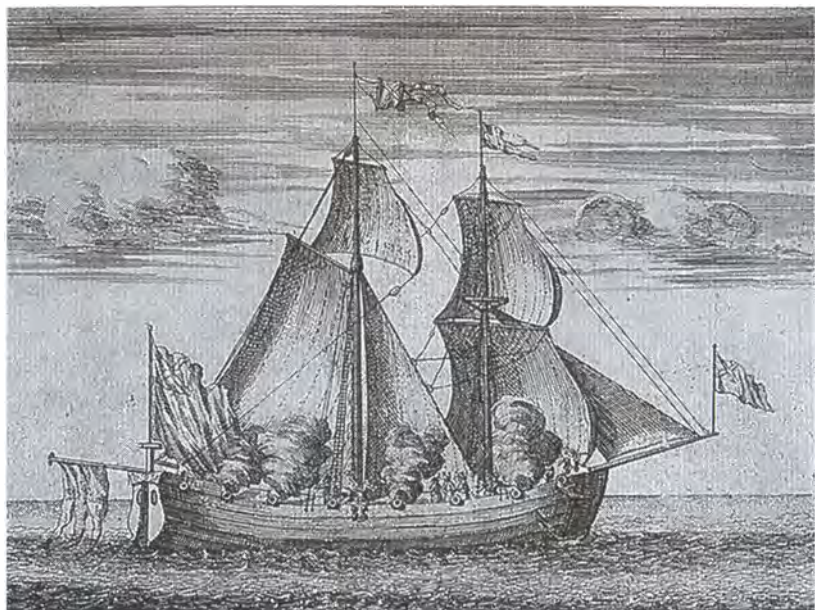

Фейерверк в Москве в честь взятия Канцев (Ниеншанца) 1 января 1704 г. Гравюра А. Шхонебека. 1704—1705 гг. Российский двуглавый орел на крыльях и в левой лапе держит карты Русского (Белого), Азовского и Хвалынского (Каспийского) морей. Нептун на колеснице подвозит карту Балтийского моря для вручения орлу

Газета «Ведомости» от 22 марта 1703 года писала: «Господин губернатор <Меншиков> ходил в неприятельские мызы, отстоящие от Шлютенбурга 95 верст, а от Корелы 36, и там победу одержал над неприятели изрядну, в разных мызах побито с двести человек неприятельских людей. Да в полон взято 19 человек офицеров, а кроме того простых шведов мужеска полу и женска 2000 в полон же взято, и на побеге их побито довольно, а наши ратные люди лошадами, скотиною и запасом велми удвоились, и остальные запасы пожгли, а сами за божиею помощию в целости».

Оговоримся, данная публикация «Ведомостей» основана на личном письме Меншикова к царю. Соотношение потерь, указываемое царским любимцем: ни одного своего убитого солдата против 200 неприятельских, — выглядит явным преувеличением; подобных пропорций не бывало даже при самых катастрофических поражениях шведов. Что же касается «простых шведов мужеска полу и женска», взятых

Шведские корабли, захваченные в устье Невы 7 мая 1703 г.
Гравюры П. Пикарта. 1703 г.

меншиковским отрядом в плен, то это, конечно, были не шведы, а простые карельские крестьяне.

Весной возобновились крупномасштабные боевые действия. 26 апреля 1703 года к Ниеншанцу подошел двадцатитысячный пехотный корпус во главе с Б. П. Шереметевым и приступил к сооружению батарей. В тот же день Петр привел из Шлиссельбурга караван барок, груженных пушками, ядрами, порохом, лопатами и т. п. 29 апреля осадные батареи были возведены и шведам было предложено сдаться. Аполлов ответил, что принял крепость от своего короля для того, чтобы защищать ее, а не сдавать. Начался обстрел, длившийся 10 часов, в результате которого в крепости взорвался пороховой склад и, возможно, были нанесены повреждения валам Ниеншанца. На рассвете 1 мая оборонявшиеся заявили о готовности капитулировать. По условиям сдачи, артиллерия и военное имущество крепости переходили в руки победителей, гарнизон с личным оружием, знаменами и четырьмя пушками, а также укрывавшиеся за стенами жители города отпускались в Нарву. На следующий день русские полки вошли в крепость, которая теперь уже называлась Шлотбург — «замок-город».

Во время операций по взятию Нотебурга и Ниеншанца русская армия имела дело с постоянными местными гарнизонами, которые были малы, особенно по сравнению с нападавшими на них силами русских, поскольку основная армия шведов участвовала в военных действиях против Польши. В течение мая русские войска без больших потерь взяли Ям и Копорье, и, таким образом, вся Ингерманландия, исключая самый ее запад (Ивангород и Нарву), оказалась под контролем Петра. Ожидалось, что шведский король, обеспечив себе сколько-нибудь надежные тылы, обернется в сторону Ингерманландии. Пока же сухопутные силы Карла, по выражению царя, *«увязли в Польше»*, нужно было опасаться шведского флота, который не замедлил объявиться.

На следующий день после взятия Ниеншанца дозорные с заставы, еще раньше выставленной на острове Витусаари (Гутуевский), доложили, что на взморье появились шведские корабли. Это была патрулировавшая залив часть эскадры Нумерса, базировавшейся в Выборге. Не зная, что Ниеншанц уже находится в руках противника, шведы держались довольно неосмотрительно. Два небольших судна, галиот

Взятие шведских кораблей в устье Невы.
Гравюра А. Ф. Зубова по рис. П. Пикарта. 1726 г.

«Гедан» и шнява «Астрильд», отделившись от основной эскадры, зашли в Неву и в ожидании лоцманов встали на якорь вблизи устья Фонтанки. На рассвете 7 мая, проплыв незаметно в тени густого леса, подходившего к самому берегу Васильевского острова, несколько лодок с преображенцами, во главе с самим царем и Меншиковым, атаковали шведские корабли. Взобравшиеся на борт солдаты захватили оба судна и в рукопашном бою перебили почти полностью их экипажи. По собственному свидетельству Петра *«по нарочитом бою взяли два фрегата, один „Гедан“ о десяти, другой „Астрильд“ о восьми пушках, а окон 14. Понеже неприятеля пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи; только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с восемь лодок только в самом деле было»* (см. также документ № 6). Захваченные корабли перегнали к Шлотбургу, а участники операции позднее были награждены специальными медалями с надписью *«Небываемое бывает»*. Сам Петр и Меншиков удостоились ордена святого Андрея Первозванного.

Это событие царь считал первой морской победой русских. Место злополучной для шведов стычки стало одним из памятных мест петровского Петербурга, вблизи него возникло два сооружения, являвшихся своеобразными памятниками этой победе: помещавшийся на небольшом островке Подзорный дворец Петра и Екатерингофский дворец, построенный для его супруги.

Получив столь чувствительное свидетельство близости неприятеля, шведская эскадра сделала то единственное, что в данной ситуации она могла сделать: блокировала Финский залив в ожидании того времени, когда сухопутные силы Карла XII наконец придут для ответных ударов по русским. Голландские и немецкие торговые суда, по привычному для них маршруту направлявшиеся в Неву, задерживались и отправлялись обратно. Только поздней осенью, когда шведы, опасаясь ледостава, возвратились в Выборг, один корабль прибыл в теперь уже принадлежащее русским невисское устье, где его ожидал восторженный прием (см. документ № 6).

Оставалась еще одна непосредственная угроза — корпус генерала Кронхьёрда, занимавший позиции к северо-западу от устья Невы, у реки Сестры. «Ведомости» сообщали: *«...июля в 7 день господин генерал Чамберс с четырьмя полками конных, да с двома пеших, ходили на генерала Кронхьорта, которой со многими людьми и с тринадцатью пушки стоял на жестокой переправе. И по жестоком с обеих стран огне божиею помощию наше войско мост и переправу овладели, и неприятель узким и трудным путем версты с две бегучи ушел на гору, откуда наша конница прогнала его в лес, и порубили неприятелей с тысящу человек, в которых многие были велми знатные офицеры, а больше того раненые от тяжких ран по лесам померли, а наших побито 32 человека, да несколько ранено»*. Указанное здесь соотношение потерь выглядит явно преувеличенным. Скорее всего, шведов погибло примерно столько же, сколько и их противников. Тем не менее Петр I, лично принимавший участие в операции, своей цели достиг: Кронхьёрд не рискнул двигаться дальше и русские смогли вернуть в завоеванном устье Невы весьма масштабное строительство.

Основание крепости Санкт-Петербург

Большая часть завоеванных русской армией крепостей сразу же ремонтировалась и усовершенствовалась. Так было со Шлиссельбургом, так было с Ямом и Копорьем. Ниеншанц стал исключением. Согласно «Гистории Свейской войны»¹, *«по взятии Канец отправлен военный совет, тот ли шанец крепить или иное место искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места...»*. Не доверять этому сообщению нет оснований: сами шведы осознавали слабость Ниеншанца. Крупный шведский государственный деятель, инженер-фортификатор и художник Эрик Дальберг, генерал-губернатор Лифляндии, не раз писал королю о необходимости реконструкции Ниеншанца и в качестве наилучшего варианта предлагал строить новую крепость *«при впадении Невы в Балтийское море»*. Но эти рекомендации шведами так и не были выполнены, возможно, по причине того, что не находилось места, где бы такая крепость могла быть поставлена без огромных затрат.

«Гистория Свейской войны» продолжает: «и по нескольких днях найдено к тому удобное место — остров, который назывался Люст Елант (то есть Веселый остров), где в 16 день майя (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпитебурх». Утверждение о том, что 16 мая 1703 года, в день закладки крепости, Петр находился на ладожских верфях — вдали от устья Невы, выдвинутое П. Н. Петровым еще в XIX веке на основании записи в журнале бомбардирской роты Преображенского полка, не является неоспоримым. Возможно, как аргументированно доказывают журналист и писатель А. М. Шарымов, историк П. А. Кротов и др., в этой записи говорится о маршруте продвижения самой бомбардирской роты, в то время как

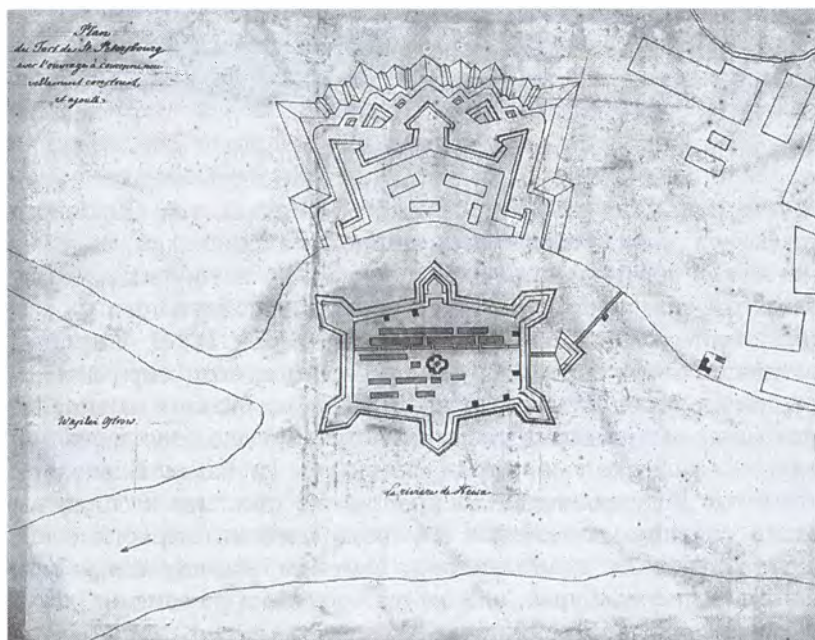
---

¹ «Гистория Свейской войны» — незаконченное капитальное описание Северной войны, составленное по замыслу и при участии самого Петра I; в 1770 г. оно было опубликовано князем М. М. Щербатовым под заглавием «Журнал, или Поденная записка Петра Великого».

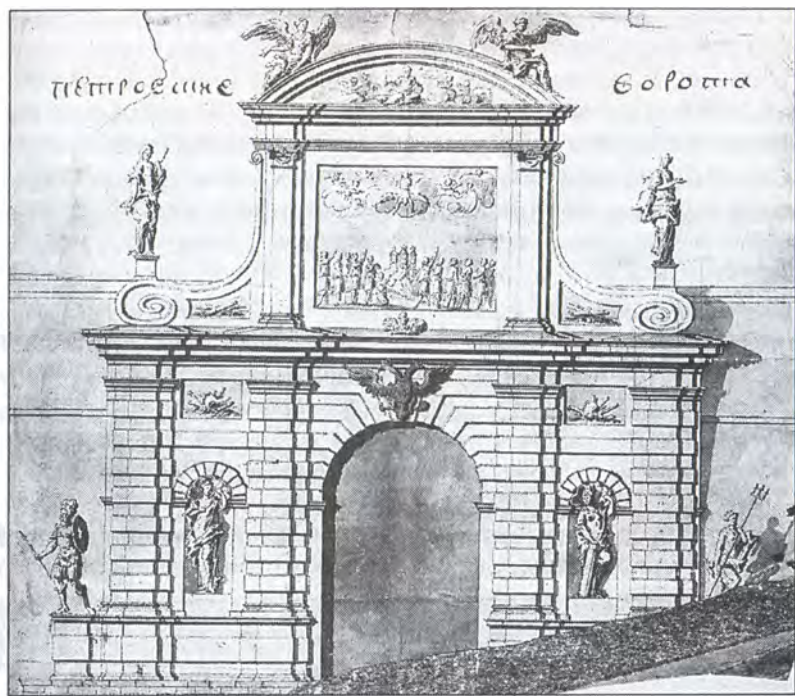

ее капитан Петр Михайлов (он же государь Петр Алексеевич) мог вернуться назад и участвовать в закладке новой крепости. Впрочем, даже если царь при этом и отсутствовал, его роль и в выборе места для будущей крепости, и в утверждении ее проекта, и, наконец, в определении ее названия была, безусловно, решающей. Наименование крепости вообще, по мнению исследователей культуры петровского времени, являлось событием значительно более важным, чем начало ее строительства. Имя новая крепость получила 29 июня, в Петров день; тогда же при участии митрополита Новгородского Иова в крепости была заложена церковь во имя святых апостолов Петра и Павла.

Выбранный для строительства новой крепости островок Люст Эланд (его финское название Янисаари в переводе на русский — Заячий остров — используется до сих пор) был, может быть, и более «крепок от природы», чем мыс в устье Охты, но по своим размерам и состоянию грунта очень

План крепости Санкт-Петербург. 1707—1710 гг. На плане отмечены: проект Кронверка, земляные и деревянные крепостные сооружения, частичная застройка Городового острова

Петровские ворота Петропавловской крепости. Фиксационный чертеж. 1730-е гг.

плохо подходил для какого-либо строительства. Во время подъемов воды этот островок полностью заливался, поэтому на нем и не было никаких поселений, зато был замечательный заливной луг, выкашивавшийся жителями Фомина острова. Спроектированная инженером В. А. Киршенштейном при участии Ж. Г. Ламбера и самого царя шестиугольная крепость не помещалась на узком островке, поэтому его пришлось увеличить почти в два раза, насыпая грунт и укрепляя берега деревянными срубами. Благодаря тому что на строительство крепости в придачу к солдатам были согнаны способные к работе жители окрестностей, а также рабочие, прибывшие по земскому наряду для укрепления Шлиссельбурга, она была сооружена из земли и дерева уже к весне 1704 года.

Стратегическое преимущество расположения крепости на Заячьем острове вызывает сомнения. Историк Ю. М. Пирютко пишет: «Достаточно взглянуть на карту невской

дельты, чтобы убедиться в изначальной непригодности Петербургской крепости для обороны. Теоретически ее бастионы действительно могли держать под прицелом два рукава Невы. Дело, однако, в том, что фарватер, который использовали шведы, шел отнюдь не по Малой и Большой Неве, а по Большой Невке, в стороне от крепости. Современники, не понимая, зачем нужна была такая крепость, предполагали, что Петр I просто хотел обучить на ее примере своих подданных искусству фортификации». И действительно, выстроенная с колоссальными затратами, Петропавловская крепость ни разу за все время своего существования не служила для военных целей, в том числе и в период, когда шведы по горячим следам пытались вернуть себе утраченные земли. А когда вокруг крепости вырос город, ее существование полностью потеряло оборонительный смысл. Фоккеродт писал: «Хотя все инженеры согласны в том, что эта крепость довольно сильна, и трудно взять ее по ее положению, но думают, что по той же причине она не может приносить и особенной пользы, так как она не в состоянии оборонить ни города Петербурга, ни окрестной страны, даже доставить убежище войску и тревожить отрядами неприятеля». Более того, крепость на Заячьем острове не только не могла защитить город¹, наоборот, в случае нападения на нее город пришлось бы уничтожить, подобно тому как комендантом И. Аполловым был уничтожен Ниен. Вообще, на композиционно-планировочное сходство этих пар: Ниеншанц — Ниен, крепость Санкт-Петербург — город Санкт-Петербург обратили внимание некоторые исследователи, в частности Д. Л. Спивак. Эти наблюдения приводят к мысли о том, что строительство крепости, которую мы сейчас называем Петропавловской, изначально не столько преследовало военные цели, сколько являлось демонстрацией сил и намерений русского царя. Возведенная в непостижимо короткий срок крепость, во всех отношениях превосходящая шведский Ниеншанц, должна была стать символом победы над противником, свидетельством

---

¹ Для защиты города от нападений с севера на Городовом острове (ныне Петроградская сторона) в годы Северной войны было сделано несколько деревянных и земляных укреплений: палисад, редуты и т. п.

силы русской державы и ее надежного положения на завоеванном морском берегу, то есть, в сущности, выполняла именно то, что было главной целью России в Северной войне. И кстати, заметим, что Петропавловская крепость продолжала строиться и укрепляться даже тогда, когда всякая возможность ее военного использования полностью исчезла; она стала на долгие годы символом незыблемости русской монархии.

Таким образом, Петропавловская крепость является не столько фортификационным сооружением, сколько зримым воплощением некой идеи. Эта идея выражена как самим фактом существования крепости, ее размерами, мощью, скоростью постройки, так и отдельными элементами ее архитектурного оформления. Рассмотрим важнейший из них — главные ворота, названные Петровскими.

Сначала в 1708 году по проекту Доминико Трезини их возводят из дерева. Несколько лет спустя ворота перестроены в камне, причем и внешний облик, и скульптурное убранство было сохранено. Ныне они существуют в первозданном виде, если не считать того, что при пожаре 1756 года сгорели украшавшие их деревянные статуи апостола Петра и двух трубящих ангелов, находившиеся на верхнем крае ворот, аллегории Веры и Надежды на закруглениях волют и фигуры воина и Нептуна на постаментах по бокам ворот.

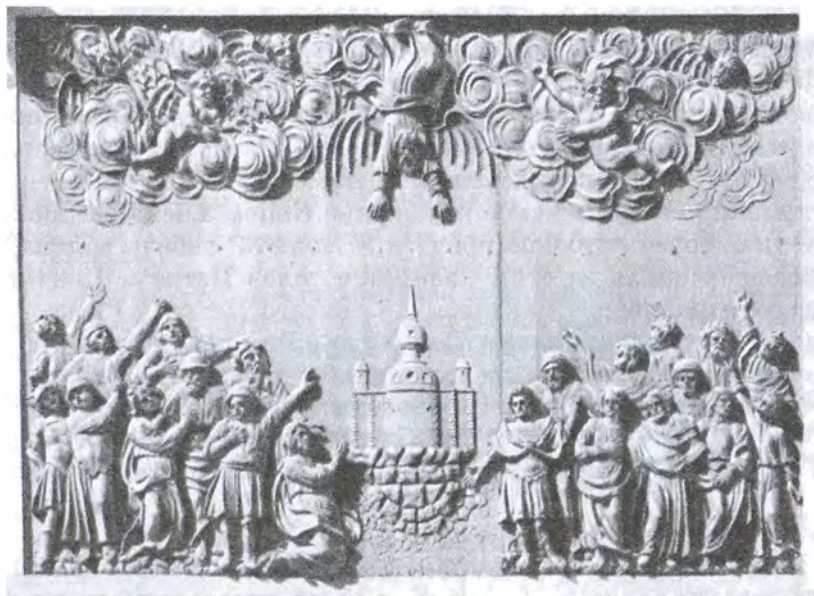
Место, на котором были поставлены ворота, в соответствии с представлениями петровского времени, является священным. Известная рукопись XVIII века «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга»¹ излагала придуманную, но ставшую впоследствии общепринятой версию основания крепости и города. Согласно легенде, 16 мая 1703 года Петр Великий совершил ряд ритуальных действий, в числе которых было и следующее: *«изволил разметить, где быть воротам, велел пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев, а концы поставлял в пробитые дыры в землю на подобие ворот. И когда первую березу в землю утвер-*

---

¹ П. А. Кротов, детально исследовавший манускрипт, доказал, что это сочинение создано писателем и историком Петром Никифоровичем Крёкшиным между 1754 и началом 1760-х гг.

дил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оной орел с ворот снят. Царское величество о сем добром предзнаменовании весьма был обрадован». Далее рукопись сообщает, что «великому и равноапостольному царю Константину», когда он искал место для города, возведение которого было ему поручено самим Богом, также явился орел, указавший, где строить. Огромный двуглавый орел, отлитый из свинца мастером Франсуа Вассу и укрепленный над аркой Петровских ворот (первоначально, судя по описаниям Берхгольца и др., с внутренней стороны), явился как бы материализацией этого сюжета и одновременно заострял его смысл: двуглавый орел — герб российского государства (перешедший, кстати, к России от империи Константина Великого) и, стало быть, само божественное провидение, направившее орла к месту закладки крепости, указало таким образом на то, что отвоеванная у шведов земля должна принадлежать России.

Центральное место в композиции ворот занимает барельеф работы Конрада Оснера «Низвержение Симона-волхва». 1708 г.

Низвержение Симона-волхва. Барельеф К. Оснера. 1708 г.

ва апостолом Петром». Сюжет, рассказывающий о борьбе апостола с магом известен по древнему христианскому преданию, проникшему на Русь в переводах еще в Средние века. По преданию, самарийский чародей Симон, соперничавший с апостолом Петром за власть над людьми, совершал различные чудеса, пользуясь обманом или помощью злых сил, но каждый раз он изобличался апостолом. Итогом соперничества между колдуном и учеником Христа стала попытка Симона с помощью демонов вознестись на небо с римского Форума. Петр приказал демонам отступить, и маг, упав, разбился о камни площади. Композиция барельефа строго симметрична: в центре верхней части расположен падающий головой вниз бородатый волхв, по сторонам от него два ангела в облаках, в нижних углах — группы людей, пораженных происходящим чудом. В бритом лице стоящего среди них апостола, одетого в тогу, без труда обнаруживаются черты царя Петра. Внизу центральной части — изображение крепости с двумя башенками по краям и храмом, увенчанным шпилем. Это, конечно, сама крепость Санкт-Петербург (в 1708 году, когда создавался барельеф, каменный собор еще не был заложен, а силуэт первой деревянной церкви схож с тем, который мы видим здесь). Крепость и мощеная площадь перед ней на барельефе размещены прямо под фигурой падающего с небес Симона, который должен, таким образом, разбиться именно здесь. Как справедливо замечает С. П. Заварихин, «современники легко прочитывали в этом сюжете намек-предсказание на неминуемое поражение Карла XII в Северной войне. Более глубокое прочтение сюжета: гибель волхва, последовавшая за этим казнь апостолов Петра и Павла, возведение собора над могилой святого Петра в Риме — аллегорически связывает Петербург с Римом, а судьбу России — с победой над предрассудками и рутинной». Не случайно Симон изображен бородатым, а Петр — бритым; борода была в это время знаком косности и ретроградства. Глубину всей аллегории придает смысловая игра: апостол Петр — царь Петр — крепость Санкт-Петербург (буквально «крепость святого Петра») — камень (значение имени Петр) — «...на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (слова Христа об апостоле Петре) — церковь в крепости — Симон (первое имя апостола Пет-

ра) — Симон-волхв (лже-Петр), разбившийся о камни и т. д.¹ К тому же статуя апостола Петра, стоявшая на верху сооружения, изображала его с ключами в руках (согласно христианским представлениям апостол Петр является хранителем ключей от рая), что превращало эти ворота в аналог райских врат (ср. постоянное наименование Петербурга в переписке Петра I — «Парадиз»). Мотив священного города, находящегося под божественным покровительством, поддерживался и помещенным на фронте ворот рельефным изображением Саваофа с распростертыми в благословляющем жесте ладонями, и изваянием Афины Полиады — покровительницы городов, установленным в одной из боковых ниш ворот. Мотив военной победы над шведами продолжала стоящая в другой нише статуя Афины-воительницы (иногда ее называют римским именем Беллона), а также барельефные композиции из доспехов и сама форма ворот, выполненных в виде триумфальной арки (образцом послужила триумфальная арка, построенная Трезини в 1704 году в Нарве).

Таким образом, Петровские ворота языком символов и аллегорий объясняли, на чьей стороне божественная поддержка в войне за устье Невы. Ниеншанц же в этом контексте становился фальшивым городом-самозванцем, лишенным благодати, и потому он должен был быть разоблачен, то есть уничтожен без следа.

---

¹ О том, что эта интерпретация христианского предания была в петровское и последующее время официально принятой, свидетельствует ее использование в тогдашней публицистике. Например: *«Приступите и избийте зубы своя, вси глаголющий на высоту неправду, камень сей не уже от пращи Давидовой, но от самого Камня Веры, Петра Святого, верженный, поразит в чело всех уничижающих достояние Господа Саваофа, Новаго Израиля, Новый Град сей. Падет гарделивый Симон, Камень Веры, Защитителю Града сего, ругающийся, и разбьется о камень, о камень соблазна и претыкания; Камень же Град сей, на Твердом Камени Благочестия основанный, имать Защищением Господа Саваофа пребывати во веки»* («Описательная похвала царствующему граду Санктпетербургу...» иеромонаха Гавриила, 1750 г.).

Появление города Санкт-Петербурга и разрушение Ниеншанца

Принято считать, что одновременно с закладкой крепости был основан и город возле нее. По крайней мере, «Ведомости», ссылаясь на сообщение от 2 июля 1703 года из Риги, писали о начале строительства и города, и крепости (см. документ № 6). Тем не менее у нас все-таки нет достаточных оснований считать, что, отдав приказ о насыпке на Заячьем острове крепостных валов, Петр уже имел в виду и возведение города, и перенос в него столицы. Замысел постройки нового большого портового города на отвоеванных у шведов землях, возможно, владел Петром и до закладки крепости. Фоккеродт связывает возникновение поселения с идеей адмирала Ф. А. Головина соорудить на Неве укрепленный пункт, который бы предотвращал возможность переброски по суше шведских войск из Финляндии в Ливонию или обратно и мог бы использоваться для хранения военных запасов. Но условия, на которых Россия владела устьем Невы, не позволяли до окончания войны или, по крайней мере, до генерального сражения с основными силами Карла XII считать эти земли полноценной частью Московского царства. Юридически Столбовский договор, утверждавший принадлежность Невского края Швеции, продолжал действовать до заключения Ништадтского мира в 1721 году. В 1703 году и еще в течение ряда лет поселение, ставшее называться, как и крепость, Санкт-Петербургом, строилось без всякой основательности, вероятно по соображениям, высказанным Фоккеродтом: *«если бы когда-нибудь надобно было оставить это место, то это не принесло бы большого огорчения»*. День, начиная с которого отношение к строительству в Петербурге поменялось, — и мемуаристы, и исследователи фиксируют очень точно: это 27 июня 1709 года, день Полтавского сражения.

Полтавская победа, фактически решившая исход войны, дала Петру I возможность считать Ингрию окончательно оставшейся за Россией. *«Ныне уже совершенный камень в основание Санкт-Петербурха положен с помощью Божию»*, — пишет он в письме Ф. М. Апраксину, обыгрывая в этих словах уже упоминавшийся нами евангельский

мотив. Впервые после Полтавы Петр приехал в Петербург 23 ноября 1709 года и пробыл здесь всего две недели. Именно к этому времени относятся его первые распоряжения, касающиеся городской застройки. «Гистория Свейской войны» сообщает, что царь *«повелел строить свои забавные дома каменные изрядною архитектурною работою, украшать огороды и городовым строением поспешать, также указал умножить домов как для морских служителей, так и для торговых, а господам министрам, генералам и знатым дворянам повелено тогда строить каменные палаты, тогда же указано строить пристани на Санктпетербургском острове, также и на Котлином острове гавань, пристани и магазейны»*. С этих распоряжений, считал автор «Истории строительства Петербурга» С. П. Луппов, начинается планомерное строительство в Санкт-Петербурге.

Одновременно с этим царь устраивает несколько торжественных мероприятий, прославляющих Полтавскую победу и символически связывающих ее с присоединением к России Ингерманландии, демонстрируя намерения превратить эту землю в оплот российского флота и морские ворота государства (основные торжества по случаю победы состоялись по тогдашней традиции одновременно с празднованием Нового года в Москве).

В конце ноября у Выборгской дороги закладывается церковь Святого Сампсония Странноприимца — в день памяти этого святого состоялась Полтавская баталия. Как заметили А. В. Кобак и Ю. М. Пирютко, занимающиеся историей Петербурга, конечно, не случайно этот храм был поставлен в начале дороги, ведущей к владениям шведского короля. Скромный римский врачеватель святой Сампсоний Странноприимец сразу же после сражения приобрел в русской публицистике (например, в речи Ф. Прокоповича, произнесенной в присутствии царя 22 июля 1709 года, или на гравюре И. Ф. Зубова и М. Д. Карновского) черты ветхозаветного силача Самсона, *«рыкающего льва свейского преславно растерзавшего»*. Сампсониевский храм у Выборгской дороги свидетельствовал, что теперь отношения со Швецией Россия будет выстраивать с новых позиций, завоеванных под Полтавой (через три месяца русское войско выступит по этой дороге для победоносного похода на Выборг, который три года назад, осенью 1706 года, петровская армия уже безуспешно осаждала).

30 ноября фейерверком и торжественным обедом отмечался день святого Андрея Первозванного. Апостол Андрей — родной брат апостола Петра — почитался и небесным покровителем всей России (согласно преданию, изложенному в «Повести временных лет», именно он впервые принес христианство на Русь), и покровителем флота, и покровителем нового города на невских берегах. В петровское время маршрут путешествия святого Андрея был «уточнен»: считалось, что он *«имел шествие <...> рекою Невою сквозь места царствующего града Санктпетербурга, и <...> оные места <...> не без благословения его апостольскаго были»*, кроме того, при основании крепости и города Петром I был закопан ковчег с мощами апостола. Вместе с тем день святого Андрея Первозванного был праздником для всех кавалеров одноименного ордена; сам Петр, как мы помним, получил этот орден заодно с Меншиковым за взятие на Неве двух шведских кораблей, что непосредственно предшествовало основанию Санкт-Петербурга. Таким образом, празднование именно здесь служило доказательством все той же мысли: божественному провидению угодно, чтобы Россия обосновалась на невских берегах.

4 декабря 1709 года на адмиралтейской верфи был заложен первый линейный 54-пушечный корабль, названный «Полтава». И наконец, 5 декабря в присутствии многочисленных зрителей состоялся, по словам историка Г. Приамурского, «акт символического уничтожения покоренной шесть лет назад крепости»: были взорваны остатки валов Ниеншанца¹; эту операцию описал в своем дневнике датский посланник в России Юст Юль. Подобно древнему Карфагену, Ниеншанц был разрушен².

Означает ли это, что он исчез бесследно, или мы можем вслед за некоторыми современными историками говорить, что Петербург является наследником шведского города?

---

¹ Начало разрушению шведских укреплений было положено разборкой их на строительные материалы. Часть земляных валов была разрыта и взорвана в 1704—1708 гг., чтобы не дать шведам закрепиться здесь при возможном наступлении со стороны Выборга.

² Девять лет спустя в центре бывшей крепости по распоряжению Петра был устроен питомник плодовых деревьев и цветов — место это уже как бы считалось пустырем.

Ниен (Ниеншанц) и Санкт-Петербург

В истории не раз случалось так, что процветающие и многолюдные города оказывались по каким-либо причинам полностью разрушены, а затем отстраивались заново, причем нередко уже на новом месте, в отдалении от старого. В качестве примера можно привести русские города: Белозеро, Смоленск или Рязань. Многие города на протяжении веков меняли названия. Париж когда-то назывался Лютецией, Осло — Христианией, Турку — Або, а Тарту — Юрьевом и Дерптом. Но, поменяв свои географические координаты или имена, эти города сохранили в сознании людей непрерывность своей истории.

Множество обстоятельств способствовало тому, чтобы преемственность между Ниеншанцем (а также шведской Ингерманландией в целом) и Санкт-Петербургом оказалась забытой. И тем не менее свободный от стереотипов взгляд обнаружит эту связь в следующих аспектах.

Место нахождения. Дело даже не в том, что место, где стоял Ниеншанц, давно уже вошло в городскую черту Санкт-Петербурга. Само по себе расположение города в устье Невы являлось фактором, определяющим его наиболее существенные черты: он неизбежно становился центром транзитной торговли, неизбежно должен был развиваться как разноязыкий и многоконфессиональный, открытый для влияний и новаций город. Все эти черты, безусловно, Санкт-Петербург унаследовал от Ниеншанца.

Люди. Конечно, многие жители сожженного Ниена с уходом шведов покинули эту землю. Однако не стоит разделять собственно горожан и жителей предместий и ближайших поселений; мы уже видели, что все они, по сути, принадлежали к одной культуре. Обитатели окрестностей, укрывавшиеся в Ниеншанце, а в дальнейшем привлеченные по приказу Петра на строительство крепости и города, стали первыми петербуржцами. Виднейший церковный и государственный деятель, писатель и проповедник петровского времени Ф. Прокопович сообщает в своей «Истории императора Петра Великого»: «...*всем в добытых Канцах живущим указано переселяться на сия места <вокруг строящейся крепости>*». К ним присоединились и другие; как

сказано в одном из первых описаний «Столичного города Санкт-Петербурга»: *«много шведов, финнов, лифляндцев не могли оставаться в своих разрушенных и частично сгоревших городах и не имели другого выхода, как перебраться сюда большими партиями»*. К тому же, по мере роста города, он вбирал в себя ближайшие селения, их жители, становясь горожанами, приносили в среду новых поселенцев традиции допетербургского периода. Между прочим, долгие годы память о прошлом была жива у жителей Охты. Художник К. С. Петров-Водкин в своей автобиографической повести «Хлыновск» рассказывает, что в 1880-е годы ему доводилось слышать от коренных охтинцев, считавших себя *«новгородскими выходцами»*, примерно такие слова: *«Что нам, изволите видеть, Петербург, мы и до него существовали. Подревнее мы будем — Охта Орешку ровесница — вот как»*.

Многонациональность. Петербург, как и Ниеншанц, стал многонациональным городом. Этим он в первую очередь обязан политике Петра I, всячески способствовавшего приезду иностранцев в Россию, и особенно в Петербург. Многим из них, особенно немцам, путь сюда был уже хорошо известен и потому не вызывал опасения. В пору шведского владычества Ингерманландия встала в один ряд с другими прибалтийскими провинциями Швеции — Эстляндией, Лифляндией, Курляндией. В этих землях издавна, помимо коренного населения, жило много выходцев из Германии. В XVII веке немцы, благодаря покровительству шведской администрации, активно переселялись в Ингрию и чувствовали себя здесь как дома, охотно шли на службу к шведскому королю, а затем и к русскому царю. Петровский указ 1723 года признал за лифляндским и эстляндским дворянством те же права, что и за исконным русским, что еще больше содействовало приезду остзейских немцев в Петербург.

Планировка. Хорошо известно, что все самые ранние петровские постройки Петербурга были поставлены на местах, давно уже обжитых людьми. Что естественно, поскольку достаточно зыбкая и влажная почва в местах старых поселений была укреплена и лучше подходила для строительства. Например, дома плотничьей слободы, появившейся на месте сожженного Ниена, ставились на месте (а скорее все-

го, и на фундаментах) шведских построек, и, таким образом, улицы шведского города, как заметил еще П. Н. Петров, сохранились в планировке проспектов и улиц Петербурга (Большеохтинский и Среднеохтинский проспекты, улицы Конторская, Шепетовская, Молдагуловой и Цимлянская). С. В. Семенцов, сопоставляя карты шведского времени с современными, выявил «не менее 20 протяженных (в том числе и многокилометровых) участков современной улично-дорожной сети Петербурга, в основу которой легла трассировка дорог допетровского периода». Современные исследователи пишут еще и об опосредованном влиянии градостроительной структуры шведских времен на формирование Петербурга: Ниен имел правильную (в терминологии того времени — регулярную) планировку, как раз такую, какой хотел ее видеть в Петербурге Петр I. В этом отношении Ниен, как и горячо любимый царем Амстердам, могли служить ему примером для подражания.

Конечно, можно найти и другие черты, позаимствованные Санкт-Петербургом у его шведского предшественника. Допетровское прошлое Невского края не кануло в Лету, а органично вросло в плоть нашего города. В первые годы существования Санкт-Петербурга сформировалось необычайно стойкое убеждение, что в допетровские времена на этом месте почти не было жителей. Автору самого первого описания Петербурга, опубликованного в Лейпциге на немецком языке в 1713 году, обозначившему себя инициалами Н. G.¹, бросилось в глаза противоречие между разговорами о прежней малонаселенности этой местности и обработанностью здешней земли: *«Говорят, что до основания С.-Петербурга в этой местности жил некий шведский дворянин, а также всего несколько финских крестьян и рыбаков, которые, как видно, своим способом порядочно возделывали землю, поскольку повсюду, где теперь стоит город, и в его окрестностях еще и сейчас явственно заметны борозды от сохи»*. Несмотря на очевидное несоответствие исторической правде, представление о том, что

---

¹ Ю. Н. Беспятых, авторитетный исследователь и публикатор иностранных описаний Петербурга, расшифровывает один из инициалов автора «Точного известия о <...> крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях...» как Геркенс.

Петербург поставлен на пустом месте, глубоко укоренилось в русской культуре.

В русле этой традиции находится и умозаключение, которое делает М. С. Каган, автор фундаментального исследования «Град Петров в истории русской культуры»: «...не существенна связь Петербурга со стоявшей прежде на этом месте шведской крепостью Ниеншанц; для истории отечественной культуры важнее то, что Петр уничтожил остатки этой крепости, подчеркивая этим новаторство своего градостроительного замысла». Однако ясно: реализация замысла царя-реформатора оказалась возможной благодаря тому, что она происходила на веками подготовленной для этого почве и во многом питалась ее соками.

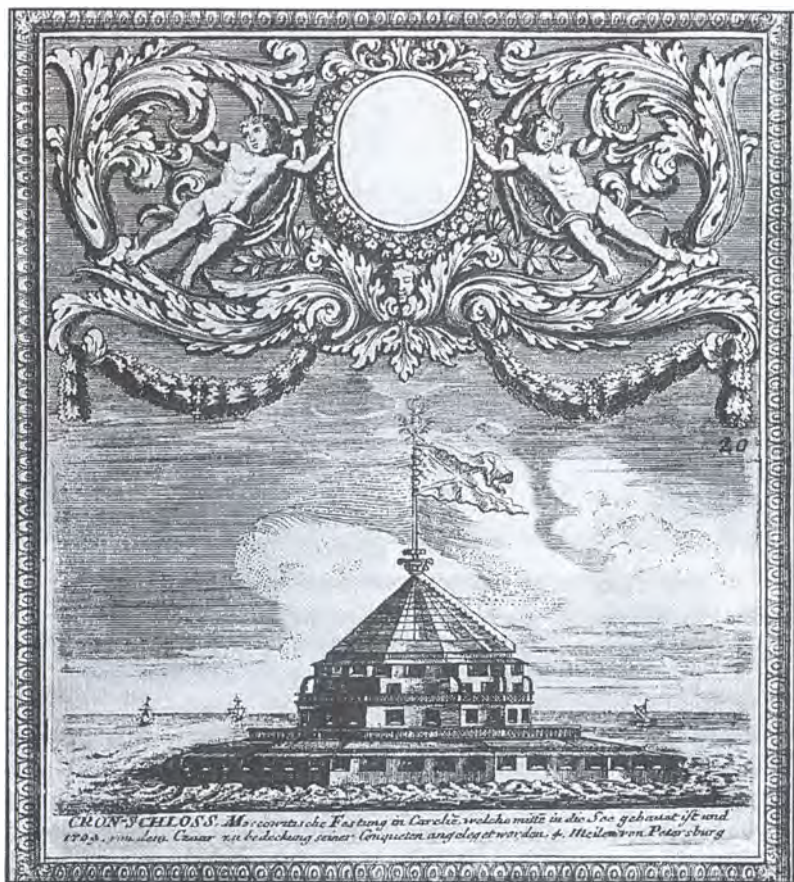
Попытки Швеции вернуть Ингерманландию

Отвоевав у шведов Ингерманландию, как мы уже заметили, Петр добился того, ради чего была начата Северная война — Россия получила выход к морю. В устье Невы был заложен морской торговый город, начато строительство верфей и созданы условия для организации мореплавания. Благодаря тому, что русские овладели Копорьем и Ямом, строящийся Петербург был огражден от внезапного нападения с юго-запада. Угрозу представляли два других направления: со стороны Карельского перешейка, где находились два крупных укрепленных шведских пункта — Выборг и Кексгольм, которые вполне могли служить шведам базой для контрнаступления; и со стороны Финского залива, где крейсировала шведская эскадра адмирала Нумерса.

Ключевую роль в обороне невского устья со стороны моря сыграло спешно поставленное зимой 1703—1704 года укрепление — форт Кроншлот.

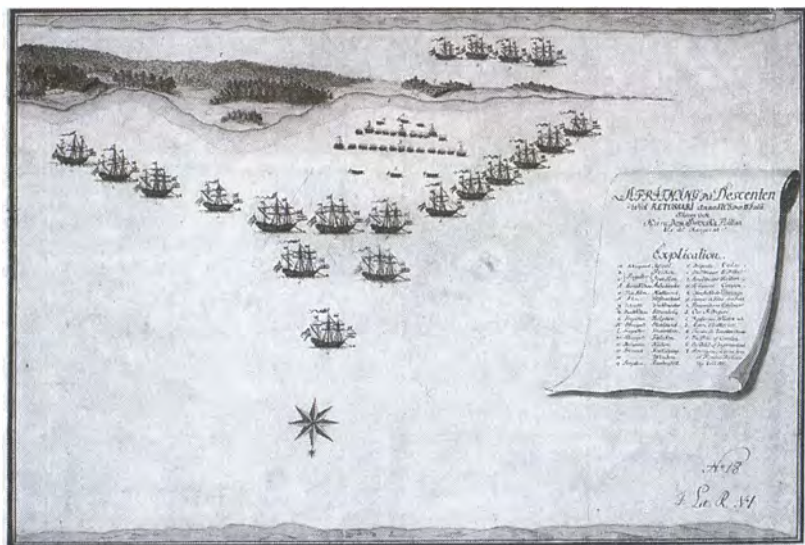
Когда Финский залив замерз и шведская эскадра удалилась на зимовку в Выборг, на льду у отмели, тянувшейся от южного берега Финского залива в сторону острова Котлин, были собраны несколько деревянных срубов, которые затем наполнили камнями и затопили. На них соорудили трехэтажную деревянную башню, вооружив ее 14 орудиями.

Форт Кроншлот. Гравюра Г. Боденера. 1709 г.

Укрепление получило название Кроншлот — «Коронный замок». Установленные в Кроншлоте и на Котлине пушки простреливали все пригодное для прохода больших кораблей пространство залива.

В начале июля 1704 года со стороны Выборга к Петербургу приблизилась крупная группировка шведов, возглавляемая генерал-лейтенантом Георгом Юханом Майделем. Выйдя к Неве, шведский корпус разделился: часть осталась возле уже наполовину разрушенных укреплений Ниеншанца, ожидая, по-видимому, поддержки с моря, другая часть направилась к Шлиссельбургу.

Изображение высадки десанта у острова Ретусаари 15 июля 1705 г. Шведский рукописный план. 1705 г. Показана западная оконечность острова Ретусаари (Котлин) с русскими батареями и расположение кораблей шведов во время безуспешной попытки высадиться на остров

Пришедшие в залив для поддержки сухопутных войск шведские корабли (ими командовал вице-адмирал де Пруа) оказались практически бессильны: русская артиллерия не дала им возможности ни приблизиться к устью Невы, ни высадить десант на Котлин. Столь же безуспешным был и сухопутный поход к Шлиссельбургу. Не причинив никакого ущерба, шведы вынуждены были вернуться назад.

Тем же летом русская армия развернула новое наступление в Прибалтике и овладела Дерптом (24 июля 1704 г.) и Нарвой (20 августа 1704 г.), подчинив себе значительную часть Эстляндии.

В течение 1705—1708 годов шведы предпринимали несколько попыток вернуть себе устье Невы. Летом 1705 года они попытались закрепиться на Каменном острове, но были выбиты оттуда отрядами обер-коменданта Санкт-Петербурга Р. В. Брюса. Тогда же вице-адмирал К. Крюйс, мастерски используя береговую и корабельную артиллерию, отбил несколько атак шведской эскадры адмирала К. Т. Анкершерны. Летом 1706 года на Котлине возвели небольшую кре-

ГОРОДКОМЪ ШЕЛАДѢТЬ, КАКЪ ПАЛЕНЪННМЪ СОДНННТІА
 ЕЪ БОИМН БОИСКН, Н ОУЖЕ СКАЗЫВАНТЪ, ЧТО
 СОДНННСА, Н БОДѢТЪНХЪ ВСЕШЪ БОИСКА ~~Н~~ ЧАИЪ.
 ЛИТОВСКОМЪ ПОЛКНОМЪ ГЕТМАНЪ, ЧѢДТЪ КЪ СВОИМЪ
 БОИСКЪ ПО ЛИТОВСКИМЪ БРѢТА, БОИСКО ШЕЛЕСКОМЪ
 ПО СКАКѢ СЕКРЕТАРЪ ОУДО ЧАСТІНЪ КЪ КАЗИМЕРѢ,
 ЧАСТІНЪ КЪ САНДОМЕРѢ СТОИТЪ, Н СКАЗЫВАНТЪ
 ЧТО ЧРЕ БІАНИКЪН ПОШО БЪ ПРѢШОМЪ ЗІМАН ПОИДЕТЪ.
 ПОЛѢЗАЪ НАШЪ ВНОБА ШШЕДШЕЪ СОБРАНИИХЪ
 ВОЛОХУВЪ БОЛШОМЪ ЧАСТѢ СМЕАН, ННЕСКОЛКО ЕЪ НХЪ
 ПЛАТЪ БЪ ПОЛКОМЪ ОБОЗѢ ПОВѢСАН.
 ИЗЪ НИНА ВОИГЕРМАНАДСКОМЪ ЗІМАѢ ОКТЯБРѢ БЪ СІ ДНѢ.
 МЫ ЗДЕКА ЖИВІМЪ БЪ СѢДНОМЪ ПОСТАНОВЛЕНІИ, ПОНИЖЕ
 МОСКВА ЕЪ ЗДЕШНЕМЪ ЗІМАѢ ВЪШО НЕ ДОБРО
 ПОСТѢПАЕТЪ, Н ДАА ТОГШЪ МНОГІЕ ЛОДН Ш СТРАХА
 ШЕЛѢ БЫНБѢРКА Н БЪ ДІНАЛАНДСКИМЪ ЗІМАН ОУХОЛАТЪ,
 ВЗЛѢЪ ЛЪЧШІЕ ПОЖИТІИ ЕЪ СОБОМЪ.
 КРЕПОСТЬ ОРЕШЕНКА ВЫСОКАА, КРѢГОМЪ ГЛѢБОКОМЪ
 ВОДОМЪ ШЕЛАТАА, ЕЪ МЪ ВЕРТАХЪ ШЕЛѢ, КРЕПКОШЪ
 Ш МОСКОВСКИХЪ БОИСКЪ ШСАЖІНА, Н ОУЖЕ БОЛШН ~~Н~~
 ВЫСТРЕЛШЕЪ ИЗЪ ПОШЕНКА ВЛѢДѢ ПО Н
 ВЫСТРЕЛШЕЪ БЫЛО, Н ОУЖЕ БОЛШН, АФ БОМЪ
 ВЫБРОСАНО, НО ПО СЕ ВРЕМѢ НЕВЕЛІКОМЪ ОУБАТОКЪ
 ОУННІАН, А ЕЩЕ МНОГШ ТРѢДШЕЪ НАМѢТН БОДѢТЪ,
 ПОКАМѢТЪ ТЪ КРЕПОСТЬ ШЛАДАНТЪ.
 ИЗЪ НАУБА, ОКТЯБРѢ БЪ СІ ДНѢ. СЕНТАБРѢ БЪ СІ ДНѢ.
 МОСКОВСКИЕ БОИСКА ~~Н~~ ЧАСЕВЪКЪ НА СІН

Страница газеты «Ведомости» за 2 января 1703 г.
 с сообщением из Ниена

постъ Александр-шанец, чем было положено начало строительству оборонительных сооружений Кронштадта.

Очень опасной для Санкт-Петербурга стала шведская операция августа 1708 года, когда получившая подкрепление группировка под командованием генерала Георга Любеккера выдвинулась из Финляндии, смогла форсировать Неву в среднем течении и закрепиться на ее левом берегу вблизи устья реки Тосны. Несмотря на свое численное превосходство, группировка генерал-адмирала Ф. М. Апраксина не смогла воспрепятствовать противнику, и в течение

Титульный лист газеты «Ведомости» за 28 июня 1711 г.
с видом Санкт-Петербурга, выполненным А. Ф. Зубовым

полтора месяцев шведы были хозяевами положения в южной части Ингерманландии, от Ладожского озера до Наровы. Ситуация разрешилась тем, что шведское командование, получив от своих разведчиков перехваченное фальшивое письмо, в котором сообщалось о якобы посланных царем Апраксину подкреплении, поверило тому и приняло решение спешно отступать. Чтобы избежать необходимости вновь форсировать Неву, шведы двинулись к южному берегу Финского залива, где в районе Лужской губы они стали грузиться на суда эскадры Анкершерны. Когда боль-

шая часть корпуса Любеккера была эвакуирована, его остатки атаковали превосходящие силы Апраксина и практически полностью уничтожили шведов.

Тем временем на основном театре военных действий в Польше Карл XII одерживал победу за победой. Выходя к границам России, он планировал поход на Москву; в случае успеха, в котором король, судя по всему, не сомневался, все земли, потерянные шведами в Прибалтике, могли бы возвратиться по мирному договору. Таким образом, Полтавская победа действительно решила судьбу Невского края.

Дальнейшие события Северной войны, длившейся после Полтавы еще 14 лет (боевые действия, правда, велись с долгими перерывами), только укрепили положение Ингерманландии в составе России: были подчинены Эстляндия и Лифляндия, находившаяся у шведов часть Карелии, обширные территории в Финляндии. Единственным событием, ставившим северные завоевания Петра под угрозу, оказался катастрофически неудачный Прутский поход, однако, его последствия русским удалось достаточно счастливо уладить дипломатическими средствами.

Ништадтский мир, заключенный «на вечные времена» 30 августа 1721 года, закреплял за Россией все ее завоевания в Прибалтике, за исключением большей части Финляндии, которая была возвращена Швеции.

Документ № 6

ВЫДЕРЖКИ ЗА 1703 ГОД ИЗ ПЕРВОЙ ПЕЧАТНОЙ РУССКОЙ ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ»

«Ведомости» № 1 от 2 января 1703 года:

Из Ниена во Ингерманландской земле октября в 16 день.

Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва¹ в здешней земле зело не добро поступает, и для того многие люди от страха отселе в Выйбурк² и в финляндскую землю уходят, взяв лучшие пожитки с собою.

---

¹ Имеется в виду Московское государство.

² То есть Выборг.

Крепость Орешек высокая, кругом глубокою водою обьятая, в 40 верстах отселе, крепко от московских войск осажена, и уже болши 4000 выстрелов из пушек вдруг по 20 выстрелов¹ было, и уже болши 1500 бомб выброшено, но по се время невеликой убыток учинили, а еще много трудов имети будут, покамест ту крепость овладеют.

«Ведомости» № 3 от 15 января 1703 года:

Из Риги пишут ноября в 18 день.

Замок Нотенбург 14 дней оборонялся и 3 приступа отбил, так что число осадных людей, которое в начале облежания 400 человек сочинило², до 66 здоровых людей убавило, когда полковник Шлиппенбах³, комендант того места, принужден был знак к здаче подать <...>. Полковник Аполлов, губернатор Нового Шанца⁴, увидев, что сей город осажден быти имел, оной сжечь приказал, как и магацин⁵, которой тамо собран был к пропитанию войска на четыре месяца. Генерал Крониорт с своим войском в финскую землю пошел.

«Ведомости» № 15 от 15 мая 1703 года:

Из Шлютенбурга мая в 10 день.

Московское войско между иными славную свейскую⁶ крепость Канцы (у которой изрядная карабелная пристань) за Божию помощь взяли в мая в 1 день. Потому что хотя и многое число было осадных людей, однакоже от пушечной стрельбы и от метания бомб принуждены знак к здаче учинить, и по прошению их пожалованы животом отпущены на волю, и московское войско вошло в крепость <...>.

«Ведомости» № 25 от 11 августа 1703 года:

Из Нарвы июня в 14 день.

Полковник и комендант Апелов Шанец московскому генералу Борису Петровичу Шереметеву, <после того> как

---

¹ Речь идет о более 200 залпов из 20 орудий.

² То есть «число осажденных, которое в начале осады составляло 400 человек».

³ Комендантом Нотебурга был подполковник Густав Вильгельм фон Шлиппенбах, родной брат генерала В. А. фон Шлиппенбаха.

⁴ То есть Ниеншанц, который называли также Канцы, Шанец.

⁵ Магацин (магазин, магазейн) — склад военных запасов.

⁶ То есть шведскую.

он уже 1075 бомб в него вбросал, и 1500 человек под ним оставил, по договору здать принужден.

Из Копенгагена июля в 13 день.

Из Лифляндии пишут, что его царское величество пять миллионов ефимков дать обещал, чтоб крепость Новый Шанец из основания сильнее и крепче построить, и место тое велико и многолюдно учинить намерен.

Седьм свейские фрегаты под Новый пошли было Шанец, и для того Москва мелкими судами с две тысячи человек ратными людьми на шведов набежав, два фрегата взяли, однакоже комендор на том бою убит, и царское величество, видя то, зело похвалил их мужество. Ожидают туда ж новых русских фрегат от Ладожского озера, на всякой по двадцати четыре пушки и идти им на море. Такожде его царское величество накрепко заказал всем высоким и нижним воинским людям, чтоб в Лифляндах и Ингерманландах впредь никто ничего не жег, и для содержания указа, иным на образец, неких калмыцких татар, которые противно указу чинили, казнить велел.

«Ведомости» № 26 от 24 августа 1703 года:

Из Риги июля во 2 день.

Из Нарвы подорожные возвещают, что его царское величество не далече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары, которые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, так же бы персицкие и китайские товары туда же приходили.

«Ведомости» № 29 от 4 октября 1703 года:

Из Риги августа в 24 день.

Его царское величество по взятии Шлотбурга в одной миле от туды ближе к Восточному морю¹, на острове новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков², и тое крепость на свое

---

¹ Восточное море (Ost-See) — распространенное в то время в Европе название Балтийского моря.

² То есть землекопы. Указанное здесь количество рабочих историк Е. Анисимов считает завышенным.

государское именование прозванием Питербургом обновити указал.

«Ведомости» № 31 от 21 октября 1703 года:

В Колывань¹ тридесять галанских кораблей пришло, из которых кораблей осмь в Шлотбурх пойдут, но ради опасения при Колывани придерживатися будут, дондеже от вицеадмирала Нумерса ведомость получают.

«Ведомости» № 37 от 15 декабря 1703 года:

В ноябре месяце пришел к Санктпитебурху карабль галанской с товары, с питьями и с солью, на котором был шипер² и несколько матросов, и тот карабль по повелению господина губернатора³ принят по обыкновению, и за приход подарено вышепомянутому шиперу за столом в дому его губернаторском пять сот золотых, а матросом, кои с ним были, по триста ефимков⁴ коемуждо⁵, и при том сказано ему во обнадеживание других, естли по том другой карабль туда придет, и тому, кто на том карабле, дано будет триста золотых, такожде есть ли и третий карабль придет, дано будет сто пятьдесят золотых, и с тем тот вышепомянутой карабль от Санктпитебурха отпущен в належащий ему путь со удоволствованием, а товары все, которые на том карабле были, куплены повольною ценою.

(Текст печатается по изданию: Ведомости времени Петра Великого. Вып. I. 1703 — 1707 гг. СПб., 1903. Орфография, пунктуация и написание цифр приближены к современным нормам.)

---

¹ Русское название Ревеля (Таллина).

² То же, что шкипер.

³ Шлиссельбургским и Шлотбургским губернатором был назначен в мае 1703 г. А. Д. Меншиков.

⁴ Русское название немецкой серебряной монеты иоакимсталера.

⁵ То есть каждому.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Ингерманландия — Санкт-Петербург — Россия

В результате Северной войны Ингерманландия была присоединена Россией и прекратила свое существование в качестве отдельного геополитического субъекта. Раньше, даже находясь в составе более крупного государства, будь то Новгородская республика или Шведское королевство, этот край воспринимался извне и изнутри, как достаточно четко очерченное этнотерриториальное образование — Водская и Ижорская земля, или Водская пятина, или Ингерманландия, — сохраняющее известную самостоятельность. С появлением на карте России Санкт-Петербурга Ингрия с нее исчезает. Правда, происходит это постепенно; сочинив оду, посвященную пятидесятилетию основания новой столицы, В. К. Тредиаковский назвал ее «Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу», а в работе Уложенной комиссии, собиравшейся в Москве в 1767 году, принимал участие депутат от Водской пятины Н. Е. Муравьев. Довольно долго в России продолжал использоваться герб Ингерманландии, введенный в употребление шведами в начале XVII века — пересекающие лазоревое поле по диагонали (справа налево и сверху вниз) две параллельные кре-

постные стены серебряного цвета с речным потоком между ними и тремя ядрами на нижней из стен¹. В 1730 году этот герб в числе других был утвержден указом Правительствующего Сената, однако впоследствии его вытеснил из употребления герб Санкт-Петербургской губернии.

Заметим, что судьба других прибалтийских областей (Лифляндии, Курляндии, Эстляндии, Финляндии), в ряду которых находилась Ингерманландия, сложилась иначе: обладая в разные периоды разной степенью автономности, эти земли сохранили свою особость и в итоге обрели государственную независимость.

Созданная Петром I Ингерманландская губерния (с 1710 года — Санкт-Петербургская) сразу же чрезвычайно разрослась: к ней присоединили Новгород, Старую Русу, Великие Луки, Торопец, Холм, Олонец, Белоозеро, Пошехонье, Каргополь, Псков и часть Эстляндии. Эта губерния, как и остальные десять, была позднее разделена на провинции, которые с екатерининского времени сами стали называться губерниями. Границы Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII—XIX веке в основном совпадали с границами нынешней Ленинградской области.

Санкт-Петербургская губерния никогда не представляла собой цельного и органичного образования и не имела хоть сколько-нибудь самостоятельного значения, ее воспринимали как более или менее близкие окрестности российской столицы. Весь тот мощный геополитический потенциал, которым обладал Невский край, теперь оказался сконцентрированным и стал реализовываться в одной-единственной точке — городе Санкт-Петербурге.

В составе России Санкт-Петербург оказался не просто форпостом государства, не просто портом, не просто центром торговли и кораблестроительства. Роль его, в сущности, совпадала с той геополитической функцией, которую на протяжении веков выполнял Невский край, но теперь волею Петра I она была в сотни раз усилена. По причине своего уникального географического положения эта территория всегда являлась местом, через которое с наибольшей интен-

---

¹ В конце XVII в. цвета Ингерманландского герба были изменены: поле геральдического щита стало золотым, а стены — красными. В таком виде этот герб в некоторых случаях используется и сейчас.

Аллегория, изображающая освобождение Гераклесом Тесея из преисподней, помещена на карте, отмечающей российско-шведскую границу по Ништадтскому миру. Гравюра П. Пикарта. 1724 г.

сивностью происходило проникновение европейских культурных ценностей вглубь континента. Но при этом Невский край жил своей жизнью, которая не подчинялась всецело этой функции. Сделав Санкт-Петербург точкой, опираясь на которую царь-реформатор намеревался преобразовать всю огромную страну, по сути, он лишил его самодостаточного бытия, поставил существование города в зависимость от выполняемой им роли «окна в Европу», роли идеального города, образца для всей остальной страны.

Обеспечить выполнение этой программы должно было объявление Санкт-Петербурга столицей России. В течение многих десятилетий Санкт-Петербург имел огромное значение и для России, и для всего мира, и это значение было целиком связано с его столичностью. Точнее всех это свойство города на Неве выразил Андрей Белый в романе «Петербург»: «Если же Петербург не столица, то — нет Петербурга».

Санкт-Петербург и Москва: две столицы

На вопрос: «Когда Санкт-Петербург стал столицей России?» — возможны самые разнообразные ответы, включая и полярно противоположные: «Санкт-Петербург стал столицей России в момент своего основания» и «Санкт-Петербург никогда не являлся столицей России». Разумеется, ни один из этих ответов не будет исчерпывающим.

В исторической литературе встречается указание на то, что царь Петр в письме к Меншикову уже в 1704 году называл строящийся Санкт-Петербург столицей. Однако внимательное прочтение текста этого письма позволяет увидеть ошибку историков: говоря о столице, царь имел в виду Москву. Тем не менее, зная нелюбовь Петра к Москве, можно предположить, что желание перенести российскую столицу вполне могло возникнуть еще до того, как русская армия появилась на берегах Невы, и что, таким образом, Петербург изначально строился именно в качестве новой столицы. Но это не более чем предположение, не подтвержденное никакими документальными свидетельствами. Более того, никаких специальных документов, узаконивающих перенос столицы из Москвы в Петербург ни Петром I, ни его последователями, издано не было. Это произошло как бы само собой.

Е. В. Анисимов выделяет такие ступени становления столичного статуса Санкт-Петербурга:

— Переезд на берега Невы царской семьи и двора: царевича Алексея, сестер царя, его невесток и племянниц, приехавших в Петербург в апреле 1708 года, но потом не раз уезжавших и подолгу живших в Москве; осенью 1710 года в Петербурге состоялась свадьба племянницы царя Анны Иоанновны и герцога курляндского Фридриха Вильгельма.

— Обретение городом официального дипломатического статуса: уже в ноябре 1704 года Петр принимает в меншиковском Посольском доме на Городовом (Петербургском) острове турецкого посла; в 1709 году в Петербург приехал датский посланник Ю. Юль, в 1710-м — саксонский посланник Ф. Фицрум, в 1712-м — английский посол Ч. Уитворт, в 1715-м — француз Лави, в 1716-м — голландец де Би; все эти дипломаты, однако, не находились на берегах Невы по-

Петр I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади Петербурга.
Портрет на эмали Г. С. Мусикийского. 1723 г.

стоянно, а сопровождали царя в его многочисленных поездках по стране; в 1711 году в Петербурге побывало посольство из Персии.

— Размещение здесь органов высшей государственной власти: приказов (затем коллегий), Сената и Синода. Приказы перемещались в Петербург постепенно в течение долгого времени; Сенат, при своем учреждении располагавшийся в Москве, выезжал по требованию Петра в Петербург в 1711 и 1712 годах, окончательно переехал в конце 1713 года; коллегии и Синод изначально находились в Петербурге.

Растянутость всех этих событий во времени не позволяет назвать сколько-нибудь точную дату «превращения» Санкт-Петербурга в столицу Российского государства (большинство историков условно считают этой датой 1712 год). Никакого указа об этом Петром не давалось. Первый официальный документ, в котором Москва по своему статусу принижена по сравнению с Петербургом, — указ 1714 года

«О запрещении на несколько лет строить во всем Государстве каменные дома» (право на каменное строительство было возвращено Москве лишь через четыре года).

Москва на протяжении всего «петербургского» периода в русской истории продолжала оставаться символом русской нации, ее сердцем (вспомним слова Наполеона: «Если я займу Киев, то этим я возьму Россию за ноги, если Петербург, то — за голову, а если Москву, то этим поражу Россию в сердце»). Такая важнейшая для монархического государства церемония, как коронация императора или императрицы, всегда в России происходила только в Московском Кремле, в том числе и состоявшаяся при жизни Петра коронация его супруги Екатерины. Кроме того, именно Москва в большинстве случаев была местом официального празднования главных событий в жизни царской семьи, таких как бракосочетание, рождение и крещение детей, именины. Словосочетание «царствующий град» продолжало употребляться по отношению к Москве не только в качестве художественной формулы, но и в официальных документах. Другое официальное наименование — «первопрестольная» — подчеркивало не только столичный статус Москвы, но и ее первенство по отношению к Санкт-Петербургу.

Наблюдательный Фоккеродт, за двадцать пять лет своего пребывания в России неплохо ее изучивший, писал об отношении русских к обеим столицам: *«...сколько бы усилий ни употреблял русский двор и какие бы ни выдумывал средства, чтобы русских привязать к Петербургу, никогда, однако ж, не дойдет до того, чтобы они добровольно предпочли это место своей так нежно любимой Москве, и как только разрушится плотина, удерживающая их в Петербурге, и им дозволено будет последовать своей привязанности, они непременно воротятся к могилам своих предков»*. (Забегая вперед, скажем, что такое случалось в русской истории дважды: в 1728 и 1918 годах.) Мысль о том, что Петербург чужд России, а Москва — близка, сотни и тысячи раз повторялась и повторяется до сих пор писателями, публицистами, политиками.

Столица государства является, подобно гербу, одним из самых значительных его символов и выступает как часть, заменяющая собой целое, или часть, воплощающая сущность целого. Не случайно до появления Петербурга сама

страна обычно называлась Московией, а ее жители — московитами. Но при этом столица может представлять сущность страны уже реализованной (в этом случае столица как бы апеллирует к прошлому, к истокам национального самосознания), а может — желаемой (в этом случае она демонстрирует будущее, перспективу, является своего рода программой). Столицей первого типа всегда определялась в России Москва, столицей второго типа стал построенный Петром I Санкт-Петербург, и в нем была воплощена программа построения Российской империи.

Идеология империи

Заключение Ништадтского мира было ознаменовано в России серией торжественных мероприятий, среди которых была и состоявшаяся 22 октября 1721 года церемония *«поднесения государю царю Петру I титула императора все-российского и наименования: Великого и Отца отечества»*. С этого момента государство, подвластное увенчанному новыми титулами монарху, стало называться Российской империей, уподобляясь, таким образом, Древнему Риму, Византии и Священной Римской империи¹. Прежде всего, эти нововведения, как и многие другие, были призваны, по словам известного культуролога В. М. Живова, «создать образ новой России, порожденной Петром как демиургом²: новая Россия обретает достоинство вселенской империи, подобной Римской, а ее верховный властелин наделяется божественной властью, совмещающей сакральные мотивы античного язычества и византийских теократических концепций». Такой смысл был отчетливо выражен в речи, написанной

---

¹ Священная Римская империя германской нации — средневековое государственное образование, объединявшее большинство немецких княжеств, часть Италии, Чехию, Бургундию, Нидерланды и др. Формально просуществовала до 1806 г.

² Демиург — тип мифического героя, создатель культурных и природных объектов, людей, в некоторых случаях — всего мироздания.

вице-канцлером П. П. Шафировым и произнесенной при вручении царю новых титулов канцлером Г. И. Головкиным; в ней говорилось, что «*неусыпными трудами*» его величества «*вернии подданные из тмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены*». Сакральный характер власти современная исследовательница Л. С. Гатагова называет первым из основных системных признаков государства имперского типа.

Но кроме такого наиболее общего, мифологического значения в понятие «империя» вкладывался и целый комплекс более конкретных характеристик государства, которые вовсе не обязательно в реальности были присущи России в то время, но приписывались ей петровской идеологией, старавшейся, чтобы они вошли в сознание и подданных царя, и иностранцев как действительные черты российской державы.

Так, всячески подчеркивалась принадлежность страны к европейскому культурному пространству, к числу «*политичных народов*», как было сказано в уже упоминавшейся речи Шафирова — Головкина. В своем глубоком исследовании идеологии петровского времени Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский показали, что «официальный титул императора <...> отчетливо указывал на римскую традицию и одновременно свидетельствовал о разрыве с русскими титулами». Слово «царь» в Древней Руси обозначало правителя, стоящего выше князя, и в этом значении оно применялось, в первую очередь, к ханам Золотой Орды, от которых в качестве титула и перешло «по наследству» к Ивану III и его потомкам. Несмотря на то, что этимологически это слово восходит к имени Гая Юлия Цезаря, то есть фактически к тому же источнику, что и слово «император», в контексте Петровской эпохи эти слова, как пишут Лотман и Успенский, «воспринимались не как синонимы, а в качестве своего рода антонимов». Таким образом, принятие Петром I титула императора в значительной мере призвано было продемонстрировать принадлежность России к европейской культурной традиции.

Другим обязательным свойством империи считались большие географические размеры и вытекающее отсюда обилие различных народов и племен, объединенных под благодетельной властью монарха. Огромной территорией Россия

Фронтиспис «Книги Марсовой» с портретом Петра I.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1712 г.

обладала, разумеется, и в допетровское время. Однако среди заслуг Петра территориальные приращения занимали не последнее место. По Ништадтскому миру прибалтийские земли уже юридически становились частью России, именно поэтому объявление ее империей было приурочено к празднованию окончания войны. Как заметила историк Е. А. Погосян, характерно, что титул императора даже еще до того, как он официально был принят царем, нередко применялся по отношению к нему в сочетании со словом «присноприбавитель». Например, под портретом царя работы А. Ф. Зубова, помещенном на фронтиспise «Книги Марсовой» (1712), прославлявшей победы над шведами, была сделана подпись: «Петр Первый, император присноприбавитель, царь и самодержец всероссийский».

Что касается многонациональности России, то Петр не упускал случая продемонстрировать Европе эту особенность своей державы, порой даже с явным перехлестом. Так, зимой 1716 года он подарил прусскому королю 30 обученных своему делу гренадеров, собранных, как сказано в мемуарах сопровождавшего их в Берлин П. Г. Брюса, *«из разных частей царских владений <...>. Среди них был один индус, прежде ухаживавший за слоном, один турок, два перса и*

три татарина». В следующем году царь писал из Амстердама архангельскому вице-губернатору А. А. Курбатову: «По получении сего указу, сыщите двух человек самоедов¹ молодых ребят, которые б были дурная рожищем и смешняя, летами от 15 до 18 в их платье и уборах, как они ходят по своему обыкновению, которых надо послать в подарок грандуке Флоренскому², и как их сыщите, то немедленно отдайте их тому, кто вам сие наше письмо объявит». Стойбище таких же экзотических подданных русского царя показывалось иностранным гостям на Петровском острове в Петербурге (свою экскурсию туда описал ганноверский резидент при русском дворе Ф.-Х. Вебер; см. также документ № 7). Помимо того, что данных самоедов демонстрировали в качестве живых «куриозов», они во время праздничных торжеств принимали участие в маскарадных шествиях, которые несли огромную идеологическую нагрузку.

Традиция «этнографических» маскарадов изначально сложилась при венском императорском дворе: участники процессий одевались в костюмы разных народов, являющихся (или бывших в прошлом) подданными Священной Римской империи, и таким образом представляли, как пишет Е. А. Погосян, «реальную и условную географию империи». Петр I принимал участие в таком костюмированном шествии, находясь в Вене в составе Великого посольства. И конечно, провозглашение России империей не могло обойтись без подобного маскарада. Точнее сказать, он в какой-то степени даже подготавливал принятие Петром I императорского титула — первое маскарадное шествие, открывавшее собой почти двухмесячное празднование Ништадтского мира в Петербурге, состоялось 10 сентября. Одно только перечисление костюмов, в которые были наряжены участники того маскарада, занимает в дневнике одного из них — камер-юнкера Ф. В. Берхгольца — несколько страниц. Кроме традиционных участников петровских потех: князя-папы, чья свадьба была центральным событием маскарада, и князя-кесаря со свитой, карликами, Бахусом, Нептуном и пр., — в тот день вокруг Троицкой площади друг за дру-

---

¹ Самоеды — старое русское название нескольких народов, обитающих на севере нашей страны от Кольского полуострова до Сибири.

² Великий герцог Тосканы Козимо III Медичи.

гом прогуливались арабы, негритянки, бояре в старинных русских одеждах, испанцы, французские виноградари, гамбургские бургомистры, римские воины, турки, индейцы, персияне, китайцы, капуцины, доминиканцы, венецианцы, евреи, а также различные ремесленники. Царь, возглавлявший процессию и подававший сигналы барабанным боем, был наряжен голландским матросом; Екатерина в пару ему — фризской крестьянкой.

Конечно, говорить о том, что маскарад напрямую символизировал множество народов, населяющих российское государство, было бы неправильно — большая часть нарядов относилась к другим странам и континентам. Смысл этого действия был шире: выражалась характерная для культуры барокко идея множественности вообще, безграничного разнообразия мира и этнического разнообразия в частности.

К этому, впрочем, прибавлялся еще один идеологический оттенок. Вот что говорится об одном из маскарадов в «Достопамятных повествованиях и речах Петра Великого»¹: *«Его величество, сделав маскарад публичный, состоящий из одежд различных народов, и сам присутствуя при том в голландском шкиперском платье, ездил с государынею и с прочими в масках по городу и при сем случае ей говорил: „Радуюсь, видя в самом деле в новой столице разных стран народов“. Сказал сие в таком чаянии, что тогда уже чужестранные в Петербург как сухим путем, так и морем приезжать начали, чем он был весьма доволен»*. Петровский маскарад, таким образом, свидетельствовал еще и об открытости российской державы для иностранцев. В этом также имелось противопоставление новой государственной идеологии существовавшему прежде в России недоверию к чужеземцам и иноверцам (патриарх Иоаким, например, в начале царствования Петра наставлял царей: *«Да никакоже они, государи, попустят кому христианом православным в своей державе с еретики, иноверцами, с Латины, Лютеры, Калвины, безбожными Татары общения в содружестве творити, но яко врагов Божиих и ругателей церковных, тех удалятися»*).

---

¹ Имеется в виду книга о Петре I, написанная от имени близкого к царю токаря и механика А. К. Нартова его сыном А. А. Нартовым (это доказано исследователем рукописи книги П. А. Кротовым).

Открытость для иностранцев, а точнее, целенаправленное привлечение их в Россию неизбежно влекло за собой утверждение здесь такого фундаментального для имперского сознания принципа, как свобода совести. Изданный Петром I в 1702 году манифест «О вызове иностранцев в Россию» декларировал: *«Мы, при данной нам силе от Всевышнего, принуждения над совестью человеческими себе не восприемлем и охотно соизволяем, да каждый христианин на собственный свой ответ о попечении спасения своего трудится, тако мы будем накрепко то повелевати, дабы по прежнему обыкновению никто в вышепомянутом своем как явственном, так и приватном отправлении веры прегрешения не имел, но при том отправлении от всякого обеспокоивания оборонен и притом содержан был»*. «Веротерпимость составляла одну из славных основ империи, созданной Петром I», — эти слова А. И. Герцена приводит в своей статье «Петр I и веротерпимость» академик А. М. Панченко.

Мотив открытия для иностранцев московского «затворенного царства» связывался в имперской идеологии петровского времени с мотивом учения у иностранцев, просвещения дикости. Вспомним, например, любимый Петром эвфемизм для обозначения шведов — «учители». В этом отношении показательна роль уже упоминавшихся нами самоедов в общей картине новой империи. Представители «диких народов» воплощали в себе объект просвещения (и контрастом подчеркивали просвещенность, «европейскость» самого императора, его окружения и его столицы). «С Петра Россия считает своей миссией насыщение своих безбрежных пространств и просвещение своих многочисленных народов не старой, московской, а западноевропейской цивилизацией, универсальной по своим тенденциям», — писал выдающийся русский мыслитель Г. П. Федотов. Под непросвещенностью, кстати, понималось не только невежество, незнание наук и искусств, но и преувеличенная роль религиозного начала в государственной и общественной жизни, которая была характерна для московского периода русской истории. Империя Петра Великого становилась светским, секуляризованным государством.

Идея империи, принятая Петром I в качестве главного ориентира государственного устройства, включала в себя и принцип всеобщей обязательности закона. В идеале импе-

рия должна быть тем, что сегодня называют правовым государством. Часто цитируется фраза царя, дошедшая до нас в изложении Я. Штелина: *«Когда государь повинуется закону, то да не дерзнет никто противиться оному»*. О том же сказано в трактате «Правда воли монаршей», написанном Феофаном Прокоповичем по поручению Петра I и фактически являвшемся законом Российской империи: *«Должен царь пецися¹ да будет истинное в государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданных себе»*. Если московские цари представляли собой хозяев, безраздельных владельцев страны со всеми ее землями и жителями, то в идеологии Петра монарх, подчиняясь закону, становился, разумеется декларативно, а не по сути, в некотором смысле слугой своих подданных: *«Я за мое Отечество и людей, и живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть»*, — писал он своему сыну Алексею.

Сложившаяся в России традиция неисполнения законов и произвола распоряжающихся властью не устраивала Петра I; многие его указы были направлены на борьбу с этим злом. В течение всего петербургского периода русской истории в каждом присутственном месте стояла небольшая деревянная призма под названием «зерцало», на гранях которой были помещены тексты указов Петра Великого, один из которых начинался со слов: *«Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тшятся всякия мины чинить под фортецию правды: того ради сим указом яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить...»*

Конечно, «правами гражданскими» Петр называл не совсем то, что понимается сейчас. Скажем, представление о праве его подданных на частную жизнь у него отсутствовало полностью. И тем не менее человеческое достоинство представляло для него ценность несравнимо большую, чем для его предшественников на российском престоле. Приве-

---

¹ То есть печься, заботиться.

дем характерную запись из нартовских «Достопамятных повествований и речей Петра Великого»: *«Его величество, отменяя старинные обряды, изъясляющие униженности человечества, в 1701 году, декабря 30 дня, запретил, чтоб не писать и не называть уменьшительными именами вместо полного имени Дмитрия Митькою или Ивашкою, чтоб не падать пред ним на колени и чтоб зимою, когда морозно, не снимать шляп и шапок с головы, проходя мимо того дворца, где обитает государь, говоря о сих обычаях так великодушно: „Какое различие между Бога и царя, когда воздавать будут равное обоим почтение? Колонопреклонное моление принадлежит Единому Творцу за те благодати, какими он нас наградил. К чему унижать звание, безобразить достоинство человеческое, а в жестокие морозы почесть делать дому моему бесплодную с обнаженную главою, вредить здоровье свое, которое милее и надобнее мне в каждом подданном паче всяких бесполезных поклонов?“»*

Современные исследователи проводят весьма отчетливую границу между двумя типами государств, традиционно называемыми империями. «Можно разделить такие многонациональные государства на восточные деспотии с принципом только лишь военного и тотального подавления <...> и на империи, которые предполагают некоторую самостоятельность личности и известную правовую ее защищенность, а также идею общего блага включенных в империю народов», — размышляет писатель и ученый В. К. Кантор. Московские цари, заложившие фундамент Российской империи, ориентировались в своей деятельности на образец первого типа, Петр I строил государство второго типа.

Нетрудно заметить, что многие черты, характеризовавшие — согласно воззрениям Петра и его окружения — имперское государство, такие как многонациональность, этническая и конфессиональная терпимость, открытость, уважение к закону, — были присущи и социальной среде, существовавшей на невских землях в новгородские, а затем в шведские времена. Означает ли это, что Российская империя, как она мыслилась Петру I, основывалась на том же типе политической культуры, который был свойствен ингерманландскому социуму? Ответ может быть дан только отрицательный, поскольку перечисленными качествами допет-

ровская политическая культура Невского края не исчерпывалась. Возможно, самой фундаментальной ее чертой было стремление ее носителей самостоятельно решать свою судьбу. Именно это стремление заставляло новгородцев изгонять одного князя и приглашать другого, а жителей Ингерманландии — посылать своих представителей в Стокгольм для отстаивания своих прав. Это стремление абсолютно не свойственно имперскому сознанию, базирующемуся, как мы помним, на обожествлении личности монарха, на представлении о его непогрешимости и изначальной благодетельности его власти. Империя (европейского типа) действительно предполагает некоторую защищенность личности, но источником этой защищенности является милость императора, а не государственные институты, действующие на основе свободного волеизъявления граждан. Поэтому любые свободы и права, даруемые империей своим подданным, имеют очень тесные рамки и весьма усеченный формат.

Кроме того, следует принять во внимание, что в петровской России даже эти ограниченные права и свободы оставались в значительной степени только декларациями, не гарантирующими ограничения произвола власти. Объявляя себя слугой своих подданных, Петр с фанатической преданностью сам служил вовсе не людям, а лишь абстрактному государству и требовал абсолютно от всех столь же ревностного служения. И. И. Неплюев, один из восторженных единомышленников царя-реформатора, передает в своих записках характерную его фразу: *«Служи верою и правдою, то в начале Бог, а при Нем и я тебя не оставим, тогда ты будешь иметь во мне отца»*. Таким образом, согласно петровской имперской идеологии, единственным оправданием существования любого человека являлась его полезность для государства. Количество и объем государственных налогов, податей и повинностей при Петре резко возросли; чего стоила одна только рекрутская повинность, на протяжении без малого 170 лет вызывавшая ужас у миллионов российских подданных. Даже монахини должны были приносить государству пользу — прясть или вышивать, а городские дураки, слепцы и калеки облагались налогом.

Служба «верой и правдой», с точки зрения имперского сознания, заключается не только в активной деятельности на пользу государству, но и в абсолютной лояльности со сто-

роны личности к государственной идеологии. Подтвердить такую лояльность может только тотальный контроль не только за поступками, но в идеале и за мыслями граждан. В этом отношении режим, который утвердился в России в петровское время, отличался особенной жестокостью. Например, священникам предписывалось доносить об антигосударственных замыслах, о которых им могло бы стать известно во время исповедей. Царский указ 1718 года «О донесении про тех, кто запершись пишет, кроме учителей церковных, и о наказании тем, кто знали, кто запершись пишет, и о том не донесли» грозил его нарушителям смертной казнью.

Уважение человеческого достоинства, объявленное упоминавшимся указом Петра о том, чтоб подданные не падали перед царем на колени и не снимали, проходя зимой возле дворца, шапок, по сути, являлось лишь формальной декларацией. Известны сотни примеров самых диких унижений, которым царь подвергал своих подданных. Так, на обязательных для посещения царских пирушек все без исключения гости силой принуждались пить водку, что нередко приводило к трагическим последствиям. Конечно, ни о каких гражданских свободах и правах применительно к Петровской эпохе говорить нельзя, и это уже тогда понималось многими вольнодумцами, особенно теми, кто побывал в европейских странах.

Для имперского мировоззрения главным достоинством государства, признаком его могущества являлись, как мы уже говорили, географические размеры, а это неизбежно вело к экспансионизму, стремлению присоединить к державе новые земли и распространить на их население отеческое покровительство императора. Разумеется, осуществлялась эта экспансия силою оружия, и любое сопротивление ей немилосердно подавлялось: имперское сознание благосклонно относится лишь к тем народам, которые мирно склоняют главу под защиту «дружеских штыков». Как только окончилась Северная война, присоединившая к России обширные территории в Прибалтике, начался Персидский поход, окончившийся завоеванием прикаспийских земель Дагестана и Азербайджана. Этим походом началось покорение Кавказа, потребовавшее в дальнейшем неисчислимых жертв.

Достаточно ограниченной была и веротерпимость империи Петра Великого. Лояльность и уважение в ней соблюдались лишь по отношению к тем конфессиям, в представителях которых царь видел необходимых для государства специалистов. Прочие же являлись весьма удобным источником увеличения государственных доходов. Облагались дискриминационным налогом и обязывались носить определенную одежду с особым знаком старообрядцы (в том случае, если они выражали несогласие лишь с церковными, а не с государственными установлениями; тех же, кто призывал к неповиновению «царю-антихристу», попросту казнили). Указом от 1713 года помещики и вотчинники мусульманской веры в случае отказа принять крещение лишались своего имущества, поступавшего в казну. Так что имперский европеизм петровской державы был во многом лишь видимостью; по своей сути петровская Россия оставалась азиатским деспотическим государством.

И тем не менее для всей России даже такое приобщение к европейской культуре, в том числе и культуре политической, было несомненным шагом вперед. Крупнейший русский философ В. С. Соловьев писал об этом следствии петровских реформ: «Сближение с Европой, которым мы обязаны Петру Великому, принципиальную свою важность имеет именно в этом: чрез европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т. д.»

Однако для Невского края, взятого в отдельности, превращение в средоточие имперского начала означало утрату важнейших черт его традиционной социальной культуры. Развивавшаяся здесь в новгородские, а затем в шведские времена культурная модель, которую мы раньше называли «бюргерской», сменилась имперской культурной моделью. Добавим к этому, что вхождение Ингерманландии в состав России повлекло за собой утверждение здесь крепостного права и исчезновение городских свобод и привилегий, основанных на магдебургском праве.

Ритуальное уничтожение Ниеншанца, о котором говорилось в предыдущей главе, должно было создать в сознании современников и потомков установку на то, что Санкт-Петербург построен на пустом месте, вознесся «из тьмы лесов, из топи блат». Эта установка была элементом грандиозного

мифологического построения об имперском универсуме и о его создателе, богоподобном царе-демиурге. Доимперское прошлое Невского края становилось, таким образом, как бы несуществовавшим, имперская культурная модель не просто вытесняла бюргерскую, она стирала всякую память о ней.

Имперские черты в культуре Санкт-Петербурга

«Он был рожден имперской стать столицей. // В нем этим смыслом все озарено», — писал о нашем городе поэт Н. М. Коржавин. То, что в последние годы публицисты и ученые называют «петербургским менталитетом», с петровских времен и до настоящего времени являлось и является, по сути дела, вариантом имперского сознания, обладающим всеми его базовыми характеристиками.

Хорошо известно, что с самого своего появления Петербург был многонациональным городом. Уже в первых описаниях строящегося города упоминается о нескольких национальных общинах, компактно разместившихся на невских берегах. Немецкая слобода располагалась на левом берегу Невы, вдоль нынешних Дворцовой набережной и Миллионной улицы (царь, кстати, выбрал место для своего Зимнего дворца именно в Немецкой слободе, да и Летний дворец тоже был выстроен поблизости). Возле Красного канала, проходившего по западному краю нынешнего Марсова поля, находилась Греческая слобода, населенная галерными мастерами и моряками. Квартал между Мойкой (Мьей) и Миллионной (Немецкой) улицами называли в начале XVIII века «Финскими шхерами» — здесь проживали финны и шведские военнопленные. На Васильевском острове в начале 2-й линии была Французская слобода, образовавшаяся после приезда в 1716 году в Петербург выдающегося французского архитектора Ж. Б. А. Леблона, вместе с которым прибыла целая команда мастеров и подмастерий — художники, декораторы, резчики, обойщики, литейщики, каретники, садовники и т. д. Там же, на Васильевском, уже

в петровское время появилась еще одна Немецкая слобода; в течение очень долгого времени этот остров считался местом обитания петербургских немцев. Об этом, в частности, напоминает одно из старейших кладбищ города — Смоленское лютеранское кладбище.

К северу от Кронверка расположилась Татарская слобода, где жили *«сплошь татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями»*. Автора «Точного известия о <...> крепости и городе Санкт-Петербург...» дополняет шотландец П. Г. Брюс, сообщающий в своих «Мемуарах», что здесь останавливались *«азиатские купцы, а именно армяне, персы, турки, татары, китайцы и индусы»*. Память об этой слободе сохранилась в названии Татарского переулка.

Русская слобода размещалась между началом современного проспекта Добролюбова и Мытнинской набережной. Так же называли и ряд домов возле Литейного двора между Невой и нынешней Шпалерной улицей — тут стояли дворцы вдовствующих цариц — Прасковьи Федоровны и Марфы Матвеевны, царевича Алексея Петровича и сестры Петра Наталии Алексеевны.

Нужно подчеркнуть, что, хотя представители разных наций и селились в петровское время компактными общинами, каждая из этих слобод, подобно Немецкой слободе в Москве, не была изолирована от остального города. Можно говорить лишь о некоторой внутренней замкнутости Русской слободы возле Литейного двора, где, как писал историк Петербурга П. Н. Столпянский, *«жили люди старинные, которые обращали свой взор не за море, не „в Немецчину“, а в глубь России, в Москву, и с нетерпением ожидали лишь того момента, когда, наконец, ими будут править по-старому»*. Однако здесь же стоял дом шотландца по происхождению Я. В. Брюса, человека совсем иного склада, одного из ближайших сподвижников Петра. В других слободах тем более можно было встретить людей любой нации: среди русских на нынешней Петроградской стороне жили финны, как указывает Л. Ю. Эренмалъм, швед, оказавшийся в русском плену. В Немецкой слободе у Адмиралтейства кроме царя жили и многие русские: Ф. М. Апраксин, А. В. Кикин, С. Л. Рагузинский (русский дипломат, родом серб). Все это, конечно, делало ранний Петербург столь же космополитич-

ным городом, как и древняя Ладога, как Ниеншанц, как многие портовые и столичные города Европы. И уже во второй четверти XVIII века большая часть национальных слобод в Петербурге исчезла, растворившись в общей разноязыкой массе горжан.

Не только разные народы, но и разные вероисповедания мирно уживались друг с другом в петровском Петербурге. Одновременно со строительством Петропавловского собора в крепости рядом с ним сооружается лютеранская церковь Святой Анны. Через некоторое время кирху ставит во дворе своего дома в Немецкой слободе вице-адмирал К. Крюйс и ее прихожанами становятся многие окрестные жители. Пастор этой церкви В. Толле, как свидетельствует не раз упоминавшееся нами «Точное известие...», *«был благочестивым и ученым мужем, знавшим 14 языков и обычно читавшим проповеди на немецком, голландском или финском — для живущих там финнов»*. Впрочем, для лютеран не только проповеди, но и богослужения на национальных языках — норма. А в церковной жизни раннего Петербурга попадались явления совсем уникальные. Так, в приложенном к «Точному известию...» описании бракосочетания герцога Курляндского Фридриха Вильгельма и российской принцессы Анны Иоанновны сказано, что обряд венчания проводил русский архимандрит (это был Феодосий Яновский) *«на русском языке, но потом ему пришлось повторить на латинском»*. Это было невообразимое для ортодоксальной церкви кощунство: православное таинство совершалось на «бесовской» латыни! (В Петербурге впоследствии такое случилось, по крайней мере, еще один раз — при венчании дочери Петра Анны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха.) Вообще же, как сообщает тот же источник, Петр *«весьма желал бы по примеру иных более умеренных христианских народов, чтобы повсеместно читались проповеди на русском языке, поскольку русское богослужение состоит в основном в чтении и пении мессы; а так как библия у них имеется только на славянском языке, к тому же в не слишком хорошем переводе, то перевести ее на обычный общепринятый русский язык, чтоб ее легко могли понимать самые простые и ограниченные люди»*. Таким образом, те же тенденции, которые мы замечали в православных общинах шведской Ингерманландии, а еще рань-

ше — в Великом Новгороде, теперь проявились в петровском Петербурге (отметим, что такое раскрепощение в религиозной сфере характерно именно для Петербурга; в Воронеже, например, видный церковный деятель епископ Митрофаний отказался даже войти в царский дом, поскольку он был украшен скульптурами античных богов).

Неподалеку от лютеранской церкви К. Крюйса в Греческой слободе в 1706 году в специально переделанном деревянном доме был устроен католический храм (большинство тогдашних петербургских греков — выходцы из Венецианской республики и исповедовали католицизм). Старостой католической общины был «первый архитектор Петербурга» Д. Трезини, проектировавший большую часть ранних церквей Петербурга вне зависимости от того, к какой конфессии они относились. Трезини может служить примером того, как в петровском Петербурге складывались отношения между разными религиями: при крещении его сына Пьетро по католическому обряду в марте 1710 года крестным отцом был православный государь Петр Алексеевич, а крестной матерью — протестантка, дочь вице-адмирала Крюйса.

Многонациональность и многоконфессиональность долгие годы являлись фундаментальным признаком петербургского сообщества. В статье «Столица Российской империи как прообраз объединенной Европы» современный ученый И. В. Сахаров пишет о том, что Петербург вплоть до начала XX века «являл собой уникальный, своего рода общеевропейский, панъевропейский мир. Социальный, интеллектуальный, духовно-нравственный облик этой „малой Европы“ — „Европы в миниатюре“, органически включавшей, вместе с тем, и Россию, — был более всеевропейским и более универсальным, чем облик Западной Европы того времени в целом». И далее исследователь приводит слова Г. П. Федотова: «В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы <...>, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее».

Однако эти черты, как и вытекающие из них этническая и религиозная терпимость были не единственными имперскими штрихами в культуре Санкт-Петербурга петровского времени. Государствоцентризм, презрение к интересам и судьбе частного человека проявлялись в новой российской столице значительно более остро, чем в империи в целом.

Петр самым радикальным образом реформировал российскую систему государственного управления. Образцом для него послужило шведское государственное устройство, которое в то время наиболее соответствовало имперскому духу (впрочем, поражение в Северной войне и смерть Карла XII ознаменовали конец эпохи великодержавия в Швеции и способствовали ограничению абсолютизма в этой стране). И дело даже не в том, что новое административное деление страны и структура органов власти (коллегии) были скопированы со шведских аналогов. Петр следовал главным принципам имперского бюрократического государства. Созданная Петром структура органов государственной администрации была насквозь централизована и представляла собой, как пишет Е. В. Анисимов, «сооружение, подобное сужающейся кверху пирамиде, на вершине которой находился самодержец, осуществлявший верховную неограниченную власть». «В условиях российского самодержавия, — продолжает исследователь, — когда ничем и никем не ограниченная воля монарха — единственный источник права, когда чиновник не ответственен ни перед кем, кроме своего начальника, создание бюрократической машины стало и своеобразной „бюрократической революцией“, в ходе которой был запущен вечный двигатель бюрократии».

Все главные структуры государственного аппарата размещались, естественно, в столице. Государственные служащие — чиновники — на долгие годы стали одной из самых многочисленных категорий населения Петербурга. Работа в государственном аппарате, с одной стороны, абсолютно парализовывала всякую инициативу, превращала человека в мельчайшее колесико огромной машины, а с другой стороны, открывала огромные возможности для злоупотреблений. Взяточничество и казнокрадство уже в петровское время получили колоссальный размах, захватывая практически всех, обладавших какими-либо полномочиями, включая ближайших сподвижников реформатора. В Петровской эпохе лежат корни устойчивых представлений о бездушии, холодности, жестокости Петербурга.

Следует, правда, упомянуть о попытке Петра ввести выборные органы городского самоуправления по типу западноевропейских магистратов. В 1710 году в Петербурге, как раньше в Москве и других городах, была организована

Ратуша, в 1721 году преобразованная в Городовую магистрат. В подчинении этих органов находился торговый и посадский люд, они осуществляли судебные функции и собирали государевы доходы и пошлины. Главная цель создания городского самоуправления заключалась в желании упорядочить и увеличить сбор налогов с торгового сословия. Правда, как пишет исследователь российского купечества А. В. Демкин, поскольку эта мера хоть и проводилась исключительно в фискальных интересах, она «по своим принципам являлась реформой буржуазного типа <...> и неизбежно должна была войти (и вошла) в противоречие с идеологией и практикой абсолютистского государства, в котором шел процесс усиления бюрократии». В итоге, хотя магистраты и ратуши существовали в России еще долго, они никогда не обладали сколько-нибудь значительными полномочиями и почти всегда были подчинены губернаторам.

Диктат абсолютистского государства был главной характеристикой жизни Петербурга петровского времени. Само по себе строительство города, возведение зданий, находилось под жесточайшим контролем. «Ни один дом, ни одно строение не могло возводиться в Петербурге по воле хозяина, так, как ему нравилось. На все существовали четкие инструкции и регламенты, над всем царил дух регулярности», — пишет Е. В. Анисимов. Недавние переселенцы из других краев принуждались вкладывать собственные средства в строительство домов, но даже в том случае, когда это строительство выполнялось в полном соответствии с утвержденными планами и регламентами, хозяин дома не был защищен от того, что ему будет приказано сломать постройку и возвести ее на новом месте. Жизнь в Петербурге была не выгодна и обременительна для большей части его жителей. Важно подчеркнуть: причина, по которой первые жители Петербурга стремились любой ценой покинуть его, заключалась во все не в «невыносимости климата» или изначальной «необжитости» этих мест, как мы знаем, люди с успехом обжидали эту землю на протяжении веков. Это происходило потому, что переселенцы вопреки своей воле отрывались от родных мест, им силой навязывались чуждые для них занятия и чуждый для них образ жизни; чужим для них оставался и сам город.

Особенности петербургской культуры петровского времени

Основой петербургской культуры в период царствования Петра I стала идеология, которую позднее называли идеологией Просвещения. Обычно она связывается с деятельностью французских энциклопедистов и их последователей, в том числе и российских. Однако многое из того, что потом отличало взгляды французских просветителей, было сформулировано еще мыслителями XVII века, такими как Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Д. Локк, Г. Лейбниц. Некоторые их идеи были восприняты русским царем еще во время его пребывания в Европе в составе Великого посольства и стали мировоззренческой основой всей его реформаторской деятельности, просветительский характер которой был очевиден для многих современников (см. документ № 7).

Выше уже говорилось, что Петербург был создан в качестве орудия для культурного преобразования всей страны, как своего рода учебное пособие. Поэтому практически все, что здесь происходило при жизни царя-реформатора, имело просветительный характер. Предполагалось, что по этому образцу должна быть впоследствии организована жизнь в остальной России. Более того, как считает психолог и политолог А. И. Юрьев, «Петр Великий сделал целью жизни санкт-петербуржцев формирование Картины мира, адекватной времени и ситуации. <...> Для этого нужны были инструменты (учреждения образования, науки, производства, управления) и люди, способные понимать смысл происходящего».

Одним из таких «инструментов» для вырабатывания цельного мировоззрения была Кунсткамера — уникальное создание раннего Петербурга, объединявшее в одно целое музей, библиотеку, хранилище научных и художественных коллекций, анатомический театр, планетарий (Готторпский глобус), обсерваторию, кабинеты и лаборатории для научной работы.

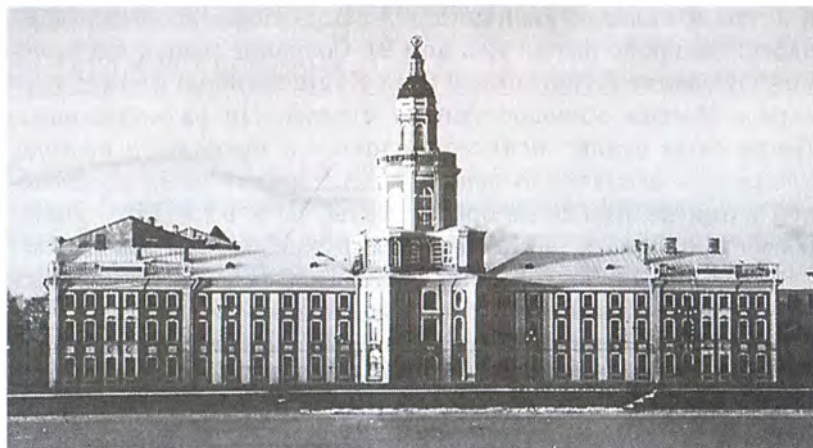
Собирать всяческие диковины Петр начал еще в юности; из своего первого заграничного путешествия он привез в Москву микроскоп, различные инструменты, чучела животных и птиц и т. п. В 1714 году эти предметы были перевезены в Петербург и помещены в библиотеке Летнего дворца,

а затем в палатах казенного А. В. Кикина (современный адрес: Ставропольская ул., дом 9). Собрание редкостей получило название Кунсткамера (или Куншткамера) и стало первым в России общедоступным музеем. По распоряжению Петра сюда стали *«всякого желающего пускать и водить, показывая и изъясняя вещи»*, а для привлечения посетителей с них не только не брали платы, но и в качестве поощрения предлагали рюмку водки и цукерброд (на это из казны специально выделялись деньги). Вскоре музейное собрание очень выросло благодаря царскому указу 1718 года «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей» и покупке в Данциге коллекции минералов и раковин доктора Готвальда, а в Голландии зоологической коллекции Альберта Себы и анатомической коллекции Фредерика Рюйша.

В том же году для Кунсткамеры было заложено специальное здание на набережной Васильевского острова (по преданию, именно на этом месте Петр нашел сосну, у которой изогнувшаяся дугой ветка выросла обратно в ствол; отпиленная часть такого дерева хранится среди экспонатов музея до сих пор). Строительством и отделкой помещений, затянувшимися более чем на десять лет, занимались архитекторы Г. И. Маттарнови, Н. Ф. Гербель, Г. Киавери, И. Я. Шумахер, М. Г. Земцов. Сильно пострадавшая при пожаре 1747 года, Кунсткамера была частично перестроена выдающимся архитектором С. И. Чевакинским и затем многократно ремонтировалась. В итоге в 1947—1948 годах восстановили трехъярусную башню с куполом, увенчанную моделью земного шара. Утраченными считаются фигурные фронтоны, завершавшие боковые ризалиты¹, крыша «с переломом», двухмаршевое крыльцо, балкон над ним и главный вход с Невы, длинное узкое окно посередине фасада, замененное двумя укороченными, и наконец, скульптурный и лепной декор. Однако, благодаря выполненным и изданным еще до пожара подробным чертежам здания, можно иметь точное представление о его первоначальном виде. Впрочем, существует гипотеза о том, что в таком виде, полностью соответствующем изначальному проекту, здание Кунсткамеры никогда не существовало.

---

¹ То есть выступающие за линию фасада части здания.

Здание Кунсткамеры. Современный вид

Безусловно, главным элементом всей композиции Кунсткамеры является сравнительно узкий центральный объем, увенчанный башней. Базовыми формами, которые составили основу всей геометрии этой части постройки, явились сфера и ее проекция на плоскость — окружность. Эти фигуры издавна являлись символами вселенной, сопряжения небесного и земного, вечности и совершенства.

Нижняя часть башни, ее «постамент», соединяющий боковые корпуса музея и библиотеки, представляет собой в плане квадрат со срезанными углами. Все стороны этого восьмиугольника вогнуты внутрь, образуя, таким образом, как бы окружность, вывернутую наизнанку. В этом объеме на уровне первого и второго этажей находится сферический зал, в котором амфитеатром располагались скамьи для зрителей. Зал предназначался для анатомического театра.

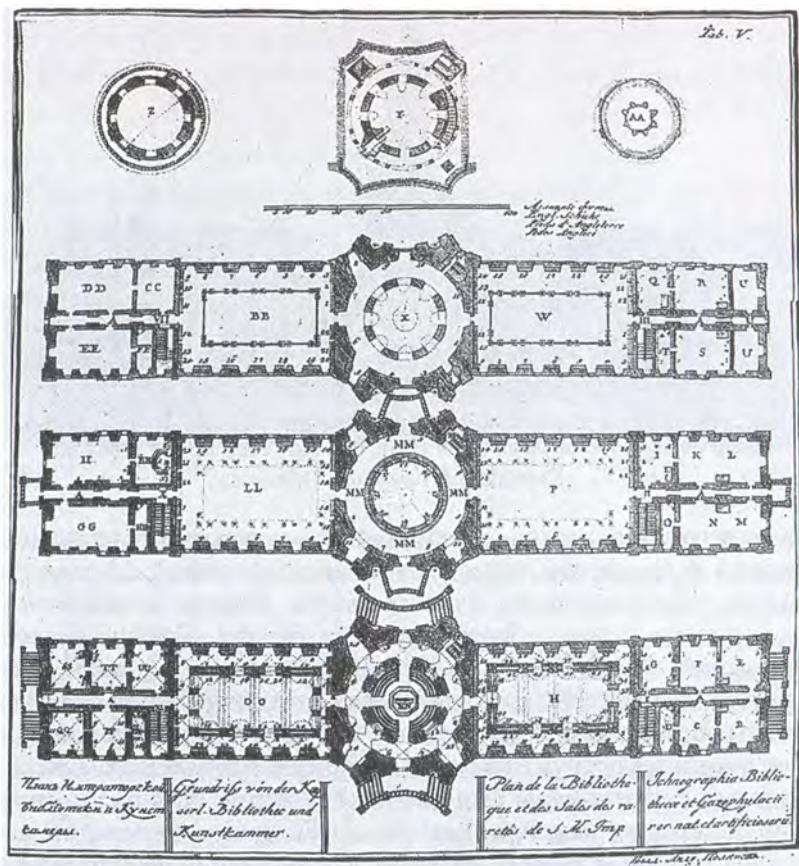
В то время анатомические театры были распространены в Европе. Петр, находясь в составе Великого посольства, посетил анатомическое представление в голландском городе Лейдене; по приезде им было устроено аналогичное зрелище в Москве (препарировал медик Бенедикт Цоппот). В Петербурге, кроме анатомического театра в здании Кунсткамеры, был еще один — в Морском и Сухопутном госпитале на Выборгской стороне. Наименование «театр» публичному разрезанию трупов было дано отнюдь не случайно: представления эти имели не только научно-просветительский, но и эстети-

Фасад Императорской библиотеки и Кунсткамеры, обращенный на восток.
Гравюра Г. А. Качалова. 1741 г.

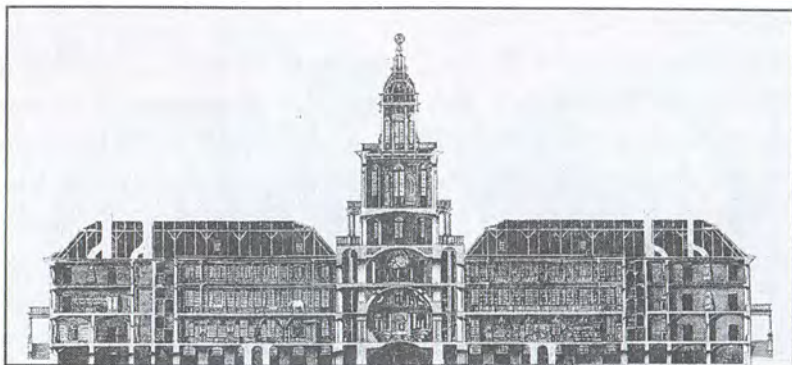
ко-философский смысл — они должны давать пищу размышлениям о бренности телесного существования, о суетности жизни, об отношениях духа и плоти, живого и мертвого, о сложности и разнообразии мироустройства. Сеансы анатомирования сопровождалась музыкой, чтением научных или нравоучительных текстов, анатомы одевались в парадные костюмы, применялись благовония, искусно изготовленные хирургические инструменты и т. д. Зал анатомического театра в здании Кунсткамеры был пышно декорирован, а вдоль стен в специальных витринах размещалась часть экспонатов из коллекции Ф. Рюйша, которые представляли собой художественные композиции из законсервированного анатомического материала и сопровождалась разъясняющими, назидательными и глубокомысленными надписями, а также афоризмами, позаимствованными у древних авторов. Скажем, одна из композиций, описанная Рюйшем в каталоге, изданном им еще до продажи коллекции, представляла загробную беседу двух философов, изображавшихся детскими скелетами: Демокрита, радующегося избавлению от мирской суеты и бед, и Гераклита, горюющего о своей утраченной жизни. Знакомство с произведениями Рюйша дает возможность понять, почему по отношению к собранию анатомических препаратов и прочих предметов, в современном представлении научных, а не художественных, применили слово «кунсткамера», буквально означающее «палата искусств» (от нем.

План Императорской библиотеки и Кунсткамеры. Гравюра А. И. Полякова. 1744 г.
Изображены поэтажные планы здания, с 1 этажа по верхний ярус башни

die Kunst — искусство, художество и die Kammer — комната, палата): грань между наукой и искусством в петровское время была значительно более размытой, чем сейчас.

Над залом анатомического театра предусматривалось место для главного экспоната будущего музея — знаменитого Готторпского глобуса, который был помещен внутри еще недостроенного здания, а затем вокруг него возвели стены. Этот глобус создан в 1644 году для Шлезвиг-Гольштейнского герцога Фридриха III ученым-астрономом и картографом Адамом Олеарием (его знаменитое описание путешествия по России мы упоминали в V главе) и механиком

Профиль Императорской библиотеки и Кунсткамеры, обращенный на восток.
Гравюра Ф. Маттарнови. 1741 г. Показан продольный разрез здания

Андреасом Бушем, которые реализовали идею великого датского астронома Тихо Браге. Готторпский глобус представлял собой сферу, диаметром 3,11 метра, с изображением материков и океанов. На ее внутренней поверхности нанесена карта звездного неба с нарисованными созвездиями и вбитыми вместо звезд гвоздями с позолоченными шляпками. Внутри хватало места для 10—12 зрителей. Вся конструкция приводилась в движение специальным механизмом. У зрителей, сидящих внутри, создавалась иллюзия, что над ними ночное звездное небо. Таким образом, Готторпский глобус был первым в истории планетарием и являл собой, по словам археолога, историка и философа Г. С. Лебедева, «модель мира в гармонии земных и небесных сфер, квинт-эссенцию культуры барокко». Согласно одному из нартовских рассказов, царь, находясь в Готторпском глобусе, философски заметил лейб-медику и первому президенту Академии наук Блюментросту: *«Мы теперь в большом мире. Этот мир есть в нас, тако миры суть в мире»*¹.

Снаружи центральную часть здания Кунсткамеры должны были украшать установленные в нишах скульптурные

¹ Готторпский глобус сгорел во время пожара в 1747 г. Сохранились только некоторые его металлические части и дверца, которая во время пожара находилась в подвале здания. Через несколько лет была изготовлена копия первоначального глобуса, которая сейчас и выставлена в Кунсткамере.

Анатомическая композиция Ф. Рюйша. Гравюра К. Хейбертса. 1701 г.

аллегии: Ингениум (Дарование), Мемория (Память), Адмирация (Удивление), Дилигенция (Внимание), Сапиенция (Мудрость), Куриозитас (Любознательность), Сциенция (Наука), Астрология, География, Медицина, Юстиция, Хронография (Исчисление времени). Эскизы этих статуй выполнил М. Г. Земцов. Их вырезали из дерева и установили на фасаде, но во время пожара 1747 года они сгорели.

По верху центральный объем здания был огражден балюстрадой, образующей просторную террасу, из середины ко-

Готторпский глобус.
Рисунки XVIII в.

торой поднималась восьмигранная башня, окруженная опирающимся на колонны кольцеобразным балконом. На восьмиграннике также устроили террасу, на которой предполагалось размещать оптические приборы для наблюдений за светилами. Французский путешественник О. де ла Мотре, посетивший Петербург в 1726 году, сравнивал эту тогда еще недостроенную башню со знаменитым Ураниборгом, построенным в 1576 году для датского астронома Т. Браге на острове Вен близ Копенгагена.

Завершавший башню еще один, более узкий восьмигранник переходил в ребристый купол, увенчанный фонариком, на вершине которого, согласно проекту Маттарнови, крепилась (как и сейчас) армиллярная сфера — собранный из металлических колец небесный глобус, повторявший собою глобус, находившийся внутри здания. Нижняя терраса, балкон, верхняя терраса, купол, наконец, фонарик являлись как бы ступенями лестницы в небо, огромной пирамиды, подобной вавилонской башне, позволяющей земному человеку приблизиться к божественному смыслу мироздания. Таким образом, это здание само по себе явилось своего рода манифестом просветительского стремления к познанию.

Кстати, внешний облик Кунсткамеры, вероятно, намекал не только на мифическую вавилонскую башню, но и на вполне реальное, но утраченное сооружение — Александрийский или Фаросский маяк, считавшийся в античные времена одним из семи чудес света. По описаниям древних авторов, маяк, возведенный в III веке до н. э. в городе Александрия в дельте Нила, представлял собой гигантскую башню, нижний ярус которой имел в основании квадрат, средний — восьмигранник, а верхний являлся цилиндром, его завершал купол со статуей Посейдона на вершине. Возводя башню Кунсткамеры по сходному принципу, ее создатели, по всей вероятности, желали провести аналогию между размещившимися в ее боковых крыльях библиотекой и музеем и знаменитейшими александрийскими библиотекой¹ и Мусейоном². (Эта аналогия имела довольно печальное продолжение: и александрийская библиотека, и книгохранилище Кунсткамеры погибли в огне пожаров.) Вообще, параллель между Петербургом, основанным в дельте Невы и несущим в своем названии имя основателя, и поставленной Александром Македонским в дельте Нила Александрией была в XVIII веке очень осязаемой и живой.

---

¹ Согласно легендарным сведениям в александрийской библиотеке хранилось около полумиллиона свитков; к началу XVIII в. подобных книжных собраний в мире еще не было.

² Государственное учреждение, основанное одним из первых царей династии Птолемеев и представлявшее собой одновременно академию наук, университет, музей, анатомический кабинет, ботанический и зоологический сады и обсерваторию. Современное слово «музей» происходит от названия этого учреждения.

Итак, идея Кунсткамеры — это идея универсальной, всеобъемлющей сокровищницы знаний о мире, очень характерная для просветительской философии (вспомним создававшуюся позднее знаменитую французскую «Энциклопедию»). Кунсткамера была своего рода моделью мира, его метафорой, и наоборот, мир в сопоставлении с ней тоже порой начинал восприниматься как огромная кунсткамера. «Достопамятные повествования» передают слова Петра, обращенные к заведовавшему коллекциями лейб-медику Арескину: *«Я велел губернаторам собирать монстры (уродов) и присылать к тебе. <...> Если бы я хотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду их телес, а по уродливым нравам, места бы у тебя было для них мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамере, между людьми они приметны».*

Кунсткамера и десятки других нововведений Петра I определили многое в коллективном сознании петербуржцев. Ему навсегда стали свойственны культ науки, разума, искусства и мастерства, открытость новациям в любых сферах, стремление и умение эти новации производить. «Петербургцы, — пишет профессор А. И. Юрьев, — всегда считали своей главной ценностью Мировоззрение, опережающее время».

Опережало свое время и просветительское мировоззрение Петровской эпохи. Во многом это связано с принципиально иным, по сравнению с мироощущением Московской Руси, пониманием места человека в мире. Средневековый религиозный мистицизм сменялся рационалистической жадью познания; покорность и смирение, воспринимавшиеся прежде как важнейшие добродетели, уступали место дерзости и предприимчивости. Если раньше общественный статус человека определялся, в первую очередь, его высокородностью, теперь путь к социальным верхам был открыт и людям самого плебейского происхождения (множество примеров тому предоставляет ближайшее окружение Петра, включая и его супругу). Одной из характерных черт ранней петербургской культуры философ М. С. Каган считал демократизм.

Действительно, еще в 1940-е годы историк А. В. Предтеченский отмечал, что «общение жителей Петербурга в петровское время происходило в такой обстановке, которая нарушала сословную замкнутость». На знаменитые петровские ассамблеи, например, предписывалось приходить всем *«с вышних чинов до обер-офицеров и дворян, также знат-*

Монастырь св. Александра Невского. Гравюра А. Ф. Зубова, приложенная к его панораме Санкт-Петербурга. 1716—1717 гг.

ным купцам и начальным мастеровым людям, также и знатым приказным, тоже разумеется и женскому полу». Нередко царя можно было увидеть беседующим с простым матросом или плотником. Такая демократическая обстановка создавалась во многом благодаря и личным предпочтениям самого царя, и тому, что социальная структура петербургского общества была еще неустоявшейся, принадлежность к тому или иному общественному слою становилась здесь довольно условной — все оказывались как бы в равном положении недавних переселенцев. Но главную роль играла, конечно, идеологическая установка на приоритет личных заслуг перед благородством происхождения.

В последующее время этот ранний петербургский демократизм оказался почти бесследно вытеснен совсем иными поведенческими нормами и в ином качестве возродился лишь десятки лет спустя.

Другим результатом утверждения новой идеологии в петербургской культуре стало совсем иное, по сравнению с допетровской Россией, положение женщин в обществе. На ассамблеи женщины приглашались наравне с мужчинами. *«Это нововведение чрезвычайно понравилось дамам, поскольку освобождало от суровых ограничений их жизни: им <раньше> не разрешалось появляться в обществе»,* — писал в своих мемуарах находившийся на русской службе шотландец П. Г. Брюс. *«Если домостроевская мораль сохра-*

нялась нерушимой в Москве и провинции, то в новой столице стал складываться новый нравственный кодекс», — констатирует М. С. Каган.

Мы уже отметили, что идеология просвещения включала в себя стремление преодолеть преувеличенную роль церковно-религиозного начала в жизни общества. Культура Санкт-Петербурга в этом отношении являлась полной противоположностью старомосковской традиции. Здесь было не так много церквей, как в Москве, а в архитектурном оформлении они зачастую мало чем отличались от светских сооружений. Даже Александро-Невская лавра, которая (в соответствии с идеей монастыря) должна быть замкнутой внутри себя, изолированной от окружающего грешного мира, — в нереализованном проекте Д. Трезини, запечатленном на гравюре А. Зубова, представляла распахнутым наружу парадным сооружением.

Итак, культура Санкт-Петербурга петровского времени представляла собой сложный и внутренне противоречивый феномен: с одной стороны, в центре находилась идея империи, могущественного государства, которому подчинялось все заключенное в его пределах, а с другой стороны, в недрах этой культуры существовали и развивались представления о человеческом достоинстве, о гражданских свободах и правах, о силе человеческого разума, о ценности отдельной личности. Взаимодействие этих двух начал и составило главный смысл петербургской истории последующего времени.

Документ № 7

ЗАБОТА ЦАРЯ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТОЛИЦЫ И СТРАНЫ (отрывок из «Мемуаров» П. Г. Брюса¹)

Все это время царь неутомимо трудился над усовершенствованием своей страны. Он не только строил кораб-

---

¹ Питер Генри Брюс (1692—1757) — шотландец, профессиональный военный, находился на службе в России в 1710—1724 гг. в чине артиллерийского капитана. Родственник видных деятелей Петровской эпохи Я. В. и Р. В. Брюсов.

ли, крепости и дома, но и обеспечил свою новую академию хорошими учителями по всем наукам, необходимым для образования молодых дворян. Он также возвел печатные дворы, при которых работали способные переводчики, переводившие со всех языков все самые ценные книги, имевшиеся тогда в Европе, на русский. Царские доверенные лица покупали на аукционах за границей наиболее ценные книги и целые библиотеки, и поистине удивительно было видеть в Петербурге уже столь замечательное <книжное> собрание. Был здесь также изысканный кабинет редкостей, содержащий то, что имелося любопытного во всех частях света, а также превосходную коллекцию монет, медалей, и т. д. и т. п. Кабинетом заведовал господин Шумахер¹, весьма искусный и ученый муж, бывший прежде секретарем д-ра Эрскина², главного медика его величества. Знаменитый Готторпский глобус <...> явился подарком датского короля³ и был доставлен в Петербург ценой больших расходов. Прусский король подарил царю янтарный кабинет, считавшийся одной из величайших редкостей такого рода в Европе. Имелось любопытное собрание диких зверей, птиц и т. д.; один из самых крупных во всей Азии слонов со всем своим военным снаряжением, при слоне было несколько индусов; северные олени с санями и служителями лапландцами; венецианские гондолы с гондольерами и т. д. и т. п.

(Текст печатается по изданию: Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.)

---

¹ Шумахер Иоганн-Даниил (1690—1761) — в России с 1714 г. С учреждением в 1724 г. Петербургской академии наук стал ее секретарем, заведовал академической канцелярией и библиотекой, организовал типографию и словолитню.

² Арескин Роберт Карлович (ум. в 1718) — доктор медицины и философии, в России с 1706 г. Лейб-медик Петра I (с 1713), заведовал Кунсткамерой и царской библиотекой (с 1715), глава Аптекарского приказа и архиатр (то есть «первый медик» России; с 1716).

³ Глобус был подарен Петру I от имени малолетнего герцога Гольштейн-Готторпского.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

После Петра

Петр I умер ранним утром 28 января 1725 года. Вступившая на престол при поддержке гвардии и нескольких влиятельных сановников Екатерина I, казалось бы, должна продолжить начинания своего покойного супруга. Внешне все так и выглядело: строились начатые при Петре грандиозные здания Двенадцати коллегий и Кунсткамеры, спускались на воду новые корабли, продолжались завоевания в Прикаспии и т. д. В столицу приезжали приглашенные Петром I в задуманную им Академию наук иностранные ученые: математики Леонард Эйлер, Иаков Герман, Христиан Гольдбах, физики и математики Николай и Даниил Бернулли, Георг Вольфганг Крафт, философ и физик Георг Бернгард Бильфингер, лингвист и историк церкви Иоганн Петер Коль, историки и этнографы Герард Фридрих Миллер и Готлиб Зигфрид Байер, астроном Жозеф Никола Делиль и др. Санкт-Петербург продолжал оставаться средоточием культурной и политической жизни России, воплощением незыблемости имперского курса, заданного петровскими реформами.

При этом власть императрицы покоилась на значительно более зыбком основании, чем власть ее предшественника.

Екатерина I на фоне Екатерингофского дворца в Петербурге.
Миниатюра на эмали Г. С. Муסיкийского. 1724 г.

Законность воцарения Екатерины могла быть оспорена как с позиций традиционных взглядов на способ передачи скипетра (Петр обвенчался с ней, когда была жива первая жена, и такой брак не мог считаться безупречно легитимным; происхождение же Екатерины было вовсе не «царским»), так и с позиций закона о престолонаследии, согласно которому царь должен сам назначить себе преемника. Этого Петр не сделал, стало быть, он сомневался в том, что его супруга достойна занимать российский трон.

Екатерина сразу же оказалась в сильной зависимости от тех сил, которые возвели ее на престол, но при этом вынуждена во многом потакать настроениям противоположной «партии», поскольку та была вполне способна организовать дворцовый переворот. В феврале 1726 года, чтобы помочь императрице в управлении государством, был создан Верховный тайный совет, в который наряду с ближайшими сподвижниками Петра, такими как Меншиков и Остерман, вошел князь Дмитрий Михайлович Голицын, хоть и зани-

мавший при Петре довольно высокие должности, но не одобрявший ни методов его реформаторской деятельности, ни ее направленности на абсолютизацию власти монарха. Во многих решениях Верховного тайного совета просматривается отход от жесткой волюнтаристской политики Петра и сдвиг в сторону либерализма, хотя и с некоторым консервативным оттенком. Так, Верховный тайный совет упразднил Тайную канцелярию, созданную Петром как орган политического сыска, вновь открыл архангельский порт, запретил владельцам частных мануфактур покупать землю с крестьянами, что явилось препятствием на пути распространения крепостнических отношений, ликвидировал не окупавшие себя государственные предприятия и т. д.

Ослабление монархической власти в период правления Екатерины сразу же сказалось на ситуации в Санкт-Петербурге. Если Петр имел возможность заставить многих своих подданных не только переселяться вопреки их желанию в новую столицу, но и строить на свои средства такие дома, какие хотелось императору, то у новой государыни не было ни власти, ни желания делать этого. В первые же месяцы после воцарения ей было подано множество челобитных о дозволении за недостатком средств прекратить возведение каменных домов в Петербурге — точнее на Васильевском острове, о застройке которого Петр особенно заботился в последние годы жизни, а также о разрешении покинуть столицу. Все подобные прошения удовлетворялись. Шведский путешественник К. Р. Берк, посетивший Россию несколько лет спустя, писал, что на Васильевском острове *«много с размахом заложенных дворцов <стоит> без окон, дверей и полов, они с каждым днем все больше разрушаются»*. По мнению такого авторитетного исследователя, как П. Н. Петров, уже в самом начале правления Екатерины количество жителей Петербурга сократилось примерно наполовину.

Тем не менее в течение двух екатерининских лет столичный статус Санкт-Петербурга сомнению не подвергался: здесь находились все органы государственного управления, в том числе и Верховный тайный совет. Зато при следующем монархе, Петре II, Москва вновь занимает главенствующее положение по сравнению с невской столицей.

Сын казненного Петром Великим царевича Алексея, принявший императорскую корону после Екатерины, был

Петр II. Гравюра И. Ф. Зубова. 1728 г.
Среди гербов, обрамляющих портрет, есть и герб Ингерманландии
(третий слева в нижнем ряду)

для противников петровского курса и символом «долгожданных перемен», к числу которых, безусловно, относилось и возвращение столицы в Москву. По свидетельству испанского посла при российском дворе герцога Х. де Лириа, представители старомосковской знати, в частности старшее поколение семьи Долгоруковых, использовали все свое влияние на Петра II (ставшего царем в одиннадцатилетнем возрасте) для того, чтобы вернуть царский престол в Москву. А князь Д. М. Голицын, как доносил своему королю прусский посланник Г. фон Мардефельд, *«сравнил даже Петербург с частью тела, охваченною антоновым огнем и которая должна быть отсечена, чтобы не заразилось от нее все тело»*. Любопытно, что на портрете Петра II, сделанном И. Ф. Зубовым вскоре после коронации, панорама Санкт-Петербурга помещена справа, то есть как бы за спиной нового императора, развернутого влево, в сторону Москвы. На портретах и Петра I, и Екатерины виды Москвы вообще не встречаются.

Формально двор переехал в первопрестольную лишь для проведения коронации, однако после этой церемонии венценосный отрок в Петербург не возвратился, а с ним в Москве остались и государственные органы, и все царское окружение, и послы иностранных держав, и гвардейские полки. В Верховном тайном совете после падения П. А. Толстого и А. Д. Меншикова, смерти Ф. М. Апраксина верховенство получили Долгоруковы и Голицыны, фактически правившие страной от имени малолетнего царя. Указы этого времени показывают, что в представлениях верховников Петербургу отводилась роль прежде всего торгового порта, но никак не столицы государства. Распоряжения касались строительства амбаров и складов, организации хранения товаров, углубления каналов для удобства прохода кораблей и т. п. Новые крупные суда было решено не строить, а ограничиться поддержанием уже существующего флота и сооружением галер.

Несмотря на то что генерал-аншеф граф Б. Х. Миних, оставленный главным начальником в покинутом царем городе, всячески старался поддержать в нем прежнюю оживленность: устраивал балы, празднества, парады, фейерверки — Петербург катастрофически пустел. Вслед за дворянами с берегов Невы стали уезжать купцы, мелкие торговцы, ремесленники. Находящееся в Москве правительство даже

Б. Х. Миних. Гравюра Е. П. Чемесова с живописного оригинала
Ж.-Л. де Велли. 1764 г.

попыталось принять меры для их возвращения; в указе Сената от 16 июля 1729 года говорилось: *«ныне из тех переведенцев¹ многие, покинув в Санкт-Петербурге дома свои, так же которые и домов не имели и жили в наемных домах, разъехались собою без указа в прежние и в другие города. Того ради оных всех переведенцев купечества и ремесленных людей из всех городов с женами их и с детьми выслать на житье в Санкт-Петербург по прежнему бессрочно, и при высылке велеть им подписаться»*. Отдельно оговаривалась необходимость возвращения ямщиков. И хотя невыполнение этого указа грозило слушникам лишением имущества и каторгой навечно, вряд ли кто-то вернулся: в Петербурге в ту пору для них не было почти никакой возможности заработать на жизнь.

В исторической литературе стало общим местом сожалеть о четырехлетнем (с 9 января 1728 года по 15 января 1732 года) отсутствии монарха в Петербурге, вызвавшем здесь упадок и деградацию; всегда при этом упоминается о поросших травой улицах, разваливающимися постройках, забегающих в город волках и т. п. И конечно, внезапная смерть Петра II от оспы в таком контексте воспринимается как счастливая случайность, не произойди которой наш город, вероятно, был бы обречен если не на полное исчезновение, то, по крайней мере, на вечное безрадостное прозябание. И все это действительно так.

Однако, как нам уже хорошо известно, город возник на этом месте задолго до основания крепости на Заячьем острове, и не только воля Петра Великого, но и множество исторических, экономических, культурных обстоятельств способствовали тому, что представители разных народов и племен селились здесь, занимались торговлей, ремеслом, хозяйством. Переезд столицы в Москву не уничтожал Петербург, а только возвращал его к прежней, органичной для него роли свободного от великодержавности многонационального портового города, стоящего в точке взаимодействия европейской и азиатской цивилизаций (разумеется, с поправкой на его административную включенность в деспотическое российское государство). Те, кто теперь покидал

---

¹ Так в то время называли людей, насильственно переселенных в Петербург.

Петербург, были переселены сюда царем-реформатором. Но было много и тех, кто оказался здесь по доброй воле, для кого пребывание на берегах Невы было и естественно, и выгодно. Для многих как европейских, так и русских коммерсантов деятельность в Петербурге открыла новые, необычайно выгодные перспективы. Не случайно датчанин Педер фон Хавен, посетивший Россию в 1736—1739 годах, отмечал в Петербурге среди причин быстрого роста численности населения присутствие в нем императорского двора, коллегий, гвардии, и все же главной из этих причин считал процветающую здесь торговлю как западными, так и восточными товарами.

Избавившись от опеки верховной власти, город на короткое время получил возможность хотя бы отчасти развиваться свободным и естественным путем, по своим внутренним законам. Не случайно именно к этому времени относятся протесты петербургского купечества против подчинения местному губернатору органов городского самоуправления буржуазного типа — городских магистратов, введенных Петром I. При этом купцы ссылались на привилегии прибалтийских городов.

В сознании сегодняшних петербуржцев глубоко укоренен комплекс «брошенной столицы», для многих из нас достойное существование города связывается исключительно со столичным статусом. Однако история показывает, что это далеко не так, что сущность и геополитический потенциал Петербурга вовсе не исчерпываются той столично-имперской функцией, которая была ему задана Петром Великим.

Возвращение столицы в Петербург

События, произошедшие в Москве после неожиданной смерти Петра II, трактуется историками как имевшая большие шансы на успех попытка ограничения самодержавия в России. Верховный тайный совет, фактически возглавлявшийся в то время князем Д. М. Голицыным, постановил призвать на царство племянницу Петра Великого, курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, при условии подписания ею

«Кондиций», которые передавали значительную часть властных полномочий Верховному тайному совету. Верховники, как известно, потерпели неудачу — абсолютная монархия сохранялась в России еще без малого двести лет. Для нас же важно подчеркнуть, что эта попытка кардинального изменения формы государственной власти в России была связана не с Петербургом, а с Москвой. И этому есть свои объяснения.

Допетровская Россия имела свою традицию «ситуативно-го» ограничения царского единовластия: в Москве существовал придворно-аристократический орган власти — Боярская дума, с «приговорами» которой в некоторых случаях цари вынуждены были считаться (речь идет, конечно, о царях, избранных боярами на царство, например о Василии Шуйском или Михаиле Романове). Упразднение Боярской думы явилось частью петровской реформы государственной власти. Авторы «Кондиций» были представителями старой русской аристократии, для которых установленный Петром I деспотический режим, дававший монарху абсолютную власть над любым его подданным вне зависимости от его знатности или заслуг, был оскорбителен и потому неприемлем. И хотя в своем стремлении ограничить произвол царской власти они ориентировались не только на слабые российские традиции, но и на опыт западноевропейских государств, который, как показывают сохранившиеся документы, был им хорошо известен, их надежды на осуществление этих планов были связаны, конечно, не с Петербургом. Традиция самоуправления, которая существовала на берегах Невы до начала XVIII века, была, во-первых, уже утрачена, а во-вторых, абсолютно неизвестна и чужда российской знати. Петербург в послепетровское время связывался исключительно с имперским, самодержавным типом государства.

Тем не менее, возвратив себе неограниченную самодержавную власть, Анна поначалу не собиралась возвращать столицу в Петербург. Вскоре после коронации, состоявшейся 28 апреля 1730 года в Успенском соборе Кремля, она заговорила о том, что будущей зимой поедет в Петербург с тем, чтобы через некоторое время уже навсегда вернуться в Москву. Однако все произошло совсем не так: торжественный въезд императрицы в Петербург состоялся лишь

Анна Иоанновна, императрица. Гравюра И. А. Соколова. 1740 г.

16 января 1732 года, и главная царская резиденция осталась здесь уже навсегда.

Первоначальные планы официального возвращения столицы в Москву связаны были с тем, что Анна восходила на российский престол не как наследница Петра Великого,

Э. И. Бирон. Гравюра И. А. Соколова. Около 1740 г.

а как дочь его старшего брата Ивана, посаженного на трон рядом с Петром восставшими стрельцами в 1682 году. Новая царица, таким образом, еще в большей степени, чем Петр II, внук Петра I, олицетворяла возврат к допетербургской старине. Но довольно быстро Москва как место по-

стоянного пребывания двора перестала устраивать Анну Иоанновну, и она предпочла ей невскую столицу.

Причина, по всей вероятности, заключалась в уже отмеченной нами силе московской аристократии, сохранившей несмотря на петровское давление косный и внутренне независимый дух. В Петербурге же, как мы помним, царила весьма демократическая, если не сказать плебейская, атмосфера, значительно менее благоприятная для аристократического фрондерства. На берегах Невы императрица в большей степени могла чувствовать себя единовластной повелительницей, чем в древней Москве.

Впрочем, не только московская аристократия, но и нижние слои общества первопрестольной были склонны диктовать царям свою волю, причем в весьма категорической форме народного бунта, вся бешеная энергия которого обычно направлялась не на самого помазанника, а на его ближайшее окружение. Здесь была жива память о предшествующем столетии, вошедшем в русскую историю как «бунташный век». Еще при Петре II испанский посол герцог де Лириа был убежден, что пребывание в Москве представляет большую опасность для царского фаворита Ивана Долгорукова и его семьи, *«потому что если с царем случится какое несчастье, то они пропадут совсем, ибо общая ненависть к ним так велика, что народ передушит их всех; но в Петербурге, какое бы ни случилось несчастье, он и весь род его не подвергнутся никакой опасности»*. При этом Долгоруков был русским, а фаворит Анны Иоанновны, Эрнст Иоганн Бирон, — инородцем (немцем), к которым, как мы помним, вообще отношение в Москве сложилось весьма неприязненное. К тому же сердечная привязанность рано овдовевшей царицы считалась весьма уязвимой, с точки зрения ортодоксальной православной морали: Бирон приехал в Россию вместе с женой и тремя детьми¹. Е. В. Анисимов в документах из архива Тайной канцелярии нашел указание на то, что одной из причин переезда двора в Петербург стал слу-

---

¹ Младшего из них, Карла Эрнста, в годовалом возрасте Анна взяла с собой, когда срочно выехала в Москву по вызову Верховного тайного совета. Ходили устойчивые слухи о том, что этот ребенок был ее собственным сыном. Историк Е. В. Анисимов склонен считать эту версию правдоподобной.

чайно подслушанный Анной и Бироном разговор гвардейцев, возвращавшихся после тушения небольшого пожара во дворце и говоривших между собой о временщике: *«Эх, жаль, что нам тот, который надобен, не попался, а то буде его ухаживали!»* Известно также происшествие, которое, скорее всего, было покушением на жизнь императрицы: карета, ехавшая первой в ее кортеже, направлявшемся из Измайлова в Москву, провалилась в какое-то подобие волчьей ямы. Обычно первой ехала карета самой Анны, так что от возможной смерти или увечья ее спас только случай.

К этому следует добавить, что жившая в Курляндии очень скромно, если не сказать бедно, Анна явно имела склонность к роскоши и пышности. В пору ее молодости ей довелось быть свидетельницей и участницей многих шумных торжеств, устраивавшихся Петром в Петербурге; одним из них была и ее собственная свадьба. Хотя и в Москве было где разгуляться, все же Петербург манил бывшую герцогиню своим парадным блеском.

С возвращением двора, правительства и гвардии на берега Невы жизнь здесь вновь приобрела столичную оживленность. Активизировалось строительство зданий, среди которых роскошью и размерами выделялся перестроенный из дома Апраксина по проекту Ф. Б. Растрелли Зимний дворец. С небывалым размахом даже по сравнению с петровским временем стали проходить фейерверки и пышные придворные празднества.

Ледяной дом

Самым знаменитым петербургским событием десятилетнего аннинского царствования была состоявшаяся зимой 1740 года в специально построенном Ледяном доме потешная свадьба придворного шута, князя Михаила Алексеевича Голицына по прозвищу Квасник и одной из царицыных приживалок, калмычки Авдотьи Ивановны Бужениновой. Нередко это представляют как пустую забаву, каприз сумасбродной и неумной императрицы. Однако вдумчивый анализ, основанный на исторических документах, позволяет увидеть

в затее Анны Иоанновны обширный и многообразный смысл, далеко выходящий за рамки простого увеселения.

Шутовская свадьба была включена в череду проходивших в Петербурге торжеств по случаю завершения долгой и изнурительной войны с Турцией:

— 27 января в Петербурге было получено известие о ратификации Константинополем мирного договора, заключенного ранее в Белграде; в этот день в Петербург торжественно вошли возвратившиеся из похода войска; палили из пушек, вечером запускали фейерверк;

— 28 января праздновался день рождения императрицы; на дворцовый обед были приглашены все штаб- и обер-офицеры, участвовавшие в кампании; такой же обед был и на следующий день;

— 30 января императрицей были приняты и «жалованы к руке» все прибывшие из похода унтер-офицеры и капралы, которых затем тоже было указано «потчевать»;

— 6 февраля состоялась шутовская свадьба; после венчания в церкви зрителям представили этнографическое маскарадное шествие, окончившееся свадебным пиром; на ночь молодых оставили в Ледяном доме, который затем был открыт для посещений;

— 11 февраля участники этнографического шествия были удостоены высочайшей аудиенции, во время которой исполнили национальные танцы;

— 14 февраля прошел торжественный развод войск, во дворцовой церкви отслужили праздничную литургию, после которой был прочитан текст договора с Турцией, а князь А. М. Черкасский поднес императрице приветствие от первых чинов государства; состоялся дипломатический прием во дворце; конные глашатаи читали на улицах и площадях мирный договор с Турцией, народу бросали горстями монеты, по всему городу горела иллюминация;

— 15 февраля во дворце был маскарад для дворянства и купечества;

— 17 февраля вручались награды иностранным министрам, императрица лично бросала монеты в толпу с балкона Зимнего дворца, для народа выставили двух зажаренных быков и открыли два фонтана, бивших вином; вечером был роскошный фейерверк, после которого во дворце начался бал.

Результаты русско-турецкой войны 1735—1739 годов объективно трудно назвать победой России. И Крым, трижды прочесанный и разоренный армиями Миниха и Ласси, и взятые ценой немалых жертв крепости: Хотин, Яссы, Очаков, Кинбурн — были по договору возвращены туркам. Россия приобрела лишь Азов, с условием не укреплять его и не держать в нем войск, а также получила обещание, что орды крымских татар не будут впредь разорять приграничные российские территории.

Но столь незначительные (особенно в сопоставлении с затратами) результаты войны правительство Анны Иоанновны стремилось представить полновесной победой такого же масштаба, как и победа в Северной войне. Это было тем более важно, что турецкая кампания представляла реваншем за неудачный Прутский поход Петра I.

Отчасти именно поэтому программа празднования Белградского мира имела много сходного с торжествами петровского времени. Ништадтский мир тоже был ознаменован шутовской свадьбой (Петр женил нового князя-папу П. И. Бутурлина на вдове его предшественника Н. М. Зотова), этнографическим маскарадом, поднесением монарху приветствий от вельмож и народа, чтением текста договора и, наконец, фейерверком. Пародийные шутовские представления, находясь в ряду празднеств, посвященных военным победам, уже благодаря одному только этому контексту приобретали некоторый политический смысл: рядом с возвеличиванием и прославлением русского оружия все иронически приниженное должно было восприниматься как относящееся к побежденному противнику.

Исследовательница Е. А. Погосян показала, что «одной из целей шутовской свадьбы, включенной в состав мирных торжеств, была насмешка над крымским ханом», являвшимся вассалом Стамбула и одним из главных противников России на юге. В стихотворном приветствии, сочинить которое для шутовской свадебной церемонии был принужден поэт В. К. Тредиаковский, жених и невеста были названы «ханский сын и ханка», а в свадебной процессии им было отведено место в клетке, помещенной на спине слона, что, как пишет Е. А. Погосян, «возможно, должно было демонстрировать, что итогом заключения мира стало кардинальное изменение отношений России с Крымским ханом: если

Фасад Ледяного дома и шутовская свадебная процессия. Гравюра. 1740 г.

ранее он превращал россиян в невольников, теперь он сам заперт в Крыму». В этом контексте, считает исследовательница, выбор М. А. Голицына на роль потешного жениха не был случайностью: его дед Василий Васильевич Голицын возглавлял крайне неудачные крымские походы 1687 и 1689 годов. Таким образом, свадьба в Ледяном доме являлась своеобразной политической карикатурой.

Но кроме политического подтекста эта шутовская свадебная церемония имела отчетливый идеологически-пропагандистский смысл, и в этом отношении она в точности следовала петровской традиции шутовских свадеб. Первое из таких представлений было устроено в Москве в 1702 году — царь женил своего «многоутешного шута и смехотворца» Феофилакta Шанского. Гости тогда были одеты в старинные русские одежды, женщины по домостроевским правилам отделены от мужчин, князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский представлял царя, князь-папа Н. М. Зотов — патриарха. Главный акцент во время той свадьбы делался на пародировании старинных обычаев, унижительным насмешкам подвергалось все русское родовитое дворянство. Подобный смысл современниками читался и в церемонии в Ледяном доме. Е. А. Погосян приводит мнение французского посланника при российском дворе маркиза И.-Ж. де ла Шетарди: *«Таким образом напоминает время от времени вельможам здешнего государства, что ни их происхождение, ни*

состояние, ни чины, ни награды, достойными которых признали их монархи, — никоим образом не ограждают их хотя от малейшей фантазии государя». Издевательство над одним из князей Голицыных могло восприниматься не только как унижение старой русской знати, но и конкретного рода, к которому принадлежал несчастный жених. После ликвидации Верховного тайного совета заправлявшие в нем Голицыны попали в опалу, а наиболее авторитетный из них — Д. М. Голицын окончил жизнь в Шлиссельбургской тюрьме, поскольку с ним, как с автором «Кондиций», у Анны Иоанновны были особые счеты.

Сам же М. А. Голицын оказался в шутах тоже в виде наказания. Будучи за границей, он женился на итальянке, по желанию которой стал католиком, что понималось в то время не только как измена вере, но и как измена своему государю. После возвращения заболевшего слабоумием князя в Россию, о его «предательстве» стало известно императрице, в отместку она и сделала его шутом, поручив подавать себе квас (отсюда прозвище Квасник), а затем решила его женить на своей верноподданной, вероятно, в насмешку над его любовью к иностранке. Такого рода шутки были свойственны императрице Анне: за несколько лет до этого ординарец цесаревны Елизаветы Петровны Алексей Шубин за любовную связь со своей госпожой был сослан на Камчатку и там насильно обвенчан с камчадалкой.

Другим идеологическим мотивом, который воплотился в церемонии шутовской свадьбы, был также известный нам по петровским временам мотив многонациональности Российской державы. Не случайно в невесты русскому князю была выбрана калмычка, а сопровождали свадебный поезд более полутора сотен представителей разных народов и областей империи, собиравшихся специальными эмиссарами по всей стране в течение нескольких месяцев. Среди них, согласно запискам В. А. Нащокина, бывшего свидетелем маскарада, были *«вотяки, мордва, черемиса¹, татары, кал-*

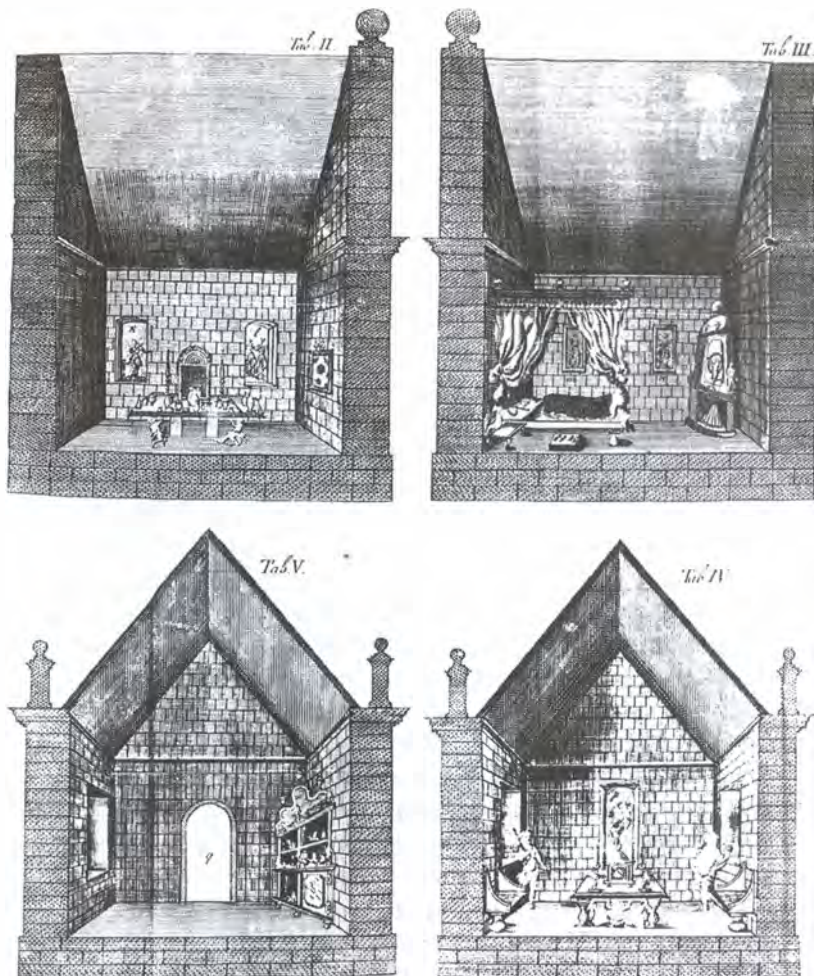
---

¹ Вотяки — устаревшее название удмуртов, а черемисы — марийцев. Кроме названных Нащокиным народов в документах, связанных с подготовкой маскарада, назывались чуваша, тунгусы, якуты, камчадалы, башкиры, киргизы, каракалпаки, осетины, ижора и др. народы.

мыки, самоеды и их жены и прочие народы с Украины», и даже «ямычки города Твери», которые зазывали «весну разными высвистами по-птичьи». Подобно петровскому этнографическому маскараду во время празднования Ништадтского мира, в процессии были представлены не только народы, населяющие Российскую империю, но и разные экзотические, порою весьма далекие от реальных, персонажи. Участники маскарада, одетые в национальные костюмы, несли в руках народные музыкальные инструменты, оружие, игрушки и передвигались на санях в виде «зверей и рыб морских», в которые были запряжены вполне реальные верблюды, олени, собаки, волы, козлы, свиньи. На свадебном пиру, состоявшемся в манеже Бирона возле Зимнего дворца, каждой паре подносили ее национальные кушанья, а во время прощальной аудиенции во дворце участники маскарада исполняли национальные танцы. В этом контексте постройка Ледяного дома, сделанного из того же материала, что и жилища некоторых северных народов, должна восприниматься как символическое изображение власти просвещенной европейской государыни над бескрайними дикими землями. Кстати, на это же могла намекать и построенная возле Ледяного дома «по обыкновению северных стран» баня; в Европе тогда такого рода бани не существовали. Анна Иоанновна представляла владычицей Севера, вроде андерсеновской Снежной королевы.

Мотив имперской многонациональности был свойствен стилистике аннинского царствования, как, впрочем, и последующих. Например, в Большом тронном зале Зимнего дворца потолок украшал живописный плафон работы Луи Каравака, аллегорически изображавший вступление ее величества на престол. К. Р. Берк так описывает эту картину: «Религия и Добродетель представляют ее <императрицу> России, которая на коленях приветствуя ее, вручает ей корону. Духовное сословие и царства Казань, Астрахань, Сибирь, а также многие татарские и калмыцкие народы, признающие власть России, стоят рядом, выражая свою радость».

Политический и идеологический смыслы, воплощенные в Ледяном доме, сочетались с просветительским и, можно сказать, с научно-исследовательским. Все эти ледяные затеи представляли как некий эксперимент, демонстрация беспре-

Внутренние помещения Ледяного дома. Гравюры.
Из книги: Крафт Г. В. Подлинное и обстоятельное...
описание Ледяного дома... 1741 г.

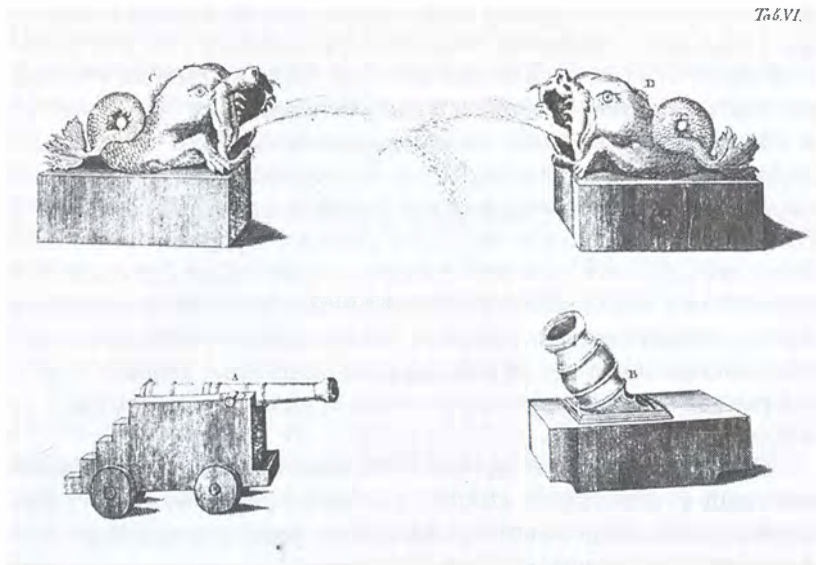
дельных возможностей научного знания и узости бытовых представлений о свойствах самых простых вещей. Профессор математики и физики Г. В. Крафт свое описание Ледяного дома (см. документ № 8) адресовал «охотникам до натуральной науки», а изложенные ученым наблюдения содержали много уникальной для того времени научной информации.

Ледяной дом строился из крупных ледяных блоков, их обливали водой на морозе, и они превращались в монолитную конструкцию. Он был наполнен и окружен множеством предметов из льда. Это ледяные деревья с ледяными листьями, ветвями и сидящими на них ледяными птицами, ледяные мебель и посуда, действующие ледяные часы, сквозь прозрачный корпус которых было видно их устройство, ледяной камин, топившийся облитыми нефтью ледяными дровами и т. п. В стоящие вокруг дома ледяные пушки засыпали порох и стреляли из них чугунными ядрами, построенную рядом ледяную баню топили соломой и парились в ней, а из ледяных фонтанов в виде дельфинов и слона в натуральную величину днем была вода, а ночью — горящая нефть (ледяной слон представлял забавную параллель живому, на котором во время свадебной процессии ехали жених и невеста).

В течение нескольких недель, пока Ледяной дом не растаял, доступ в него был открыт для всех желающих (см. документ № 8), и только специально назначенный караул следил за порядком. Таким образом, это было не что иное, как музей льда, представляющий это вещество в самых разнообразных и удивительных проявлениях.

Вообще, надо отметить, что правление Анны Иоанновны было ознаменовано всплеском угасшего было при Петре II интереса к научным изысканиям, к постижению чудес природы и коллекционированию ее причудливых порождений. Собрание Кунсткамеры продолжало активно пополняться, а экспонаты, несмотря на оправданные протесты их хранителей, использовались не только как объект созерцания и изучения. Например, многие предметы из этнографической коллекции были позаимствованы для проведения вышеописанного маскарада, в результате чего часть из них была безвозвратно утрачена или испорчена. Астроном Делиль столь успешно демонстрировал императрице небесные светила, что лучшие из его телескопов и физических инструментов было приказано не возвращать в обсерваторию, а оставить во дворце.

Зрелище шутовской свадьбы было призвано просвещать публику не только в области научного знания, но и в художественно-эстетической сфере. Сам Ледяной дом строился по специальному архитектурному проекту, выполненно-

Ледяные фонтаны в виде дельфинов. Ледяные пушка и мортира.
Гравюры. Из книги: Крафт Г. В. Подлинное и обстоятельное...
описание Ледяного дома... 1741 г.

му, по некоторым сведениям, замечательным архитектором П. М. Еропкиным. *«Дом, — сказано у Крафта, — которой по правилам новейшей архитектуры расположен и для изрядного своего виду и реткости достоин был, чтоб по крайней мере таково ж долго стоять, как наши обыкновенные дома»*. Сооружение было украшено множеством статуй¹ (тоже ледяных), изящной балюстрадой и т. п. Несмотря на то что новые вкусы в архитектуре и других искусствах стали насаждаться еще Петром, во времена Анны Иоанновны многие европейские художественные формы были в России еще непривычны и даже диковинны. Это можно сказать и о поэзии, образец которой, как мы уже упоминали, был продемонстрирован во время шутовского свадебного пира.

Использование льда в качестве универсального материала имело, вероятно, и некоторый философский подтекст. Лед — это ведь замерзшая вода, а с ней в Петербурге всегда

¹ Неизвестно, кого изображали эти статуи, скорее всего это были аллегории, традиционные для искусства барокко.

были особые отношения: само строительство города представляло как акт обуздания, подчинения человеку могущественной водной стихии. Именно поэтому Петр запрещал строить мосты через Неву и дороги вдоль набережных — роль улиц в Петербурге должны были выполнять реки и каналы. И конечно, строительство дома из отвердевшей воды (а по первоначальному замыслу он и стоять должен на замерзшей Неве) и изготовление из льда разных предметов должно было восприниматься как свидетельство власти людей над зыбкой и капризной водной стихией. Аналогичный смысл имели придуманные Петром петергофские водные затеи: там льющаяся вода образовывала колонны, стены, арки, лестницы, заставляла звучать музыкальные инструменты и т. д.

При этом важно отметить, что несмотря на такой многозначный и обширный смысл, все происходящее вокруг Ледяного дома было необычайно ярким развлекательным зрелищем. Публичные забавы, в которых деятельное участие принимали коронованные особы, стали одним из новшеств петровского времени. Шутовская свадьба, как жанровая разновидность таких забав, вероятно, особенно памятна для императрицы Анны. В числе мероприятий, отмечавших ее собственное бракосочетание в Петербурге в 1710 году, была такая свадьба. Петр I женил тогда своего карлика, Екима Волкова; для участия в свадьбе по всей стране было собрано около 70 лилипутов.

При Петре вошли в публичный обиход и маскарады, неоднократно их устраивала и его племянница. Особенно запомнился современникам «великий машкарад» 1731 года в Москве, устроенный в годовщину восшествия Анны на престол и длившийся около месяца.

Подобно Петру любила Анна и фейерверки, которые тоже были не просто забавами, они выполняли, по меткому сравнению историка П. Н. Столпянского, роль «передовых статей современной правительственной газеты». *«Для всех оных торжественных фейерверков... — свидетельствует автор первого русского описания Петербурга А. И. Богданов, — в 1731-м году построен Мост, или Театр, на воде, на мысу Васильевского Острова, против Большаго Императорскаго Зимняго Дому; на оном же Театре и разныя иллюминации отправляются».*

Театр фейерверков представлял собой всего лишь обширный высокий помост, сооруженный на сваях перед стрелкой Васильевского острова. А специальное помещение на втором этаже Зимнего дворца, выстроенное при Анне Иоанновне по проекту Ф. Б. Растрелли, представляло собой то, что мы и по сей день называем театром. Иностранцы (главным образом итальянские) оперные, балетные и комедиантские труппы содержались тогда в Петербурге за счет императорской казны, вход в театр для приглашенных был бесплатным. Давались и любительские спектакли, в которых принимали участие многие придворные, а также, по некоторым сведениям, кадеты Шляхетного корпуса. В театре Зимнего дворца 9 февраля 1736 года труппа, которую возглавлял итальянский композитор и капельмейстер Франческо Арайя, исполнила его оперу «Сила любви и ненависти». Это была первая постановка оперы в России. «Ведомости» писали: *«29 числа сего генваря месяца представлена от придворных оперистов в императорском Зимнем дворце преизрядная и богатая опера под титулом „Сила любви и ненависти“ к особливому удовольствию ее императорского величества и со всеобщего похвалюбою зрителей».*

Правление Анны Иоанновны можно охарактеризовать как время активного развития зрелищной культуры в России, и в особенности в Санкт-Петербурге, однако по сравнению с петровским временем в ней все более преобладала развлекательность и при этом она становилась все более сословно замкнутой. От начального петербургского демократизма уже мало что осталось. Описывая Летний сад времен Анны Иоанновны, К. Р. Берк отмечает: *«Сколь бы ни приятны были эти сады, горожане весьма редко могут в них повеселиться. В дни Комедии, когда действуют также водометы, некоторому количеству простого народа дозволяют войти в сад; в куртаги¹ — лишь обычным придворным лицам, а в остальное время — никому, так как императрица желает гулять со своими наперсниками в тишине. <...> В правление Петра Первого, который был государем общедоступным, в саду устраивались большие застолья для простых людей, и сам он частенько пил вкруговую со ски-*

---

¹ Куртаг — прием во дворце.

перами и кораблестроителями». Общедоступные ассамблеи сменились куртагами, на которые допускались лишь дворяне. И если Петр сделал театр открытым для всех «охотных смотрельщиков», то при Анне, согласно свидетельствам современников, например петербургского врача Дж. Кука, простолюдину попасть на представление было весьма трудно: *«Никто не платит за посещение спектакля или концерта, но и вход дозволен только тем, кто имеет билеты от властей. У дверей стоит караул, и если кто-то вознамерился туда попасть, не имея на то права, такого сурово накажут»*. А в вопросе снятия шапки с головы возле царского дворца при Анне Иоанновне вновь вернулись к допетровскому обыкновению: *«никто в Петербурге не может пройти или проехать мимо <...> дворца, не обнажив головы, — независимо от того, виден кто в окне или нет»*, — констатировал П. фон Хавен. А Дж. Кук, прогуливавшийся по неведению в шляпе по петергофскому парку, не был арестован, как он считал, только благодаря заступничеству императрицы.

Возвращаясь к теме Ледяного дома, заметим, что в его создании отразилась и традиция русских национальных забав, связанных со строительством потешных сооружений из снега и льда. Анна Иоанновна и прежде отдавала дань подобного рода развлечениям: за семь лет до Ледяного дома для ее увеселения была возведена на Неве под руководством Б. К. Миниха целая ледяная крепость, которую войска взяли приступом.

Петербургский миф и петербургская жизнь

Мы не случайно столь подробно рассмотрели все, что было связано с постройкой Ледяного дома. Во многом и весь Санкт-Петербург, согласно идущим от Петра представлениям, должен был выполнять те же функции, что и эта курьезная постройка: грозить внешнему противнику, быть уздой для боярского фрондерства, символом имперского величия и могущества, образцом художественного вкуса, генератором научной мысли и, наконец, местом приятного

времяпрепровождения. (Петр, правда, отводил Петербургу еще и роль «морской столицы России», но его ближайшие преемники эту испостась города отодвинули на задний план, хотя торгово-посреднические функции города продолжали развиваться.) При этом собственные интересы и желания городского населения для монархов никакого значения не имели. «Не только рядовые петербуржцы, но и люди высокопоставленные, — пишет исследователь петербургской культуры Г. З. Каганов, — рассматривались тогдашней властью просто как подручный материал для возведения пышного здания барочного государственного быта».

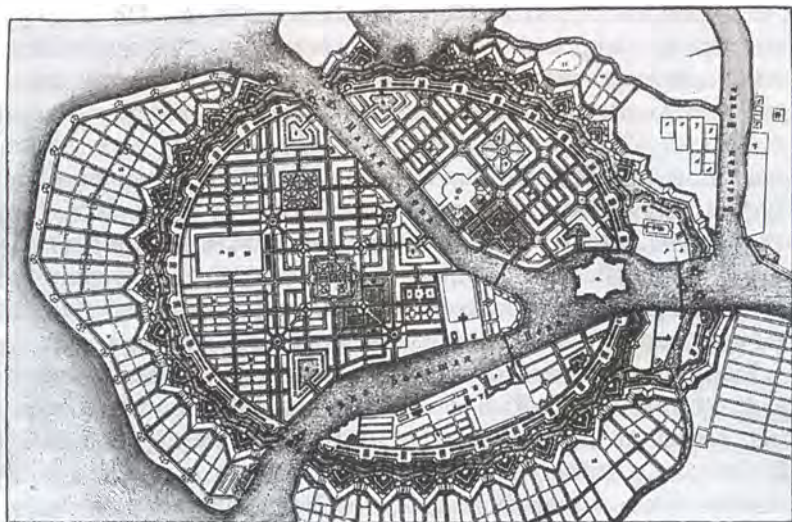
Порой этого материала не хватало. И при Анне Иоанновне, и позднее при Елизавете Петровне правительство настойчиво собирало разбегавшихся из Петербурга переведенцев. Новые сотни и тысячи «*работных людей*» вызывались на невские берега, страдали здесь от непривычных климата, дороговизны, принуждались к тяжелому и низкооплачиваемому труду. Зажиточных людей, как и прежде, обязывали строить в столице каменные дома. Нет ничего странного в том, что значительная часть населения ненавидела город.

Неприятие вызванных реформами крутых перемен, усугубленное трудностями военного времени и общим усилением государственного гнета вылились в широко распространенное в народе еще при жизни Петра I представление о нем как о царе-антихристе. Город, построенный им, предстал в устных рассказах и потаенных раскольничьих писаниях как творение дьявола, проклятое место. Подобное отношение к Петербургу выражалось в формуле, которую приписывают заточенной Петром в монастырь царице Евдокии: «Петербургу быть пусты!»¹ Творению Петра предрекалась гибель от потопа.

С другой стороны, как мы уже видели, официально одобрявшаяся и тоже достаточно распространенная позиция заключалась в обожествлении личности Петра, что, соответственно, влекло за собой восприятие города на Неве как

---

¹ Самое раннее упоминание этой фразы встречается в собственноручно написанных показаниях царевича Алексея, который пересказывает слова старшей сестры Петра Марьи Алексеевны: «Еще же сказывала, что Питербурх не устоит за нами: „Быть-де ему пусты; многие-де о сем говорят“».

Проект застройки Петербурга. Архитектор Ж. Б. Леблон. 1716—1717 гг.

райского сада, парадиза, небесного Иерусалима. Выразительным примером такой идеализации строящегося города явился проект его планировки, выполненный великим Ж. Б. А. Леблоном.

Эти два полярно противоположные взгляда на Петербург, как это всегда бывает, заключали и нечто общее: обе конструкции представляли город экстраординарным явлением, творением сверхчеловеческой силы, то есть были вариантами мифологического осмысления реальности. Сформировавшись при жизни Петра, эти варианты петербургского мифа существовали в общественном сознании еще долго после его смерти; отдельные их рецидивы встречаются в литературе и публицистике до сих пор.

Но если при Петре отрицательное отношение к Петербургу глухо зрело в глубинах народного сознания, лишь изредка прорываясь в виде отдельных обличающих фраз, за которые авторов их отправляли на дыбу или галеры, то после смерти императора неприятие города приобрело самое страшное по тем временам выражение: в Петербурге начались поджоги.

Несколько таких случаев наблюдалось еще при Екатерине I. Один из поджигателей, несовершеннолетний солдат-

Пожар в Петербурге в 1717 г. Немецкая гравюра середины XVIII в.

ский сын Аристов, был казнен по высочайшему повелению 29 мая 1726 года. Но особой остроты ненависть к Петербургу достигла при Анне Иоанновне; к этому времени относятся самые разрушительные петербургские пожары.

11 августа 1736 года огонь уничтожил кварталы вдоль Мойки, примерно от нынешнего здания Почтамта до Невского проспекта. Розыск, учиненный Тайной канцелярией, выявил подозреваемых — крестьянского сына Петрова и крестьянина Перфильева, которые под пыткой признались в содеянном ими преступлении и через несколько дней были заживо преданы огню на месте пожара. Впоследствии, правда, было установлено, что возгорание началось на дворе персидского посла Ахмед-шаха по неосторожности его слуги, но это не уменьшило тревог и умственных брожений среди жителей города: мотив гибели Петербурга от огня уже соседствовал в их головах с мотивом погружения его под воду.

Почти год спустя в чрезвычайно сухое лето на крыше дома купца Линзена, соседнего с домом цесаревны Елизаветы Петровны на Красном канале¹, была найдена кубышка

¹ Сейчас на месте этого дворца (на углу Марсова поля и Миллионной улицы) стоит здание Павловских казарм.

с порохом и фитиль, предназначавшиеся для поджога. Усиление мер безопасности не предотвратило катастрофы: в ночь с 23 на 24 июня 1737 года разом с двух сторон загорелись кварталы между Мойкой и Невой в районе Большой Миллионной улицы. В конце июня — начале июля пожары в этом районе города возобновлялись по крайней мере трижды, из почти 700 дворов полностью сгорело 520.

Обратим внимание на подвергшиеся огненному разорению районы города: они были населены в основном иностранцами — это сложившиеся в петровское время Немецкая, Греческая, Финская и Адмиралтейская слободы. На немецкой панорамной гравюре того времени, изображающей петербургский пожар 1737 года, мелкими буквами сделаны топографические указания, благодаря чему видно, что ни Русская, ни Татарская слободы не были затронуты огнем. Поджоги домов инородцев, безусловно, могли быть проявлением ксенофобии — ненависти к «немецкому засилью». Впрочем, как показывают некоторые современные исследователи, степень этого засилья многими писателями и историками сильно преувеличена. Возможно, ненависть по отношению к этим кварталам города возбуждалась их большей благоустроенностью: здесь жили люди, добровольно сюда приехавшие, нашедшие в Петербурге вторую родину, наладившие свой быт и желающие этому городу благополучия и процветания. Именно такое отношение к городу как к творению рук человеческих, прекрасному и величественному по форме, но при этом вполне пригодному для человеческой жизни, противостояло мифологическому осмыслению Петербурга и могло возбуждать неприязнь у переселенцев. Такое антимифологическое отношение к Петербургу хотя и не нашло в XVIII веке отражения в литературных или фольклорных произведениях, однако существовало в реальности, ибо Петербург продолжал расти и развиваться не только как столица империи и резиденция монарха, но и как центр человеческого общежития, центр торговли, ремесла, промышленности, культуры (в том числе бытовой).

Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал:
Ты паки зришь императрицу,
Что в сердце навсегда держал.

Эти строки М. В. Ломоносова из «Оды на прибытие Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» отражают отношение многих жителей столицы к утверждению дочери Петра на российском престоле. Действительно, Э. И. Бирон, а затем Анна Леопольдовна, после смерти Анны Иоанновны управлявшие Россией от имени младенца-императора Ивана VI, не пользовались у своих подданных ни уважением, ни симпатией. Дворцовый переворот, в результате которого к власти пришла не имевшая формальных прав на корону Елизавета, был осуществлен руками солдат и офицеров Преображенского полка, среди которых, как установил Е. В. Анисимов, большинство составляли «выходцы из податных сословий¹, теснее, чем верхушка гвардии, связанные с широкими массами петербургского населения и потому острее воспринимавшие и разделявшие общественную психологию».

Это, конечно, не означает, что механизм прихода Елизаветы к власти был сродни существовавшему в Древнем Новгороде обыкновению изгонять неугодного горожанам князя и ставить на его место другого. Князь избирался на строго определенных условиях, иначе говоря, нанимался вечем, которое при этом сохраняло за собой всю полноту власти. Возводя Елизавету на престол, гвардейцы так же, как и большинство петербуржцев, желали в ней видеть самодержавную, то есть обладающую абсолютной властью, благодетельницу, которая осыплет своих подданных милостями. И их ожидания отчасти оправдались: поддержавшую ее гренадерскую роту Преображенского полка матушка-императрица вскоре преобразовала в особо привилегированное под-

---

¹ То есть не из дворян и духовенства, которые были освобождены от податей.

Елизавета Петровна, императрица. Гравюра Е. П. Чемесова с живописного оригинала Л. Токке. 1761 г.

разделение — Лейб-кампанию, все участники переворота получили дворянство, поместья, гербы с девизом «За верность и ревность». Однако, как справедливо замечает Е. В. Анисимов, они «не приобрели никакой реальной власти» и че-

рез некоторое время были настолько отдалены от трона, что некоторые из них даже стали замысливать новый переворот. Заговор был раскрыт, а его участники сосланы.

К тому же, хотя гвардия и постоянно размещалась в Петербурге, считать, что она, подобно новгородскому вечу, была выразительницей общественного мнения, конечно, нельзя. Вообще, население Петербурга в течение XVIII да, пожалуй, и XIX века не представляло собой какой-либо общности, единой по интересам и мироощущению. Иными словами, очень немногие считали себя петербуржцами. Дворяне — наиболее организованное и независимое сословие — обычно были тесно связаны со своими поместьями, находившимися, как правило, в отдалении от столицы, и жили в Петербурге только по долгу службы¹ (после освобождения дворян от обязательной службы многие из них предпочли жить в своих имениях, или Москве, или в провинциальных городах). И духовенство, и купечество, и приезжавшие в Петербург в поисках работы или для сбыта товара крестьяне и ремесленники также не ощущали своей глубинной связи с этим городом. Правительство по-прежнему принимало меры по насильственному увеличению населения столицы. Указом от 14 ноября 1744 года повелевалось *«не помнящих родства, а также называющих себя поляками и незаконнорожденных, являющихся в казачьи городки, ссылать в Петербург на поселение»*. 4 ноября 1756 года приказывалось *«штаб и обер-офицеров, назначенных, по расписанию*

---

¹ В мемуарах Екатерины II описывается ситуация 1750 г.: *«Императрица оставалась большую часть масленой в Царском Селе. Петербург был почти пуст; большая часть оставшихся там лиц жили в Петербурге по обязанности, никто — по своей охоте. Все придворные, как только двор побывал в Москве и возвращался в Петербург, спешили брать отпуска на год, на шесть месяцев или хоть на несколько недель, чтобы остаться в Москве. Чиновники, например сенаторы и другие, делали то же самое и, когда боялись не получить отпуска, пускали в ход настоящие или притворные болезни мужей, жен, отцов, матерей, братьев, сестер или детей или же процессы и другие деловые и неотложные хлопоты,— словом, требовалось шесть месяцев, а иногда и более, прежде чем двор и город становились тем, чем были до отъезда двора, а в отсутствие двора петербургские улицы зарастали травой, потому что в городе почти не было карет»*.

герольдмейстерской конторы, на житье в Петербург, реверсами¹ обязать к явке на 1 января 1757 года непременно, а укрывающихся разыскивать и высылать в Петербург в крайней скорости; если же и затем не исполнят они Высочайшей воли, то недвижимые их имения отписывать на ее Императорское Величество и их самих высылать на житье в столицу без очереди».

Как это ни парадоксально звучит, социальной группой, в наибольшей степени ощущавшей Петербург своим городом, были иностранцы, которых следовало бы называть «нерусскими петербуржцами». Но именно у них воцарение Елизаветы Петровны вызвало серьезную и обоснованную тревогу.

Дело в том, что пафос, с которым Елизавета взошла на престол, заключался прежде всего в необходимости отнять бразды правления у иноземцев, передать их в русские руки и ликвидировать «немецкое засилье» вокруг императорского трона. Такая программа, довольно неожиданная для дочери Петра, декларировавшей свою приверженность отцовским принципам, отражала настроения тех социальных слоев, на которые она опиралась, совершая переворот.

Негативное отношение к иноземцам, живущим в Петербурге, которое при Анне Иоанновне выражалось в поджогах, теперь стало проявляться значительно более открыто. Меньше чем через месяц после переворота секретарь саксонского посольства Петцольд писал в своем донесении: *«Все мы, чужеземцы, живем здесь постоянно между страхом и надеждою, так как от солдат, делающихся все более наглыми, слышны только угрозы, и надобно приписать провидению, что до сих пор не обнаружили их злые намерения»*. Опасения дипломата были небезосновательны; по крайней мере, один случай вооруженного столкновения на почве национальной неприязни в тогдашнем Петербурге известен по документам: в апреле 1742 года на Адмиралтейской площади несколько гвардейцев затеяли драку с офицерами-немцами и дело дошло до кровопролития.

Проявления ксенофобии на бытовом уровне были достаточно распространены в начале елизаветинского царства-

---

¹ Здесь: письменное обязательство.

ния, чему способствовали и некоторые распоряжения верховной власти. Указом 1742 года в Петербурге, Москве и Астрахани были закрыты все армянские церкви, за исключением одной в Астрахани, кроме того, запрещалось их строить в дальнейшем. Невский проспект, который сто с лишним лет спустя А. Н. Греч с восторгом назовет «*улицей веротерпимости*» по причине соседства на нем храмов многих конфессий, — при Елизавете чуть было не лишился этой черты: для неправославных церквей было приказано подыскать более отдаленные места, и лишь отсутствие необходимых средств спасло кирпич от переноса. Такое внимание императрицы к «Невской перспективе» было, возможно, не случайным: именно по ней двигался отряд гвардейцев во главе с Елизаветой, чтобы возвести ее на престол в качестве православной царицы. Затем эта улица, как показал исследователь Г. З. Каганов, была превращена в своеобразный памятник: триумфальный путь восхождения «дщери Петровой» к славе, — и с того времени стала главной улицей города.

Усиление в петербургском обществе националистических настроений коснулось и Академии наук, которая, как мы помним, в момент своего основания полностью состояла из ученых иностранного происхождения. К елизаветинскому времени в ней состояло уже довольно много русских. Взаимоотношения внутри академии были в то время полны интриг и склок, которые порой приобретали националистический оттенок. Самый известный из таких конфликтов разгорелся в 1749 году вокруг доклада Г. Ф. Миллера «О происхождении народа и имени Российского», точнее, вокруг изложенной в нем теории о скандинавском происхождении этнонима «русы» и княжеской династии Рюриковичей.

Выступивший против Миллера М. В. Ломоносов и несколько поддержавших его академиков и адъюнктов¹, в сущности, протестовали не столько против варяжской теории, сколько против того, что эта концепция представляла русский народ в невыгодном свете. Миллер, считали они, «*во всей речи ни одного случая не показал к славе российского*

---

¹ В описываемое время — помощник академика.

народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили». Предполагалось, что первопричиной всего этого был недостаток патриотических чувств у Миллера, поскольку он не «природный россиянин».

Нужно сказать, что Миллер, приехавший в Петербург в 1725 году, а в 1747 году принявший российское подданство, к этому времени успел кропотливым трудом на ниве российской исторической науки снискать заслуженное уважение, и выдвинутое против него обвинение в отсутствии российского патриотизма было несправедливым. Конфликт с Ломоносовым имел в своей основе глубокое различие их взглядов на отношение историка к политической конъюнктуре. Характеризуя позицию Миллера, современный исследователь А. Б. Каменский приводит его слова о том, что историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя, все, что историк говорит, должно быть истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести». Ломоносов, напротив, считал необходимым, чтобы историограф «был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, подлежащих до политических дел критического состояния».

В противовес миллеровской теории Ломоносов предложил свою теорию о происхождении этнонима «русский» от слова «роксоланы» (сарматское скотоводческое племя, возглавившее союз племен в Северном Причерноморье и Северном Приазовье во II веке до н. э. — IV веке н. э. и завоеванное гуннами). Эти в большей степени публицистические, нежели научные, рассуждения Ломоносова легли в основу так называемой антинорманнской теории, которой по сей день придерживаются многие авторы, в том числе учебных пособий.

Таким образом, позиции Миллера и Ломоносова в этой дискуссии отражали две полярно противоположные точки зрения на взаимоотношения науки (а также искусства) и власти: одна из них требовала независимости ученого или

художника, другая — утверждала, что он должен защищать интересы государства. Кстати, независимость Миллера как историка позднее позволила ему впервые выступить с попыткой развенчать миф о строительстве Петербурга на пустом месте: его статья «Известие о бывшем городе Ниэншанце», задуманная автором как часть истории Петербурга, была в 1755 году напечатана в редактировавшемся им журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

XVIII век был временем формирования в России, и в первую очередь в Петербурге, социального слоя людей, профессионально занимающихся интеллектуальной и творческой деятельностью. Эти люди, роль которых в последующей истории страны оказалась необычайно велика, всегда стояли перед решением, как строить свои отношения с властью — идти к ней на службу или вступать с ней в конфронтацию. Конфликт Ломоносова и Миллера был, возможно, первым в российской истории такого рода столкновением двух этических позиций. Впрочем, расхождение между официально принятым мнением и тем, которое отстаивал Миллер, не обернулось для того столь печальными последствиями, как для многих других деятелей культуры в будущем; его лишь на год перевели из профессоров в адъюнкты с понижением жалования с 1000 рублей до 860 в год да сожгли уже отпечатанные экземпляры злополучного доклада.

Что же касается официальной исторической доктрины, то в ней с этого времени утвердился подчеркнутый русский патриотизм. Впрочем, вплоть до начала XX века это мало сказывалось на положении нерусского населения Петербурга. И в елизаветинское время, и позднее местные диаспоры: немецкая, шведская, французская, греческая, армянская, татарская и пр. — составляли немалую часть горожан; в течение XVIII века их численность, по подсчетам этнографа Н. В. Юхневой, составляла до 8% от всего населения столицы. «Своей последовательной политикой Елизавета довольно быстро убедила всех, что не намерена изгонять иностранцев из России», — пишет Е. В. Анисимов. Во время ее правления с огромным успехом продолжал работать в Петербурге Ф. Б. Растрелли, приехали сюда А. Ринальди и Ж. Б. М. Валлен-Деламот. Вернулся покинувший было Россию композитор и капельмейстер Ф. Арайа. Продолжали

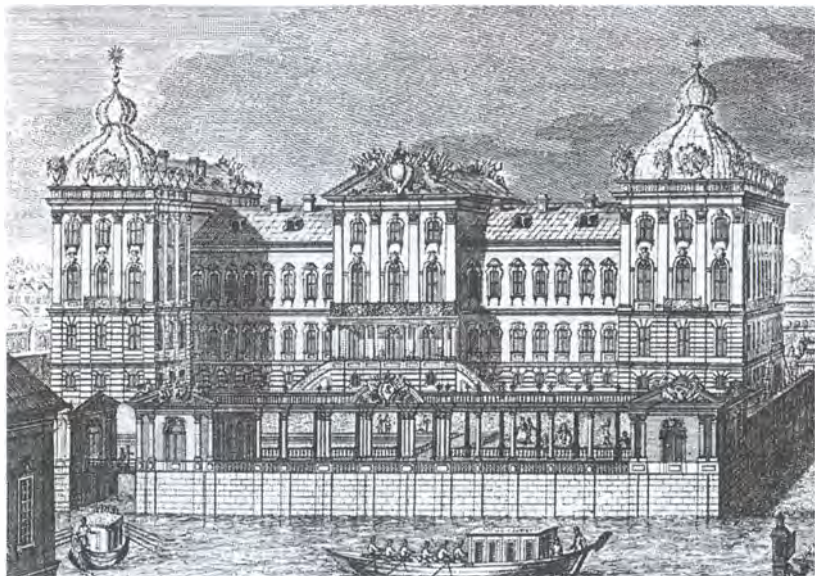
выступать на берегах Невы итальянские и немецкие оперные и театральные труппы. В 1743 или 1744 году немецкая труппа, руководимая директором И. Х. Сигмундом, обзавелась собственным театральным зданием на Большой Морской улице, которое стали называть «Немецким комедиальным домом». Этот первый в Петербурге частный театр просуществовал до конца 50-х годов XVIII века.

Единственные инородцы, которых Елизавета настойчиво выдворяла из своих владений, были евреи. 2 декабря 1742 года она подтвердила и ужесточила изданный еще Екатериной I указ о высылке всех евреев из пределов Российской империи, а на доклад Сената о крупном ущербе, нанесенном казне этим изгнанием, наложила резолюцию: *«От врагов Христовых не желаю интересной¹ прибыли»*.

Двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны было важнейшим этапом формирования внешнего облика нашего города. Достаточно сдержанный, а порой даже суровый стиль Петровской эпохи сменился пышностью и великолепием позднего барокко, а также богатым изяществом раннего классицизма. Впрочем, начался этот процесс архитектурно-стилистического обновления еще при Анне Иоанновне. После пожаров, уничтоживших в 1736 и 1737 годах значительную часть городской застройки, был учрежден специальный орган: «Комиссия о Санкт-Петербургском строении», которому было поручено *«...положить в больших, в средних и меньших домах какому быть строению как по улицам, так и во дворах, и каким образом для лучшей предосторожности пожарного случая печи, трубы и все прочее строение с лучшей крепостью построено быть имеет, и учинить тому строению каждому особливый твердый план и чертеж, дабы всяк впредь потому надежно строить и поступать мог; по положению того строения рассмотреть план, который ныне велено учинить, и, показав улицы и места, где большим, средним и малым домам быть и в какой пропорции и в каком одном от другого расстоянии, также и где публичным площадям быть, и генерально иметь обо всем том рассуждения, что к лучшему, порядочному и безопасному строению служить может;*

---

¹ Имелся в виду коммерческий интерес.

Аничков дворец. Гравюра Я. В. Васильева по рис. М. И. Махаева. 1753 г. Фрагмент

в одной же Комиссии учинить обстоятельную и порядочную инструкцию полиции, по которой бы она впредь поступать имела <...>». Благодаря деятельности «Комиссии о строении» многие кварталы центра Петербурга получили планировку, сохранившуюся до сих пор; в частности, как единое градостроительное начало образовалась знаменитая трехлучевая композиция: ориентированные на башню Адмиралтейства три «перспективы» — Невская, Средняя и Вознесенская (нынешние Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект).

Если при Анне Иоанновне особое внимание уделялось формированию рядовой застройки города и его планировке, то Елизавета ознаменовала свое царствование постройкой многих великолепных зданий, ставших архитектурными доминантами городского пространства. Это Зимний дворец (императрица так и не успела пожить в этом великолепном творении Растрелли; вскоре после ее смерти в еще не полностью отделанное здание въехал Петр III), Аничков дворец, Смольный монастырь (окончательно заверченный только в XIX веке), Никольский морской и Владимирский соборы, храм Спаса на Сенной площади.

А. П. Сумароков. Портрет к посмертному полному собранию его сочинений, изданному Н. И. Новиковым. 1781 г.

Что касается общественной жизни столицы в этот период, то она, как и прежде, сосредоточивалась вокруг императорского двора. Маскарады, балы, фейерверки, куртаги, празднества отличались не только пышностью и изощренной фантазией, но и тонким вкусом и изяществом.

Ф. Г. Волков. Гравюра Е. П. Чемесова с живописного оригинала
 А. П. Лосенко. 1764 г.

Елизаветинское время связано со значительными событиями в петербургской и российской культуре: к этому периоду относится расцвет художественной и научной деятельности М. В. Ломоносова; творчество поэта, драматурга, издателя и первого среди крупных деятелей культуры

Ф. Б. Растрелли. Гравюра Н. С. Мосолова с живописного оригинала работы неизвестного художника. 1870 г.

уроженца Петербурга А. П. Сумарокова; основоположника русского театра Ф. Г. Волкова; гравера М. И. Махаева; архитекторов Ф. Б. Растрелли, С. И. Чевакинского, А. Ф. Кокоринова. Ф. Арайя пишет первую в истории оперу на русском языке — «Цефал и Прокрис» на основе либретто Сумарокова.

Отметим, что все заметные явления в российской культуре в то время волей-неволей стягивались к Петербургу. Так, созданному Волковым в Ярославле театру императри-

ца приказала явиться в столицу, где для него было подобрано помещение (дом Головкина на Васильевском острове), назначен художественный руководитель (Сумароков), а из казны на содержание труппы и постановку спектаклей стало выделяться 5 тысяч рублей ежегодно. В отличие от прежних столичных театров, этот был общедоступным и платным.

Русско-шведская война 1741—1743 годов

Правление императрицы Елизаветы было ознаменовано и несколькими военными кампаниями, первая из которых началась еще до восшествия ее на престол, военные действия инициировала Швеция, чтобы добиться пересмотра результатов Северной войны.

Надежды короля на победу связывались не столько с успешными военными действиями, сколько с политическими интригами: Швеция тайно поддерживала государственный переворот, готовившийся сторонниками Елизаветы Петровны, и рассчитывала на то, что благодарность новой императрицы выразится в готовности отказаться от части территориальных приобретений, сделанных ее отцом. Эти надежды, как мы увидим, оказались тщетными.

Шведская армия была совершенно не готова к войне: она сильно уступала своему противнику по численности, военному опыту и оснащенности; командование не располагало достоверными данными разведки и действовало крайне не согласованно. Вскоре после начала боевых действий русское войско под командованием генерал-фельдмаршала Петра Ласси одержало верх над шведским корпусом генерала Врангеля в сражении у крепости Вильманstrand¹, а затем после штурма овладело самой крепостью. Располагавшийся у ее стен город был полностью разрушен, а его жители высланы в Россию. После этого корпус Ласси отошел на свои прежние позиции.

---

¹ Вильманstrand (ныне Лаппеенранта) — финский город в 220 км от Петербурга.

Пришедшая к власти Елизавета Петровна отказалась делать шведам территориальные уступки, и война продолжилась. Почти без боев русские войска довольно быстро заняли южную Финляндию и, блокировав шведскую армию в Гельсингфорсе (Хельсинки), принудили ее к капитуляции. Одновременно велись пассивные военные действия в восточной части Балтийского моря, в ходе которых оба противоборствующих флота больше потерь несли от сильнейшей эпидемии (шведы) или неумелого маневрирования и непогоды (русские), чем от столкновений с неприятелем. Как и во время Северной войны, наиболее активно у русских действовал галерный флот.

Из-под Гельсингфорса русская армия двинулась к Або (Турку), где в скором времени начались переговоры об условиях заключения мира. Россия, практически полностью оккупировавшая Финляндию, претендовала на присоединение всей этой территории, однако шведские дипломаты и их агенты при российском дворе смогли убедить императрицу согласиться передвинуть границу лишь до реки Кюмени (Кюмийоки). По Абоскому миру в состав России вошли Кюменогорская провинция с крепостями Фридрихсгам¹ и Вильманstrand и часть провинции Саволакс с крепостью Нейшлот². Граница империи отодвинулась от Петербурга еще дальше.

Подводя итог нескольким послепетровским десятилетиям в истории Петербурга, можно констатировать, что развитие города в этот период подчинялось не столько естественным законам, управляющим жизнью человеческих сообществ, сколько желаниям, а порой прихотям монархов. Часть населения Петербурга, которое к концу царствования Елизаветы Петровны составляло приблизительно 150 тысяч человек, жила здесь вынужденно, подчиняясь давлению со стороны власти. Городская жизнь была подчинена строжайшей регламентации, государство контролировало практически все сферы общественной и частной жизни.

---

¹ Фридрихсгам (ныне Хамина) — финский город примерно в 200 км от Санкт-Петербурга.

² Нейшлот (ныне Савонлинна) — финский город в провинции Саволакс, возникший вокруг древнего шведского замка Олофсборг.

Следует, однако, отметить, что постепенно государственные запреты и ограничения начинали ослабевать. Так, в 1757 году Елизавета разрешила покупать и продавать дома на Васильевском острове и в Адмиралтейской части, строить новые дома в любой части города, а не там, где прикажут. Применительно к этому периоду еще нельзя говорить о существовании в Петербурге каких-либо негосударственных форм общественной жизни, например таких, как Английский клуб и Шустер-клуб, появившихся в 1770 году, тем не менее предпосылки для их возникновения начинали складываться.

Документ № 8

ПОДЛИННОЕ И ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ
ПОСТРОЕННОГО В САНКТПЕТЕРБУРГЕ
В ЯНВАРЕ МЕСЯЦЕ 1740 ГОДА ЛЕДЯНОГО ДОМА
И ВСЕХ НАХОДИВШИХСЯ В НЕМ ДОНОВЫХ ВЕЩЕЙ
И УБОРОВ С ПРИЛОЖЕННЫМИ ПРИ ТОМ
ГРИДОВАННЫМИ ФИГУРАМИ¹,
ТАКЖЕ И НЕКОТОРЫМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ
О БЫВШЕЙ В 1740 ГОДУ ВО ВСЕЙ ЭВРОПЕ
ЖЕСТОКОЙ СТУЖЕ СОЧИНЕННОЕ ДЛЯ ОХОТНИКОВ
ДО НАТУРАЛЬНОЙ НАУКИ ЧРЕЗ
ГЕОРГА ВОЛФГАНГА КРАФТА²
САНКТПЕТЕРБУРГСКИЯ ИМПЕРАТОРСКИЯ
АКАДЕМИИ НАУК ЧЛЕНА И ФИЗИКИ ПРОФЕССОРА
(отрывки)

Художество употребляет к производству таких вещей, которые человеческому роду отчасти пользу, а отчасти увеселение приносить могут, многие различные материи; и самая натура не производит почти ни одной дорогой или простой вещи, которой бы человек своим остроумием и искусством различными образами некоторой пользы и приятности придать не мог.

---

¹ То есть гравированными изображениями.

² Георг Вольфганг Крафт (1701—1754) — разносторонний ученый, профессор математики и физики, работал в Петербурге с 1725 по 1744 г.

Лед между такими материями, над которыми бы искусство свою силу и действие показать могло, по сие время почти никогда, или весьма ретко счислялся; и коль необходимо нужна и полезна нам житкость воды, столь неполезна и к делу неспособна казалась твердость оныя многим художникам.

<Далее Крафт рассказывает об опытах по изготовлению из льда зажигательных линз, а также рассуждает о том, что на планетах, более удаленных от Солнца, чем Земля, например на Сатурне, вода должна всегда находиться в твердом состоянии, и если бы на Сатурне существовали жители, они бы использовали лед в качестве строительного материала. Построенный в Петербурге Ледяной дом, по мнению Крафта, это «дом, какой в Сатурне быть может».>

Жестокая стужа, которую в прошлую зиму 1740 года вся Европа чувствовала, и от которой еще и ныне находятся печальные следы, произвела и в таких местах, где то весьма необыкновенно бывает, такое множество оной материи, о которой я здесь говорю, что трудолюбивые и тщательные люди приняли от того случаи оказать свое искусство над льдом, и чрез то такую вещь, которая нам в прочем вредительна, хотя не действительную пользу, однако ж некоторое приятное подать увеселение.

Один пример, о котором я извещился, был в Либекке¹, где господин поручик фон Меинерт, пока жестокая стужа продолжалась, перед Голиштинскими воротами из льду льва длиною в 7 футов так искусно изобразил, что онаго бы никакой рещик из дерева лучше вырезать не мог. Около сего льва зделал он также из льду болверк², а на оном 5 пушек, одного салдата и бутку.

Но здесь в Санктпетербурге художество гораздо знатнейшее дело из льду произвело. Ибо мы видели из чистого льду построенной дом, которой по правилам новейшей архитектуры расположен, и для изряднаго своего виду и реткости достоин был, чтоб по крайней мере таково ж долго стоять, как наши обыкновенные дома, или чтоб в Сатурна как в число звезд перенесен был.

---

¹ То есть в Любеке.

² Болверк — крепостное сооружение, бастион.

<Крафт рассказывает о замысле постройки Ледяного дома и о попытке его поставить на льду Невы. Попытка оказалась неудачной, так как лед на реке не выдержал тяжести постройки и начал ломаться.>

Потребные к тому материалы Нева река вдовольном числе подавала, и надлежало только выбрать такое место, которое бы сие достопамятное строение способнее нести могло. Оно найдено было в знатнейшей части сия столицы, и между двумя весьма достопамятными строениями, а именно между созданною от блаженныя и вечнодостойныя памяти Императора ПЕТРА Перваго Адмиралтейской крепостью, и построенным от блаженныя ж и вечнодостойныя памяти Государыни Императрицы АННЫ¹ новым зимним домом², которой для своего великолепия достоин всякого удивления. На сем месте строение опять началось; самой чистой лед на подобие больших квадратных плит разрубали, архитектурными украшениями убрали, циркулом и линейкою размеривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждой ряд водою поливали, которая тотчас замерзала, и вместо крепкого цемента служила. Таким образом, чрез краткое время построен был дом, которой был длиною в 8 сажень или в 56 Лондонских футов, шириною в 2 сажени с половиною, а вышиною вместе с кровлею в 3 сажени³, и гораздо великопнее казался, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен, для того, что казался зделан быть будто бы из одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвету на гораздо дражайшей камень нежели на мрамор походил. <...>

На каждой день всякому позволено было в сие строение ходить и оно смотреть, но от того произошла было беспрестанная теснота, так что вскоре надлежало там караул поставить, дабы оной при чрезвычайном собрании народа, которой туда для смотрения приходил, содержал некоторой порядок. <...>

---

¹ Ко времени выхода книги Крафта Анны Иоанновны уже не было в живых.

² Зимний дворец Анны Иоанновны находился на том же месте, что и существующий по сей день Зимний дворец.

³ В метрах: длина — 17; ширина — 5,3; высота — 6,4.

Напереди перед домом стояло 6 ледяных точеных пушек, <...> которые имели колеса и станки ледяные ж, что и о всем последующем разуместь должно, разве что неледяное случится, о чем именно упомянуто будет. Помянутыя пушки величиною и размером против медных трехфунтовых зделаны и высверлены были. Из оных пушек не однократно стреляли, в котором случае кладено в них пороху по четверти фунта¹, а при том посконное или железное ядро закачивали². Такое ядро некогда в присутствии всего Императорского придворного штата в расстоянии 60 шагов доску толщиною в два дюйма насквозь пробило. <...>

Еще ж стояли в том же ряду с пушками две мортиры. <...> Оныя мортиры зделаны были по размеру медных мортир против двухпудовой бомбы, из которых многократно бомбы бросали, причем на заряд в гнездо по четверти фунта пороху кладено. Напоследок в том же ряду у ворот стояли два делфина... Сии делфины помощию насосов огонь от зажженной нефти из челюстей выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло. Позади помянутого ряду пушек и мортир зделаны были около всего дому из ледяных баляс изрядные перилы, между которыми в равном расстоянии четвероугольные столбы стояли... Когда на оной дом из близи смотрели, то с удивлением видна была вверху на кровле четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галерея, а над входом преизрядной фронтоншицы в разных местах статуями украшенной... Самой дом имел дверные и оконные косяки также и пилястры выкрашенные краскою на подобие зеленого мрамора.

В оном же доме находились крыльцо и двои двери... при входе в дом были сени... а по обеим сторонам покои... В сенях были четыре окна, а в каждом покое по пяти окон, в которых как рамки, так и стекла из тонкаго чистаго льду зделаны были. Ночью в оных окнах не однократно много свеч горело, и почти на каждом окне видны были на полотне писанныя смешныя картины, <...> причем сияние сквозь окна и стены проникающее преизрядной и весьма

---

¹ Примерно 100 г.

² То есть «закачивали».

удивительной вид показывало. В перилах кроме главного входа... находились еще двоисторонние ворота... и на них горшки с цветами и с померанцовыми деревьями; а подле них простыя ледяныя деревья, листья и ветви ледяные ж имеющие, на которых сидели птицы, что все изрядным мастерством сделано было...

<В одном из покоев> стоял уборной стол, на котором находились зеркало, несколько шандалов со свечами, которые по ночам, будучи нефтью намазаны, горели, карманные часы и всякая посуда, а на стене висело зеркало. <...> Тут видны были преизрядная кровать с завесом, постелею, подушками и одеялом, двои туфли, два калпака, табурет и резной работы комель¹, в котором лежащая ледяная дрова нефтью намазанная многократно горели. <В другом покое> стоял стол, а на нем лежали столовые часы, в которых находящиеся колеса сквозь светлой лед видны были. Сверх сего на столе в разных местах лежали для игrania примороженные подлинныя карты с марками. Подле стола по обеим сторонам стояли резной работы два долгие стула, а в углах две статуи. <Тут стоял> по правую руку резной угольной поставец² с разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда с кушаньем. Все оные вещи изо льду сделаны и приличными натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дому украшение состояло в следующих вещах. Во первых, на всякой стороне на педестале с фронтишпицом поставлено было по четверугольной пирамиде³. <...> Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя ззади от дому вход имели. На каждой оных стороне высечено было по круглому окну, около которых снаружи размалеванныя часовыя доски находились, а внутри осьмиугольной бумажной большой фонарь висел, у котораго на каждой стороне всякия смешныя фигуры намалева-

---

¹ То есть камин.

² Невысокий шкаф для посуды.

³ Эти пирамиды внешне были очень похожи на ту, которая стояла во время празднования Ништадтского мира на Троицкой площади и использовалась в качестве свадебного покоя князя-папы Бутурлина.

ны были, и в котором ночью свечи горели. Оной фонарь находившейся внутри потаинной человек вокруг оборачивал, дабы сквозь каждое окно из помянутых фигур одну за другою змолтрители видеть могли.

Второе, по правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине... на котором сидел Персианин с чеканом¹ в руке, а подле его еще два Персианина в обыкновенной человеческой величине стояли. Сей слон внутри был пуст и так хитро зделан, что днем воду вышиною на 24 фута² пускал, которая из блисконаходившагося канала Адмиралитейской крепости³ трубами приведена была, а ночью с великим удивлением всех змолтрителей горящую нефть выбрасывал. Сверх же того мог он как живой слон кричать, которой голос потаенной в нем человек трубою производил. Третье, на левой стороне дома... по обыкновению северных стран, изо льду построена была баня, которая казалась будто бы из простых бревен зделана была, и которую несколько раз топили, и действительно в ней парились. <...>

Кроме того увеселения, которое сей ледяной дом в каждом змолтрителе производил, можем мы оной еще и за действительной физической опыт почесть, которой тем больше пользы имеет, что учинен великим числом ледяной материи. <...>

(Текст печатается по изданию 1741 года с частичным приведением орфографии к современным нормам.)

---

¹ Чекан — род оружия, представляет собой заостренный молоток на длинной рукояти.

² То есть 7,3 м.

³ Канал вокруг Адмиралтейства позднее был засыпан.

ПЕТЕРБУРГ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Петербург при Петре III

Краткое царствование Петра III, сменившего на троне Елизавету, обычно характеризуется историками тем, что при дворе резко усилилось влияние немцев и что общая атмосфера этих шести месяцев напомнила современникам времена Анны Иоанновны.

При этом, как замечает историк А. Б. Каменский, «все, что мы знаем о личности этого императора, трудно увязать с масштабами и значением того, что он успел совершить». Причина столь парадоксальной ситуации заключается в том, что практически все мемуарные свидетельства о Петре III были созданы в эпоху свергнувшей его с престола Екатерины II и стремились оправдать совершенный ею переворот. Объективный же взгляд на государственную деятельность столь недолго находившегося у власти императора позволяет отметить несколько чрезвычайно прогрессивных решений, оказавших огромное влияние на всю российскую историю. К ним относится, в первую очередь, знаменитый «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Последствия освобождения дворян от обязательной службы государству были необычайно велики

Петр III, император. Гравюра И. Х. Тейхера с живописного оригинала
Ф. С. Рокотова. 1762 г.

и разнообразны, и многие из них существенно повлияли на жизнь невольской столицы.

Если прежде большинство дворян было вынуждено находиться в столице по долгу службы, то теперь они получали

право выйти в отставку и жить в своих имениях или там, где им заблагорассудится. Воспользовались своим правом, конечно, далеко не все представители благородного сословия — многим только жалование могло доставить необходимые для жизни средства. Но покинувших столицу было немало; именно так поступил, например, уже упоминавшийся нами А. Т. Болотов, который, хотя и назвал в своих мемуарах Петербург «*милым и любезным городом*», тем не менее не скрыл, что, получив отставку и дозволение уехать в деревню «*на свое пропитание*», был просто счастлив: «*Не могу изобразить, как приятны были мне делаемые мне с переменою состояния моего поздравления, и с каким удовольствием шел я тогда из коллегии на квартиру. Я сам себе почти не верил, что я был тогда уже неслужащим, и, идучи, не слышал почти ног под собою: мне казалось, что я иду по воздуху и на аршин от земли возвышенным, и не помню, чтоб когда-нибудь во все течение жизни моей был я так рад и весел, как в сей достопамятный день, а особливо в первые минуты по получении абшида*¹. Я бежал, не оглядываясь, с Васильевского Острова и хватал то и дело карман, власно² как боясь, чтоб не ушла драгоценная сия бумажка». Таким образом, после выхода манифеста Петербург освободился от людей, воспринимавших свою жизнь здесь как ссылку — те дворяне, которые остались в столице, сделали это добровольно.

Кроме того, манифест Петра III позволял дворянам беспрепятственно выезжать за границу и даже поступать там на службу. Появившиеся вольные русские путешественники почти все направлялись в европейские страны через Петербург (отчасти потому, что здесь находилась иностранная коллегия, выдававшая паспорта). Окно в Европу наконец-то стало хоть немного похожим на дверь. И если прежде приобщение русских к европейской культуре осуществлялось в основном посредством царских указов и распоряжений, поскольку учиться за границей, побывать там по дипломатическим или коммерческим делам могли очень немногие, теперь ситуация кардинально изменилась. Русское дворянство, получив возможность свободно посещать западные

---

¹ То есть документа об увольнении.

² То есть словно, будто.

БЛАГОРОДНОЕ РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО, ИЗВЕСТЬА
 ПОЛИЦИЯ НАШИ КНИМЪ, И ПОТТОМЪ ИХЪ ШЕДРО
 ПОСВОЕЙ ИНАМЪ ВСПОДЪДАННЕСНОЙ ПТЪРНОСТИ,
 ЮСЕРВЮ ПОБЪЖДЕНЫ БЪДЪТЪ, НЕЖДАЯТЦА, НИЖЕ УИ
 ВАТЦА ОТПЕЖЪИ, НОСРЕВНОСТИЮ И ЖЕЛАНИЕМЪ ВООНУ
 ВСТЪПАТЪ, ИСТИНЫМЪ И НЕЗАБОРНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
 ОНУЮ ПОИРАИНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРАДОЛЪАТЪ.
 НЕМЕНШЕ ДЪТЪСЯ СВОИХЪ СПРИЛЪРНОСТИЮ И РА
 НИЕМЪ ОБЪАТЪ БЛАГОПРИСТОЙНЫМЪ НАУЧЕНАМЪ,
 ИТО ВСЕ ПЕ. КОИ НИКАКОЙ ИНИТЪ СЪЛЪРЪИ НЕИМУ
 НОТПОЛНО КАИЪ САМИ ВЛЮНОСТИ И ПРАДНОСТИ
 ВСЕ ВРЕМЯ ПРЕПОВОЖДАТЪ БЪДЪТЪ, ТАКЪ ДЪТЪ
 СВОИХЪ ВПОЛЪЗЪ ОТПЕЖЕСТВА СВОЕГО НИВКАНИЕ ПОЛ
 НЫЕ НАУКИ НЕПОТПРЕЖАТЪ, ПТЪХЪ МЫ. ТАКО
 СЪЩЕ НЕРАДИВЫХЪ ОДЪРЕ ОБЪЕИЪ ПРЕЗИРАТЪ
 ИУНИТЪ ОДЪТЪ. ВСЕМЪ НАШИМЪ СТЪРНОПОДЪДАНН
 ИСТИННЫМЪ СЫНАМЪ ОТПЕЖЕСТВА ПОВЕЛЪВАИЪ,
 ИНИХЪ КАДВОРЪ НАШИХЪ ПРИЕЗДЪ, ИЛИ ОПЪБЛИКИХЪ
 СОБРАНИЯХЪ ИТОРЪАТЦАХЪ ПТЪТИМЪ БЪДЪТЪ,
 ДАНЪ ВЪСЪЛЪРЪА. 1762. ГОДА.

ПЕТРЪ.

Императоръ Павелъ Петровичъ Александръ Петровичъ

Последняя страница «Манифеста о вольности дворянства»
 с подписью императора Петра III

страны, стремительно усваивало европейские обыкновения, моды, стиль и образ жизни. И довольно скоро культурная дистанция между высшим сословием и прочими подданными российской короны оказалась столь велика, что они стали восприниматься со стороны как представители разных народов и разных эпох. В Петербурге этот контраст был особенно резок. *«Петербург представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встретишь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу, — писал граф Л.-Ф. Сегюр, бывший в 1780-е годы французским послом в России. — С одной стороны — модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона; с другой — купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременные поясы».*

Наряду с усилением контраста между дворянством и прочими сословиями, период правления Петра III характеризовался некоторыми демократическими чертами, также являвшимися следствием дальнейшей европеизации социального строя страны и, прежде всего, ее столицы. Так, некоторые распоряжения Петра III возвращали «бессословные» обычаи Петровской эпохи. Например, 25 мая 1762 года царь вновь открыл Летний сад и Царицын луг (ныне Марсово поле) для прогулок *«всякого звания людям каждой день до десяти часов вечера в пристойном, а не подлом платье».*

Важнейшим политическим деянием Петра III была ликвидация Тайной канцелярии розыскных дел — учреждения, которое справедливо считалось более страшным, чем инквизиторские застенки. Тем же указом запрещалось употребление знаменитого выражения: «Слово и дело государево», обозначавшего политический донос, по которому любой человек мог быть подвергнут пыткам. По сути дела Петр III впервые ввел в России презумпцию невиновности.

Кроме того, различными законодательными актами император отменял преследование старообрядцев и объявлял необходимость *«дать волю во всех законах <то есть веро-*

исповеданиях> и какое у кого ни будет желанием, то не *сворачивать* <то есть не обращать насильно в другую веру>», а также переводил крепостных крестьян, принадлежавших православной церкви, в разряд государственных, чем существенно облегчал их положение. Именно эти решения, вызвавшие сильнейшее недовольство духовенства, послужили толчком для распространения слухов о намерении царя реформировать православную церковь по образцу лютеранской и в конечном итоге сыграли немалую роль в его свержении.

Крутой политический поворот совершил Петр III и во внешней политике: в первый день после своего восшествия на престол он распорядился прекратить военные действия против Пруссии, которые Россия вела на стороне Австрии уже около пяти лет. В ходе этой, по словам А. Т. Болотова, *«несчастной <...> и толь многой крови и убытков нам стоющей войны»*, русские войска оккупировали довольно большие территории в Восточной Пруссии, включая и ее столицу Кёнигсберг. Все завоевания, удержание которых могло потребовать от России еще немалых сил и средств, император возвратил прусскому королю Фридриху II, чем возмутил «патриотически» настроенные круги в собственной столице.

Начало царствования Екатерины II. Ее отношение к Петербургу и Москве

Говоря в предыдущей главе о настроениях петербургского общества, сопутствовавших дворцовому перевороту Елизаветы Петровны, мы обнаружили их отчетливое воплощение в посвященной этому событию оде Ломоносова. Созданная им двадцать лет спустя «Ода торжественная Екатерине Алексеевне на ея восшествие на престол июня 28 дня 1762 года» точно так же дает слепок тех чувств, которые владели людьми, приветствовавшими приход к власти новой императрицы:

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?

О стыд, о странный оборот!
Чтоб кровью купленны трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар,
И данную залогом веру.
В тебе, Россия, нет примеру;
И ныне отвращен удар.

О том, что именно эти два аспекта в действиях императора: заключение «позорного» мира с Пруссией и унижение православия — наиболее болезненно воспринимались российскими подданными, свидетельствует и то, что именно на них было обращено внимание в манифесте, изданном Екатериной в день переворота: *«Всем прямым сынам отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом, а именно закон наш православный греческий переее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона. Второе, слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение»*. А на медали, выбитой в честь коронации Екатерины, была сделана надпись: *«За спасение веры и отечества»*.

Таким образом, новый государственный переворот, подобно тому, который случился двадцатью годами раньше, происходил под знаком восстановления ущемленных прав русского народа и православной церкви.

Как и в начале елизаветинского царствования, в первые месяцы правления Екатерины II петербургские жители нерусского происхождения испытывали обоснованное беспокойство за свою судьбу. А. Т. Болотов свидетельствует, что народ, узнав об отречении нелюбимого царя, *«вламывался силою в кабаки, и опиваясь вином, бурлил, шумел и грозил перебить всех иностранцев»*. От бунтующей толпы в дни переворота пострадало несколько высокопоставленных иностранцев и инородцев, в частности дядя низложенного императора — принц Гольштейн-Готторпский Георг и генерал-полицмейстер Петербурга Н. А. Корф. О своевољестве

и ярости солдат, желавших расправиться с иностранцами, писал и секретарь французского посла в Петербурге К. К. Рюльер.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что на престол всходила в качестве защитницы православия и славянства не имеющая в своих жилах ни капли русской крови немецкая принцесса, крестившаяся по греческому обряду лишь в пятнадцатилетнем возрасте, когда она стала невестой внука Петра Великого и законного наследника российской короны, которого теперь она лишала трона. Парадокс этот объясняется тем, что, в отличие от своего мужа, Екатерина владела даром необычайно тонко распознавать чувства и желания самых разных людей и умело подыгрывать им. Еще будучи великой княжной, она смогла внушить симпатию к себе не только более или менее приближенным к трону персонам, но и значительной части простых жителей Петербурга и, главное, императорской гвардии, от которой, как мы помним, в те времена зависело очень многое. Симпатия эта во многом основывалась на подчеркнуто усердном уважении Екатериной православной обрядности, русского языка и национальных традиций. Даже пробыв в России всего лишь пять месяцев, она, согласно ее собственным мемуарам, при своем крещении в православие столь внятно произносила слова молитв, что это вызвало слезы умиления у некоторых присутствовавших.

На протяжении всего царствования Екатерина II постоянно подчеркивала свою приверженность русским церковным и бытовым обычаям, одежде. Например, на пасхальную службу 1770 года она оделась в славянское платье наподобие сарафана и обязала всех фрейлин переодеться в наряды в русском стиле, что с тех пор стало неременной чертой церковных праздников при дворе. Некоторая нарочитость подобных действий послужила одним из оснований для весьма распространившихся впоследствии обвинений императрицы в лицемерии и ханжестве; Пушкин назвал ее «Тартюфом в юбке и короне».

Однако думается, такие обвинения были не всегда справедливы. По своему воспитанию, образованию и убеждениям Екатерина II была, безусловно, человеком европейского склада, что вкупе с глубоко усвоенной ею просветительской идеологией предполагало уважительное отношение

Екатерина II в шугае и в кокошнике.
Гравюра У. Дикинсона с живописного оригинала В. Эриксона. 1772 г.

к любым этнокультурным и религиозным особенностям (сейчас мы эту черту называем политкорректностью). И конечно, решив стать русской царицей, Екатерина полагала обязательным для себя кропотливо овладевать изначально чуждой ей культурой. Считая, в соответствии с просветительскими взглядами, что роль абсолютного монарха это прежде всего роль созидателя культуры, она стремилась к тому, чтобы русские, осваивая важнейшие, по ее мнению, духовные достижения западной цивилизации, оставались при этом русскими (этим она принципиально отличалась от Петра I, который желал «механически» переделать русских в европейцев). Екатерина добивалась органичного слияния западных и восточных элементов в культуре оказавшегося под ее властью народа. При этом русские элементы должны были служить, главным образом, формой, в которую заключалось европейское содержание. Французский дипломат К. К. Рюльер даже утверждал, что настоящей целью Екатерины было абсолютно то же, чего добивался и Петр III — уничтожить русское варварство. Но он действовал чрезвычайно грубо, а она так осмотрительно, что никто этого не замечал: *«сия государыня, истребляя все русские обычаи, умела искусно заставить забыть, что она иностранка»*. Современный исследователь В. С. Парсамов очень точно назвал культурную позицию Екатерины II русофильствующим западничеством.

В этом контексте чрезвычайно показательна реакция Екатерины на настойчивые советы перенести столицу в Москву, которые ей давал французский философ-энциклопедист Дени Дидро, посетивший по ее приглашению Петербург. Содержание доверительных бесед с Екатериной ее гость изложил в виде отдельных записей. В одной из них, озаглавленной «Вашему величеству от слепца, вздумавшего рассуждать о цвете», Дидро приводит целый ряд весьма убедительных аргументов в пользу возвращения царской резиденции в первопрестольную. В их числе булышая уязвимость Петербурга для внешнего врага: *«Страна, в которой столица помещена на краю государства, похожа на животное, у которого сердце находилось бы на кончике пальца или желудок у большого пальца ноги»*.

Другое неудобство эксцентрического расположения столицы, о котором пишет философ, — удаленность ее от по-

Дени Дидро. Гравюра. 1800-е гг.

местий многих дворян. Особенно любопытно, что, по мнению Дидро, Петербург не подходил и для реализации просветительских намерений императрицы: *«Если великий проповедник желает, чтобы его слышали, то не должен ли он*

поместиться в центре своей аудитории, а не в углу своей роскошной капеллы? Если ваше величество желаете быть услышанной вашими подданными, то не следует ли обращаться к ним там, где они находятся, а не там, где вас могут услышать только через рупор».

Обилие иностранцев в городе, считал европейский собеседник Екатерины, должно оказывать дурное влияние на нравы его жителей: *«Как могут сохраниться в Петербурге, который неизбежно будет всегда местом хаотического притока различных мало что стоящих наций, те добрые нравы, которые вы собираетесь насадить в своем народе?»*

Наконец, характерное для Петербурга обилие солдат, компактно проживающих в казармах, создавало, считал Дидро, благоприятную среду для осуществления государственных переворотов, подобных тому, который привел к власти саму Екатерину. В Москве же солдат можно разместить на постой в обывательские дома, и этим уменьшить возможность их бунта.

Нам неизвестно в точности, что отвечала на такие доводы Екатерина, но мы можем судить об этом по некоторым мыслям, содержащимся в ее мемуарах и разрозненных записках. Так, в отличие от своего приезжего оппонента, Екатерина видела угрозу «добрым нравам» не в дурном влиянии иностранных проходимцев, а в местных традициях. Описав в своих «Записках» очень осуждающими словами царящие в Москве привычки к роскоши, безделью и неопрятности, она подводит итог: *«Вообще и мужчины и женщины изнеживаются в этом городе <...> Повинуясь, так сказать, только своим капризам и фантазиям, они обходят все законы или плохо их исполняют»* (см. также документ № 9).

Удаленность от дворянских поместий, о которой говорил Дидро, была только благом, по мнению Екатерины, поскольку усадьбы, как и московские дома, были рассадниками привычки к безделью и к жестокому обращению со слугами и крепостными крестьянами. *«Предрасположение к деспотизму, — пишет она далее, — вырабатывается там <в Москве> лучше, чем в каком-либо другом обитаемом месте на земле; оно прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором*

не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления». Москва, как считала императрица, действовала развращающе не только на дворян: *«Большая часть наших фабрик — в Москве, месте, может быть, наименее благоприятном в России; там бесчисленное множество народу, рабочие становятся распущенными»* (из «Особой тетради»).

И бунтов, по мнению императрицы, следовало ожидать не от дисциплинированных солдат, а от характерного для Москвы чрезмерного количества праздных обывателей — *«вот такой сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу, страстно даже любит рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум»* («Размышления о Петербурге и Москве», см. документ № 9).

Таким образом, Москва для Екатерины была символом русского варварства, представляла собой среду, не обогащенную светом европейской культуры, не благоприятствующую распространению просвещения и склонную лишь к деспотии и бунтам. Это, конечно, делало невозможным для Екатерины последовать совету Дидро и перенести столицу в Москву. Однако, как прозорливый политик и по-европейски толерантный человек, императрица свою нелюбовь к Москве не демонстрировала открыто, а в некоторых случаях и заставляла себя забыть о ней: важные государственные мероприятия устраивались ею в Москве, когда это имело символическое значение. Кроме коронации, традиционно происходившей в Успенском соборе, в Кремле начала свою работу знаменитая Комиссия об уложении — для ее заседаний была предоставлена Грановитая палата.

Петербург же являлся в глазах Екатерины воплощением той самой европеизированной русской культуры, формирование и распространение которой она считала своей главной целью: *«народ там мягче, образованнее, менее суеверен, более свыкся с иностранцами, от которых он постоянно наживается тем или другим способом, и т. д., и т. д., и т. д.»* Не случайно внешний облик Петербурга — красная линия фасадов, регулярная планировка, прямые и простор-

ные улицы, расходящиеся лучами, — послужил образцом для обширной градостроительной деятельности екатерининского царствования, в частности для восстановления Твери после сильнейшего пожара и обустройства новых городов на юге — Екатеринослава, Мариуполя, Одессы, Севастополя.

И если московские обычаи способствовали, по мнению Екатерины, развитию деспотизма, то на севере она находила благоприятные условия для становления просвещенной монархии, которая допускает существование и некоторых элементов демократии.

Городское самоуправление в Петербурге

Полемизируя с аббатом Шаппом д'Отрошем, автором книги «Путешествие в Сибирь», описавшим Россию дикой варварской страной, Екатерина в сочинении под названием «Антидот» (то есть «противоядие») потратила немало горячих слов для доказательства того, что ценности европейской цивилизации столь же естественны для ее державы, как и для западных стран. При этом, в частности, она апеллировала к традиции Великого Новгорода: *«великий князь Ярослав, отец Святого Александра Невского, придал законам, которые он ввел, письменную форму, эти законы были скопированы с древних законов Новгорода, которые в свою очередь были теми же самыми, что и законы, которым следовал тогда почти весь Север»*¹.

Несмотря на то, что в целом демократическая новгородская традиция была очевидно чужда российскому абсолютизму, это упоминание все-таки нельзя считать только пропагандистской сентенцией. Екатерина, конечно, была твердо убеждена в том, что для такой огромной страны, как Россия, наилучшей и единственно возможной формой правления является абсолютная монархия, и ни в коем случае

---

¹ Екатерина, по-видимому, спутала Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, с Ярославом Мудрым. Историки действительно считают, что «Русская правда» Ярослава Мудрого первоначально была именно новгородским сводом законов.

Герб Санкт-Петербурга,
помещенный на «Жалованной
грамоте императрицы Екатерины II
Санкт-Петербургу».
7 мая 1780 г.

не республика. Но монархия, чтобы не быть деспотией, должна была, согласно воззрениям императрицы, обеспечивать своим подданным не только довольство и благополучие, но и справедливые законы, гражданские и сословные вольности, такие как право иметь выборные органы власти (конечно, с ограниченными полномочиями). И в этом отношении общественный строй древнего Новгорода, как и сходный исторический опыт многих европейских городов, давал российской государыне образцы для подражания.

Екатерина продолжила начатое Петром I введение в России выборных органов городского самоуправления. Так, в Петербурге в 1766 году была учреждена должность городского головы, избиравшегося на два года из числа домовладельцев. Затем был упразднен Главный магистрат в соответствии с изданными в 1775 году «Учреждениями для управления губерний», а вместо него в преобразованном виде восстановлен существовавший еще в петровское время Городовой магистрат. Реформа городского самоуправления завершилась в 1785 году «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» (иначе называвшейся «Жалованной грамотой городам»). Жители столицы, как и жители других городов, избирали согласно этому закону Общую городскую думу, которая, в свою очередь, выбирала Шестигласную думу, состоявшую из шести депутатов, называвшихся гласными, — по одному от каждой категории избирателей:

от «настоящих городских обывателей» (то есть домовладельцев), купцов, цеховых ремесленников, иностранцев и иногородних, «имянитых граждан» (к ним относились ученые, художники, банкиры, судовладельцы и др.) и, наконец, «посадских» (то есть всех прочих горожан).

Здание петербургской Городской думы было построено в самом конце XVIII века на месте Гильдейского дома, в котором раньше проходили собрания купцов и заседания избранных ими городских старост. Внешне новое здание повторяло фасад Серебряных рядов, расположенных симметрично на Невском проспекте¹. По проекту архитектора Дж. Феррари между этими двумя зданиями была сооружена эффектная башня с часами. Общий облик этой композиции напоминал характерный для многих западноевропейских городов тип ратушного здания.

Казалось бы, учреждение в Петербурге и в других российских городах органов городского самоуправления явилось огромным достижением, ведь эти выработанные европейской цивилизацией институты явились, по мнению историков и политологов, зерном, из которого вырос весь механизм современной демократической власти. В России, однако, городское самоуправление не сыграло такой роли. Причина этому — очень существенная разница между европейскими городскими ратушами и магистратами и их российскими аналогами, первоначально именовавшимися так же, а при Екатерине получивших название городских дум.

В средневековых европейских городах эти органы явились формой самоорганизации сообщества свободных бюргеров. В Московской Руси того же времени подобных форм просто не могло быть, поскольку класс политически свободных горожан отсутствовал. Города, по сути дела, являлись «большими деревнями». Хотя Петр I и принял меры для формирования в стране сословия свободных горожан, или мещан², в целом обстановка выстроенного им авторитарно-

---

¹ Серебряным рядам архитектора Дж. Кваренги в настоящее время возвращен первоначальный облик. Внешний вид здания Городской думы сильно искажен поздними переделками.

² Это слово имеет польское происхождение, образовано от «*miasto*», то есть «город». Таким образом, этимологически слово «мещанин» абсолютно идентично немецкому «бюргер» или французскому «буржуа».

Городская дума. Фрагмент «Панорамы Невского проспекта» П. Иванова
по рис. В. С. Садовникова. Литография. 1830-е гг.

го государства вовсе не способствовала этому. И в петровское, и в екатерининское время, и гораздо позднее население российских городов и Петербурга в наибольшей степени состояло по преимуществу не из мещан, а из дворян и крепостных — и те и другие ни юридически, ни фактически не могли считаться горожанами. «Жалованная грамота городам» подробно описывала критерии, по которым житель города мог относиться к «обществу градскому» и участвовать в выборах в думу. Достаточным для этого условием считалось наличие в городе недвижимой собственности, а также принадлежность к одной из купеческих гильдий, владение ремесленной мастерской или предприятием, академическое или университетское образование и некоторые

другие признаки. Статусу горожанина на выборах 1786 года в Петербурге соответствовало, по имеющимся данным, лишь 6% населения. А потому власть Городской думы, распространявшаяся лишь на тех, кто юридически признавался горожанами, — была весьма невелика. При этом вся полнота власти в городах Российской империи принадлежала генерал-губернаторам, которым обязаны были подчиняться все. «Городское управление действовало очень вяло под тяжелой рукой наместника или губернатора», — писал историк В. О. Ключевский. Кстати, в Петербурге екатерининского времени генерал-губернатор назначался лишь на короткие периоды, в основном на время отсутствия царицы. По подсчетам историка М. А. Гордина, за 34 года правления Екатерины II губернаторы управляли Санкт-Петербургом всего лишь около трех лет. В остальное время верховная власть в столице принадлежала исключительно самой императрице.

В европейских же городах органы самоуправления фактически обладали полновластием в пределах городских стен. Это обуславливалось не только мощной социальной базой в виде развитого торгово-промышленного сословия, на которую опирались эти учреждения, но еще и тем, что исторически они были образованы горожанами для отстаивания своих прав перед местными феодалами — графами, герцогами, курфюрстами и т. п. В России же городские органы были введены «сверху» и не как альтернатива или «противовес» императорской власти, а наоборот, как средство ее укрепления.

Все это приводило к тому, что, несмотря на свою выборность, Шестигласные городские думы выражали интересы администрации и лишь в очень слабой мере — своих избирателей. Полномочия, которыми эти органы были наделены, касались в основном городского хозяйства, благоустройства, организации торговли и сбора налогов и т. п.

Тем не менее, хотя екатерининская «Жалованная грамота городам» и не восстановила на Невской земле городской общинной культуры Великого Новгорода или Ниеншанца, она, как и другие нововведения екатерининского времени, все же сыграла заметную положительную роль в развитии петербургского социума.

Грамота вводила такие юридические нормы, как неприкосновенность жизни и собственности горожан (*«Мещанин без суда да не лишится доброго имяни, или жизни, или име-*

ния»), право на сословный суд («*Мещанин судится мещанским судом*»), свободу предпринимательства («*Мещанин волен заводить станы всякого рода и на них производить всякого рода рукоделие, без инаго на то дозволения или приказания*»), защиту от оскорблений («*Запрещается мещанам учинить безчестие*») и т. д. Установление всех этих прав и свобод создало условия для более успешной деятельности горожан, занимающихся торговлей, промышленностью или ремеслом, а также открыло перед крестьянами, стремившимися к освобождению от крепостной зависимости, перспективу для социального роста. Городское население по всей России стало увеличиваться, но особое значение это имело для Петербурга: впервые с петровского времени сюда в значительном количестве стали добровольно приезжать и активно заниматься коммерцией и предпринимательством не только иностранцы, но и русские купцы, промышленники и ремесленники. Согласно изысканиям историка А. В. Демкина, в последней трети XVIII века наряду с торговыми фирмами и коммерсантами из Великобритании, Нидерландов, Германии, Франции, Италии, Дании, действовавшими в Петербурге, годовой торговый оборот свыше 100 тысяч рублей здесь имели московские купцы Л. Долгов, Д. и С. Ситниковы, М. Гусятников, С. Турченинов и П. Рыбенский, туляки И. Володимиров, Л. Лугинин, И. и М. Пастуховы, калужанин А. Губкин, петербуржцы К. Попов и Ф. Ямщиков и другие российские подданные. В 1790-е годы оборот свыше одного миллиона рублей отмечен у петербуржцев Г. Бетлинга и М. Трозина.

Кроме свобод, провозглашенных «Жалованной грамотой», Екатериной вводились разнообразные и значительные льготы и привилегии для привлечения жителей в города, в первую очередь в Петербург. Правда, эти меры вызвали у наблюдавшего их швейцарца Карла Массона впечатление противоестественности: «*Эти господа <Екатерина и ее сын Павел, заботившийся о заселении Гатчины> принимают людей за аистов, которых привлекают, поставив колесо на крыше или на колокольне. Начиная с превосходного Потсдама*¹

---

¹ Потсдам — город в германской земле Бранденбург. Король Фридрих II Великий выстроил вблизи него свою знаменитую резиденцию Сан-Суси.

и кончая смешной Гатчиной, все эти насильственные постройки доказывают, что истинными основателями городов являются культура, промышленность и свобода. Деспоты только разрушители: они умеют строить и заселять лишь казармы».

Формально цифры, казалось бы, говорят о том, что язвительный швейцарец был неправ: рост населения Петербурга был значительным и постоянным на протяжении всего екатерининского царствования: по неполным данным, число петербуржцев выросло с 1764 по 1796 годы в полтора раза (это при отсутствии принудительных мер для заселения столицы, столь активно практиковавшихся прежде).

Однако по сути замечание К. Массона является точным: несмотря на то, что количество купцов и свободных горожан при Екатерине значительно увеличилось, это не привело к образованию ни в России в целом, ни отдельно в Петербурге полноценного, то есть социально организованного и владеющего механизмом отстаивания собственных интересов, «третьего сословия». Европейские общественные институты не могли органично встроиться в российскую государственную систему, которая продолжала оставаться деспотической в своей основе: Екатерина II обладала абсолютной, ничем не ограниченной властью и весьма широко ею пользовалась, верша судьбы подданных по своему царскому произволу (вспомним участь А. Н. Радищева и Н. И. Новикова). Крупный политик второй половины XVIII века Н. И. Панин и его ближайшее окружение несколько раз предпринимали попытки законодательно ограничить самодержавие в пользу дворянства: в 1762 году Панин представил Екатерине проект «Манифеста об учреждении императорского совета...», а в 1782—1783 годах, по имеющимся сведениям, он вместе со своим секретарем Д. И. Фонвизинным создал проект конституции для России (сохранился лишь текст предисловия под названием «Рассуждение о неперемennых законах»). Однако оба раза предложения Панина были императрицей отвергнуты. И разумеется, не пожелав отдать часть своей власти представителям дворянства, Екатерина не намеревалась делить ее и со «среднего рода людьми» (так она называла буржуазию), к увеличению числа которых она так стремилась. Именно поэтому созданные ею органы городского самоуправления оставались по сути безвластны, а боль-

шинство горожан воспринимало необходимость участвовать в выборах, вступать в гильдии или в ремесленные цеха как еще одну государственную повинность, как лишнюю заботу, с которой поневоле приходится мириться. Такой взгляд присутствует в сочинении историка и публициста князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России»: *«Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые более лишение нежели дание прав в себе вмещают и всеобщее делают отягощение народу»*.

Однако к екатерининскому времени относится появление в России и в окрестностях Петербурга социальных образований, внутри которых выборное самоуправление действовало довольно успешно. Речь идет о колониях немецких переселенцев.

Немецкие колонии под Петербургом

Одной из государственных забот Екатерины II было заселение пустующих пространств своей необъятной империи. Проблема малонаселенности тем более волновала императрицу, что в ее планы, впоследствии во многом осуществленные, входило расширение границ государства. Идя по стопам Петра I, она вскоре после воцарения издала один за другим несколько манифестов и указов, приглашающих в Россию иностранцев и предоставляющих им льготы и преимущества. Правда, в отличие от Петра, который привлекал в свою страну заграничных специалистов в качестве временных работников и наставников, Екатерина призывала иностранцев становиться подданными российской короны и оставаться в ее владениях навсегда¹. *«Мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях; заставьте кишеть народом наши обширные пустыни, если это возможно»*, — писала

---

¹ Примечательно, что, привлекая в свою державу для постоянного жительства иностранцев, прежде всего немцев, Екатерина поступала точно так же, как полтора веками раньше правительство шведской королевы Кристины (см. документ № 5). Как мы помним, население Ниена было наполовину немецким.

царица в одной из своих записок. Призыв императрицы оказался кстати для многих жителей германских княжеств, и они приняли приглашение. Российское правительство направляло их для поселения, главным образом, в Поволжье, где, как известно, образовался в итоге очень крупный немецкий анклав.

Приневские земли, сильно опустевшие во время Северной войны, к середине XVIII века продолжали оставаться малонаселенными. Летом 1765 года партии немецких переселенцев, направлявшихся в район Саратова, было предложено переменить место назначения и поселиться в окрестностях Петербурга. Согласие дали 60 семей. Так, вблизи российской столицы появилась первая немецкая колония, получившая название Ново-Саратовской (место, на котором она находилась, — правый берег Невы напротив Рыбацкого, — донныне называется Новосаратовкой). Годом позже были основаны еще две колонии: Среднерогатская — в районе нынешней площади Победы и Ижорская — на правом берегу реки Ижоры, вблизи Московской дороги. Большие немецкие поселения были созданы под Ямбургом. В течение XIX века количество немецких колоний в ближайших окрестностях столицы выросло: Фриденвальская колония в Царском Селе, Нейдорф (Новая деревня) и Нейгауз (Новоселки) вблизи Стрельны, а также Гражданка, Ручьи, Шувалово, Веселый Поселок и др. Они стали неотъемлемой частью социальной структуры большого Петербурга.

Екатерининский манифест 1763 года гарантировал переселенцам полное самоуправление внутри колонии: *«...поселившимся особыми колониями и местечками, внутреннюю их юрисдикцию оставляем в их благоустройство, с тем, что Наши начальники во внутренних распорядках никакого участия иметь не будут, а в прочем обязаны они повиноваться Нашему праву гражданскому».*

Заведенный в колониях уклад жизни отличался большой упорядоченностью и строгостью. Избиравшийся в каждой колонии староста (шульц), его выборные помощники и десятские тщательно следили за соблюдением противопожарных и эпидемиологических правил, состоянием дорог и мостов, порядком в домах, во дворах и на прилегающих территориях, а также за поведением колонистов, пресекая пьянство, картежные игры и даже чрезмерно частые сборы

гостей. Каждую субботу в определенное время все жители колонии выходили из домов для уборки участка улицы перед своим двором. Сами собою утвердились неизменный распорядок дня и обязательные элементы внешнего вида колониста (шейный платок, жилет, белый фартук).

Все это довольно сильно напоминает устройство печально знаменитых аракчеевских военных поселений, создававшихся примерно через полвека после появления немецких колоний. Однако сходство здесь исключительно внешнее: военные поселяне жили в своем доведенном до абсурда порядке по принуждению; немецкие колонисты имели гарантированное право выйти из колонии в любое время и уехать. *«Буде которые из переселившихся и вступивших в Наше подданство иностранных, пожелали выехать из Империи Нашей, таковым всегда свободу даем, с таким однако ж при том изъяснении, что они повинны, из всего благо нажитого в Империи Нашей имения, отдать в казну Нашу, а именно: живущие от одного года и до пяти лет — пятую часть, от пяти до десяти и далее — десятую, и потом отъехать, кто куда пожелает, беспрепятственно»*, — говорилось в манифесте 1763 года. Как справедливо замечает Д. Л. Спивак, жизненный уклад немецких колоний «соответствовал тому представлению о разумном порядке, которое было воспринято немецкими крестьянами с младенческих лет — и, как следствие, обычно не вызывал у них протеста».

Таким образом, немецкие колонии явились устойчивыми вкраплениями европейской социальной культуры в российскую жизнь. Заметим, что их укоренение наименее болезненно произошло именно в Санкт-Петербургской губернии. В других местах, например вблизи Саратова, Канцелярия опекунов иностранных колонистов вынуждена была улаживать конфликты с жителями, не желавшими пускать пришельцев на отведенные им земли.

Приглашая иностранных поселенцев в свою державу, императрица выполняла все ту же программу просветительского синтеза России и Европы. «По мысли Екатерины, — пишет историк А. Б. Каменский, — колонисты должны были продемонстрировать русскому обществу преимущества свободного труда, стать образцом высокой культуры сельскохозяйственного производства». При этом воздействие

немецких колоний на окружающую их социальную среду отнюдь не ограничилось только передачей аграрных или промышленных технологий: сам по себе образ жизни колонистов, характер взаимоотношений между ними не могли не произвести впечатления на соседей, привыкших к иному стереотипу поведения.

К этому следует прибавить, что екатерининские манифесты призывали в Россию отнюдь не только земледельцев: *«Коль скоро придут иностранные в Резиденцию нашу, и явятся в Канцелярию опекунства, или в другой какой пограничной Наш город, то имеют объявить решительное свое намерение, в чем их желание состоит, записаться ли в купечество или в цехи, и быть мещанином, и в котором городе, или поселиться колониями и местечками на свободных и выгодных землях для хлебопашества и других многих выгодностей, то все таковые, по их желаниям, немедленное о себе определение получают»*. Благодаря этому призыву число немцев, а также представителей почти всех крупных европейских народов в Санкт-Петербурге существенно увеличилось. В Петербурге *«не редкость услышать <...> греков, итальянцев, англичан, голландцев, азиатов, говорящих на своем наречии»*, — писал в своих «Секретных записках о России» К. Массон. По его наблюдениям, среди петербуржцев иностранного происхождения существовало своеобразное «разделение труда»: *«В Петербурге немцы — художники и ремесленники, в особенности портные и сапожники; англичане — седельные мастера и негоцианты; итальянцы — архитекторы, певцы и продавцы картин и проч.»* В качестве одного из типов петербургского ремесленника часто приводится образ булочника-немца, запечатленный в произведениях русской литературы. Сформировался этот тип именно в екатерининское царствование.

На протяжении XVIII—XIX веков немцы составляли самую крупную диаспору в нашем городе, их численность в XVIII веке составляла 5—15 тысяч человек, а в следующем веке возросла до 50 тысяч. Петербург столичного периода был немыслим без немецкой составляющей. Ее влияние сказалось, возможно, в появлении некоторых характерных черт петербургской манеры поведения, скажем, известной церемонности и сдержанности. То же касается и языка: «Особенности старой петербургской речи по срав-

нению с московской иногда объясняют тем, что в столице империи Санкт-Петербурге было много немцев, и поэтому петербургское произношение больше ориентировалось на орфографию, чем на произношение», — отмечает языковед П. А. Клубков. Многие специфические петербургские обычаи и привычки также нередко обуславливались немецким влиянием; например, Н. А. Некрасов в 1844 году писал, что отличающая всех петербуржцев, включая самых бедных, любовь к употреблению кофе получила распространение от живущих здесь немцев.

Таким образом, осуществленный Екатериной II проект переселения в Россию иностранцев сыграл важную роль в формировании того, что сегодня социологи называют петербургской идентичностью¹. Это понятие подразумевает и уже упомянутый нами набор поведенческих характеристик — манеру держаться и говорить, обычаи и традиции, определенные ментальные характеристики (например, совокупность духовных ценностей) и отражающие их устойчивые образы, атрибуты, символы и т. д., которые петербуржцами неизменно определяются как «свое». И пожалуй, главный из таких образов был также сотворен по приказу и при участии Екатерины II. Речь идет о памятнике Петру Первому на Сенатской площади.

Памятник Петру I

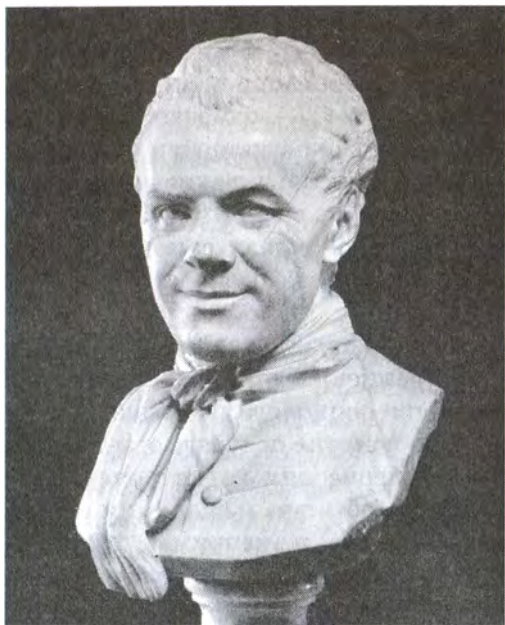

Действительно, памятник этот сразу же после открытия стал восприниматься как воплощение духа Петербурга. «Genius loci² Петербурга» — называл его выдающийся петербурговед Н. П. Анциферов. Конечно, этот монумент

---

¹ Идентичность (от *лат.* *identicus* — тождественный, одинаковый) — в социологии: сознание своей принадлежности к определенной общности людей, обладающей устойчивыми социально-психологическими характеристиками (в данном случае речь идет о принадлежности к петербуржцам).

² *Genius loci* (*лат.*) — дух места. В Древнем Риме так назывались божества — покровители городов и местностей.

М. Э. Фальконе.
Бюст работы М. А. Колло.
Между 1767 и 1773 гг.

прежде всего запечатлел торжествующий и величественный дух екатерининского царствования, но творение скульптора оказалось настолько неоднозначным, что каждое поколение жителей города открывало в нем все новые смыслы, давало ему самые разнообразные, порой противоречащие друг другу трактовки. Став героем поэмы А. С. Пушкина (или как ее назвал сам автор — петербургской повести), написанной осенью 1833 года, памятник получил свое имя — «Медный всадник».

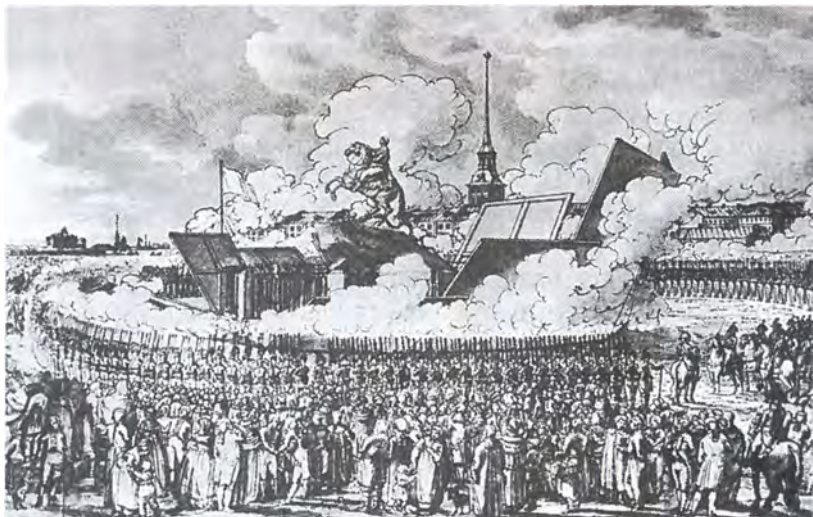
Сам по себе способ увековечить память о великом человеке установкой ему памятника, Московской Руси не был знаком. Работа над первым российским скульптурным памятником была начата по указанию самого Петра I: в 1716 году Б. К. Растрелли подготовил проект конной статуи императора для установки ее в Петербурге в честь побед над шведами. Статуя, отлитая уже после смерти не только модели, но и скульптора, еще много лет не была установлена. Лишь в 1800 году ее поставили на пьедестал перед Михайловским замком, где она и находится до сих пор.

Вновь идея воздвигнуть прижизненный памятник монарху возникла в 1762 году, когда генерал-прокурор А. И. Гле-

бов предложил Сенату в знак благодарности за дарование дворянству вольности воздвигнуть золоченую статую императора Петра III. Всерьез обсуждавшаяся в Сенате, эта идея была отвергнута самим царем. Однако сенаторам она, по-видимому, запала в головы, поскольку сразу же после воцарения Екатерины II они поручили руководителю Конторы строений И. И. Бецкому позаботиться о создании памятника новой царице. В течение двух лет проектированием монумента занимались разные специалисты, в том числе М. Ломоносов и Я. Штелин, пока Екатерина не воспротивилась этому и не указала на необходимость установки памятника Петру I. С этого времени началась деятельная подготовка к созданию монумента, для работы над которым по рекомендации Дидро из Франции был приглашен скульптор Этьен Морис Фальконе. Его соавторами стали приехавшая с ним ученица Мари Анн Колло и русский скульптор Федор Гордеевич Гордеев. Работа над памятником длилась без малого шестнадцать лет, если считать со времени прибытия Фальконе в Петербург до торжественного открытия монумента.

Жанр конного монумента, восходящий к античной традиции, был призван прославлять воина-победителя. В соответствии с этим канонический вариант конного памятника изображал героя в момент триумфа, в состоянии величественного покоя и торжества. Таким, кстати, был сделан монумент Растрелли. Но Екатерину II такой вариант памятника не устраивал, поэтому работа петровского скульптора была ею отвергнута. Ей хотелось воплотить государственно-го преобразователя, законодателя, побеждающего не внешнего неприятеля, а преодолевающего духовные преграды внутри страны (именно такой правительницей современники должны были воспринимать и саму Екатерину). Желание императрицы совпало с намерением приглашенного ею ваятеля. *«...Представляю себе <Петра> не великим полководцем и не завоевателем, хотя он и был, конечно, таковым. Надо показать человечеству более прекрасное зрелище, творца, законодателя, благодетеля своей страны»,* — разъяснял свой замысел Фальконе в письме к Дидро.

В соответствии с этим замыслом монумент было решено разместить на Сенатской площади в окружении строений, как бы воплощающих петровские нововведения: с одной стороны — Адмиралтейство, излюбленное детище Петра, где

Открытие памятника Петру I. Рисунок А. П. Давыдова. 1782 г.

рождался русский флот, с другой — здание созданного им нового государственного органа — Сената¹. И конечно, главным достоинством этого места в глазах создателей монумента стала близость Невы, ее самого просторного, самого величественного участка.

В качестве постамента для статуи был использован огромный гранитный валун, называемый Гром-камень, которому придали необходимую форму. Для этого спереди и сзади камень дорастили двумя небольшими кусками, но выполнили это столь искусно, что весь пьедестал производит впечатление единого целого. Поверхность гранита обтесана, но не отшлифована, что как бы обозначает природную «дикость» камня. Естественное происхождение этого камня представляло особую ценность для скульптора, поскольку подножие монумента должно было символизировать препятствия, которые преодолел великий реформатор, а победу над природой Фальконе ставил в один ряд с прочими победами Петра: *«Природа и люди противопоставляли ему самые большие трудности: сила и настойчивость его гения их преодолели»*.

---

¹ Стоящие на площади здания Адмиралтейства и Сената были заново построены на месте прежних уже после открытия монумента.

Более того, придав постаменту форму набегающей волны, Фальконе ввел в свое творение мотив покорения водной стихии, который был существен и для петровского царствования в целом, и для строительства Петербурга. В поэме Пушкина «Медный всадник» этот мотив оборачивается противоположной стороной: покоренная стихия вырывается из-под спуда и мстит за свое порабощение.

Необходимо обладать большой творческой смелостью для того, чтобы использовать в качестве постамента дикую каменную глыбу. Этот элемент памятника резко противостоит уже ставшей к тому времени характерной для облика Петербурга регулярности, правильности, математической выверенности.

Размеры и тяжесть камня, предназначенного стать основанием памятника, и соответственно трудность, с которой его доставили на свое место, тоже были превращены в эстетический фактор. Все этапы добывания и транспортировки Гром-камня зарисовали и воспроизвели в гравюрах. Еще до открытия памятника, в 1777 году, в Париже была издана книга руководившего этими работами грека Ласкари, в которой описан весь процесс перевозки камня; об этом же рассказывалось в других книгах и в газетах; наконец, по случаю успешной доставки постамента была выбита медаль с надписью «Дерзновению подобно». Решение уникальной для того времени технической задачи по перемещению исполинского камня по суше и воде служило примером силы человеческого разума, способного совершать чудеса, подобные божественным. Как чудо, как акт божественного творения представлена доставка Гром-камня в Петербург в сочиненной Василием Рубаном «Надписи к камню, назначенному для подножия статуи Петра Великого»:

Колосс Родийский¹, днесь смири свой гордый вид!
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бранными соделаны руками.
Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,

---

¹ Колосс Родосский — исполинская статуя бога солнца Гелиоса, воздвигнутая в античные времена на острове Родос, одно из семи чудес света.

Прешла во град Петров чрез Невские пучины,
И пала под стопы Великого Петра!

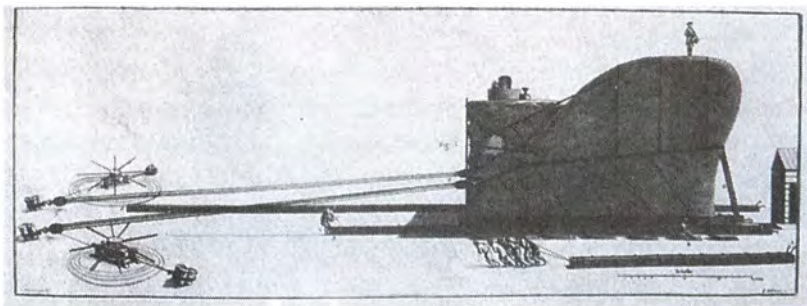
Немаловажно и то, что избранный для постамента камень имел собственное имя — Гром-камень, которое активно использовалось в многочисленных текстах, описывавших сооружение и открытие памятника. Согласно этим источникам, название камень получил благодаря тому, что был некогда расколот ударом молнии (получившийся в результате этого скол создал для Фальконе наклонную плоскость в задней части постамента). Наличие имени придавало скале некоторую индивидуальность, она становилась как бы неким одушевленным персонажем, с которым дерзкие люди вступали в противоборство.

Интересно, что, еще находясь на изначальном месте в лесу близ Лахты, Гром-камень был объектом суеверного почитания местных финноугорских жителей. Конечно, как справедливо замечает Д. Л. Спивак, связь камня и образов змеи и коня, включенных в фальконетовский монумент, с магической культурой финских народов, издревле населявших приневские земли, вряд ли осознавалась создателями памятника. Но в последующее время эта связь порой всплывала на поверхность, о чем свидетельствует, например,

Вид Гром-каменя во время перевозки.
Гравюра Я. ван де Шлея по рис. Ю. М. Фельтена. 1770-е гг.

Перевозка Гром-камня. Гравюра. Из книги: *Карбури (Ласкари)*.
Monument élevé à la gloire de Pierre-le-Grand... Париж, 1777 г.

известная строка поэта М. Волошина о Гром-камне: «Алтарный камень финских чернобогов...»

Для людей же второй половины XVIII века, вероятно, большее значение имели рассказы о том, что Петр I якобы неоднократно поднимался на Гром-камень, чтобы обозреть окрестности во время боевых действий против шведов.

В традиционную композицию конного монумента Фальконе вносит довольно много необычных элементов, одним из которых является извивающаяся под копытами коня змея. Вылепленная Гордеевым по эскизам Фальконе змея выполняет важную конструктивную роль — придает устойчивость всей композиции, создавая дополнительные точки опоры. Но при этом змея является и важным смысловым элементом, толкование которого впоследствии нередко уходило весьма далеко от той аллегории, которую желал представить Фальконе. Для скульптора, как это явствует из его переписки с Екатериной, змея символизировала зависть, которую Петр Великий *«мужественно поборол»*. А. Н. Радищев, присутствовавший при открытии памятника и описавший его в своем «Письме к другу, жительствоющему в Тобольске...», трактовал змею как *«коварство и злобу, искавшие кончины его <Петра> за введение новых нравов»*. А почти через полтора столетия в рассуждениях философа и публициста Г. П. Федотова змея стала обозначать не только противников петровских реформ, но и противников царизма вообще, превратившись таким образом в метафору революции.

Поместив змею под ногами своего героя, Фальконе неосознанно придал ему сходство с определенным типом

Гром-камень в лесу. Гравюра Я. ван де Шлея по рис. Ю. М. Фельтена. 1770-е гг.

мифологического героя. Змееборец — один из древнейших мифологических образов, известный и античности (Геракл), и европейскому Средневековью (Беовульф), и христианской традиции (св. Георгий), и русскому фольклору (Добрыня). Победа над змеем является одним из подвигов культурного героя — титана, дарующего людям огонь, обучающего их земледелию, строительству жилищ, наукам и искусствам. Реформаторская деятельность Петра в каком-то отношении уподобляла его подобным мифологическим героям, и появление на памятнике змеи еще более подчеркивало это подобие. Отчетливую параллель «Медного всадника» с образом Георгия Победоносца, издревле считавшегося покровителем Москвы, использовал А. А. Блок в стихотворении «Поединок», метафорически изображая борьбу Москвы и Петербурга как схватку Георгия с Петром.

Конь, на котором восседает Петр, также воспринимается как аллегория. Сравнение монарха с наездником или возницей напрашивается само собой; для обозначения государственной власти существует даже общеупотребительная языковая метафора «бразды правления». Однако важно, что конь на фальконетовском монументе отнюдь не добровольно подчиняется власти всадника, а яростно сопротивляется ей. Причем строптивости коня противопоставлена не сила

оружия — у всадника нет ни шпор, ни плети, ни даже стремян, — а титаническая воля. При внешней статичности фигуры Петра его поза и лицо выражают глубочайшее внутреннее напряжение. (Фальконе не удавалось вылепить соответствующую его замыслу голову героя, эта задача оказалась по плечу М. А. Колло. Лицо Петра — сжатые губы, нахмуренные брови, скошенный взгляд — исполнено с удивительной художественной силой.)

Понимание образа коня как метафоры страны, укрощенной властью Петра, выражено в знаменитых пушкинских строках:

Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Отметим, что последнее слово в приведенной цитате употреблялось тогда и в единственном числе (дыба) и обозначало орудие для пытки, чрезвычайно широко применявшееся в петровское время.

Мотив насилия, которое было главным методом осуществления петровских реформ, был введен скульптором в свое творение вполне сознательно: «он <Петр> *быстро осуществил то добро, которого не хотели...*» (из письма Фальконе к Дидро). Но и автор монумента, и его современники не сомневались в оправданности насилия во имя великой цели — создания могучего и непоколебимого государства. Однако полвека спустя Пушкин, осмысляя в своей поэме эту проблему в связи с фальконетовским монументом, не будет столь категоричен. Его Евгений, которому «воля роковая» создателя Российской империи и основателя города «над бездной» принесла страшные несчастья, вызывает сочувствие и жалость. И в последующее время во многом благодаря Пушкину образ «кумира на бронзовом коне» будет восприниматься не только как апофеоз царя-демиурга, но и приобретет некоторые зловещие черты. У его подножья будет мерцать тень загубленного по его вине бедного петербуржца.

Примечательно, что образ реформатора и законодателя ваятель создал не с помощью эмблем или красноречивых деталей (например, можно было вложить в руку Петру свиток законов), а пластическими средствами: положением тела, постановкой головы и особенно жестом правой руки —

жестом творца и повелителя. И именно благодаря этому жесту мифологическое звучание образа, которое мы отметили в связи с мотивом змееборчества, усиливается: перед нами не столько реальная историческая личность, сколько некий фантастический персонаж, что-то вроде бога-творца. А если мы обратим внимание на то, что восседает этот герой не на седле, а на медвежьей шкуре, образ верховного языческого божества получит почти полное завершение. Добавим к этому, что православная традиция в принципе отвергала скульптурные изображения, считая их принадлежностью идолопоклонничества. Поэтому весьма уместны в пушкинской поэме такие характеристики монумента, как *«кумир на бронзовом коне»* и *«горделивый истукан»*.

Впрочем, современники рождения монумента были склонны, в первую очередь, видеть в нем более близкие себе идеи; для них памятник прежде всего материализовывал образ монарха-просветителя. А. Н. Радищев, например, так изъяснял значение некоторых деталей скульптуры: *«древняя одежда, звериная кожа¹ и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашел в народе, которой он преобразовать вознамерился»*. А для Екатерины, как мы уже говорили, важно было подчеркнуть, что она сама, подобно своему великому предшественнику, является просвещенной монархиней. Это и было сделано со всей откровенностью в надписи на пьедестале: *«Петру первому Екатерина вторая лета 1782»*. Неоднократно замечалось, что слово «вторая» в этом контексте намекает на преемственность Екатерины по отношению к Петру. Вообще, памятник Петру в данном случае являлся, конечно, и памятником Екатерине (вспомним, как возникла идея его создания). Г. Р. Державин в «Изображении Фелицы», живописуя открытие монумента, восклицал:

Велик, кто алтарей достоин,
Но их другому посвятил!

В петербургской культуре идея просвещенного монарха, заложенная в памятнике его создателями, расширилась, приобрела метафизическое звучание; монумент стал восприниматься как воплощение духа города, *genius loci*. Мифоло-

---

¹ Имеется в виду шкура вместо седла.

гизированный образ державного основателя города, явленный фальконетовским памятником, воплотился в словесной форме в петербургской повести Пушкина. После ее появления Сенатская площадь становится главным местом мистического общения с духом великого императора, потеснив в этом отношении и деревянный домик на Петербургской стороне, и Летний сад с дворцом, и гробницу в Петропавловском соборе. О встречах на Сенатской площади с призраком Петра или с ожившим памятником рассказывают многочисленные предания. Подобно Евгению посредством обращения к статуе, возвышающейся на Гром-камне, высказывают свои «претензии» императору многие герои петербургской литературы XIX—XX веков. «Петр — первоначало, определившее всю жизнь любого петербуржца и постоянно напоминающее о себе памятником на Сенатской площади», — пишет современный литературовед и культуролог Р. Д. Тименчик. И не случайно «Медный всадник» стал одним из официальных символов современного Петербурга. Силуэт памятника был выбран в качестве эмблемы киностудии «Ленфильм»¹.

Итак, памятник Петру I на Сенатской площади воплотил собой то, что можно назвать «идеей Петербурга»: совокупность идеологических и философских мотивов, имеющих большое значение для города в целом, для всей его истории и всех его жителей. Важный для создателей монумента мотив монарха-просветителя, своей могучей волей победившего варварство и косность в подвластном ему народе, через некоторое время обнаружил в своей основе идею беспощадного насилия государства над личностью; тема подчинения природы человеческому разуму обернулась угрозой ответного возмущения поработленной стихии; образ царя-реформатора, основателя и строителя города преобразился в исполнскую фигуру бога-творца.

Эти мотивы, впервые столь мощно реализовавшиеся в памятнике Фальконе, затем многократно варьировались в различных произведениях петербургского искусства. Например, «Укротители коней» П. К. Клодта на Аничковом мосту разрабатывают тему покорения природной стихии.

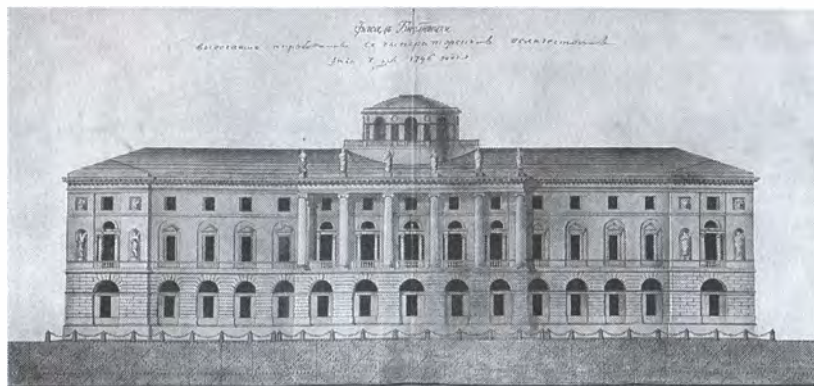
¹ Впервые эта эмблема была использована в фильме «Рабочий поселок» (режиссер В. Венгеров, 1965 г.).

Екатериной II было создано или учреждено еще несколько объектов, значение которых для петербургского самосознания сопоставимо со значением памятника Петру I. Впоследствии они стали столь же нераздельны с культурой Петербурга, как Нева и белые ночи с его обликом. Назовем некоторые, наиболее значительные из них:

— *Эрмитаж*. В 1764 году Екатерина в счет уплаты долга российской казне приобретает для задуманной ею дворцовой картинной галереи 225 полотен западноевропейских авторов, собранных для Фридриха II берлинским купцом И. Э. Гоцковским. К концу царствования Екатерины II коллекция Эрмитажа насчитывала около 4000 картин, свыше 7000 рисунков, почти 80 тысяч гравюр и около 10 тысяч резных камней. Для ее размещения к Зимнему дворцу было пристроено несколько новых зданий, которые музей занимает по сей день.

— *Публичная библиотека*. Большие средства императрица выделяла на приобретение замечательных книжных собраний. В 1765 году императрица покупает библиотеку Дидро (оставив ее в распоряжении бывшего владельца до его кончины), в 1778 году — библиотеку Вольтера. Специально для наследника престола великого князя Павла Петровича матушка-императрица покупает 36 тысяч томов, собранных бароном И.-А. Корфом. Впрочем, просвещенная монархиня добывала культурные сокровища и иными способами: в 1794 году при подавлении в Варшаве польского восстания армия Суворова захватила огромную по тем временам библиотеку братьев А.-С. и И.-А. Залуских. По приказу Екатерины библиотеку привезли в Петербург, и она составила основу первой в России Публичной библиотеки, для которой тогда же, на углу Садовой улицы и Невского проспекта, начали строить здание. Открытие библиотеки состоялось лишь в 1814 году, а собрания Дидро и Вольтера, хранившиеся в Эрмитаже в составе собственной «комнатной» библиотеки Екатерины II, были частично переданы в ее фонды еще позднее.

— *Вольное экономическое общество*. Учрежденное в 1765 году первое в России научное общество играло боль-

Главный фасад Публичной библиотеки.
Проектный чертеж Е. Г. Соколова. 1796 г.

шую роль в жизни Петербурга вплоть до своего закрытия в 1919 году. При Екатерине общество занималось научными изысканиями и распространением знаний, главным образом в сфере сельского хозяйства.

— *Большой театр*. В 1775—1783 годах в Петербурге возводится первое в России каменное здание для публичного, то есть открытого для всех, театра, который так и стал называться Каменный, или Большой театр¹. Здесь ставились оперные, балетные и драматические спектакли, в них звучала музыка замечательных композиторов, работавших в Петербурге: Джованни Паизиелло, Джузеппе Сартти, Доменико Чимарозы, Висенте Мартин-и-Солера, Василия Пашкевича, Евстигнея Фомина и др. Открытый в 1860 году на другой стороне Театральной площади Мариинский театр, по сути дела, является преемником Большого театра.

— *Российская академия*. В 1783 году по образцу Парижской академии в Петербурге была создана Российская академия. В отличие от Академии наук, которая занималась естественными и точными дисциплинами, новая академия должна была направить свои усилия на изучение русского

¹ Автором первоначального проекта Каменного театра исследователи последнего времени считают А. Ринальди. Перестроенный в начале XIX в., театр сгорел в 1811 г., а поставленное на его месте здание позднее переделали в Консерваторию, которая в нем находится и по сей день.

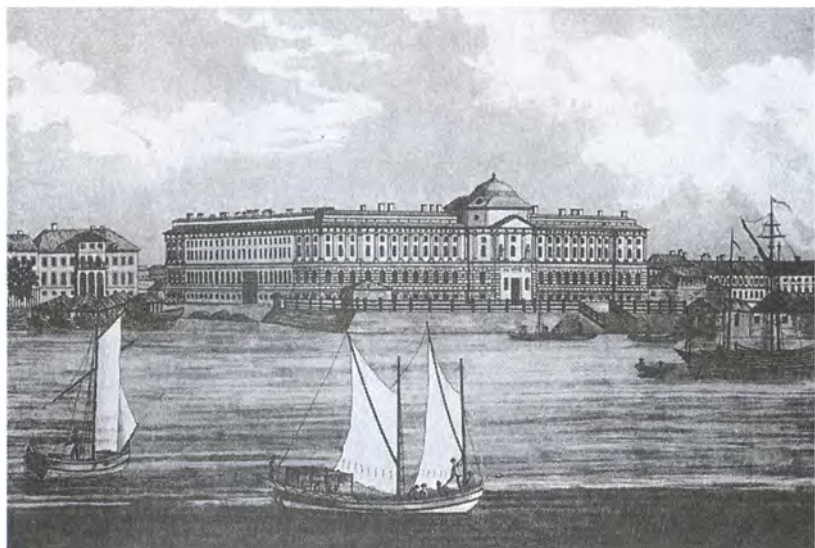
Большой (Каменный) театр. Гравюра. 1810-е гг.

языка, составление словаря и грамматики (в XIX веке обе академии были объединены). Созданный за шесть лет «Словарь Академии Российской, словопроизводным порядком расположенный» явился первым научно подготовленным словарем русского языка и имел огромное значение для развития всей русской культуры.

— *Академия художеств*. Была открыта еще в царствование Елизаветы Петровны, однако поначалу, находясь в Петербурге, она официально числилась «при Московском университете». И лишь в 1764 году, когда высочайшим указом императрицы Екатерины II были утверждены «Привилегия и Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств», петербургская Академия художеств начала самостоятельное существование. Именно эта дата — MDCCLXIV — выложена мозаикой на полу в вестибюле здания на Васильевском острове, которое академия занимает до сих пор. Здание было построено также в царствование Екатерины II архитекторами Ж. Б. М. Валлен-Деламотом и А. Ф. Кокориновым.

К этому перечню следовало бы добавить Горное училище (нынешний Горный институт), Смольный институт благородных девиц, Воспитательный дом, Учительскую семина-

Академия художеств. Раскрашенная гравюра Т. Малтона по рис. Дж. Хирна.
1789 г. Фрагмент

рию, оспопрививальный дом и еще многие другие учреждения, появившиеся в Петербурге заботами Екатерины II и ставшие впоследствии для нашего города знаковыми. Впрочем, следует заметить, что нередко увлечение, с которым императрица занималась созданием различных полезных для ее подданных заведений, при первых же неудачах пропадало, не принося благих результатов. Так, остался лишь на бумаге проект устройства деревенских школ, как и практически все проекты, связанные с дарованием прав крестьянскому сословию.

При Екатерине наш город обрел и важнейшие черты своего внешнего облика. Это прежде всего гранитные набережные. В городе реки и каналы облицовывали камнем и прежде, но только при Екатерине эта работа стала планомерной; в городской черте были полностью одеты в гранит левый берег Невы, Фонтанка и названный в честь императрицы Екатерининский канал¹, а также большие участки

---

¹ Екатерининский канал образовался в результате произведенных при Екатерине продления, спрямления и расчистки Глухой речки (или Кривуши).

Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости.
Картина Ф. Я. Алексеева. 1794 г.

других рек и каналов. Особое значение в формировании облика Петербурга имели и решетки (прежде всего, необходимо упомянуть легендарную решетку Летнего сада, сооруженную по проекту Ю. М. Фельтена), а также множество великолепных зданий как в самом Петербурге, так и в его пригородах. В творчестве таких зодчих екатерининского времени, как А. Ринальди, Дж. Кваренги, Ж. Б. М. Валлен-Деламот, Ю. М. Фельтен, Ч. Камерон, И. Е. Старов и др., сформировался архитектурный стиль, называемый классицизмом, который не только стал определять облик Санкт-Петербурга, но и оказал глубочайшее воздействие на психологический строй петербуржцев. «Организованное посредством архитектурных образов пространство „Северной Пальмиры“ должно было изменить и действительно меняло представление людей о самих себе и о своей эпохе», — пишет о екатерининском Петербурге современный историк Б. М. Матвеев.

К екатерининскому царствованию относится и окончательное формирование цепи великолепных императорских дворцов с парками, что опоясывают Санкт-Петербург с юга: от Ораниенбаума через Петергоф, Ропшу, Стрельну, Гатчину, Павловск, Царское Село до Пеллы — несохранившейся екатерининской резиденции в среднем течении Невы.

Внутренняя политика Екатерины II.

Расширение империи

Все перечисленные и многие другие проекты, осуществленные при Екатерине II и в Петербурге, и в других частях империи, составили славу царствования «Семирамиды севера», как назвал ее Вольтер. Однако внимательный взгляд историка может различить за внешним блеском екатерининских свершений некоторые обстоятельства, заставляющие этот блеск потускнеть. «Совершенно естественно, что роскошные дворцы, оставшиеся после более чем тридцатилетнего царствования, не могут не вызывать восхищение, когда им возвращается первозданная красота, равно как и картинные галереи и скульптура, наполняющие их, однако не покидает мысль о том, что успехи просвещения и науки могли быть более впечатляющими, а „средний класс“ российского общества, наконец, появился бы и встал на ноги, будь правление более основательным, последовательным в своих усилиях и, что называется, отеческим», — пишет современный историк С. Н. Искюль.

Провозглашавшиеся Екатериной намерения улучшить государственное устройство России имели чрезвычайно прогрессивный (если не сказать революционный) характер, однако на деле они почти всегда оставались всего лишь декларациями. Даже в тех случаях, когда делались какие-то шаги для реализации этих намерений, в итоге все заканчивалось сохранением существующего положения. Так, создав Комиссию для составления нового Уложения и направив ей свой «Наказ», который Екатерина составила на основе трудов Ш. Монтескье и Ч. Беккариа и опубликовала его не только на русском, но и на нескольких европейских языках, императрица вскоре потеряла к этому детищу всякий интерес. Комиссия, совершенно бесплодно прозаседав полтора года, была временно распущена из-за начала турецкой войны да так более и не собралась.

Неоднократно Екатерина строила планы отмены крепостного права в России. Однако на деле количество крестьян-рабов в империи в целом и в Петербургской губернии в частности значительно возросло, а тяжесть крепостного гнета

увеличилась. Этому способствовала широко применявшаяся императрицей практика жалования своим фаворитам и выслужившимся сановникам заселенных крестьянами имений. В основном раздавались земли с крестьянами (прежде бывшими вольными) на вновь присоединенных к России территориях: в Лифляндии, Белоруссии, Малороссии, на Крымском полуострове и т. д. Всего, по подсчетам историка В. И. Семевского, было пожаловано около 850 тысяч душ обоего пола. Кроме того, дарились поместья, относившиеся к так называемым государевым вотчинам, то есть формально находившиеся в личной царской собственности («государевы» крестьяне на этих землях были значительно менее угнетаемы, чем помещичьи). К примеру, в 1762 году любимец императрицы граф Григорий Орлов получил от нее в дар мызу Гатчину с двадцатью окрестными деревнями, а два года спустя — мызу Ропшу с построенным Растрелли дворцом (где, кстати, незадолго до этого не без участия Алексея Орлова — брата фаворита — был убит низложенный император Петр III), а в придачу к Ропше — Елисаветгоф, Кипень и еще сорок с лишним деревень в окрестностях Петербурга с населением более четырех тысяч душ. Часть из этих пожалований была, правда, позднее вновь приписана к дворцовым владениям, но Орлову взамен были даны другие — Лахта и Осиновая Роща. Последняя по просьбе графа была выкуплена в казну и затем досталась другому фавориту императрицы — Г. А. Потемкину.

Несколькими своими указами Екатерина чрезвычайно усилила власть помещиков над крепостными: было позволено ссылать крестьян без суда на каторгу в Сибирь, любая жалоба на хозяина признавалась преступлением и подлежала наказанию и т. п.

Третье сословие, буржуазия, увеличившись стараниями Екатерины в количественном отношении, заметной социальной силой так и не стало.

Единственной общественной группой, которая обладала доступом к власти в Российской империи, было дворянство, причем права благородного сословия за время правления Екатерины чрезвычайно расширились.

Государственный аппарат в екатерининское царствие продолжал представлять собой громоздкую и малоэффективную систему, внутри которой фактически не было разделе-

ния административных, контрольных и судебных функций, что благоприятствовало взяточничеству, протекционизму и казнокрадству.

Границы империи при Екатерине продолжали расширяться: две русско-турецкие войны присоединили к России Крым, Азовское море и обширные территории в северном Причерноморье (так называемую Новороссию). Заключение в 1783 году договора с царем Грузии Ираклием II усилило влияние России на Кавказе и в Закавказье. Вторжение русских войск в Польшу привело к трем разделам страны (в 1772, 1793 и 1795) и в итоге к ее исчезновению как самостоятельного государства. Россия же присоединила Литву, Курляндию, Белоруссию и правобережную Украину.

На фоне новых территориальных приобретений положение Санкт-Петербурга внутри страны несколько изменилось: с продвижением границы на запад, Петербург утрачивал свою эксцентричность, все менее воспринимался пограничным городом и все более «вращался» в тело России.

Тем не менее Швеция в 1788—1790 годах попыталась вернуть себе с помощью сухопутных войск юго-восточную Финляндию, а морскими силами ударить по Петербургу.

Русско-шведская война 1788—1790 годов

Проиграв войну 1741—1743 годов, Швеция тем не менее неоднократно пыталась взять реванш. Удобный момент для очередной попытки наступил в июне 1788 года.

Король Густав III рассчитывал воспользоваться тем, что основная часть русской армии была занята войной с Турцией (с которой Швеция находилась в союзнических отношениях). Кроме того, Екатерина держала достаточно крупные военные части во «взрывоопасной» Польше. Получив шведский ультиматум, являвшийся фактически объявлением войны, русское правительство в спешном порядке стало набирать ополчение, чтобы усилить те немногочисленные регулярные войска, которые находились поблизости от столицы. В самом Петербурге рекрутировали младших церковных служителей, составивших два батальона, а из ямщиков

сформировали казачий полк. Также к месту боевых действий были направлены «потешные» отряды, созданные в Гатчине наследником Павлом Петровичем. Командовать этой разношерстной сухопутной армией был назначен граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин, который, мягко говоря, не отличался полководческими талантами.

Однако участвовать в военных операциях этому войску пришлось немного. Все два года войны боевые действия на суше велись вяло, что было вызвано, с одной стороны, бунтами в шведской королевской армии, а также вступлением в войну союзницы России Дании, отвлекшей на себя внимание шведов, а с другой — нерешительностью русского командования и недостатком у него средств для активного ведения войны.

Основные сражения войны 1788—1790 годов происходили на море. И здесь у шведов было достаточно возможностей для того, чтобы преодолеть сопротивление русских. Наскоро вооруженный, укомплектованный малоопытными и плохо обученными матросами, русский флот действовал несогласованно, не мог точно и своевременно выполнять команды, однако решительные действия российских адмиралов С. К. Грейга, В. Я. Чичагова, К. Нассау-Зигена, А. И. Круза не давали шведам возможности добиться решительного успеха. Тем не менее, если в начале войны боевые действия разворачивались по всей акватории Балтийского моря (сражения между русскими и шведскими эскадрами происходили и у островов Эланд и Борнгольм в центре Балтики, и в датских проливах на самом ее западе), то летом 1790 года ареной морских баталий стал исключительно Финский залив. Неприятельские суда атаковали русских у Ревеля (Таллина), у Фридрихсгамна, в проливе Роченсальм¹, в проливе Бьёрке-Зунд², в Выборгском заливе и, наконец, в непосредственной близости от российской столицы у Красной Горки³, когда звуки длившейся два дня канона-

---

¹ Роченсальм — пролив в Финском заливе, на берегу этого пролива расположен город Роченсальм, ныне Котка.

² Бьёрке-Зунд — пролив в Финском заливе, отделяющий острова Бьёрке (Березовый) и Пийсаари от материка.

³ Красная Горка расположена на южном берегу Финского залива, вблизи поселка Лебяжий.

Рукописный план 2-го этапа сражения в Выборгском заливе. 1790г.

Шведский флот прорывается сквозь строй русских кораблей, блокирующих его в заливе. Победу русских недвусмысленно обозначает пробитый ядрами, поникший шведский флаг, изображенный автором над картушем

ды вызвали панику среди жителей Петербурга. Впрочем, действия шведского флота также выглядят скорее беспорядочными, чем продуманными и планомерными.

Резервы Стокгольма на третий год войны совершенно иссякли. К тому же, в отличие от своего монарха, все еще жившего мечтами об имперском могуществе, шведское общество уже вполне осознало, что его благополучие отнюдь не зависит от размеров государственной территории, и потому крайне негативно относилось к развязанной королем войне. Все это привело к тому, что Густаву III пришлось отказаться от своих притязаний и заключить с Россией мирное соглашение, сохранявшее границы в соответствии с Ништадтским и Абоским договорами.

Итак, применительно к эпохе Екатерины II мы можем говорить о том, что петербургское городское сообщество испытало на себе целый комплекс разнообразных воздействий, в основе которых лежали идеологические установки Просвещения, что нашло выражение в приглашении зару-

бежных переселенцев, в организации городского самоуправления, в создании и развитии различных культурных учреждений, в стилистическом оформлении городских сооружений. Взаимодействие этих и множества других факторов привело к тому, что горожане постепенно переставали быть просто группой людей, которых объединяет проживание на одной территории. Стал появляться некий психологический тип петербуржца, началось формирование петербургской идентичности.

С этим, возможно, связано образование в городе различных форм общественной жизни, более или менее независимых от государства: масонских лож, дворянских и мещанских клубов, литературных и публицистических журналов. Значительно сложнее становилась внутренняя структура петербургского сообщества; сглаженность социальных контрастов, которая была характерна для него в петровское время, уступила место отчетливому размежеванию на общественные слои и группы.

В царствование Екатерины II впервые с петровского времени перестали применяться принудительные меры для удержания жителей в столице. И хотя по-прежнему население Петербурга характеризовалось искаженными демографическими пропорциями (например, по подсчетам П. Н. Петрова, количество женщин в городе во второй половине XVIII века составляло приблизительно $\frac{1}{3}$ от количества мужчин), все же можно сказать, что с екатерининского времени Петербург постепенно начинает жить более естественной жизнью.

И внешний облик, и состав его населения, и символическое, идейное значение города определялись тем, что он являлся столицей грандиозной, все увеличивавшейся и крепнувшей империи, воплощением ее незыблемости, богатства, могущества и блеска. Вне этой функции Петербург екатерининского времени, да и всего имперского периода, был немислим.

К царствованию Екатерины II многие петербурговеды относят завершение начального периода в истории города; как мы видим, основания для такой периодизации имеются. Мы воспользуемся этим для того, чтобы прервать на время наше рассмотрение истории Невского края, которое теперь уже неразрывно связано с историей города по имени Санкт-Петербург.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ¹

(из сочинений Екатерины II)

В старину много кричали, да еще и в настоящее время часто говорится, хотя и с меньшей колкостью, о построении города Петербурга и о том, что двор поселился в этом городе и покинул древнюю столицу Москву. Говорят, и это отчасти верно, что там умерло несколько сот тысяч рабочих от цинги и других болезней, особенно в начале; что провинции обязаны были посылать туда рабочих, которые никогда не возвращались домой; что дороговизна всех предметов в этом городе сравнительно с дешевизною в Москве и в других областях разоряла дворянство² и проч., что местоположение было нездорово и неприятно, и не знаю еще что, и что это место менее, чем Москва, подходит для господства над империей³ и что это предприятие Петра Великого похоже на предприятие Константина⁴, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим, <причем> римляне не знали, где искать свою отчизну, и, так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало-помалу падали и наконец совершенно уничтожились. Я вовсе не люблю Москвы, но не имею никакого предубеж-

¹ «Размышления о Петербурге и Москве» («Reflexions sur Petersbourg et sur Moscow») — отдельная недатированная заметка Екатерины II на французском языке.

² Об этом говорил с Екатериной Дидро: «Мне кажется, кроме того, что жизнь в Петербурге должна быть весьма дорогой, а следовательно, и невыгодной для землевладельцев, которые вынуждены жить вдалеке от своих поместий» (Из послания «Вашему величеству от слепца, вздумавшего рассуждать о цвете»).

³ Такой аргумент в пользу переноса столицы снова в Москву можно найти в «Прошении Москвы о забвении ея» (1787) историка и публициста князя М. М. Щербатова: «Средоточное местоположение среди Империи моего града <то есть Москвы> было бы удобным к скорейшему дохождению всех известий до правительства, и власть монарша, повсюду равно простираясь, нигде <бы> ослаблена не была».

⁴ Константин Великий (ок. 285—337) — римский император, перенес столицу из Рима в основанный им Константинополь.

деня против Петербурга, я стану руководиться благом империи и откровенно выскажу свое чувство. 1. Москва — столица безделья и ее чрезмерная величина всегда будет главной причиной этого. Я поставила себе за правило, когда бываю там, никогда ни за кем не посылать, потому что только на другой день получишь ответ, придет ли это лицо, или нет; для одного визита проводят в карете целый день, и вот, следовательно, день потерян. Дворянству, которое собралось в этом месте, там нравится: это неудивительно; но с самой ранней молодости оно принимает там тон и приемы праздности и роскоши; оно изнеживается, всегда разъезжая в карете шестерней, и видит только жалкие вещи, способные расслабить самый замечательный гений. Кроме того, никогда народ не имел перед глазами больше предметов фанатизма, как чудотворные иконы на каждом шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры, бесполезные слуги в домах — какие дома, какая грязь в домах, площади которых огромны, а дворы грязные болота. Обыкновенно каждый дворянин имеет в городе не дом, а маленькое имение. И вот такой сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу, страстно даже любит рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум. <...> Петербург, надо сознаться, стоил много людей и денег; там дорога жизнь, но Петербург в течение 40 лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет с тех пор, как она построена; сколько там <в Петербурге. — К. Ж.> народу занято постройками, подвозом съестных припасов, товаров, сколько денег они вывозят в провинции; народ там мягче, образованнее, менее суеверен, более свyksя с иностранцами, от которых он постоянно наживается тем или другим способом, и т. д., и т. д., и т. д.

(Текст печатается по изданию: Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 651—653. Орфография приближена к современным нормам.)

Методические материалы

Контрольные вопросы к учащимся

Глава I. Невский край: природа и люди

1. Опишите трансконтинентальные водные пути, с древнейших времен проходившие через Невский край. Какова их роль в формировании культуры Невского края?

2. В занятиях жителей Невского края какое значение имело преобладание промыслов и ремесел над земледелием?

3. Каков механизм возникновения петербургских наводнений? Какими мерами жители невской дельты защищали себя от подъемов воды?

4. Каковы характерные особенности ландшафта Невского края? Согласны ли вы с тем, что эти особенности определили какие-то черты в коллективной психологии местных жителей? Обоснуйте свой ответ.

Глава II. Древнейшие обитатели Невского края

1. Какие финноугорские племена обитали в древности в Балтийско-Ладожском регионе? Каковы приблизительно области их расселения?

2. В чем заключалось славяно-финское взаимодействие в период, предшествующий включению води, ижоры и корелы в состав Новгородского государства?

3. Какие славянские археологические культуры обнаруживаются вблизи Финского залива и Ладожского озера? Какие племена связывают с этими культурами?

4. В чем заключалась особенность проникновения викингов в Восточную Европу по сравнению с их экспансией на Западе?

5. Дайте характеристику древнему поселению в Ладого.

6. Какое содержание вкладывают ученые в понятие «Верхняя Русь»? Каковы особенности этого государственного образования? Каким образом Верхняя Русь была включена в Балтийскую цивилизацию раннего Средневековья?

Глава III. В составе Великого Новгорода

1. Назовите события, относящиеся к борьбе Новгорода за независимость в период Киевской Руси.

2. Каковы были отличительные черты государственного устройства Новгородской вечевой республики?

3. Каково было положение земель и народов, входивших в состав Великого Новгорода? Чем можно объяснить нежелание новгородцев строить крепости на водских, ижорских и корельских землях? Когда эти крепости все-таки появились?

4. Какие хозяйственные отрасли были определяющими в экономике и социальном устройстве Великого Новгорода?

5. Назовите основные события в отношениях Новгорода со Швецией и Ливонией в период его независимости.

6. В чем значение Ореховецкого мирного договора?

7. Какие мероприятия были предприняты Иваном III для искоренения новгородской независимости?

Глава IV. Под властью Московского государства

1. Как изменилась экономическая функция Невского края после вхождения Новгородской земли в состав Московского государства?

2. Каковы были цели Московского государства в Ливонской войне? Каковы были ее итоги?

3. Историки по-разному оценивают расправу Ивана IV над Новгородом: одни видят в ней неизбежный с исторической точки зрения завершающий этап централизации Московского государства, другие — ничем не оправданный демарш царя-кровопийцы. Каково ваше мнение?

4. Почему пребывание шведской армии на территории Великого Новгорода в 1611—1617 годах нельзя однозначно трактовать как интервенцию?

5. Каковы были последствия Смутного времени для Невского края?

Глава V. Невский край в составе Шведского королевства

1. Каково было положение Ингерманландии в составе шведского государства? Как оно сказывалось на ее экономическом развитии и функционировании невского торгового пути?

2. Охарактеризуйте этнический состав и занятия жителей Ниеншанца.

3. Каковы были итоги русско-шведской войны 1656—1658 годов?

4. С какими социально-экономическими процессами было связано переселение крестьян из земель, находившихся под властью Швеции, в Россию?

5. Каким образом православие и лютеранство взаимодействовали на территории Ингерманландии и Карелии в XVII веке?

6. Какие черты новгородского культурно-психологического типа были унаследованы жителями Ингерманландии?

Глава VI. Невский край и Северная война

1. Какие цели преследовал Петр I, начиная Северную войну?

2. Назовите даты важнейших событий Северной войны, повлиявших на судьбу Невского края.

3. Какой идеологический смысл имело строительство крепости Санкт-Петербург (Петропавловской)?

4. Как победа под Полтавой сказалась на строительстве Санкт-Петербурга?

5. В чем, по вашему мнению, заключается преемственность между Ниеншанцем и Санкт-Петербургом?

6. Что позволило России удержать Невский край в своем составе и воспрепятствовать попыткам Швеции вернуть ее?

Глава VII. Санкт-Петербург петровского времени

1. Какое значение для судьбы Невского края имело то, что выстроенный на берегах Невы город Петр I сделал столицей России?

2. В чем, по вашему мнению, заключается разница между столичностью Санкт-Петербурга и столичностью Москвы? Какой смысл имело существование в Российской империи двух столиц?

3. Какое значение вкладывалось в слово «империя» в идеологии петровского времени? Соответствовала ли ему Россия начала XVIII века?

4. Как в культуре Петербурга петровского времени воплощались имперские черты?

5. Назовите другие особенности петербургской культуры первой четверти XVIII века.

Глава VIII. Санкт-Петербург в середине XVIII века

1. Как вы считаете, грозил ли Санкт-Петербургу исчезновением перенос столицы в Москву при Петре II? Обоснуйте свое мнение.

2. Каковы были причины, заставившие Анну Иоанновну переместить столицу в Санкт-Петербург?

3. Какие идеологические, политические, просветительские мотивы легли в основу празднеств, связанных с Ледяным домом? Как изменилась общая социальная атмосфера в Петербурге в период правления Анны Иоанновны по сравнению с петровским временем?

4. Расскажите, в каких вариантах миф о Петербурге существовал в первой половине XVIII века. Как существование этого мифа сказывалось на жизни города?

5. Почему приход к власти Елизаветы Петровны вызвал опасения за свою судьбу у инородцев, живущих в Петербурге? Оправдались ли эти опасения? Какую позицию российская государственная власть занимала по отношению к иностранцам в дальнейшем?

Глава IX. Петербург в эпоху Просвещенного абсолютизма

1. Охарактеризуйте вкратце ситуацию в петербургском обществе в царствование Петра III.

2. Как вам кажется, почему Екатерина II, высоко ценившая Д. Дидро как мыслителя, не последовала его совету перенести столицу из Петербурга в Москву? Аргументируйте свой ответ материалами документа.

3. Какова роль выборных органов городского самоуправления в Петербурге и других городах России имперского периода? Сравните ее с ролью веча в Великом Новгороде и магистрата в городах Западной Европы.

4. Какое значение для формирования петербургской идентичности имели инородцы (в первую очередь немцы), поселившиеся в Петербурге и его окрестностях?

5. Какие важные для метафизики Петербурга философские и идеологические мотивы воплотились в памятнике Петру I работы Фальконе?

6. Какие еще созданные или основанные в царствование Екатерины II объекты стали для нашего города знаковыми?

Задания для работы учащихся с иллюстрациями, картами и документами

Глава I. Невский край: природа и люди

1. Рассмотрите карту «Бассейн реки Невы», составленную гидрологом Р. А. Нежиховским. Как вам кажется, можно ли весь бассейн реки Невы считать Невским краем или в данном случае исторически сложившиеся границы региона не совпадают с географическими?

2. На первом форзаце книги помещена карта «Трансконтинентальные речные пути VIII—XI веков». Найдите на ней Великий Волжский путь и путь «из варяг в греки». Почему эти пути называются трансконтинентальными? Подумайте, для перевозки каких товаров могли в древности использоваться эти трассы? В каких направлениях перевозились, например, шелк, оливковое масло, меха, воск? Вспомните, какими маршрутами распространялось в раннем средневековье серебро.

3. Рассмотрите карту Ладожского канала, выполненную в 1740-е годы. Какие реки соединяет канал? С какой целью он был проложен? В каком направлении его впоследствии продолжили?

4. Проследите по карте «Волго-Балтийские водные системы» речные пути, ведущие от Санкт-Петербурга в Волгу. В какой последовательности они были построены? Какая из этих систем наиболее совершенна и чем она превосходит предшествующие? Не доводилось ли вам проплывать по Волго-Балтийскому пути? Поделитесь своими впечатлениями.

5. Найдите на карте «Санкт-Петербургский морской канал» трассу этого гидротехнического сооружения. Чем морской канал не похож на другие каналы? На этой карте глубины в Финском заливе обозначены в футах. Переведите эти данные в метры.

6. Сравните план наводнения 1824 года и карту насыпного грунта на территории города. Узнайте, на сколько сантиметров выше ординара поднималась вода во время самых сильных петербургских наводнений. Сделайте вывод о том, какой подъем воды в Неве может угрожать городу затоплением в настоящее время.

7. Прочитайте выдержки из описания путешествия по Ладожскому озеру Н. Я. Озерецковского (документ № 1). Какими промыслами в XVIII веке занимались жители Приладожья? Какие породы рыб из числа упомянутых Озерецковским ловятся в Ладожском озере и Неве по сей день, а какие исчезли?

Глава II. Древнейшие обитатели Невского края

1. Найдите на рисунке Б. Ф. Землякова, проводившего археологические раскопки в Лахте, кремневые наконечники стрел (верхний ряд), каменное долото (в центре) и каменный топор (внизу). Какими умениями должны были обладать люди, чтобы изготовить эти орудия? Как этими орудиями пользовались?

2. Возьмите карту Ленинградской области. Покажите на ней ареалы расселения древнейших обитателей Невского края. Найдите его древний центр — город Ладогу (ныне Старая Ладога). В чем своеобразие Ладоги по сравнению с другими древнейшими городскими поселениями Балтийско-Ладожского региона?

3. *«И вот, когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, <жители Британии> послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы <из Британии>, прибывшие <к саксам>, заявили: „Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить <бриттов> без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, <бритты> готовы вручить вашей власти. До этого мы благополучно жили под покровительством и защитой римлян, после римлян мы не знаем никого, кто был бы лучше вас, поэтому мы ищем убежища под крылом вашей доблести. Если вы, носители этой доблести и столь победоносного оружия, сочтете нас более достойными по сравнению с <нашими> врагами, то <знайте>, какую бы повинность вы ни возложили на нас, мы будем охотно ее нести“.* Это фрагмент из латинской хроники «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (50—70-е годы X века). Сравните формулы приглашения иноземных князей у Видукинда и в «Повести временных лет» (документ № 2). Как вы считаете, о чем говорит сходство этих формул?

Глава III. В составе Великого Новгорода

1. Древние художники, иллюстрировавшие летописи, в каждом своем рисунке стремились передать сюжет, цепь событий. Покажите это на примере миниатюры «Построение Новгорода». Из каких эпизодов складывается сюжет миниатюры, какова их последовательность?

2. Рассмотрите изображение новгородского Детинца (кремля) на иконе XVI века. Найдите на переднем плане Волхов и начало моста, соединявшего Софийскую сторону с Торговой; Софийский собор; стены и башни, поставленные в XV веке по указу Ивана III на древних фундаментах.

3. Миниатюра «Новгородцы звонят в колокол» отражает события 1342 года, когда во время ушкуйного похода в Заволочье был убит боярин Лука Варфоломеевич Мишинич. Его сын Онцифор обвинил в организации убийства двух новгородцев — Федора и Андрея. Найдите на рисунке два веча: одно, созданное Онцифором Лукиничем, и другое, состоявшее из его противников. Новгородским архиепископом (владыкой) был в то время известный церковный деятель Василий Калика. Чем можно объяснить, что именно он выступил посредником в этом конфликте? Найдите его изображения на миниатюре (в одном случае он нарисован идущим по мосту через Волхов).

4. Рассмотрите миниатюру «Возведение немцами крепости Копорье». По какому признаку на рисунках Лицевого летописного свода можно безошибочно найти изображение Александра Невского? Как вы считаете, что хотел показать художник, изображая в центре миниатюры, возле строящейся крепости православную церковь, хотя ведь в то время в основном исповедовала язычество? Почему эта церковь отсутствует на миниатюре «Разрушение Копорья»?

5. Как разворачивается «повествование» в миниатюре «Морской поход шведов на новгородские земли»? В какой части рисунка действие происходит в Швеции? Где изображена Новгородская земля? Что ее символизирует?

6. Одна из миниатюр, посвященных Невской битве, в точности воспроизводит имеющееся в тексте Жития Александра Невского сравнение этой битвы с ветхозаветным сюжетом. Как вы думаете, для чего автору Жития понадобилось это сравнение? Позволяет ли наличие в повествовании таких персонажей, как ангелы, считать его строго достоверным историческим источником?

7. Прочитайте описание границы в Ореховецком договоре. Какие знакомые географические названия вы встретили? По территории каких современных государств проходила эта граница?

8. Ознакомьтесь с фрагментами «Хроники Эрика», описывающими историю Ландскроны (документ № 3). Как вам кажется, какие эпизоды «Хроники» более или менее точно отражают происходившие события, а какие являются плодом фантазии автора?

Глава IV. Под властью Московского государства

1. Рассмотрите карту «Невский край в Ливонской войне». Покажите участок берега Балтийского моря, которым владело Московское государство до начала войны. Насколько он сократился после заключения Плюсского перемирия?

2. Попробуйте, пользуясь шведской гравюрой с изображением штурма Новгорода, определить точную дату этого события.

Сосчитайте, сколько времени шведские войска находились в Новгороде, если их вывод состоялся после подписания Столбовского договора 27 февраля 1617 года.

3. Рассмотрите карту «Невский край в начале XVII века». Как вы думаете, можно ли безоговорочно утверждать, что Московское государство, утратив часть своих территорий, полностью потеряло возможность развивать мореплавание и осуществлять торговлю по морю?

4. В писцовой книге Водской пятины (документ № 4) пречислены населенные пункты, располагавшиеся на территории Петербурга за двести лет до его основания. Изменило ли знакомство с этим документом ваши представления о допетербургском прошлом приневских земель?

Глава V. Невский край в составе Шведского королевства

1. На шведском рукописном плане Ниена и его окрестностей, составленном в середине XVII века, отмечены все постройки. Попробуйте сосчитать, сколько домов было в Ниене. Каково было население Ниена, если в каждом доме, по мнению исследователей, проживало по 4—5 человек?

2. Найдите на карте 1643 года, составленной картографом Э. Н. Аспегреном, первоначальную крепость Ниеншанц и город Ниен, усадьбы фон Коноу на месте Летнего сада и Бьеркенхольм на Березовом острове, село Спасское на левом берегу Невы напротив Ниена.

3. Найдите на плане Г. Швенгелла корабельную пристань Ниена, рыночную площадь, соединявшуюся мостом с крепостью, и три главные улицы города.

4. Попробуйте сосчитать деревни и села, обозначенные на гидрографической карте невской дельты 1701 года. На этой карте отмечены только населенные пункты, стоявшие непосредственно на берегах Невы и других рек — всего на территории нынешнего Петербурга их было значительно больше.

5. Ознакомьтесь с указом королевы Кристины «Об отмене запрещения иностранцам торговать в Ниене и о даровании его жителям новых преимуществ» (документ № 5). Как вы думаете, какое значение имели этот и другие указы подобного содержания для роста города Ниена, а стало быть, и для развития в устье Невы специфической городской культуры?

Глава VI. Невский край и Северная война

1. Среди титулов Петра I, помещенных на заглавном листе книги «Символы и эмблемата», есть один не встречавшийся прежде у русских государей. Официально Петр I примет его толь-

ко в 1721 году. Что это за титул и какой смысл в него вкладывался?

2. Многие из эмблем, включенных в книгу «Символы и эмблемата», так или иначе связаны с Северной войной. Найдите на титульном листе книги эмблему, выражавшую готовность царя заключить мир со своим противником (символом мира издревле являлась масличная ветвь).

3. Найдите на гравюре А. Шхонебека «Штурм Нотебурга» русские батареи на левом берегу Невы и сделанные их ядрами разрушения в стенах крепости. Покажите, с какой стороны подошли к Нотебургу русские войска. Где и с какой целью была прорублена просека между Ладожским озером и Невой? Что означает слово «Шлиссельбург» и почему именно так была названа крепость Петром I? Объясните это, пользуясь гравюрой Шхонебека.

4. Объясните, что символизировали ключ и замок в руках римского бога Януса на транспаранте для фейерверка в ознаменование взятия Нотебурга. Почему крепость Ниеншанц (Канцы) была переименована Петром I в Шлотбург?

5. Найдите на гравюре, изображающей фейерверк по случаю взятия Ниеншанца, два транспаранта по сторонам от огромного двуглавого орла. На правом представлена пустая клетка для птиц и надпись: «Праздна будет егда прельщение непоможет» (то есть «<клетка> останется пустой, если хитрость не поможет»). Эта аллегория, взятая из книги «Символы и эмблемата», означала, что победа в войне достигается не только силой, но и хитростью. Другой транспарант, озаглавленный «Расточенная собирает», изображает грабли, сгребаящие колосья. Попробуйте объяснить эту аллегию.

6. Как вы думаете, почему на гравюрах, изображающих захваченные русскими шведские корабли «Гедан» и «Астрильд», российские андреевские флаги и вымпелы бодро развеваются на ветру, тогда как шведские поникли и полощатся в воде?

7. Гравюра А. Ф. Зубова изображает захват двух шведских судов в устье Невы в мае 1703 года. Об этом эпизоде Северной войны сообщает несколько источников: собственноручное письмо царя Ф. М. Апраксину от 10 мая 1703 года (см. главу VII), газета «Ведомости» от 11 августа 1703 года (см. документ № 7), «Книга Марсова» и др. Вот фрагмент из «Книги Марсовой»: *«В 6 день господин Капитан бомбардирской¹ в несколько числе преображенского и семеновского и иных полков солдат приуго-*

---

¹ Так в данном тексте именуется Петр I.

товясь в 30 лотках пустился на взморье, где приехали, и увидев помянутые неприятельские 2 морские судна к устью невшскому пришедшие, стали в прикрытом месте, и дождались ночи, которая тогда с вечера была светла, а как о полуночи наступила туча с дождем, и в то время господин Капитан, распорядя, послал для нападения к тем судам, а при том и сам был. И тогда подплыв, жестокое на те суда учинили нападение из ружья и ручными гранаты. И хотя с тех судов непрерывная по наших была пушечная и из мелкого ружья стрельба, однакож наши по тому их жестокому сопротивлению те суда взяли, на которых взяты стирман¹, констанель² и прочие матрозы, а достальные побиты». Чем можно объяснить существенные расхождения в описаниях захвата шведских кораблей? Какому из описаний больше соответствует изображение на гравюре Зубова?

8. Рассмотрите ранний план крепости Санкт-Петербург (Петропавловской крепости). Сравните эту крепость с Ниеншанцем (см. шведский план осады Ниеншанца). Найдите на планах крепостные бастионы (у Санкт-Петербурга их шесть, у Ниеншанца — пять), рavelины (ко времени создания плана крепость Санкт-Петербург имела только один ravelин, второй был сооружен позднее; перед стенами Ниеншанца было два ravelина), кронверки (кронверк Ниеншанца на другой стороне Невы). Как вы считаете, какая из крепостей была более неприступна? Какая лучше закрывала проход по Неве в сторону Ладожского озера?

9. Найдите на фиксационном чертеже³ Петровских ворот утраченные в настоящее время скульптуры. Кого изображали эти изваяния? Какая статуя, изначально находившаяся на воротах, не изображена на этом чертеже? Расскажите, какую смысловую нагрузку несло архитектурно-декоративное оформление Петровских ворот.

10. Рассмотрите иллюстрацию, изображающую барельеф «Низвержение Симона-волхва», покажите апостола Петра, Симона-волхва и помогавших ему демонов. Куда указывает рукой апостол? Что означает этот жест? Каков аллегорический смысл изображенного на барельефе сюжета?

11. Рассмотрите изображение форта Кроншлот. Объясните, почему это укрепление построили не на суше, а на искусственном острове? Почему ему была придана именно такая, близкая к круглой, форма?

¹ То есть штурман.

² Младший морской артиллерийский офицер.

³ Изображение сооружения в том виде, в каком оно существует на данный момент.

12. Рассмотрите план, на котором показана попытка шведов высадить десант на остров Ретусаари (Котлин). Этот план ориентирован на юг (иными словами, южная сторона на плане находится вверху). Покажите северный (Карельский) и южный (Ингерманландский) берега Финского залива. С какой стороны прибыли к острову шведские корабли? В какой стороне находится Санкт-Петербург? Какой из фарватеров — северный или южный — перекрывал форт Кроншлот? Почему шведы пытались высадиться именно с северной стороны острова?

13. Прочитайте выдержки из первой российской печатной газеты «Ведомости» (документ № 6). Если судить по этим выдержкам, какие цели ставил Петр I, строя крепость и город в устье Невы?

14. Покажите на карте «Невский край в Северной войне» границы между Россией и Швецией до и после войны. Чем можно объяснить, что русские войска вели боевые действия на территории Невского края активнее своего противника?

Глава VII. Санкт-Петербург петровского времени

1. Один из древнегреческих мифов рассказывает о Тесее, спустившемся в царство мертвых и потребовавшем себе в жены Персефону — супругу Аида, владыки загробного мира. В наказание за эту дерзость герой был посажен на кресло забвения, к которому прирос, в довершение его терзали адские чудовища. Лишь через четыре года его освободил Геракл, пришедший в Аид за трехголовым псом Кербером. Освобождение Тесея изображено П. Пикартом на карте российско-шведской границы, установленной Ништадтским договором. Объясните, какой актуально-политический смысл заключался в этой аллегории.

2. Какие сооружения петровского Петербурга можно различить на заднем плане портрета царя, выполненного Г. С. Мусикийским?

3. Создавая миниатюрный портрет Петра I, Мусикийский воспользовался гравюрой А. Ф. Зубова с фронтисписа «Книги Марсовой». Оба изображения рисуют Петра в одной позе: облокотившись на орудийный ствол, он сжимает в руке маршальский жезл; на нем рыцарские доспехи, горностаевая мантия и лента ордена Андрея Первозванного через плечо. Как вы думаете, чем Мусикийского привлекла именно эта портретная композиция? Почему образ царя-воителя, созданный Zubовым, оказался уместным не только в окружении батальных сцен, но и на фоне городского пейзажа?

4. Сравните здание Кунсткамеры на гравюре Г. А. Качалова с современной фотографией. Какие элементы первоначального наружного оформления здания утрачены? Что символизирует армиллярная сфера, венчающая башню Кунсткамеры?

5. Рассмотрите изображение анатомической композиции Ф. Рюйша. Как в творчестве этого анатома сочетались научно-познавательное и художественное начала? Покажите это на примере данной композиции.

6. Попытайтесь найти на гравюре А. Ф. Зубова «Монастырь святого Александра Невского» какие-либо признаки того, что изображенное здание является именно монастырем (исключая, конечно, надпись на ленте). Как вы считаете, почему архитекторы петровского времени (прежде всего Д. Трезини) строили и церковные, и светские сооружения по одним канонам?

7. Прочитайте отрывок из «Мемуаров» П. Г. Брюса (документ № 7). Какие из названных им достопримечательностей Петербурга петровского времени доступны для обозрения сейчас?

Глава VIII. Санкт-Петербург в середине XVIII века

1. Миниатюрный портрет Екатерины I создан художником Г. С. Мусикийским по живописному образцу Ж.-М. Натье, однако в качестве фона миниатюрист использовал изображение одного из пригородных петербургских дворцов с гравюры А. И. Ростовцева. Что это за дворец? Почему именно его Мусикийский выбрал в качестве фона к портрету Екатерины?

2. Французская надпись под портретом В. Х. Миниха работы Е. П. Чемесова гласит: *«Бурхард Христопор Миних. Граф Священной Римской империи и Российской империи, кавалер орденов св. Андрея, св. Александра и Белого орла, генерал-фельд-маршал армии Ее Величества Императрицы Всероссийской и генерал-директор всех портов империи на Балтийском море и Ладожского канала»*. Портрет этот был выполнен незадолго до смерти Миниха, после его возвращения из ссылки, в которой он провел 20 лет. Екатерина II, желая найти применение знаниям и опыту престарелого Миниха, отдала под его начало Рогервикский, Ревельский, Нарвский и Кронштадтский порты и Ладожский канал. Узнайте, что еще связывало Миниха с Ладожским каналом и другими гидротехническими сооружениями (вспомните, например, о подготовленном Минихом проекте защиты Петербурга от наводнений; см. ил. к главе I). Подготовьте небольшое сообщение о роли В. Х. Миниха в истории Петербурга.

3. Внешность Анны Иоанновны описали некоторые ее современники: *«Станом она была велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лице-расположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильный и пронзительный»* (граф Э. Миних-младший); *«Императрица*

Анна толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, нежели женское» (испанский посланник в России герцог Х. де Лириа); «...престрашнова была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и черезвычайно толста» (княгиня Н. Б. Долгорукова). Сравните эти описания с гравированным портретом Анны Иоанновны, выполненным И. А. Соколовым с живописного оригинала Л. Каравака. Как вы думаете, удалось ли художнику точно передать на портрете внешность императрицы?

4. Латинская надпись на портрете Э. И. Бирона работы И. А. Соколова означает: *«Божьей милостью Эрнст Иоганн, герцог Курляндии и Семигалии в Ливонии»*. Узнайте, где находилось герцогство Курляндия и Семигалия и каким образом Бирон стал его правителем.

5. Рассмотрите проект генерального плана Санкт-Петербурга, созданный Ж. Б. А. Леблонем. Как вы думаете, почему этот проект не был принят? Было ли возможно его осуществление? Найдите уже существовавшие ко времени создания проекта Петропавловскую крепость, Адмиралтейство, Летний сад, Троицкую площадь. Укладываются ли эти объекты в строгую систему леблоневской планировки?

6. Рассмотрите старинную немецкую гравюру, изображающую пожар в Петербурге в 1737 году. Найдите на ней надписи «Tatarische Schlaboda» (Татарская слобода), «Rusische Slaboda» (Русская слобода), «Admiralitäts Insäl» (Адмиралтейский остров). Попробуйте объяснить, почему пожаром был охвачен именно Адмиралтейский остров?

7. Многие городские и пригородные постройки первой половины XVIII века имели перед своим главным входом особый водоем, называвшийся «гаванец». Узкий канал вел из этого водоема в залив, Неву или другую реку. Основоположителем традиции устройства таких бассейнов был, конечно, царь Петр. Найдите на гравюре Я. В. Васильева и М. И. Махаева ныне не существующий гаванец перед Аничковым дворцом. Узнайте, перед какими еще старыми петербургскими постройками были такие водоемы. Для чего они предназначались?

8. В Полном собрании сочинений А. П. Сумарокова, изданных в 1781 году, под портретом автора помещен текст, сочиненный М. М. Херасковым:

Изображается потомству Сумароков,
Парящий, пламенный и нежный сей Творец,
Который сам собой достиг Пермесских токов,
Ему Расин поднес и Лафонтен венец.

Называя Сумарокова «парящим творцом», Херасков имел в виду его достижения в жанре оды, «пламенным» — в жанре сатиры, «нежным» — в жанре элегии. На какие труды Сумарокова намекали слова «ему Расин поднес и Лафонтен венец»? Кто такие Расин и Лафонтен? Что означают слова «достиг Пермесских токов»? (Пермес — река в центральной части Греции, у истоков которой, на горе Геликон, согласно древним представлениям, обитали музы.) Под портретом Сумарокова помещены в числе атрибутов театральная маска, бутафорские корона и шпага (эти же эмблемы театрального искусства держит в руках актер Ф. Г. Волков на портрете работы А. П. Лосенко и гравюры, выполненной Е. П. Чемесовым с оригинала Лосенко). Сумароков действительно написал много пьес. А что еще связывало его с театром?

9. Прочитайте выдержки из сделанного Г. В. Крафтом описания Ледяного дома (документ № 8). Докажите, пользуясь текстом, что создание этой курьезной постройки служило не только увеселительным, но и научно-исследовательским и просветительным целям.

Глава IX. Петербург в эпоху Просвещенного абсолютизма

1. Рассмотрите гравюру И. Х. Тейхера с оригинала Ф. С. Рокотова, изображающую императора Петра III. Как вам кажется, удалось ли живописцу, а вслед за ним граверу передать рыцарственный характер своей модели? Какими средствами это было сделано?

2. На портрете 1772 года императрица Екатерина II изображена в старинной русской одежде — шугае и кокошнике. Как вам кажется, почему Екатерина, считавшая себя последовательницей Петра I, нарушала введенный им запрет на традиционную русскую одежду и побуждала к этому своих придворных?

3. Объясните, что символизируют изображенные на гербе Петербурга морской (двухлопастный) и речной (четырёхлопастный) якоря? Что обозначает помещенный сверху императорский скипетр?

4. Как вам кажется, чем здание петербургской Городской думы (см. фрагмент «Панорамы Невского проспекта» В. С. Садовникова и П. Иванова) похоже на старинные ратуши, имеющиеся во многих европейских городах?

5. Первое в России здание, специально предназначенное для общественной библиотеки, было построено на углу Невского проспекта и Садовой улицы в 1795—1801 годах по проекту архитектора Е. Т. Соколова. Рассмотрите проектный чертеж этого здания. В процессе строительства решили отказаться от башенки

в форме ротонды, предназначавшейся для обсерватории, но в остальном проект был осуществлен полностью. Статуи на крыше над колоннадой изображали античных писателей и ученых. Вспомните, находятся ли эти статуи в наши дни на своем месте? Как вам кажется, удачно ли это здание оформляет пересечение двух центральных улиц нашего города?

6. Рассмотрите городской пейзаж, написанный неизвестным художником. Какой ориентир позволяет безошибочно узнать место, изображенное на этом рисунке? Какое здание стоит сейчас на месте Большого театра?

7. Гравюра с изображением Академии художеств была создана Т. Малтоном в 1789 году. Что изменилось с тех пор в окружении этого здания?

8. Найдите на картине Ф. Я. Алексеева «Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости» облицованную гранитом набережную, решетку Летнего сада, Мраморный дворец. Что изменилось в городском пейзаже, изображенном художником, за двести с лишним лет, прошедших со времени создания полотна?

9. Сосчитайте на плане Выборгского сражения участвующие в нем крупные русские и шведские корабли. По какому признаку их легко различить? На чьей стороне было численное преимущество в этом сражении? Посчитайте количество потерянных шведами крупных кораблей — линкоров и фрегатов (кроме взорванных и подожженных судов нужно учитывать еще севшие на мели, которые обозначены на плане темными пятнами). Совпали ли ваши подсчеты с данными официальных русских реляций, согласно которым неприятель потерял 7 линейных кораблей и 3 фрегата?

10. Ознакомьтесь с размышлениями Екатерины II о Петербурге и Москве (документ № 9). Сравните их с теми аргументами в пользу возвращения столицы в Москву, которые приводил императрице Д. Дидро (см. текст главы IX). Как вам кажется, на чьей стороне была правда в этом заочном споре?

Источники:

1. *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
2. *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
3. *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997.
4. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.
5. *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.
6. *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996.
7. *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. М., 2003.
8. Город под морем, или Блистательный Санкт-Петербург: Воспоминания. Рассказы. Очерки. Стихи / Сост. С. А. Прохвятилова. СПб., 1996.
9. Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998.
10. *Екатерина II.* Сочинения Екатерины II / Сост. и вст. ст. О. Н. Михайлова. М., 1990.
11. Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. СПб., 1992.
12. Империя после Петра: 1725 — 1765. Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998.
13. Ленинград. Историко-географический атлас. М., 1981.
14. *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подгот. текста П. А. Кротова. СПб., 2001.
15. Неистовый реформатор. Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольдц. М., 2000.
16. *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / Вст. ст., подгот. текста и коммент. Б. И. Кошечкина. Петрозаводск, 1989.
17. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вст. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1986.

---

¹ В список включены наиболее значительные и в то же время доступные издания.

18. Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993.
19. *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. М., 2004.
20. Полное собрание русских летописей. Том 3. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
21. *Реймерс Г. фон.* Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб., 2007.
22. Россия XVIII века глазами иностранцев / Подгот. текстов, вст. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1989.
23. Русские столицы. Москва и Петербург. Хрестоматия / Сост. А. Н. Замятин, Д. Н. Замятин. М., 1993.
24. *Столпянский П. Н.* Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб., 1995.
25. *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005.
26. Хроника Эрика / Пер. А. Ю. Желтухина. М., 1999.

Литература:

1. *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб., 1999.
2. *Айрапетьянц А. Э., Стрелков П. П., Фокин И. М.* Звери (Природа Ленинградской области). Л., 1987.
3. *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
4. *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. М., 1986.
5. *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
6. *Анисимов Е. В.* Юный град. СПб., 2003.
7. *Валеров А. В.* Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. СПб., 2004.
8. *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV — начала XVIII в. СПб., 1999.
9. *Возгрин В. Е.* Роковые годы России. Год 1725: Документальная хроника. СПб., 2007.
10. *Гордин М. А.* Екатерининский век. СПб., 2004.
11. *Гордин Я. А.* Меж рабством и свободой. СПб., 1994.
12. *Грабарь И. Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994.
13. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). Курс лекций. М., 2001.
14. *Даринский А. В.* География Ленинграда. Л., 1982.
15. Екатерина II: pro et contra. Антология / Сост. С. Н. Искюль. СПб., 2006.

16. *Заварихин С. П.* Явление Санкт-Петербург-Бурха. СПб., 1996.
17. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
18. *Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век.* СПб., 1997.
19. *Искюль С. Н.* Роковые годы России. Год 1762: Документальная хроника. СПб., 2001.
20. *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996.
21. *Каганов Г. З.* Петербург в контексте барокко. СПб., 2001.
22. *Каганович А. Л.* Медный всадник. История создания монумента. Л., 1982.
23. *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Окно в Европу. СПб., 2003.
24. *Каменский А. Б.* Под сению Екатерины... СПб., 1992.
25. *Кенсу С.* Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города. СПб., 2000.
26. *Кирпичников А. Н.* Старая Ладога — первая столица Древней Руси. СПб., 1997.
27. *Кирпичников А. Н., Савков В. М.* Крепость Орешек. Л., 1979.
28. *Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова.* СПб., 1995.
29. *Князьков С.* Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома (Репринтное издание). М., 1991.
30. *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков. СПб., 1999.
31. *Кочкуркина С. И.* Корела и Русь. Л., 1986.
32. *Красиков В. А.* Неизвестная война Петра Великого. СПб., 2005.
33. *Кротов П. А.* Основание Санкт-Петербурга: загадки старинной рукописи. СПб., 2006.
34. *Кургатников А. В.* Роковые годы России. Год 1740: Документальная хроника. СПб., 1998.
35. *Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья.* СПб., 2002.
36. *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.
37. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
38. *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.
39. *Мавродин В. В.* Основание Петербурга. Л., 1983.
40. *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.
41. *Михайлов Н. В.* Лахта. Пять веков истории. 1500—2000. М.; СПб., 2001.

42. Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы. СПб., 2002.
43. Москва — Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. Антология / Сост. К. Г. Исулов. СПб., 2000.
44. Неелов А. В. Рыбы (Природа Ленинградской области). Л., 1987.
45. Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. Л., 1981.
46. Овсянников Ю. М. Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини. Растрелли. Росси. СПб., 1996.
47. Павленко Н. И. Петр Первый и его время. М., 1989.
48. Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1998.
49. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
50. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
51. Петербург петровского времени. Очерки / Под ред. А. В. Предтеченского. Л., 1948.
52. Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2003.
53. Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.
54. Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976.
55. Проскурина В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
56. Пукинский Ю. Б. Птицы (Природа Ленинградской области). Л., 1988.
57. Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987.
58. Рябинин Е. А. Финноугорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
59. Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.
60. Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.
61. Славяне и скандинавы / Ред. Е. А. Мельникова. М., 1986.
62. Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское Устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001.
63. Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Начала и основания. СПб., 2003.
64. Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Немецкий дух. СПб., 2003.
65. Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб., 2005.
66. Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

67. Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год: Книга исследований. СПб., 2004.
68. Паскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
69. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.
70. Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003.
71. Янин В. Л. «Я послал тебе бересту...». М., 1998.
72. Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
-----------------	---

Глава I.

НЕВСКИЙ КРАЙ: ПРИРОДА И ЛЮДИ

Географическое положение Невского края	5
Реки	8
Балтийское море	14
Наводнения	18
Другие природные условия Невского края	24
Геополитический аспект Невского края	28

Глава II.

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ НЕВСКОГО КРАЯ

Ранние археологические памятники	35
Водь	38
Корела	40
Ижора	42
Культура длинных курганов	44
Культура сопок	46
Викинги — варяги	49

Глава III.

В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Новгород и Киевская Русь	58
Государственное устройство Новгородской республики	62
Новгородская земля	66
Особенности экономики и социального строя Великого Новгорода	79
Новгород и Швеция	86
Ореховецкий мирный договор	95
Новгород и Ливония	99
Новгород и восточнославянские государства	108
Покорение Новгорода	112

Глава IV.

ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Невские земли после падения Новгородской республики	120
Ливонская война	125
Расправа над Новгородом	128
От Плюсского перемирия до Столбовского мира	130

Глава V.

НЕВСКИЙ КРАЙ В СОСТАВЕ ШВЕДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Под властью шведской короны	143
Невский торговый путь в период шведского владычества	147
Ниен (Ниеншанц)	150
Другие населенные пункты на территории современного Санкт-Петербурга	155
Русско-шведская война 1656—1658 годов. Кардисский мир	159
Из Швеции в Россию	161
Православие и лютеранство	164
Культурно-психологический тип жителя Невского края ...	169

Глава VI.

НЕВСКИЙ КРАЙ И СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Цели Северной войны	175
Поражение под Нарвой. Завоевание Ингрии	180
Основание крепости Санкт-Петербург	190
Появление города Санкт-Петербурга и разрушение Ниеншанца	198
Ниен (Ниеншанц) и Санкт-Петербург	201
Попытки Швеции вернуть Ингерманландию	204

Глава VII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Ингерманландия — Санкт-Петербург — Россия	213
Санкт-Петербург и Москва: две столицы	216

Идеология империи	219
Имперские черты в культуре Санкт-Петербурга	230
Особенности петербургской культуры петровского времени	236

Глава VIII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

После Петра	249
Возвращение столицы в Петербург	256
Ледяной дом	261
Петербургский миф и петербургская жизнь	272
Петербург Елизаветы Петровны	277
Русско-шведская война 1741—1743 годов	289

Глава IX.

ПЕТЕРБУРГ В ЭПОХУ

ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Петербург при Петре III	297
Начало царствования Екатерины II. Ее отношение к Петербургу и Москве	302
Городское самоуправление в Петербурге	310
Немецкие колонии под Петербургом	317
Памятник Петру I	321
Екатерининский Петербург	332
Внутренняя политика Екатерины II. Расширение империи	337
Русско-шведская война 1788—1790 годов	339

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Контрольные вопросы к учащимся	345
Задания для работы учащихся с иллюстрациями, картами, документами	349
Библиография	360

Жуков К. С.

Ж86 История Невского края (с древнейших времен до конца XVIII века). Книга для учителя. — Санкт-Петербург: «Искусство—СПБ», 2010. — 368 с.: ил.

ISBN 978-5-210-01565-5

История Невского края начинает свой отсчет не с 16 мая 1703 года — времени основания Санкт-Петербурга, — а с глубокой древности, с момента возникновения здесь центров торговли и пути «из варяг в греки». Автор прослеживает влияние исторических событий на судьбу Невского края, перекрестка Европы и Азии, указывает на отражение их в судьбе Петербурга.

В основе книги — разработанная автором образовательная программа для средней школы, ее дополняют иллюстрации, карты, методические материалы.

Книга адресована педагогам, студентам, школьникам, а также всем интересующимся историей.

**УДК 908
ББК 26.891**

Научно-популярное издание

Жуков Константин Сергеевич

История Невского края

(с древнейших времен до конца XVIII века)

Книга для учителя

Редактор Т. А. Шпак

Компьютерная верстка С. Л. Пилипенко

Корректор Т. А. Румянцева

Подписано в печать 05.04.10. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура School. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,00.

Усл. кр.-отт. 24,50. Уч.-изд. л. 19,15. Тираж 3000 экз. Заказ № 1349.

Издательство «Искусство—СПБ».

191014, Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8.

Отпечатано с диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».

195299 Санкт-Петербург, Киришская ул., 2

Книги можно приобрести в издательстве «Искусство—СПБ»

по адресу: 191014 Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, офис 8.

Коммерческая служба издательства: тел.: (812) 275-29-49; факс: (812) 275-46-45

E-mail: iskusstvo-spb1@mail.ru

«Книга — почтой»: ФГУП СПб фирма «Академкнига».

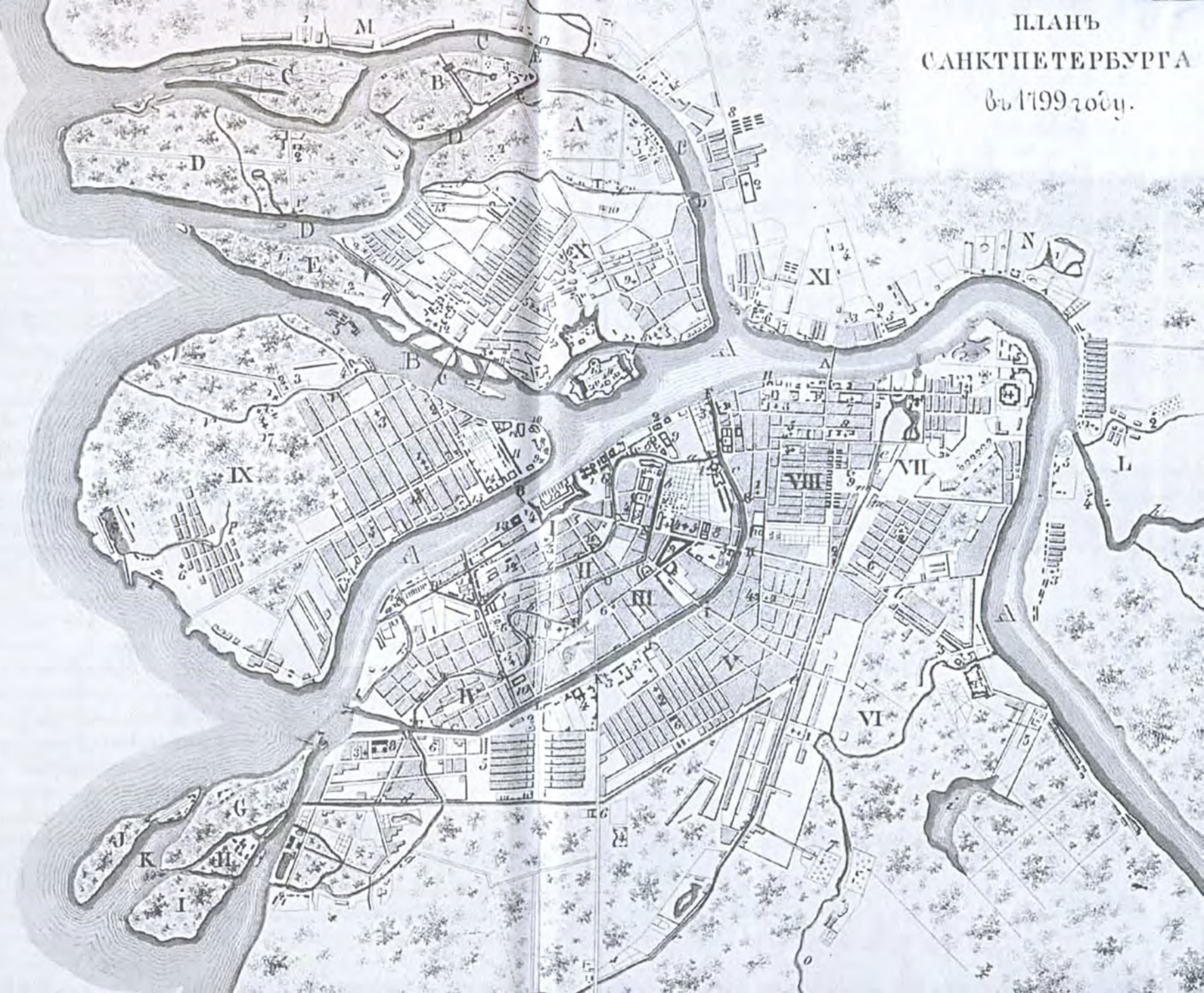
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7. (812) 235-40-64.

E-mail: ak@akbook.ru

ПЛАНЪ
САНКТПЕТЕРБУРГА
въ 1799 году.

Невский край впервые рассматривается в этой книге как субъект европейской истории, что отвечает современным тенденциям исторической науки. В основе книги — разработанная ее автором образовательная программа для старшеклассников. Издание включает методические материалы: вопросы для контроля, тексты исторических документов, задания для работы с иллюстрациями и картами — все это помогает в изучении сложной исторической темы. Современный взгляд автора на далекое прошлое Невского края, ясность изложения, четкая композиция делают эту книгу интересной для самого широкого круга читателей.

9 785210 015655

